

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ
РУССКАГО ДВОРЯНСТВА

ОТЪ ПОЛОВИНЫ IX ДО КОНЦА XVIII ВѢКА

862 — 1796.

СОЧИНЕНІЕ

И. А. Порои-Кюшица.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева (Вольш. Сад. ул., д. № 19 — 2).

1874.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ
РУССКАГО ДВОРЯНСТВА

ОТЪ ПОЛОВИНЫ IX ДО КОНЦА XVIII ВѢКА

862 — 1796.

СОЧИНЕНІЕ

И. А. Порогъ-Носица.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Валашева (Больш. Сад. ул., д № 19 — 2).

1874.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 апрѣля 1874 года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ,
ВСЕМИЛОСТИВЪЙШЕМУ ГОСУДАРЮ,
ИМПЕРАТОРУ
АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ,
СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ,
СВОЙ ТРУДЪ
СЪ ГЛУБОЧАЙШИМЪ БЛАГОГОВНІЕМЪ
ПОСВЯЩАЕТЪ

Иванъ Порай-Кощицъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ОЧЕРКА ИСТОРИИ РУССКАГО ДВОРЯНСТВА.

Предисловіе.....	СТР. VII
------------------	-------------

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ

отъ основанія Россіи до покоренія ея татарами (862 — 1240).

О КНЯЖЕСКОЙ ДРУЖИНѢ.

ГЛАВА I. Призваніе славянскими и финскими племенами варяго-русскихъ князей. — Названіе «князь» дѣлается исключительною принадлежностью потомковъ Рюрикова дома. — Дружина княжеская, ея значеніе и отношенія къ князю.....	1
ГЛАВА II. Чины, составлявшіе княжескую дружину: Бояре. — Мужики князи или Гриди. — Отроки или Дворяне.....	4
ГЛАВА III. Верховная власть князя по внутреннему управленію страню. — Лица, отправлявшія, по назначенію князя, разныя гражданскія должности: По части правительственной: Посадникъ. — Тысяцкій. — Сотскій. — Мытники. — Горюдники. — Мостники. — По части судебной: Тиуны. — Вирники. — Мѣтельники. — Дѣлки. — Ябедники. — По части придворной: Казначей. — Ключникъ. — Покладникъ. — Ковюшій. — Стольникъ. — Меченоса.....	8
ГЛАВА IV. Вознагражденіе княжеской дружины за военную службу. — Вознагражденіе княжеской дружины за гражданскую службу. — Значеніе членовъ княжеской дружины въ современномъ обществѣ.....	14

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ

отъ покоренія татарами Россіи до образованія изъ удѣльныхъ княжествъ ея Московскаго государотва (1240 — 1462).

О КНЯЖЕСКОМЪ ДВОРѢ.

ГЛАВА I. Порабощеніе татарами южной и сѣверной Россіи. — Господство въ южной Россіи общаго родоваго владѣнія ея для

*

всѣхъ членовъ княжескаго рода. — Установленіе въ сѣверной Россіи для членовъ княжескаго рода отчизнъ или удѣловъ. — Послѣдствія установленія въ сѣверной Россіи отчизности княжескихъ владѣній. — Усиленіе московскаго княжества я рядъ событий, способствовавшихъ къ этому усиленію..... 17

ГЛАВА II. Начало осѣдлости дружины княжеской и появленіе между членами ея земельной собственности. — Вліяніе осѣдлости княжеской дружины на прекращеніе перехода членовъ ея на службу отъ одного князя къ другому. — Чины, составлявшіе княжескую дружину или дворъ: Боаре-думцы. — Служилые князья. — Боаре большіе и путные. — Дѣти боярскію. — Дворяне. 5

ГЛАВА III. Чиновники, назначаемые изъ княжескихъ дружинниковъ на гражданскія должности: По части правительственной: Намѣстникъ. — Волостели. — Становщики. — Околичники. — По части судебной: Тіуны. — Пристава. — Доводчики. — Дьяки. — Подьячіе. — Писцы. — По части придворной: Ловчій. — Дворецкій. — Околичничій. — Чашникъ. — Печатникъ. — Рында. — Истопникъ..... 32

ГЛАВА IV. Назначеніе дружинникамъ участковъ земли за военную службу и посылка ихъ на кормленіе за отправленіе гражданскихъ должностей..... 33

ТРЕТИЙ ПЕРІОДЪ

отъ образованія Московскаго государства до начала царствованія въ немъ Петра Великаго (1462 — 1689).

О СЛУЖИЛЫХЪ ЛЮДЯХЪ.

ГЛАВА I. Установленіе въ Москвѣ единодержавія и самодержавія. — Обращеніе всѣхъ членовъ бывшей вольной княжеской дружины въ служилыхъ людей. — Удержаніе служилыми людьми за собою права на занятіе разныхъ государственныхъ должностей. 35

ГЛАВА II. Учрежденія коллегіальныя и единоличныя. — По части правительственной: Дума боярская. — Приказы центральные и областные. — Воеводы гражданскіе или намѣстники. — Волостели. — По части судебной: Губные старосты. — Тіуны. — Дьяки. — Подьячіе. — Думные дьяки. — Положеніе дьяковъ въ составѣ служилыхъ людей и въ обществѣ. — По части придворной: Исчисленіе вновь установленныхъ государями должностныхъ лицъ..... 39

ГЛАВА III. Три разряда личнаго состава служилыхъ людей: Первый разрядъ государственныя чины: Боаре. — Околичніе. — Думные дворяне. — Второй — придворныя чины: Дворецкій. — Ключникъ. — Казначей. — Оружанчій. — Шатерничій. — Истопничій. — Коношій. — Ясельничій. — Ловчій. — Сокольничій. — Печатникъ. — Кравчій. — Стольникъ. — Чашникъ. — Постельничій. — Спальничій. — Стряпчій. — Рында. — Третій — ратные

чины: Дворяне московскіе. — Дворяне городовые. — Дѣти боярскіе. — Жильцы	стр. 44
ГЛАВА IV. Общее понятіе о мѣстничествѣ. — Причины, способствовавшія появленію мѣстничества. — Сущность мѣстническихъ притязаній. — Проявленіе мѣстническихъ счетовъ во всѣхъ родахъ службы. — Производство дѣлъ по мѣстническимъ спорамъ. — Вліяніе мѣстничества на занятіе высшихъ должностей исключительно родословцами. — Употребленіе мѣръ для ослабленія мѣстничества. — Потрясеніе мѣстничества въ смутную эпоху московскаго государства. — Прямѣры бывшихъ мѣстническихъ случаевъ. — Уничтоженіе мѣстничества. — Проектъ объ отдѣленіи гражданскихъ должностей отъ военныхъ. — Выводъ изъ историческаго обзорѣнія мѣстничества	85
ГЛАВА V. Происхожденіе вотчинъ у русскихъ князей. — Право государей русскихъ на всю поземельную собственность страны, и происхожденіе вотчинъ у дружинниковъ. — Право русскихъ государей распорядиться вотчинами служилыхъ людей и наследовать въ оныхъ. — Появленіе помѣстной системы. — Главныя правила помѣстной системы. — Обязанности помѣстныхъ владѣльцевъ. — Назначеніе помѣстьевъ во временное владѣніе. — Исключительное право служилыхъ людей на владѣніе помѣстьями. — Сближеніе вотчинной и помѣстной системъ, проявившееся въ XVII вѣкѣ. — Необходимая связь между землевладѣльцами и земледѣльцами, и существованіе между ними договорныхъ отношеній. — Причины прикрѣпленія крестьянъ къ владѣльческимъ землямъ. — Послѣдствія прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. — Учрежденіе приказовъ разряднаго и помѣстнаго	100

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ

отъ начала царствованія Петра Великаго до конца царствованія Екатерины II (1689 — 1796).

О ДВОРЯНСКОМЪ СОСЛОВІИ.

ГЛАВА I. Образованіе высшаго сословія, названнаго шляхетствомъ. — Чины и дѣла установленія ихъ. — Таблица или роспись чинамъ военнымъ и гражданскимъ. — Существованіе неразрывной связи между чинами и должностями. — Усвоеніе чинамъ независимаго отъ должностей значенія. — Прекращеніе производства въ старинные чины. — Общія постановленія, изложенныя въ табели о рангахъ: А. О приобрѣтеніи дворянства. — Б. О преимуществѣ военныхъ чиновъ предъ гражданскими. — Значеніе табели о рангахъ въ служебномъ и сословномъ отношеніи. — Проявленіе въ шляхетствѣ сословнаго единства и сословныхъ интересовъ. — Стремленіе старинной родовой знати обособиться отъ новаго чиновнаго шляхетства. — Дворянскія родословныя книги. — Присвоеніе всему высшему сосло-

	вію титуловъ: дворянство и благородство. — Обязанности герольдмейстера по отношенію къ членамъ дворянскаго сословія.	стр 118
ГЛАВА II.	Постоянно-обязательная для шляхетства военная служба и установленіе смотровъ. — Распредѣленіе шляхетскихъ дѣтей на службу гражданскую. — Назначеніе по штатамъ жалованья за службу военную и гражданскую. — Обязательное для шляхетства знаніе извѣстныхъ наукъ, требующихся въ военной и гражданской службѣ. — Отправленіе шляхетскихъ дѣтей за границу для образованія, и учрежденіе съ этою цѣлью школъ. — Открытіе академіи наукъ. — Учрежденіе кадетскаго корпуса. — Приготовленіе шляхетскихъ дѣтей къ гражданской службѣ. — Продолженіе установленныхъ смотровъ. — Мѣры къ образованію спеціальныхъ людей для службы. — Основаніе въ Москвѣ университета. — Продолженіе заботы правительства о образованіи шляхетскихъ дѣтей	144
ГЛАВА III.	Уклоненіе шляхетства отъ обязательной службы. — Назначеніе для шляхетской службы 25 лѣтнаго срока. — Развѣтствіе высшими представителями шляхетства мысли о расширеніи его правъ. — Манифестъ 18 февраля 1762 г. объ освобожденіи дворянства отъ обязательной службы. — Начало привилегированнаго положенія дворянства	160
ГЛАВА IV.	Грамота, жалованная дворянству 21 апрѣля 1785 г. — Права, дарованныя дворянству: Вольность и свобода отъ обязательной службы. — Свобода отъ тѣлеснаго наказанія. — Право поземельной собственности. — Право на занятіе иѣмоторными промыслами и торговлею. — Свобода отъ личныхъ податей. — Неприкосновенность дворянскаго достоинства	165
ГЛАВА V.	Намѣреніе Петра Великаго привлечь мѣстное уѣздное шляхетство къ участію въ земскомъ управленіи. — Политическое раздѣленіе Россіи на части и составъ мѣстныхъ учреждений. — Принятіе мѣръ къ снабженію мѣстныхъ правительственныхъ и судебныхъ учреждений чиновниками изъ среды дворянства. — Право дворянства имѣть сословное самоуправленіе. — Право дворянства участвовать чрезъ своихъ выборныхъ въ мѣстномъ управленіи и судѣ. — Заключительныя слова объ эпохѣ царствованія Екатерины II	178
	Примѣчанія и ссылки	189

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Три великія реформы великаго настоящаго царствованія — освобожденіе крестьянъ, учрежденіе земствъ и открытіе гласныхъ судовъ — реформы, совершившіяся въ Россіи, и непрерывнымъ рядомъ слѣдовавшія одна за другой, коснувшись существенныхъ основъ русской жизни, не могли не отразиться и на высшемъ сословіи нашемъ — дворянствѣ.

Этими славными реформами, конечно, не поколеблено политическое существованіе его, какъ сословнаго общества въ государствѣ, не умалено также коренное значеніе его, основанное на заслугахъ отечеству и освященное всей русской исторіей, ни его первенство среди русскаго населенія, безспорно признанное за нимъ, какъ наиболѣе просвѣщеннымъ классомъ въ странѣ; однако, уже упразднены вѣщественно — выгодныя сословныя льготы или привилегіи, созданныя въ его пользу ходомъ историческихъ событій и прежними государственными уставами ¹.

¹ Привилегія означаетъ исключительное право на что-нибудь, даваемое государемъ, или правительствомъ, какъ отдѣльному лицу, такъ и извѣстному государственному учрежденію. Привилегіи, которыми пользовалось русское дворянство, или въ силу древнихъ постановленій и обычаевъ, или, на основаніи жалованной ему Екатериною II грамоты въ послѣдней четверти XVIII столѣтія, были, между прочимъ, слѣдующія: крѣпостное право; сословное дворянское, соединенное съ земскимъ, самоуправленіе; выборный отъ дворянства составъ суда и полиціи; право дворянства быть судимымъ себя равными. Всѣ эти привилегіи дворянства, какъ противорѣчающія современ-

Нельзя не замѣтить здѣсь, что названныя радикальныя реформы создали дворянству совершенно новое и чрезвычайно трудное, въ особенности въ провинціяхъ, положеніе. Дворянство переживаетъ нынѣ весьма важный періодъ кризиса— и вопросъ о томъ, какая будетъ необходимая и естественная развязка этого кризиса, какъ русское дворянство, въ силу новыхъ реформъ, превратится въ обще-государственное учрежденіе XIX вѣка на новыхъ, соответствующихъ современной цивилизаціи, основаніяхъ,—вопросъ этотъ можетъ разрѣшиться только практическою жизнію дворянства въ будущемъ. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, грядущія судьбы русскаго дворянства закрыты отъ насъ непроницаемой завѣсой.

Если же и можно прійти къ какому нибудь, болѣе или менѣе удовлетворительному, выводу по затронутому вопросу, то единственно путемъ изученія и разъясненія прошлой, исторической жизни этого сословія—сословія,

ному состоянію цивилизаціи и понятіямъ о справедливости, или отиѣнено или утратили свое значеніе, вслѣдствіе упомянутыхъ реформъ.

Положеніемъ 19-го февраля 1861 года—этимъ основнымъ нашимъ закономъ гражданскихъ отношеній всѣхъ жителей государства—отиѣнено крѣпостное право. — *Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1-го января 1864 года* составляющее другую нашу основную хартію, установило правильную, легальную форму мѣстному земскому самоуправленію, въ которомъ участвуютъ на равныхъ правахъ, всѣ сословія свободныхъ гражданъ; и потому земскій характеръ дворянскихъ выборовъ долженъ былъ утратиться, и предстательное значеніе одного привилегированнаго класса сдѣлалось невозможнымъ, какъ скоро создались учрежденія, соединяющія въ себѣ выборныхъ членовъ отъ всѣхъ мѣстныхъ собственниковъ. При всемъ томъ, дворянство по сіе время удержало за собою свои сословныя дворянскія собранія, свое сословное самоуправленіе и важное, оставшееся за нимъ безраздѣльно, право петиціи, или ходатайства о своихъ пользахъ и нуждахъ. — *Судебныя уставы 20-го ноября 1864 года* составляютъ третью нашу основную хартію. Въ силу этихъ уставовъ, вмѣсто выборнаго суда, ограждавшаго раздѣльность сословій, возникъ новый судъ, независимый отъ администраціи, равный для всѣхъ сословій, и совершающій дѣйствія свои гласно и публично; и потому право дворянства быть судимымъ себѣ равнымъ, какъ такое право, которое, послѣ новой судебной реформы, лишено было всякаго внутренняго смысла, само собою упразднилось.

существовавшего въ Россіи безъ перерыва, подъ разными формами, во всѣ періоды политическаго ея бытія, начиная съ года призванія, первобытными ея поселенцами, варяжскихъ князей. Въ пользу такого взгляда на предметъ выразился и нашъ государственный историографъ Карамзинъ. „Настоящее“ говоритъ онъ, „бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго; чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее: одно другимъ, такъ оказывать, дополняется и въ связи представляется мыслямъ яснѣе“².

Эти слова навели и автора предлагаемой книги — „Очеркъ исторіи русскаго дворянства отъ половины IX до конца XVIII вѣка“ на мысль достигать своей цѣли — разработки поставленнаго вопроса о русскомъ дворянствѣ — не иначе, какъ путемъ изученія отечественной исторіи, т. е. изложить, при ея свѣтѣ, въ данныя эпохи древней и новой Россіи, начало, гражданское развитіе и направленіе дворянства, въ такомъ видѣ, чтобы, на основаніи выяснившихся историческихъ фактовъ о его прошедшемъ, тѣсно связанномъ съ настоящимъ, мыслящій читатель не только могъ судить объ истинныхъ причинахъ высокаго положенія дворянства теперь въ средѣ русскаго общества, но и могъ бы прійти къ прямому логическому выводу, о вѣроятномъ его будущемъ.

Принимая во вниманіе, что наше дворянство составляетъ собою первенствующее въ государствѣ сословіе, высоко развитое передъ всѣми другими классами, сравнительно съ послѣдними богатое, и, по влеченію всемогущей силы самосохраненія и личнаго интереса, стремящееся удержать за собою это первенство уже не сословными привилегіями, которыя, съ естественнымъ развитіемъ народной жизни, должны были упраздниться и

² Отрывокъ изъ рукописи «О древней и новой Россіи», приложенный къ 12 Т. Исторіи государства Россійскаго» изд. Эверлянга, стр. XXXIX.

фактически упраздняются, а большими умственными, нравственными и экономическими преимуществами и заслугами,—принимая все это въ соображеніе, можно, кажется, съ увѣренностію заключить, что дворянство русское необходимо должно имѣть свою будущность, и притомъ будущность свѣтлую—нравственное право на участіе въ дальнѣйшихъ судьбахъ всѣмъ намъ дорогой, великой Россіи.

Да и однимъ тысячелѣтнимъ своимъ существованіемъ, съ которымъ связана національная честь, русское дворянство, бывъ всегда твердою опорою Русскаго Престола и первымъ оплотомъ порядка и тѣхъ началъ, подлѣ сѣнію которыхъ Россія прожила свое тысячелѣтіе, засвидѣтельствовало уже передъ міромъ и закрѣпило въ своемъ сознаніи право на нѣчто весьма великое, весьма могущественное и славное въ будущемъ ³. Для него не

³ Въ подкрѣпленіе этихъ словъ, обращаемъ вниманіе читателя на нижеслѣдующіе правительственныя акты, въ которыхъ выражены нашими Августѣйшими Монархами высокія мысли, о значеніи русскаго дворянства:

Въ *Манифестъ 30-го августа 1814 года*, мы читаемъ слѣдующее царское изрѣченіе: «Благородное дворянство Наше, вѣрная и крѣпкая ограда Престола, умъ и душа народа, вздревле благочестивое, вздревле храброе, идревле многократными опытами доказавшее вычѣмъ венарушннкую преданность и любовь къ царю и отечеству, наипаче же нынѣ изъяснившее безпримѣрную ревность щедрымъ пожертвованіемъ не токмо имуществъ, но и самой крови и жизни своей, да украсится бронзовою на Владимирской лентѣ медалью», и проч.

Въ *Манифестъ 26-го августа 1856 года*, относительно дворянства, сказано: «Мы обращаемся къ Нашему вѣрному, благородному Россійскому дворянству. Оно приняло на себя примѣромъ своимъ предшествовать прочимъ состояніямъ на поприщѣ чести и жертвъ за отечество, и Мы знаемъ сколь велики сіи жертвы въ продолженіе послѣдней войны (1853 — 1856). Цѣня ихъ въ полной мѣрѣ, Мы жалуемъ, не въ награду, а лишь въ память оныхъ, каждому дворянскому семейству, въ лицѣ главы его, медаль изъ бронзы. Она будетъ носима въ петлицѣ на лентѣ ордена Св. Владимира,» и проч.

Въ *Манифестъ 19-го февраля 1861 года* знаменательны слѣдующія выраженія: «Мы начали дѣло сіе (дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости) актомъ Нашего довѣрія къ Россійскому дворянству, къ извѣданной великими опытами преданности его Престолу и готовности его къ пожертвованіямъ на пользу отечества. Самому дворянству предоставили

должны пройти бесплодно уроки истории. Въ своемъ прошломъ, въ историческихъ воспоминаніяхъ о своемъ патриотизмѣ, двигавшемъ его на самыя высокія жертвы, дворянство почерпнетъ моральныя силы къ дальнѣйшему прогрессивному движенію, въ духѣ современной цивилизаціи, и твердыя правила — „оставаться (какъ выразилось московское дворянство въ двухъ всеподданнѣйшихъ своихъ адресахъ) на высотѣ тѣхъ обязанностей, которыя будутъ указаны ему мудростію Монарха въ общемъ политическомъ строѣ государства“⁴. Притомъ же, разъ образовавшееся на началахъ, выработанныхъ многовѣковою историческою жизнію Россіи, дворянство, какъ древнее государственное учрежденіе, получившее отъ верховной власти существованіе и средства къ дальнѣйшему своему существованію, и, слѣдовательно, учрежденіе необходимое и полезное, не можетъ заглухнуть и превратиться въ безжизненную форму—въ титулъ, въ особенности въ наше время, въ виду настоятельныхъ нуждъ общества и народа, въ виду потребности нравственныхъ силъ —

Мы, по собственному вызову его, составили предположенія о новомъ устройствѣ быта крестьянъ, при чемъ дворянамъ предлежало ограничить свои права на крестьянъ и поднять трудности преобразования, не безъ уменьшенія своихъ выгодъ. И довѣріе Наше оправдалось». Далѣе въ семъ же Манифестѣ изображено: «Полагаемся на доблестную о благѣ общему ревность благороднаго дворянскаго сословія, которому не можемъ не изъявить отъ Насъ и отъ всего отечества заслуженной признательности за безкорыстное дѣйствованіе къ осуществленію Нашихъ предначертаній» и проч.

Наконецъ, въ *Высочайшемъ Распоряженіи 26-го декабря 1873 года* на имя министра народнаго просвѣщенія, представляются вниманію слѣдующія драгоцѣнныя для дворянства Монаршія слова: «Дѣло народнаго образованія въ духѣ религіи и нравственности есть дѣло столь великое и священное, что поддержанію и упроченію его въ семъ истинно благомъ направленія должны служить не одно только духовенство, но и всѣ просвѣщеннѣйшіе люди страны. Россійскому дворянству, всегда служившему примѣромъ доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу предлежитъ о семъ попеченіе. Я призываю вѣрное Мое дворянство стать на стражѣ народной школы. Да поможеть оно правительству бдительнымъ наблюденіемъ на мѣстѣ къ огражденію оной отъ тлетворныхъ и пагубныхъ вліаній» и проч.

⁴ С.-Петербург. Вѣдомости: 24 волября 1870 г. № 324 и 8 января 1874 г. № 8.

дѣателей съ просвѣщеннымъ умомъ и здравымъ пониманіемъ общественныхъ нуждъ—такихъ дѣателей, на которыхъ могла бы опереться верховная власть въ своихъ преобразованіяхъ для блага отечества и государственнаго благоустройства.

Дворянство, какъ сословіе, много значить на вѣсахъ политики. Такъ какъ управленіе государственными дѣлами должно сосредоточиваться преимущественно въ классѣ общества, отличающагося аристократическими элементами (о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь), то, гдѣ нѣтъ сословія, политически существующаго и совмѣщающаго въ себѣ, въ извѣстной мѣрѣ, эти элементы, тамъ сословіе такое образуется въ практической жизни само собою; и потому, извѣстная часть его—люди лучшіе, люди порядка—непремѣнно получаютъ преобладаніе надъ остальными классами общества и преимущественное участіе въ политической власти. Затѣмъ, кто вѣритъ непоколебимо въ естественный ходъ дѣлъ, тотъ легко пойметъ, что безъ руководящаго, образованнаго сословія, не бывало и не можетъ быть благоустроенной страны. Дворянство русское приготовлено исторіей, образованіемъ и самостоятельнымъ матеріальнымъ положеніемъ—быть такимъ руководящимъ сословіемъ. Эта идея, глубоко сознанная и глубоко прочувствованная дворянствомъ, даетъ ему большую увѣренность въ его будущемъ политическомъ, легальномъ значеніи, — увѣренность, что дальнѣйшее существованіе въ Россіи дворянства составляетъ для нея, такъ сказать, политическій догматъ.

Вотъ, въ краткихъ словахъ, то историческое предвидѣніе, которое читатель вынесетъ, быть можетъ, изъ внимательнаго обзора представляемыхъ исторію о русскомъ дворянствѣ фактовъ, по отношенію къ вопросу, о наиболѣе вѣроятномъ исходѣ дворянства цзъ наступившаго въ настоящее время для него кризиса!

Но прежде, чѣмъ дойдетъ дѣло до изложенія историческихъ фактовъ о русскомъ дворянствѣ, мы должны обратить вниманіе на первые, естественно представляющіеся при этомъ случаѣ, вопросы: Что такое дворянство? Какое соединяется съ этимъ словомъ понятіе? Какое оно имѣетъ значеніе съ теоретической точки зрѣнія?

Названіе дворянство можно понимать весьма различно. На официальномъ же и общественномъ языкѣ подъ именемъ дворянства разумѣется нынѣ извѣстный разрядъ лицъ, принадлежащихъ къ высшему сословію въ государствѣ, — лицъ, установленныхъ верховною властію съ цѣлю имѣть въ нихъ, на разныхъ поприщахъ государственной дѣятельности, слугъ преданныхъ, соответствующихъ потребностямъ дѣйствительной политической жизни государства и интересамъ его правительства.

Итакъ, цѣль установленія дворянства ясно опредѣлена. Отличительный характеръ дворянства состоитъ въ томъ, что оно въ сферѣ государственной дѣятельности должно имѣть по преимуществу служебное направленіе. Служба государственная — коренное начало, которое положено въ основаніе практической дѣятельности русскихъ людей высшаго класса съ древнѣйшихъ временъ, и, не смотря на смѣну поколѣній и на различныя отношенія членовъ его другъ къ другу и къ правительству, сохраняется крѣпко до нашихъ дней⁵. Гдѣ только дворянство существуетъ, оно всегда составляетъ тамъ первый служебный и преимущественно военный элементъ страны, и, слѣдовательно, образуетъ собою необходимый органъ въ государственномъ устройствѣ.

Все сказанное выше, относительно прямого назначенія дворянства, касается лишь только его внѣшней

⁵ Въ Манифестѣ 11-го іюня 1845 г. сказано: «Издrevле дворянство въ Россіи приобрѣталось службою; но условія приобретенія онаго по временамъ измѣнялись, съ измѣненіемъ порядка военной и гражданской службы (П. С. З. № 19.086).

или формальной стороны. Но, приэтомъ, не должно упускать изъ вида, что высокое соціальное положеніе дворянства опредѣляется не одною внѣшнею его стороною—названіемъ, титулами, чинами, отправленіемъ служебныхъ обязанностей,—а стороною внутреннею, существенною, именно тѣмъ, чтобы оно было аристократіею въ точномъ смыслѣ этого слова, т. е. прогрессивнымъ строемъ лучшихъ, самыхъ развитыхъ людей въ государствѣ,—чтобы оно было вожаемымъ своихъ соотечественниковъ, готовымъ на великій гражданскій подвигъ приносить въ жертву свое время и свой трудъ, когда дѣло идетъ объ общественныхъ интересахъ, о томъ, чтобы помочь отечественной странѣ и добрымъ примѣромъ, и совѣтомъ, и дѣломъ. Вотъ что опредѣляетъ и достоинство самой формы или внѣшности дворянства.

Но аристократія возникаетъ и утверждается не случайно, а зависитъ отъ такихъ благъ или преимуществъ, которыя, по существу своему, могутъ быть достояніемъ только меньшинства въ обществѣ. Главнѣйшія изъ этихъ благъ суть: *происхожденіе, личныя врожденныя качества, богатство, воспитаніе, познаніе*. Всѣ эти преимущества, между которыми существуетъ неразрывная связь, и составляютъ именно тѣ элементы естественной аристократіи, обладаніе которыми влечетъ за собою извѣстное къ ихъ обладателю со стороны мыслящихъ людей чувство почтенія и глубокаго уваженія.—Продолжимъ же рѣчь о перечисленныхъ положительныхъ благахъ, имѣющихъ въ общественной жизни такое высокое значеніе.

Когда говорится о *происхожденіи*, надобно разумѣть самый фактъ рожденія, совершенно независимый отъ прочихъ аристократическихъ элементовъ—такой фактъ, который въ глазахъ всего общества соединяетъ одного человѣка съ другимъ и имѣетъ большое значеніе въ

общественномъ мнѣніи — въ сферѣ людей разумныхъ, просвѣщенныхъ и опытныхъ. Органомъ для выраженія этого мнѣнія служить само общество. Оно всегда отличаетъ дѣтей, восящихъ громкія имена отцовъ, высоко чтимыхъ за ихъ полезныя дѣла и заслуги передъ отечествомъ на поприщѣ политическомъ, военномъ, литературномъ и проч. Мы никакъ не можемъ равнодушно пройти мимо незнакомаго намъ человѣка, когда намъ скажутъ: это сынъ князя Я. Ѳ. Долгорукаго — одного изъ образованнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ сподвижниковъ Петра Великаго — сынъ такого вельможи, который отличался во всю свою жизнь усердіемъ къ государю, ревностію къ отечеству и воюгдашней неустрашимостію въ правдѣ; или — это сынъ гениальнаго полководца и доблестнаго мужа князя Суворова; или — сынъ знаменитаго историка-писателя и преобразователя русскаго языка, Н. М. Карамзина, и т. д. — Сынъ славныхъ родителей пользуется 'выгодами общественного положенія уже вслѣдствіе одного факта рожденія отъ нихъ, а также вслѣдствіе и того, что онъ, будучи воспитанъ въ семьѣ и въ духѣ благородныхъ началъ, не можетъ быть не достойнымъ своихъ родителей. Такое настроеніе общества относится съ уваженіемъ къ знатной породѣ, составляющей основной аристократическій элементъ, не проходитъ безъ благотворныхъ послѣдствій для страны. Исторія свидѣтельствуетъ, что дѣтисыи тѣхъ народовъ наиболѣе блистаютъ доблестными мужами, гдѣ здоровое общественное мѣнне громко выражаетъ свое сочувствіе къ гражданскимъ или военнымъ подвигамъ, совершеннымъ сими людьми или ихъ предками, и гдѣ представители фамильнаго преданія поддерживаютъ его свѣжими собственными заслугами. Такимъ образомъ, общественное мнѣніе становится однимъ изъ всеобщихъ двигателей человѣческой нравственности и

пособникомъ къ утверженію основанія естественной аристократіи—лучшихъ силъ въ обществѣ.

Что жъ касается *личныхъ врожденныхъ качествъ* вообще—это не что иное, какъ прирожденные преимущества умственныхъ способностей, таланта, характера или энергіи воли, т. е. такія преимущества, которыя даютъ перевѣсъ одному человѣку надъ другимъ, менѣе надѣленнымъ отъ природы подобными дарами. Здѣсь, однако, надобно замѣтить, что различныя эти качества, дающія превосходство, непременно идутъ въ уровень съ той степенью образованности, на которой находится общество въ данную эпоху. Такъ, напримѣръ, если мы перенесемъ въ эпоху преобладанія у извѣстнаго народа грубой матеріальной силы, то увидимъ, что военная храбрость и добыча были самымъ естественнымъ для того времени превосходствомъ, и потому лучшіе, по современнымъ понятіямъ, люди были—люди храбрѣйшіе, одаренные большою матеріальною силой и чувствующіе потребность упражнять ее. Удача въ набѣгѣ, собранная грабежемъ добыча, захватъ поземельныхъ пространствъ—все это были естественныя превосходства, конечно, самыхъ грубыхъ свойствъ, въ обществѣ людей, не признававшихъ достоинства иныхъ доблестей, иныхъ способовъ обогащенія, иныхъ правъ на землю. Не то значить превосходство воинскихъ способностей, таланта, характера, теперь для развитой умственно и нравственно среды людей, при быстрыхъ успѣхахъ европейской цивилизаціи; не то нынѣ, что за нѣсколько сотъ лѣтъ, быть храбрымъ воиномъ, вліятельнымъ землевладѣльцемъ, блестящимъ государственнымъ мужемъ: категоріи превосходства остались неизмѣнными, но формы или виды ихъ проявленія, способы пользованія ими соответственно духу времени и развитію цивилизаціи, иные, и требуютъ уже несравненно болѣе усилій со

стороны обладателей тѣхъ преимуществъ, теперь, чѣмъ въ давно-прошедшія времена.

Далѣе, *богатство* матеріальное, состоящее въ разныхъ видахъ имущества, имѣеть то общественное превосходство, что становится источникомъ благосостоянія человѣка и служить его цѣлямъ, проявляющимся въ удовлетвореніи различныхъ жизненныхъ его нуждъ, въ производствѣ новыхъ капиталовъ, въ развитіи умственныхъ потребностей; слѣдовательно, богатство обуславливаетъ доступъ ко всѣмъ духовнымъ благамъ жизни, ко всѣмъ тѣмъ интересамъ, которые собственно дѣлаютъ человѣка—человѣкомъ. Сверхъ того, обладаніе богатствомъ имѣеть еще и то важное преимущество, что, въ управленіи общественными дѣлами, люди съ умами просвѣщенными наукой и съ достаточнымъ состояніемъ, при равныхъ условіяхъ нравственности, менѣе будутъ подвержены искушеніямъ, или, правильнѣе сказать, могутъ легче восторжествовать надъ искушеніями, которыя несравненно сильнѣе и страшнѣе для людей необразованныхъ и бѣдныхъ. Неудивительно, поэтому, если къ обладателю богатства съ почтеніемъ обращены взоры всѣхъ его окружающихъ: мы не можемъ ни отрицать этого, ни этому воспрепятствовать. Такимъ образомъ, богатство, сосредоточенное и въ извѣстныхъ разрядахъ общества, дѣлается прочною основою превосходства ихъ не только въ экономическомъ, но и въ общественномъ смыслѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ сказать объ аристократическомъ элементѣ, не менѣе богатства могущественномъ, о *воспитаніи*. Вопросъ о воспитаніи есть вопросъ о нравственномъ достоинствѣ и счастіи человѣка. Благовоспитанность, въ общемъ смыслѣ этого слова, есть такая выработка всей человѣческой личности — душевныхъ склонностей, вкуса, нравственнаго чувства,—которая

облегчаетъ человѣку, ее получившему, отношенія къ окружающему обществу и дѣлаетъ эти отношенія пріятными для всѣхъ, имѣющихъ съ нимъ дѣла. Самыя щекотливыя и непріятныя столкновенія дѣлаются легче съ человѣкомъ благовоспитаннымъ, чѣмъ съ неблаговоспитаннымъ. Формы благовоспитанности измѣняются въ человѣческомъ общежитіи съ измѣненіемъ нравовъ и обычаевъ страны. Съ уваженіемъ и сдержанностію становится благовоспитанный передъ каждымъ человѣкомъ, передъ каждымъ дѣломъ, наблюдая правила приличія и умѣренности. Это качество безъ всякаго сомнѣнія пріобрѣтается умомъ и знаніемъ; но нѣтъ такого ума, который бы могъ объять всѣ отрасли человѣческаго вѣдѣнія, и потому сдержанность, привѣтливость, терпѣніе и благоразуміе являются въ человѣкѣ какъ привычка, данная воспитаніемъ, держать свои дѣйствія въ извѣстныхъ границахъ или уважать самого себя, — являются какъ инстинктивный тактъ жизни, который въ дѣйствительности составляетъ превосходство всегда и вездѣ и пользуется сочувствіемъ и уваженіемъ у всѣхъ благомыслящихъ людей. Отсюда ясно, что такъ какъ сношенія съ благовоспитанными людьми пріятнѣе и легче, нежели съ неблаговоспитанными, то первые имѣютъ всегда преимущество предъ вторыми, — первые могутъ легче, чѣмъ вторые, соединить вокругъ себя людей, сосредоточить ихъ для своей цѣли и имѣть на нихъ вліяніе продолжительное и прочное. Такія, а не инныя, должны быть проявленія въ дѣйствіяхъ человѣка, употребившаго силы свои на самовоспитаніе — и вотъ по какимъ причинамъ. Воспитывать себя значитъ подчинять волю свою, какъ главную силу человѣка, чистымъ нравственнымъ правиламъ для чистыхъ цѣлей, или, другими словами, значитъ получать съ раннихъ лѣтъ направленіе къ усвоенію справедливости, честности и доброты, т. е. такихъ личныхъ

свойствъ, которыя составляютъ существенное условіе хорошаго человѣка. Первоначальное воспитаніе, какъ извѣстно, дается человѣку съ дѣтства и получается имъ произвольно; но, въ послѣдствіи, въ зрѣломъ его возрастѣ, оно покупается уже силою сознательнаго, самостоятельнаго и настойчиваго труда, и притомъ зависитъ преимущественно отъ условій жизни, отъ достатка матеріальныхъ средствъ, отъ общественной среды, въ которую поставленъ самовоспитывающійся человѣкъ, и, наконецъ, отъ того, если онъ не отстаеетъ отъ движенія современныхъ идей въ обществѣ и отъ науки. Такимъ образомъ, воспитаніе дѣлаеъ человѣка хорошимъ; а хороший человѣкъ всегда будетъ пріятель и полезенъ для другихъ, хотя бы даже не заботился объ этомъ.

Обсуждая, наконецъ, вопросъ о послѣднемъ аристократическомъ элементѣ—*познаніи*, можно объ немъ сказать то же, что о воспитаніи. Знаніе есть преимущество и сила въ рукахъ человѣка передъ человѣкомъ безъ знанія. Самый трудъ человѣка образованнаго имѣетъ болѣе цѣны передъ трудомъ необразованнаго, по той простой причинѣ, что, съ развитіемъ народной дѣятельности, занятія, для своего успѣха, все болѣе и болѣе требуютъ спеціальнаго знакомства съ ними, пріобрѣтаемаго наукою. Эта своего рода спеціальность не можетъ быть принадлежностью всѣхъ людей, тѣмъ болѣе, что пріобрѣтеніе знанія, образованія, не зависитъ положительно отъ воли каждаго, желающаго получить оное, но постоянно находится въ зависимости отъ происхожденія, богатства, воспитанія даннаго въ дѣтствѣ, и, кромѣ того, отъ чернаго и упорнаго труда, который одинъ можетъ быть залогомъ умственнаго развитія, прогресса и благосостоянія. Отсюда само собою слѣдуетъ, что пока знаніе и образованность распространены въ высшемъ классѣ общества болѣе, чѣмъ въ рабочемъ, послѣдній по необходи-

мости останется въ мирномъ подчиненіи у перваго, и что, поэтому, представляется самымъ естественнымъ въ общественной жизни то явленіе, что группа людей образованныхъ получаетъ перевѣсъ и преобладаніе передъ группой необразованныхъ, ученые пользуются большими преимуществами передъ неучеными, разумно трудящіеся передъ неуѣбными или нехотящими трудиться. Эти истины до того ясны, что не нуждаются уже въ дальнѣйшихъ доказательствахъ.

Итакъ, если исчисленныя выше преимущества, или отличія, возникающія изъ самой сущности человѣческой природы и приобретаемыя съ величайшимъ трудомъ, составляютъ то, что называется естественною, истинною аристократіею, — если названныя преимущества всегда и вездѣ давали обладателямъ ихъ огромный вѣсъ, силу и высокое значеніе въ обществѣ, независимо отъ всякихъ установленныхъ положительнымъ законодательствомъ привилегій; то само собою разумѣется, что аристократія искусственная (привилегированное сословіе, родовое и служебное дворянство), учрежденная верховною властью и фактически существующая въ государствѣ, должна необходимо приближаться, въ извѣстной степени, къ аристократіи естественной, — должна основываться на ней, усваивать себѣ общія руководящія ея начала и стремиться къ осуществленію идеала истиннаго аристократическаго общества — дѣйствительнаго дворянства во всемъ его величій. Въ противномъ случаѣ, при отсутствіи въ организованной государственною властью аристократіи дарованій, заслугъ, познаній и другихъ достоинствъ и принадлежностей, долженствующихъ отличать членовъ ея отъ остальной части общества, ни какая въ мірѣ администрація не можетъ обезпечить могущество и вліяніе этого высшаго, по уставамъ, класса людей на прочіе нившіе.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы въ основаніи дворянства (аристократія искусственной) не лежало что нибудь, возвышающее человѣчество, и если бы дворянство не стремилось приблизиться къ нравственнымъ правиламъ — къ духу, знаменующему истинное благородство, и, своими нравственными и умственными достоинствами, не старалось бы возвыситься надъ массой народа, — то самое установленіе въ государствѣ этого сословія было бы ничѣмъ необъяснимою аномаліей (уклоненіемъ отъ обыкновеннаго порядка вещей) и юридическою несообразностію въ томъ смыслѣ, что сословіе дворянства, долженствующее имѣть въ своемъ составѣ способныхъ и образованныхъ лицъ, наполняется такими людьми, которые, по ихъ качествамъ, не соотвѣтствуютъ прямому своему назначенію. Поэтому, хотя въ мірѣ сечь никакая сущность дѣла немислима безъ формы, важна, однако, не форма, не внѣшнее проявленіе дворянства подъ такимъ или другимъ названіемъ или почетнымъ титуломъ, — важенъ смыслъ его установленія; а прямой смыслъ тотъ, что дворянство, какъ однородная группа лучшихъ людей, совмѣщающихъ въ себѣ, въ нѣкоторой степени, аристократическіе элементы, можетъ и должно содѣйствовать, словомъ и дѣломъ, распространенію здравыхъ понятій въ массахъ темнаго люда, съ употребленіемъ для сей цѣли, въ случаѣ нужды, и собственныхъ матеріальныхъ средствъ, такъ какъ общественное значеніе сословія достигается не иначе, какъ цѣною самопожертвованія, — можетъ и должно говорить откровенно и поступать по правдѣ, т. е. честно и дѣльно — поступать по правдѣ — такъ какъ правда и есть именно то, около чего, какъ выражается г. Кавелинъ, вертится вся исторія и вся общественность — то, изъ чего родъ людской бьется и трудится отъ сотворенія міра ⁶.

⁶ О губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. К. Д. Кавелина С. Петербургскія Вѣдом. 7 Марта 1864 г. № 53.

Опредѣливъ, въ краткомъ очеркѣ, значеніе дворянства умозрительными соображеніями, почерпнутыми изъ общихъ началъ теоретическаго правоученія, обратимся теперь, согласно предначертанному плану, къ послѣдовательному изложенію цѣлаго ряда историческихъ фактовъ, изъ которыхъ вытекаетъ несомнѣнное существованіе съ древнѣйшихъ временъ дворянства, какъ политическаго учрежденія, созданнаго въ Россіи верховною властію.

Сущность историческихъ указаній, относительно этого предмета, заключается въ томъ, что начальное образованіе въ Россіи при первыхъ правителяхъ ея, князьяхъ, высшаго класса въ средѣ мѣстнаго населенія, совпадаетъ съ началомъ государственной и исторической ея жизни — съ эпохою призванія и водворенія въ ней варяго-русскихъ князей. Съ того времени этотъ высшій классъ русскаго общества становится извѣстнымъ изъ отечественной исторіи подъ именемъ *княжеской дружины*, отличительный характеръ которой состоялъ въ томъ, что члены ея, въ качествѣ воиновъ и слугъ князя, повсюду слѣдовали за нимъ, получали отъ него достаточное денежное или матеріальное обезпеченіе, и, сверхъ того, какъ люди свободные, имѣли право переходить на службу отъ одного русскаго князя къ другому, во все время господства въ русской странѣ удѣльно-вѣчевой системы. Такую особенность своего быта княжеская дружина удерживала за собою до и послѣ порабоженія татарами Россіи въ 1240 году ⁷.

Загѣмъ, въ первой половинѣ XIII столѣтія, въ отношеніи слугъ и воиновъ княжескихъ, явилась та перемѣна, что всѣ они, вмѣсто первоначальнаго названія «кня-

⁷ Южная Россія, въ которой стольнымъ городомъ былъ Кіевъ, впервые узнала татаръ въ 1224 году. Они окончателно овладѣли Кіевомъ 6-го декабря 1240 года; а вскорѣ загѣмъ и сѣвѣрною частію Россіи. (Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соловьева. Т. 2, стр. 390; Т. 3 стр. 177).

жеская дружина» получили названіе *княжескій дворъ*, и продолжали носить это новое названіе до восшествія на великокняжескій московскій престолъ Іоанна III-го въ 1462 году.

Съ основаніемъ при этомъ государѣ единодержавія и самодержавія въ Россіи, прежняя система, относительно вознагражденія членовъ княжеской дружины, названныхъ, какъ сказано выше, княжескимъ дворомъ, пала, а явилась система помѣстная, въ силу которой члены бывшей вольной дотолѣ княжеской дружины, или княжескаго двора, начали уже получать за службу помѣстья и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лишившись права вольнаго перехода, должны были совершенно подчиниться волѣ государя московскаго и сдѣлаться безсрочными его слугами, отъ чего и получили названіе *служилыхъ людей*, сохранившееся за ними до времени Петра Великаго.

Петръ Великій, обратившій вниманіе на такъ называемыхъ съ Іоанна III служилыхъ людей, пересталъ давать имъ за службу помѣстья, назначивъ, за отбываніе ими этой повинности, денежное, въ опредѣленномъ размѣрѣ, жалованье; розданныя же прежде помѣстья обратилъ въ собственность ихъ владѣльцевъ, не касаясь, однако, результата прежней помѣстной системы, сдѣлавшей службу для высшаго класса постоянно обязательною на всю жизнь. Къ числу важнѣйшихъ реформъ, имѣвшихъ предметомъ устройство этого класса, относится, между прочимъ, то, что Петръ Великій, образовавъ изъ старинныхъ, другъ отъ друга разрозненныхъ, служилыхъ людей одно сословіе, связывавшее ихъ между собою общностію наиболѣе существенныхъ своихъ интересовъ, назвалъ его *шляхетствомъ*.

При преемникахъ Петра Великаго, сословіе это постепенно получало разныя преимущества, которыя, въ особенности въ царствованіе Екатерины II, умножены,

возвышены и освящены были закономъ. Около того же времени данное этому сословію нерусское названіе шляхетство замѣнено чисто русскимъ именемъ—*дворянство*.

Соотвѣтственно такимъ, поочередно смѣнявшимся, въ силу историческаго движенія, четыремъ формамъ, въ которыхъ проявилось историческое существованіе русскаго дворянства, никогда не упразднявшагося, а только перемѣнявшаго свое названіе, съ измѣненіемъ сущности, т. е. внутреннихъ политическихъ обстоятельствъ Россіи, — и предлагаемое сочиненіе: „Очеркъ исторіи русскаго дворянства отъ половины IX до конца XVIII вѣка“, — дѣлится также на четыре періода.

Первый періодъ содержитъ въ себѣ протяженіе времени около четырехъ вѣковъ, именно: отъ основанія Россіи до покоренія ея татарами (862—1240). Въ немъ изложены историческія извѣстія о княжеской дружинѣ.

Второй періодъ длится болѣе двухъ столѣтій — отъ покоренія татарами Россіи до образованія изъ многочисленныхъ удѣльныхъ княжествъ ея одного московскаго государства (1240—1462). Тутъ показано значеніе той же дружины подъ новымъ названіемъ—княжескій дворъ.

Третій періодъ обнимаетъ собою время, протекшее отъ возникновенія московскаго государства до начала царствованія въ немъ Петра Великаго, и, слѣдовательно, продолжавшееся болѣе двухъ вѣковъ (1462—1689). Въ этомъ періодѣ уясненъ вопросъ о служилыхъ людяхъ, согласно съ господствовавшимъ тогда воззрѣніемъ на сей предметъ современниковъ.

Четвертый періодъ заключаетъ въ себѣ одно только столѣтіе—періодъ сравнительно краткій по времени, но богатый и поучительный по своему содержанію (1689—1796). Въ немъ сказано объ установленіи дворянскаго сословія, не существовавшаго прежде въ настоящемъ смыслѣ этого слова ни фактически, ни юридически.

Періоды эти, для удобства изложенія, подраздѣляются еще на главы, изъ которыхъ каждая обнимаетъ опредѣленную часть всего предмета, и въ которыя вошли только лишь наиболѣе крупныя, выдающіяся черты прошлой исторіи русскаго дворянства.

Присоединенныя въ концѣ книги примѣчанія и ссылки показываютъ источники, откуда авторъ черпалъ, имѣющія прямое отношеніе къ дѣлу, данныя, разбросанныя, правда, по разнымъ мѣстамъ сочиненій и актовъ и, болѣею частію, въ отрывочномъ видѣ, но такія данныя, которыя, бывъ сгруппированы и обобщены авторомъ, послужили для него историческими доказательствами, облегчившими изслѣдованіе предмета и способствовавшими къ уясненію вопроса, о русскомъ дворянствѣ, съ фактической его стороны.

Сверхъ того, указаніе на источники сопровождается еще не только наименованіемъ книгъ, журнальныхъ статей, законодательныхъ актовъ, изъ которыхъ братъ былъ свѣдѣнія по тому или другому предмету, но и точнымъ обозначеніемъ мѣсть, въ которыхъ изложены эти свѣдѣнія. И все это сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы приведенныя авторомъ въ его трудѣ факты не казались читателю голословными, и чтобы, безъ затрудненія, могло быть имъ провѣрено и самое сочиненіе.

Иванъ Покрай-Носицъ.

8 Апрѣля 1874 г.
С.-Петербургъ.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ

ОТЪ ОСНОВАНІЯ РОССИ ДО ПОКОРЕНІЯ ЕЯ ТАТАРАМИ
(862 — 1240).

О КНЯЖЕСКОЙ ДРУЖИНѢ.

ГЛАВА I.

Привзаніе славянскими и финскими племенами варяго-русскихъ князей. — Названіе «князь» дѣлается исключительною принадлежностью потомковъ Рюрикова дома. — Дружина княжеская, ея значеніе и отношенія къ князю.

На обширной сѣверо-восточной европейской равнинѣ — на Привзаніе славянскими и финскими племенами варяго-русскихъ князей. берегахъ Ильмена, Бѣлоозера и р. Великой — обитали въ IX вѣкѣ, въ своемъ патріархальномъ родовомъ быту, новгородскіе славяне и союзныя съ ними финскія племена: весь, чудь, кривичи. Каждый родоначальникъ или старшина жилъ съ своимъ родомъ, управляя имъ. По причинѣ разъединенія и постоянной между родами или семьями вражды, возникали у нихъ столкновенія — родовыя усобицы, при которыхъ сила была единственнымъ рѣшителемъ спора. Управы не было.

Въ слѣдствіе такого тревожнаго положенія дѣлѣ, явилась потребность установить надъ разрозненными родами такую власть, которая была бѣ, по отсутствію ея родовыхъ отношеній къ мѣстному населенію, безпристрастнымъ судьей въ странѣ, внесла бѣ въ оную миръ и порядокъ и защищала бы ее отъ внѣшнихъ враговъ, — словомъ, явилась необходимость установить форму политическаго обществія. Съ этою цѣлью, отъ

всѣхъ упомянутыхъ союзныхъ и свободныхъ племенъ призваны были, въ 862 году, изъ-за моря (балтійскаго), для управления ими варяго-русскіе князья: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Они прибыли съ своими родственниками, въ сопровожденіи своей дружины, и утвердились въ пограничныхъ пунктахъ земель, принадлежавшихъ призвавшимъ ихъ племенамъ: первый въ Новѣгородѣ у славянъ, второй въ Бѣлоозерѣ между весью и чудью, третій въ Изборскѣ у кривичей. Но такъ какъ послѣдніе два правителя, по прошествіи двухъ лѣтъ отъ своего водворенія въ тѣхъ земляхъ, умерли, то всю верховную власть надъ призвавшими ихъ племенами принялъ одинъ князь Рюрикъ¹.

Названіе «князь» дѣлается исключительною принадлежностью потомковъ Рюрикова дома.

Позднѣйшія событія показываютъ, что Рюрикъ прочно утвердилъ свою верховную власть и княжеское достоинство въ славянской землѣ, которая отъ варяго-русскихъ князей и прозвалась Русью или Россіею. Всѣ члены Рюрикова рода стали носить названіе *князей*; оно сдѣлалось исключительною принадлежностью всѣхъ ихъ, по праву происхожденія отъ общаго прародителя, и, какъ приобретаемое только рожденіемъ отъ Рюриковой крови, оно равняло всѣхъ рюриковичей между собою; и потому, названіе «князь» было общее для всѣхъ членовъ Рюрикова дома, ни въ какомъ случаѣ неотъемлемое, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ и не имѣли въ своихъ рукахъ верховной власти².

Дружина княжеская и ея отношенія къ князю.

Затѣмъ, самымъ выдающимся явленіемъ, замѣчаемымъ въ фактѣ прибытія Рюрика къ призвавшимъ его племенамъ, представляется то, что онъ прибылъ къ нимъ не съ одними только своими родственниками, но въ сопровожденіи собственной *дружины*, какъ особаго учрежденія существенно для него необходимаго, какъ силы, независимой отъ земли, а принадлежащей князю и находящейся въ его распоряженіи, для охраненія порядка въ странѣ³.

Здѣсь надобно замѣтить, что, при описаніи походовъ русскихъ князей, въ продолженіе излагаемаго періода, названіе «дружина» употребляется въ лѣтописяхъ въ двоякомъ смыслѣ—обширномъ и тѣсномъ. Въ первомъ смыслѣ слово «дружина» выражаетъ полкъ, армію, войско, воевь, т. е. совокупность

всѣхъ военныхъ вооруженныхъ людей, которые, по случаю похода противъ сильнаго непріятели, при отсутствіи постояннаго войска, набирались изъ городскихъ и сельскихъ жителей, а по окончаніи похода, распускались по домамъ съ добычею или данью. Это было тоже что народное ополченіе. — Названіемъ же „дружина въ тѣсномъ смыслѣ“ обозначались только очень немногочисленныя, близкія къ князю лица, его избранные, возмужалые, привычныя къ дѣлу слуги, способные къ выполнению лежавшихъ на нихъ обязанностей: въ мирное время помогать князю совѣтомъ въ рѣшеніи дѣлъ и политическихъ вопросовъ, а въ военное—оружіемъ. Изъ этого видно, что дружина въ тѣсномъ смыслѣ была не что иное, какъ воинскій, въ родѣ гвардіи, отрядъ, всегда находившійся около князя, составлявшій внутреннюю стражу его палатъ, придворный служебный штатъ и его, такъ сказать, подвижной лагерь въ странѣ. Въ этомъ состояла главная основа различія княжеской дружины отъ городскихъ и сельскихъ воевъ⁴. Различіе это представится еще яснѣе, если обратимъ вниманіе на существовавшія отношенія дружины къ князю и князя къ его дружинѣ.

Главные черты этихъ отношеній выражались въ слѣдующихъ формахъ тогдашняго дружиннаго быта. Члены первоначальной княжеской дружины, преимущественно варяги, пришедшіе съ первыми по времени варяго-русскими князьями къ славянскимъ сѣвернымъ племенамъ, всѣ были люди вольные, не зависящіе ни отъ кого, не признающіе надъ собою ни какой власти и подчиняющіеся другому лицу единственно на основаніи свободнаго договора. Такимъ образомъ, отношенія князей къ ихъ дружинникамъ существовали не государственныя, въ которыхъ члены общества подчиняются верховной власти на основаніи общихъ законовъ, опредѣляющихъ положеніе ихъ какъ подданныхъ,—а были отношенія чисто-юридическія, въ которыхъ обѣ договаривающіяся, совершенно свободныя, стороны, князь и дружинникъ, добровольно вступали въ взаимныя между собою обязательства. Подъ вліяніемъ этого порядка вещей, члены княжеской дружины могли оставаться въ службѣ князя сколько хотѣли; не хотѣли служить—воз-

вращались домой, если родомъ были изъ Скандинавіи, или уходили на службу въ прочія земли, или обращались къ другимъ занятіямъ. Ясно, что дружина княжеская не была какимъ нибудь замкнутымъ кружкомъ людей, но постоянно обновлялась новыми пришельцами: дорога въ дружинники ни для кого изъ охотниковъ храбрыхъ и способныхъ не была закрыта; входъ въ дружину и выходъ изъ нея былъ свободенъ⁶.

Эти начальныя отношенія дружины къ князю оставались въ силѣ и въ послѣдствіи времени, когда въ составѣ ея, постоянно пополнявшемся новыми уже отечественными членами, сталъ преобладать элементъ славянскій. Каждый дружинникъ, при существовавшемъ въ описываемый періодъ множествѣ владѣтельныхъ русскихъ князей, пользовался полною старинною свободою отъѣзда изъ службы одного князя въ службу къ другому. — Такіе отъѣзды или переходы жившихъ около князя дружинниковъ считались необходимыми или, въ слѣдствіе княжескихъ перемѣщеній, совершавшихся, единственно по родовымъ счетамъ, изъ волости въ волость, на тѣ столы, которые соотвѣтствовали ихъ степени старшинства, или, въ слѣдствіе возникшихъ какихъ либо между княземъ и дружинниками его неудовольствій. Извѣстно, что родъ княжескій сохранялъ тогда свое единство, а земля русская была общею отчиною, или общимъ владѣніемъ для каждаго члена княжескаго рода; однако дружинникъ не потому шелъ въ землю, которая составляла одно цѣлое съ тою, которую онъ повинулъ, а потому что онъ былъ человѣкъ вольный, никѣмъ не стѣсняемый и не принадлежащій постоянно ни къ какому обществу, — что и выражалось словами: «боирамъ и слугамъ вольнымъ воля»⁶.

ГЛАВА II.

Чины, составлявшіе княжескую дружину: Боаре. — Мужы княжи или Гриди. — Отроки или Дворане.

Чины, составлявшіе княжескую дружину.

Личный составъ княжеской дружины, установленный на зарѣ нашей исторіи, при первыхъ князьяхъ, рюриковичахъ, былъ очень простъ и несложенъ, вагъ были несложны и во-

обще тогдашнія требованія общественнаго русскаго быта. При всемъ томъ, въ этомъ близкомъ къ князю учрежденіи встрѣчаются уже высшія и низшія служебныя степени и, соотвѣтствующія симъ степенямъ, чины старшіе и младшіе; при дальнѣйшемъ же внимательномъ разсмотрѣніи круга общественной дѣятельности самыхъ чиновъ, оказывается, что они дѣлились на три главные разряда: на *бояръ, мужей княжескъ* или *чюдей* и *отроковъ* или *дворянъ* ⁷.

И такъ, первый разрядъ княжеской дружины составляли чины подъ названіемъ *бояръ* ⁸. Это были старшіе члены дружины, совѣтники князя, его думцы по преимуществу, — были именно тѣ значительные сановники, которымъ Рюрикъ роздалъ въ управленіе городъ, и отъ имени которыхъ, равно какъ отъ имени малолѣтняго князя Игоря Рюриковича, Олегъ, получивъ полный успѣхъ въ походѣ на грековъ, заключилъ съ послѣдними въ Царѣградѣ мирный и союзный договоръ въ 911 году, — были тѣ избранныя лица, съ которыми Владимиръ Св. думалъ о строѣ земскомъ, о ратахъ и объ уставѣ земскомъ, и которыя у Юрія Владиміровича Долгорукаго, князя кievскаго, скончавшагося въ 1157 году, назывались „передними мужами“, т. е. передовыми личностями аристократіи, — словомъ, это тѣ самые люди, безъ совѣта съ которыми русскіе князья, какъ показываютъ многочисленныя случаи въ древней нашей исторіи, не начинали ни какихъ дѣлъ, имѣвшихъ предметомъ или внѣшнюю безопасность, или внутреннее благоустройство страны ⁹. — Вотъ почему бояре княжескіе, пользовавшіеся такимъ высокимъ почетомъ въ русской землѣ, издревле казались народу, какъ выражается исторіографъ Карамзинъ, верховными мужами ¹⁰. Занимая всегда первыя мѣста близъ князя и служа примѣромъ для дружинниковъ остальныхъ двухъ разрядовъ, они составляли собою нѣкоторую современную аристократію.

Званіе боярское, принявшее смыслъ совѣтника, распорядителя, было только личное и не распространялось безусловно на потомство. При частой смѣнѣ князей, при переворотахъ и потрясеніяхъ, бывшихъ, въ продолженіе удѣльно-вѣчеваго времени, въ общественномъ порядкѣ, званіе это и не могло

Бояре.

быть наследственнымъ: бояре, державшіеся стороны одного князя, теряли свое значеніе, когда этого князя вытѣснялъ другой; послѣдній окружалъ себя новыми людьми, оказавшими ему помощь въ достиженіи княженія; новые люди дѣлались боярами, а прежніе упали въ своемъ значеніи¹¹. Боярство пріобрѣталось, такимъ образомъ, чрезъ пожалованіе отъ владѣтельнаго князя и давалось не только пожилымъ, но и молодымъ людямъ. Изъ исторіи княженія Владиміра Св. видно, что государь сей пожаловалъ, въ 993 году, одному храброму юношѣ и отцу его, санъ великихъ мужей или бояръ¹².

Къ изложеннымъ свѣдѣніямъ о боярахъ княжескихъ надлежитъ еще прибавить, что тѣ изъ сихъ старшихъ членовъ княжеской дружины, которые жили въ стольномъ городѣ, носили неизмѣнно названіе бояръ; а прочіе, жившіе по областнымъ городамъ при занимаемыхъ ими тамъ разныхъ должностяхъ, въ отличіе отъ стольныхъ, назывались уменьшительнымъ именемъ — „боярцами“; безъ всякаго, впрочемъ, уменьшенія ихъ достоинства¹³.

Мужа княжи
или гриди.

Переходя къ изложенію свѣдѣній о второмъ разрядѣ княжеской дружины, надобно прежде всего замѣтить, что члены этого разряда имѣли свои особенности и различались отъ членовъ перваго не только названіемъ, но и характеромъ своихъ, по отношенію къ князю, обязанностей. Въ одной лѣтописи упоминается, что князь Игорь Святославичъ Сѣверскій въ несчастной битвѣ съ половцами въ 1185 году, истребившей близкихъ ему подвижниковъ и предавшей самого его, раненнаго, въ плѣнъ, въ руки этихъ степныхъ варваровъ, съ глубокою горестію произнесъ слѣдующія слова: „гдѣ бояре думающіе, гдѣ мужи храброствующіе, гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружіе многоцѣнное? Всего я лишился“. Основываясь на этихъ выраженіяхъ князя Сѣверскаго, авторъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ пришелъ къ тому заключенію, что слово „мужъ“ въ отношеніи служебномъ означало общее названіе дружинниковъ втораго разряда — низшихъ, младшихъ членовъ княжеской дружины, въ противоположность членамъ ея высшаго разряда — боярамъ, и что, поэтому, бояре были по преимуществу совѣтники — думцы князя, а *мужи* были по

преимуществу войны, т. е. такіе слуги князя, въ которыхъ преобладалъ военный характеръ¹⁴.

Кромѣ того, болѣе точное и опредѣленное названіе для дружины втораго разряда было — *гридь*. — Названіе „гридь“ подало поводъ изслѣдователямъ отечественной старины къ различнымъ его объясненіямъ¹⁵; но, какое толкованіе ни придавалось бы этому слову, достовѣрно то, что учрежденіе „гридей“ проявилось съ того времени, когда приглашенные союзными сѣверными племенами варяго-русскіе князья, въ сопровожденіи собственной, составленной изъ скандинавскихъ уроженцевъ, дружины, прибыли и поселились въ новгородскихъ мѣстностяхъ, и что, потомъ, долго еще существовали чины подъ названіемъ „гриди“¹⁶. Въ Кіевѣ, во дворцѣ Владиміра Св., былъ даже одинъ покой, именовавшійся гридницей (отъ слова гридь), гдѣ онъ часто угощалъ своихъ бояръ, гридей и всѣхъ именитыхъ людей¹⁷. При преемникахъ Владиміровыхъ члены втораго разряда княжеской дружины продолжали носить названіе „гридь“¹⁸; но, въ послѣдствіи, названіе „гридь“ мало-по-малу начинаетъ выходить изъ употребленія, а на мѣсто его встрѣчается соотвѣтствующее ему наименованіе „младшая дружина“, о которой говорится въ разныхъ княжескихъ походахъ¹⁹. Затѣмъ, такъ какъ съ теченіемъ времени, иноземцы-варяги успѣли уже ослабѣть, образовали одну съ кореннымъ славянскимъ племенемъ массу и слились съ нимъ, не оставляя по себѣ ни какихъ признаковъ особаго существованія ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ, ни въ преданіяхъ; то, не далѣе какъ во второй половинѣ XII вѣка, исчезло съ русской почвы и самое названіе „гридь“²⁰.

Третій разрядъ княжеской дружины образовали изъ себя *отроки*, или, что одно и то же, дѣтсвіе, пасынки. Это были лица, составлявшія домашнюю прислугу князя, жившія постоянно при немъ въ его дворцѣ²¹. Главнѣйшія придворныя обязанности отроковъ состояли въ томъ, что они служили за столомъ князю и гостямъ, смотрѣли за вещами его и, по приказу, убирали ихъ, посылались княземъ съ разными порученіями, какъ-то, для изслѣдованія какаго нибудь спорнаго дѣла, для суда и расправы и т. п., и, наконецъ, назначались въ

Отроки или
дворяне.

помощники въ высшихъ княжескихъ чиновникамъ²³. Служба княжеская была тогда очень многочисленна. Такъ, изъ историческаго извѣстія о великомъ князѣ кievскомъ Святополкѣ Изяславичѣ видно, что, въ 1093 году, у него было 800 своихъ отроковъ, которые, какъ объявилъ онъ кievскимъ боярамъ, могли стать противъ степныхъ варваровъ, половцевъ. При всемъ томъ, лица, носившія наименованіе „отроковъ“, всегда отдѣлялись отъ другихъ составныхъ частей дружины — „бояръ и мужей княжихъ или гридей“²³.

Въ позднѣйшее время, когда древняя Россія раздѣлилась на двѣ половины, южную и сѣверную²⁴, въ послѣдней, именно въ великомъ княжествѣ Владимірскомъ, личные слуги князя, носившіе дотошное наименованіе „отроковъ“, или дѣтскихъ, начали называться *дворянами*. Названіе это встрѣчается въ первый разъ, въ княженіе Андрея Юрьевича Боголюбскаго (1169 — 1174), въ смыслѣ людей, принадлежащихъ ко двору княжескому, и притомъ въ качествѣ низшаго класса придворныхъ чиновъ, употреблявшихся, подобно отрокамъ, для выполнения служебныхъ обязанностей, по приказу князя, какъ при его дворѣ, такъ и при намѣстникахъ, тиунахъ и судьяхъ. Затѣмъ, въ первой четверти XIII столѣтія, опять встрѣчается историческое извѣстіе, что при князѣ Ярославѣ Всеволодовичѣ, княжившемъ сперва въ Переяславлѣ, а потомъ въ Новгородѣ, были личные слуги, которые, по пребыванію ихъ во дворѣ князя, именовались, какъ и у Боголюбскаго, „дворянами“²⁵.

Таковъ былъ, подъ конецъ рассматриваемаго періода, служебный штатъ княжеской дружины.

ГЛАВА III.

Верховная власть князя по внутреннему управленію страной. — Лица, управлявшія, по назначенію князя, разными гражданскія должности: По части правительственной: Посадникъ. — Тисяцкій. — Сотскіе. — Мытники. — Городники. — Мостники. По части судебной: Тиуны. — Вирники. — Мѣтельники. — Дьяки. — Ябедники. По части придворной: Казначей. — Ключникъ. — Подданикъ. — Конюшій. — Стольникъ. — Меченоса.

Верховная
власть князя
по внутренне-

Мы уже видѣли, что призваніе варяго-русскихъ князей совершилось добровольно; ихъ призвали свободныя сѣверныя пле-

мена, для управления всею странюю. Слѣдовательно, князья ^{ну управленію} ^{странюю.} призваны и пришли съ дружиною въ область новгородскую съ характеромъ правительственнымъ, съ атрибутами верховной власти. Эта власть, составлявшая принадлежность новорожденной Россіи, главнымъ образомъ выразилась: въ предводительствѣ князя всею своею дружиною, для выполненія нравственной обязанности защищать русскую землю отъ вѣдшихъ враговъ; въ установленіи въ странѣ внутреннего порядка; въ производствѣ праваго суда. Итакъ, князь, при самомъ началѣ, соединялъ въ особѣ своей три верховныя значенія: вождя дружины, правителя гражданскаго и судьи²⁶. Но, такъ какъ князь не всегда могъ исполнять единолично верховную свою обязанность относительно народонаселенія, то, пользуясь самостоятельностью въ дѣлѣ внутреннего управления странюю, онъ поручалъ какъ областное управленіе, такъ и судебную власть, приближеннымъ слугамъ, составлявшимъ его собственную дружину. Тогдашній образъ внутреннего управления соотвѣтствовалъ простотѣ современныхъ нравовъ: одни и тѣ же люди были и воинами, и гражданскими чиновниками²⁷. И вотъ изъ княжеской дружины стали назначаться чиновники, подъ разными наименованіями, для отправленія должностей: А, по части правительственной, Б, по части судебной, и В, по части придворной.

А, по части правительственной:

Въ главѣ областного управленія былъ *посадникъ* князя. Существенная обязанность его состояла въ томъ, чтобы замѣнить князя, во время отсутствія его изъ стольнаго города, или заступить мѣсто его въ городѣ нестольномъ, гдѣ самъ онъ не жилъ. Въ дѣлѣ тогдашняго внутреннего управленія областію надлежитъ строго отличать характеръ правительственный отъ характера владѣльческаго. Принявъ въ соображеніе кругъ той власти, которая поручалась посаднику, нельзя не замѣтить, что сановникъ этотъ постоянно и вездѣ былъ только съ однимъ правительственнымъ характеромъ, и потому онъ не имѣлъ ни какого права владѣть даннымъ ему для управленія городомъ и его округомъ независимо. Такое именно, а не иное значеніе имѣли мужи Рюрика, которымъ онъ раздалъ города а также

Посадникъ.

мужи Олега, посаженные въ занятыхъ имъ городахъ, Смоленскѣ и Любечѣ ²⁸. Ясно, что посадникъ былъ знаменитый слуга князя, имѣлъ значеніе княжескаго чиновника, который судилъ жителей своего посадничества и управлялъ ими, исполнялъ приказанія князя и, вообще, при отправленіи своей должности, вполне зависѣлъ отъ его воли. Назначеніе посадника, или смѣна его, совершалась по приказу князя; равнымъ образомъ смѣна самаго князя, при перемѣщеніи изъ волости въ волость по родовымъ отношеніямъ, необходимо влекла за собою и смѣну посадника ²⁹. Ставились же въ землѣ русской посадники не только изъ извѣстнаго круга фамилій боярскихъ, но даже изъ княжескихъ отроговъ ³⁰.

Тысяцкіи. Другимъ правительственнымъ лицомъ въ нестольномъ городѣ, кромѣ посадника, считался *тысяцкій*, или воевода. Это былъ постоянный начальникъ земскихъ полковъ, которые, какъ сказано выше, набирались изъ городского и сельскаго населенія, отъ чего онъ и имѣлъ самое близкое въ этому населенію отношеніе и въ мирное, и въ военное время, и притомъ творилъ судъ надъ чернымъ, или простымъ народомъ. Въ званіе тысяцкаго назначался княземъ одинъ изъ членовъ собственной его дружины, преимущественно изъ бояръ, какъ первыхъ въ составѣ ея людей, и вообще изъ знатныхъ вотчинныхъ владѣльцевъ и необходимо богатыхъ ³¹.

Сотские. Тысяцкому подчинены были *сотскіе*, должность которыхъ соединялась съ обычнымъ тогда въ Россіи численнымъ дѣленіемъ жителей на сотни. Завѣдывая сотнею дворовъ, сотскій исполнялъ полицейскія обязанности, производилъ обыскъ по спорнымъ дѣламъ и наблюдалъ вообще за народнымъ благочиніемъ ³².

Сверхъ того, къ составу областного административнаго управленія относились еще слѣдующія, назначаемыя изъ младшей дружины, второстепенныя должностныя лица: *мытники*, *городники* и *мостники*.

Мытники. *Мытниками* назывались сборщики податей и въ особенности торговыхъ пошлинъ, а самое мѣсто, гдѣ производился сборъ этихъ пошлинъ, извѣстно было подъ именемъ мытнаго двора ³³.

Городники. *Городники* были княжескіе чиновники, знавшіе строитель-

ное дѣло и имѣвшіе обязанность распоряжаться и руководить рабочихъ при закладкѣ, срубкѣ и укрѣпленіи городовъ, какъ важнѣйшихъ въ странѣ сооруженій въ стратегическомъ и административномъ отношеніяхъ. Поэтому, мы видимъ, что одною изъ главныхъ сторонъ дѣятельности нашихъ князей, начиная съ Рюрика, было построение городовъ. Въ Ярославовомъ Уставѣ опредѣлено было и жалованье городнику или строителю городскихъ стѣнъ.

Мостники.

Мостники же обязаны были строить мосты, плотины и переправы, наблюдая за исправнымъ содержаніемъ ихъ, въ особенности въ военное время. Имѣя помощниковъ, или отроковъ, они получали для себя съ помощниками содержаніе и, сверхъ того, кормъ для двухъ лошадей, на которыхъ производили разъѣзды для осмотра⁸⁴.

Б, по части судебной:

Тіуны.

Въ стольныхъ и нестольныхъ городахъ учреждены были особые, назначаемые также изъ членовъ младшей княжеской дружины, чиновники подъ именемъ *тіуновъ*, которымъ предоставлялась судебная власть надъ народонаселеніемъ въ опредѣленныхъ округахъ, гдѣ не было городовъ; а центромъ служили станы или дворы, въ которыхъ жили кормленщики и ихъ тіуны⁸⁵.

Вирники.

Въ древней Россіи, отъ временъ Ярослава I (1019—1054) до XIV вѣка, всякіе проступки и уголовныя преступленія, по частнымъ гражданскимъ дѣламъ, обыкновенно наказывались денежными пенями, или, какъ выражались тогда, «вирую», отъ чего произошло и самое названіе *вирника*. Поэтому, обязанность вирника, о которой упоминается уже и въ первомъ писанномъ законѣ—въ Русской Правдѣ, состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы, по приговору суда, собирать въ извѣстномъ округѣ съ виновныхъ «виры», для обращенія ихъ въ доходъ казны княжеской. На этого чиновника возлагались также и производство слѣдствій⁸⁶.

Мѣтельники.

Относительно должности *мѣтельника*, профессоръ Н. А. Ивановъ говоритъ, что въ древней Россіи была въ употребленіи символическая система письменъ, какъ это можно заключить изъ того, что, въ числѣ разныхъ гражданскихъ дѣльцовъ,

встрѣчаются должностныя лица, специальное занятіе которыхъ состояло въ намѣтываніи (въ нарѣзываніи) на жезлахъ, или доскахъ, знакахъ, выразившихъ такое или другое понятіе, отъ чего и назывались они мѣтельниками или мѣтниками. Таковъ способъ сообщенія мыслей, посредствомъ символическихъ зна-
ковъ, существовалъ въ древней Россіи до изобрѣтенія, въ 863 году, великими первоучителями и просвѣтителями славянъ, уроженцами и жителями города Солуни, братьями Кирилломъ и Меодіемъ, славянской азбуки, и до созданія ими, такимъ образомъ, книжнаго и письменнаго языка ³⁷. По введеніи въ древней Россіи этихъ азбучныхъ знаковъ со временъ Владимира Св. (988 — 914) и, по распространеніи въ слѣдствіе того, до нѣкоторой степени, грамотности въ ней, возникъ въ XIII вѣкѣ новый, небывалый дотошъ, разрядъ грамотныхъ людей, названныхъ съ греческаго *дьяками*, т. е. слугами по части письменной работы, которые окончательно замѣнили собою прежнихъ мѣтельниковъ, и вмѣсто ихъ, находились уже при судахъ и при важныхъ сановникахъ. Но такъ какъ грамотность сначала обязательна была преимущественно для духовенства, то можно думать, что духовныя лица, какъ первые грамотѣи, были и первыми дьяками, или, говоря нынѣшнимъ выраженіемъ, правителями канцелярій и секретарями нашихъ древнихъ князей ³⁸.

Дьяки.

Ябедники.

Названіе должностнаго лица — *ябедникъ* — окончательно не объяснено въ историческихъ памятникахъ. Дошли до насъ извѣстія, что, со времени появленія княжескихъ родовыхъ счетовъ вскорѣ по смерти Ярослава I, дружинники привыкли смотрѣть на отправленіе своихъ правительственныхъ и судебныхъ должностей, какъ на „кормленіе“, слѣдовательно, привыкли извлекать изъ этихъ должностей всевозможную для себя пользу, и, что, такъ какъ направленіе это произвело, въ концѣ XI и въ теченіе XII вѣка, дурное состояніе правосудія и доставило ему незавидную славу, то и самому должностному по судебной части лицу — ябеднику — даваемо было въ то время значеніе недобраго человѣка. При всемъ томъ, взявши въ соображеніе позднѣйшій законодательный памятникъ — Судебникъ Іоанна IV, вышедшій въ 1550 году, гдѣ имя „ябед-

никъ“ означаетъ повѣреннаго, который „затѣйливо чинить неправый искъ“, — можно, основываясь на этомъ, и слову „збедникъ“ дать смыслъ стряпчаго, или ходатая по дѣламъ³⁹.

В, По части придворной:

Во дворцѣ князя составляли домашнюю его прислугу и назначались, для исправленія должностей непосредственно при немъ и при его хозяйствѣхъ, слѣдующіи, также подъ разными наименованіями, лица: *казначей, ключникъ, покладникъ, конюшій, стольникъ, меченоса*. На существованіе, въ продолженіе описываемаго періода, во дворцѣ княжескомъ служебныхъ должностей, подъ именемъ казначея и ключника, указываютъ два извѣстія. Въ одномъ говорится, что кievскій князь Ростиславъ Мстиславичъ, похоронивъ дядю своего, старца Вячеслава, скончавшагося въ 1156 году, созвалъ во дворцѣ вельможъ, въ томъ числѣ казначеевъ и ключниковъ умершаго дяди, велѣлъ принести все имущество — одежды, золото, серебро, — и все роздалъ по монастырямъ, церквамъ и богадѣльнямъ⁴⁰. Въ другомъ извѣстіи упоминается, что въ службѣ великаго князя Владимірскаго, Андрея Боголюбскаго, изъ новокрещенныхъ иноземцевъ, находился Ясъ, именемъ Анбалъ; онъ получилъ мѣсто ключника и большую силу во всемъ дворцѣ⁴¹. Слѣдовательно придворныя должности казначея и ключника были чисто хозяйственныя: первому поручалась княжеская казна, золото, серебро и другія драгоценности, — второй завѣдывалъ кладовыми и хранившимися въ нихъ княжескими платьями, вещами и вообще пожитками⁴².

Что же касается прочихъ, занимавшихъ придворныя должности, лицъ, — покладника (позднѣйшаго спальника или постельника), конюшаго, стольника и меченоса, — то всѣ эти четыре званія объясняются изъ самыхъ словъ, указывающихъ прямо на должности⁴⁴.

ГЛАВА IV.

Вознагражденіе княжеской дружины за военную службу. — Вознагражденіе княжеской дружины за гражданскую службу. — Значеніе членовъ княжеской дружины въ современномъ обществѣ.

Вознагражденіе княжеской дружины за военную службу.

Дружинники княжескіе, по случаю частыхъ перемѣщеній князей, рюриковичей, изъ волости въ волость, а также по причинѣ предстоявшей для дружинниковъ нужды въ защитѣ границъ русской земли, угрожаемыхъ внѣшними врагами⁴⁴, не могли получать осѣдлости въ русскихъ областяхъ; а при неосѣдлости, трудно было имъ вступить въ непосредственныя, прочныя отношенія къ княжескимъ волостямъ, и получать въ нихъ первенствующее земское значеніе, въ качествѣ постоянныхъ защиточныхъ землевладѣльцевъ. По крайней мѣрѣ, въ виду нѣтъ положительныхъ историческихъ извѣстій, получали ли дружинники, въ описываемое время, какъ высшій классъ людей, какія либо помѣстья отъ князя? Да едва ли притомъ было удобно и выгодно тогда дружинникамъ брать въ помѣстье землю, которой было много у русскаго князя, и которую онъ могъ раздавать своимъ слугамъ, и главное—землю безъ народонаселенія, безъ обрабатывающихъ ее рукъ?⁴⁵

Нѣтъ сомнѣнія, что у нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ дружинниковъ могли быть въ стольномъ городѣ собственные дома (хоромы)⁴⁶, и внѣ города—сѣла, жилия мѣста—земли съ населеніемъ⁴⁷, тѣмъ болѣе, что сѣла, какъ видно изъ современныхъ лѣтописныхъ источниковъ, могли быть въ частномъ владѣніи и приобретаться покупкою⁴⁸. Но, имѣть это населеніе, не всякій былъ въ состояніи: оно сопряжено было съ большими затрудненіями, потому что составлялось изъ военноплѣнныхъ людей, взятыхъ въ битвѣ съ непріателемъ⁴⁹, изъ купленныхъ кевольниковъ или рабовъ, лишенныхъ всякихъ гражданскихъ правъ⁵⁰, наконецъ, изъ наймитовъ или послужильцевъ, жившихъ по записямъ на господской землѣ и въ господскихъ домахъ⁵¹.

Очевидно, что дружинникамъ было гораздо выгоднѣе, оставаясь при князѣ, или ходить съ нимъ на войну къ народамъ, еще не покореннымъ, за добычей, получаемой при нападеніи на города и селенія и составлявшей, по современнымъ поня-

тѣмъ, всякое имущество, какъ то: деньги, оружіе, разные пожитки, хлѣбъ, стада лошадей, рогатый скотъ, овцы и проч., а также плѣнные мужчины, женщины и дѣти ⁵², — или же отправляться съ княземъ въ племена, ему подчиненнымъ, за полученіемъ главнаго его дохода — *дани*, состоящей въ пушных мѣхахъ, воскѣ, мѣдѣ и въ другихъ естественныхъ произведеніяхъ страны, и продавать эту дань чужимъ народамъ; — словомъ, выгоднѣе было дружинникамъ, вмѣсто земельныхъ за свою службу участіемъ, получать содержаніе непосредственно отъ князя ⁵³. Этотъ способъ вещественнаго или денежнаго вознагражденія дружинниковъ, отбывавшихъ военную службу, дѣйствительно и былъ употребляемъ во все продолженіе описываемаго періода, и, такъ какъ личныя договорныя отношенія дружинниковъ къ князю утвердились преимущественно на денежныхъ выгодахъ, то они и оставались на службѣ у того изъ князей русскихъ, который доставлялъ имъ сравнительно лучшее и вполне обезпеченное содержаніе ⁵⁴.

Иной способъ вознагражденія введенъ былъ за службу тѣмъ княжескихъ дружинниковъ, которые назначались княземъ къ отправленію должностей внутренняго гражданскаго устройства, по части правительственной и судебной. Эти послѣдніе члены дружины, въ званіи посадника, тиуна и др. ⁵⁵, получали въ *кормленіе* ⁵⁶ областныя города съ приписанными къ нимъ округами, въ составъ которыхъ входили поземельныя владѣнія, подъ разными наименованіями, какъ то: земли княжескія, земли, принадлежавшія частнымъ владѣльцамъ и православному духовенству ⁵⁷. Обыкновеннымъ предметомъ кормленія былъ судъ, со всеми принадлежащими въ нему доходами. Въ каждомъ административномъ округѣ дружинникъ, въ качествѣ гражданскаго правителя и судьи, получалъ болѣе или менѣе опредѣленный доходъ отъ мѣстнаго населенія, которое, за труды по управленію округомъ и рѣшенію тяжёбныхъ и уголовныхъ дѣлъ, должно было давать правителю или судѣ, и подчиненнымъ имъ чиновникамъ (назначавшимся также изъ княжескихъ дружинниковъ), «личное кормленіе», платить судебныя пошлины, братья ими на себя, а не на князя, да уплачивать «виру» (денежную пеню) за убійство, въ томъ случаѣ,

Вознагражденіе княжеской дружины за гражданскую службу.

если убійцы не было на лицо, съ котораго бы надлежало взыскать эту постановленную закономъ, въ пользу правителя или судьи, пеню, не говоря уже о дѣлаемыхъ ему мѣстнымъ населеніемъ добровольныхъ пожертвованіяхъ, или, по современному выраженію, поминкахъ, которыя давались не за дѣло, а изъ чести⁵⁸. — Очевидно, что судъ—одинъ изъ основныхъ элементовъ государственной власти — рассматривался тогда, какъ источникъ дохода въ видѣ временной или даже постоянной аренды⁵⁹, и что «кормленіемъ» назывались въ древней Россіи доходныя статьи, даваемыя дружинникамъ, вмѣсто денежнаго жалованья, за службу, въ условное пользованіе тогда, когда они посылались въ области для управленія вообще и для судопроизводства въ особенности — посылались для того, чтобы отъ имени князя творить радъ и судъ⁶⁰.

Значеніе членовъ княжеской дружины въ современномъ обществѣ.

Въ заключеніе ко всему изложенному о княжеской дружинѣ, существовавшей въ первый періодъ древней Россіи (862—1240), надлежитъ присовокупить, что всякій князь, особливо, даже самаго малаго своего княженія, каковыми были, напримѣръ, около 1161 года, изъ полоцкихъ волостей, княжества минское, вяславское, дружкое, городецкое, сохранялъ значеніе полноправнаго князя, и потому управлялъ независимо своею областію⁶¹, имѣлъ отдѣльную свою дружину — бояръ, гридей, отроковъ, — своихъ должностныхъ лицъ по части правительственной и судебной, каковыми были посадники, тысяцкіе, тиуны и многіе другіе, и, наконецъ, свой дворъ и домашнюю при немъ прислугу, носившую названіе казначей, ключника, конюшаго⁶², и т. д.

Всѣ показанныя выше лица, княжескіе чиновники, находились ли они въ составѣ исключительнаго военнаго отряда, или исправляли, по назначенію князя, гражданскія должности — всѣ они вообще составляли собою въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ высшій, первенствующій классъ людей⁶³.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ

ОТЪ ПОКОРЕНІЯ ТАТАРАМИ РОССІИ ДО ОБРАЗОВАНІЯ ИЗЪ
УДѢЛЬНЫХЪ КНЯЖЕСТВЪ ЕЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА
(1240 — 1462).

О КНЯЖЕСКОМЪ ДВОРѢ.

ГЛАВА I.

Порабощеніе татарами южной и сѣверной Россіи.—Господство въ южной Россіи общаго родоваго владѣнія ею для всѣхъ членовъ княжескаго рода.— Установленіе въ сѣверной Россіи для членовъ княжескаго рода отчины или удѣловъ.— Послѣдствія установивша въ сѣверной Россіи отчинности княжескихъ владѣній.— Усиленіе московскаго княжества и рядъ событій, способствовавшихъ къ этому усиленію.—

Начало разсматриваемаго втораго періода ознаменовалось, прежде всего, грознымъ нашествіемъ дикихъ татаръ, причинившихъ страшное разореніе въ обѣихъ половинахъ Россіи, южной и сѣверной. Внезапное появленіе въ первый разъ этихъ многочисленныхъ враговъ на границахъ южной Россіи вызвало въ князьяхъ ея необходимость вступить въ битву, въ которой, къ несчастію, потерѣли они отъ татаръ, 16 іюня 1224 года, при р. Калкѣ совершенное пораженіе⁶⁴. — Подъ предводительствомъ Батмы татары, въ концѣ 1237 года, вторглись и въ предѣлы сѣверной Россіи и разомъ низвергли тамъ почти всѣ княжескіе столы.—Вскорѣ тотъ же Батый очутился вновь въ южной Россіи, передъ Кіевомъ, и, не смотря на геройскую защиту гражданами своихъ городскихъ укрѣпленій, взялъ, ограбилъ, слегъ этотъ прославленный пребываніемъ великихъ князей столичный городъ въ роковую день, 6 декабря 1240 года. Съ тѣхъ поръ началось въ Русской землѣ господство татаръ, угнѣтавшее всюю тяжестію своею почти два съ половиною вѣка

Порабощеніе
татарамъ юж-
ной и сѣверной
Россіи.

сѣверо-восточную Россію, центромъ которой, въ отношеніи политической и умственной жизни, сперва былъ Владиміръ Клязменскій, а потомъ заступила его мѣсто великая Москва ⁶⁵.

Господство въ южной Россіи общаго родового владѣнія для всѣхъ членовъ княжескаго рода.

Со временъ Ярослава I (1019—1054), южную Россію составляли княжества: Киевское, Черниговское, Переяславское, Смоленское, Волынское, Туровское и др., а стольнымъ городомъ былъ въ ней Киевъ ⁶⁶. Между членами княжескаго рода, между всѣми удѣльными князьями, существовала связь чисто-родовая; всѣ договоры, опредѣлявшіе взаимныя ихъ отношенія, заключались ими на правахъ совершенно равныхъ; въ договорныхъ грамотахъ того времени нѣтъ выраженій, которыя указывали бы на отношенія государственныя; не было тогда единогодержавнаго государя, а владѣлъ Россіею весь княжскій Ярославовъ родъ нераздѣльно, сообща, считавшій себя въ правѣ дѣлить ее между своими единокровными, на основаніи родового старшинства (сеньората) ⁶⁷. Отсюда явилось понятіе, что старшій по возрасту въ цѣломъ княжескомъ родѣ, по мужской линіи, имѣлъ право быть великимъ княземъ и сидѣть на главномъ столѣ въ лучшемъ русскомъ городѣ, въ Киевѣ ⁶⁸. Но какъ степени старшинства князей, при единствѣ рода, были переходныя, то смерть князя, занимавшаго главный столъ, провадила повсемѣстное перемѣщеніе многочисленныхъ князей изъ одной волости (княжества) въ другую ⁶⁹, съ младшаго стола на старшій, смотря потому, какая волость соотвѣтствовала степени ихъ старшинства, или приближенія ихъ въ родоначальнику ⁷⁰. Такимъ образомъ, когда умиралъ киевскій князь, старшій по немъ въ родѣ занималъ столъ киевскій, слѣдующій за нимъ перемѣщался въ Туровъ или Переяславль, которые были чѣмъ-то въ въ родѣ кандидатуръ на занятіе киевскаго стола. Точно такая же передвижка происходила и въ остальныхъ княжествахъ. — При этомъ каждый изъ князей, въ предѣлахъ полученной имъ въ особое владѣніе и пользованіе волости, хотя бы владѣніе это состояло изъ небольшого городка или влочка земли, — былъ самостоятельнымъ и независимымъ владѣльцемъ относительно внутренняго управленія своимъ удѣломъ ⁷¹. — Что жъ касается титула великаго князя, то оно не давало ему надъ прочими князьями какой либо

власти, и его влияние на другихъ измѣрилось не столько са-
момъ, сколько умомъ княжеской личности и умѣнемъ пока-
зать свою силу ⁷². Очевидно, что при такомъ порядкѣ вещей,
не существовало тогда въ южной Россіи вотчиннаго права, по
второму сынъ могъ владѣть тѣмъ, чѣмъ владѣлъ отецъ, и
слѣдовательно не существовало и вотчинъ въ смыслѣ отдѣль-
ныхъ для каждаго князя волостей, не выходящихъ изъ из-
вѣстной линіи княжескаго рода, — а каждый князь былъ только
временнымъ властителемъ доставшейся ему по родовымъ отно-
шеніямъ волости ⁷³.

Въ составъ *сѣверной* Россіи — этаго ядра русскаго госу-
дарства — входили области: Новгородская, Ростовско-Суздаль-
ская съ Бѣлоозеромъ, Муромская, Рязанская и др. ⁷⁴. У кня-
зей ростовско-суздальской области, съ половини XII вѣка,
проявилось стремленіе въ замѣнѣ общаго родоваго владѣнія
князей правомъ наследственности въ одной нисходящей линіи,
къ замѣнѣ частныхъ отношеній государственнымъ — времен-
наго многовластія постояннымъ единовластіемъ. Починъ та-
кого нововведенія въ сѣверной Россіи принадлежитъ князю
Юрію Владиміровичу Долгорукому (1155 — 1157), жившему
постоянно на сѣверѣ въ ростовско-суздальской области ⁷⁵,
получившей имъ отъ отца своего Владиміра Мономаха, пере-
шедшаго на кievскій столъ въ 1113 году ⁷⁶. Встрѣтивъ въ
мѣстныхъ земскихъ боярахъ самоуправство и явныхъ против-
никовъ своей власти, и сообразивъ, что одно изъ первыхъ пред-
ставлявшихся тогда условий силы и безопасности есть заселе-
ніе областей и строеніе городовъ, Юрій, для борьбы съ ними,
принялся строить новые города, изъ которыхъ извѣстѣйшіе —
Владимірѣ на р. Клязьмѣ, Переяславль-Залѣскій и упоминае-
мая въ первый разъ, въ 1147 году, Москва. Населивъ эти го-
рода приглашенными изъ разныхъ мѣстъ Русской земли людь-
ми и привлекиши ихъ къ себѣ разными льготами, онъ заста-
вилъ самоуправныхъ дотолѣ земскихъ бояръ безпрекословно
повиноваться своей волѣ ⁷⁷.

Установленіе
въ сѣверной
Россіи для чле-
новъ княжеска-
го рода отчизнъ
или удѣловъ.

Сынъ Долгорукаго, Андрей Боголюбскій (1169 — 1174),
утвердивъ пребываніе свое въ городѣ Владимірѣ на Клязьмѣ;
продолжалъ начатое отцемъ дѣло привлеченія переселенцевъ

въ свою волость, подавленія вѣчевыхъ порядковъ въ старинныхъ городахъ ростовско-суздальской области, и созданія въ ней единовластиа⁷⁸). Онъ выдѣлилъ изъ общаго владѣнія рода Ярославова ростовско-суздальскую область, обособилъ ея, а между тѣмъ усиливъ свою власть при содѣйствіи новыхъ преданныхъ ему городовъ, гдѣ воля его ничѣмъ не стѣснилась, явился на сѣверѣ, среди другихъ русскихъ князей, великимъ княземъ уже не по родовымъ отношеніямъ, а по праву матеріальной своей силы⁷⁹.

Двигателями новаго порядка въ сѣверной Россіи явились потомъ два сына Всеволода Юрьевича, племянники Боголюбскаго, Ярославъ (1238—1246) и Святославъ (1246—1252), княжившіе одинъ послѣ другаго.

Въ поработенной татарами сѣверной Россіи Ярославъ Всеволодовичъ былъ первымъ, утвержденнымъ въ Золотой Ордѣ, великимъ княземъ. По занятіи великокняжескаго стола, онъ, въ качествѣ старшаго, назначилъ волости младшимъ князьямъ не во временное владѣніе, а въ отдѣльныя каждому изъ нихъ *отчины* или *удѣлы*. Оставивъ, такимъ образомъ, за собою прежнюю свою волость, Переяславль, которою владѣлъ до повышенія своего въ великокняжеское достоинство, Ярославъ утвердилъ за братомъ своимъ, Святославомъ, городъ Юрьевъ, перешедшій къ нему по смерти отца, придавъ еще къ этой отчинѣ и Суздаль; другому брату, Ивану, отдалъ Стародубъ Сѣверскій; наконецъ, ростовскую волость князя Василя Константиновича, скончавшагося въ 1238 году, отдалъ не брату его Владимиру Углицкому, какъ бы то слѣдовало по старинному порядку, а сыновьямъ Василя, изъ которыхъ старшій, Борисъ, сѣлъ въ Ростовъ, а младшій, Глѣбъ, на Бѣлосверѣ⁸⁰.

Подобнымъ образомъ распорядился и Святославъ Всеволодовичъ, наслѣдовавшій послѣ брата старшинство и владимірскій столъ. Онъ утвердилъ сыновей Ярославовыхъ на удѣлахъ, данныхъ имъ покойнымъ ихъ отцемъ⁸¹, и въ слѣдствіе сего, остались въ вотчинномъ владѣніи: за Александромъ⁸² Переяславль⁸³, за Ярославомъ — Тверь⁸⁴ — за Михаиломъ — Москва⁸⁵, за Василемъ — Кострома⁸⁶.

Послѣдствія

Такое распоряженіе волостями, сдѣланное Ярославомъ и

Святославомъ Всеволодовичами, въ исходѣ первой половины XIII вѣка, и обнаружившее господство отчинности, тотчасъ обособилось въ исторіи сѣверной Россіи слѣдующими явлениями: 1) Княжескія волости стали переходить, по новому порядку, отъ отцевъ прямо къ старшимъ сыновьямъ по нисходящей линіи, исключая одну волость владимірскую, на получение которой и соединеннаго съ нею великокняжескаго титула имѣлъ право только старшій членъ въ княжескомъ родѣ⁸⁷. 2) Употребленное тогда впервые слово «удѣлы» въ смыслѣ отдѣльныхъ княжескихъ отчинъ или наследственныхъ владѣній, остающихся постоянно при одной известной княжеской линіи, удержало такое свое значеніе на сѣверѣ и въ послѣдующее время⁸⁸, а съ появленіемъ «удѣловъ», князья прекратили передвижку изъ волости въ волость и усѣлись каждый въ своей наследственной волости, какъ нестѣплемомъ уже владѣніи⁸⁹. 3) При такомъ значеніи волостей на сѣверѣ, каждый князь смотрѣлъ на свой наследственный удѣлъ, какъ на частную свою собственность, и, какъ частный собственникъ, отдѣленный отъ рода, считалъ себя въ правѣ завѣщать свою собственность кому хотѣлъ, даже продать свой удѣлъ другимъ князьямъ, и вообще во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ руководствовался только собственнымъ усмотрѣніемъ⁹⁰. 4) При ослабленіи общности владѣнія и по возникновеніи удѣловъ, на первый планъ выступили у князей имущественные интересы; каждый изъ нихъ сталъ стремиться къ тому, чтобъ усилить себя на счетъ другихъ, ибо для всѣхъ сдѣлалось очевиднымъ, что почетъ пріобрѣтался уже не столько положеніемъ на родственной лѣстницѣ, сколько силою, а сила зависѣла отъ количества владѣній; и, такъ какъ преимущественно каждый великій князь старался увеличить свой удѣлъ новыми примыслами и добиться могущества чрезъ сосредоточеніе въ однихъ своихъ рукахъ верховной власти, присвоенной удѣльнымъ князьямъ, и этимъ положить зародыши будущаго государственнаго подданства въ странѣ, то естественно встрѣчалъ на этомъ пути противодѣйствіе со стороны остальныхъ удѣльныхъ князей. Отсюда начало внутреннихъ потрясеній въ странѣ, начало вѣковой борьбы и постоян-

установленіи въ сѣверной Россіи отчинности княжескихъ владѣній.

ныхъ между князьями усобицъ, главною цѣлю которыхъ было усиленіе одного княжества на счетъ другихъ ⁹¹.

Усиленіе Московскаго княжества в рядъ событий, пособствовавшихъ къ этому усилению.

Изъ всѣхъ удѣльныхъ княжествъ, Московское, способствующее особенно благоприятными обстоятельствами и управляемое даровитыми князьями и искусными боярами, успѣло возрасти въ могущество въ своемъ преимущественно предъ другими на сѣверѣ, возвыситься на степень великаго княжества и, изъ объединенныхъ русскихъ земель, образовать единоедержавное московское государство, какъ это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго сжатаго перечня историческихъ фактовъ ⁹².

Усиленіе Москвы начинается съ того, что князь переяславскій Иванъ Дмитріевичъ, внучъ Александра Невскаго, умершій въ 1302 году, по праву владѣльческой собственности, завѣщалъ Переяславль младшему дядѣ своему, Даниилу Александровичу московскому; отъ чего область княжества московскаго увеличилась цѣлою областію княжества переяславскаго ⁹³.

Наслѣдовавшій, по смерти Даниила въ 1303 году, московскій столъ, сынъ его Юрій, присоединилъ къ своему удѣлу княжества можайское и коломенское ⁹⁴.

Въ 1325 году Юрію наслѣдовалъ братъ его, Іоаннъ Даниловичъ, по прозванію Калита (мѣшокъ съ деньгами), и княжилъ уже одинъ въ московской волости ⁹⁵. Калита не упускалъ удобнаго случая къ политическому своему возвышенію. Онъ поѣхалъ лично въ Орду къ хану Узбегу, возвратился оттуда въ 1328 году съ титуломъ великаго князя владимірскаго и, сдѣлавшись, въ слѣдствіе сего, впервые изъ удѣльнаго великимъ княземъ не по старшинству, а въ силу ханскаго повелѣнія, еще болѣе усилился, потому что не имѣлъ уже себѣ соперниковъ на этомъ пути ⁹⁶. — Вообще надобно замѣтить, что вся система Калиты направлена была къ тому, чтобы въ Русской землѣ, раздробленной и сдѣлавшейся добычей татаръ, создать политическое единство и утвердить въ ней самодержавіе. Къ счастью, его преемники, въ теченіе вѣка, постоянно слѣдовали этой системѣ, — и мысль, родившаяся въ умѣ Калиты, объ утвержденіи въ сѣверной Россіи единовластія и самодержавія, перешла въ дѣло при Іоаннѣ III (1462—1505).

Старшій сынъ Калиты, Симеонъ, наслѣдовавшій ему въ

1341 году, уже достаточно обнаружили, что его великокняжеское достоинство не было однимъ простымъ титуломъ: всѣ князья на сѣверѣ перестали быть равноправными ему родичами, а сдѣлались его подручными⁹⁷.

Преемникомъ Симеона, умершаго въ 1353 году бездѣтнымъ, былъ братъ его Іоаннъ, котораго сила вдвое увеличилась чрезъ соединеніе въ лицѣ своемъ двухъ удѣловъ, собственнаго и Симеонова, въ одно московское княжество, независимо отъ владимірской области, составлявшей также принадлежность князя, сидѣвшаго на великокняжескомъ столѣ⁹⁸.

Въ такомъ видѣ и объемѣ московское княжество перешло послѣ Іоанна, скончавшаго въ 1359 году, къ сыну его Дмитрію. По примѣру предковъ своихъ, Дмитрій не преминулъ увеличить родовую свою собственность, Москву, присоединеніемъ къ ней городовъ Углича, Бѣлоозера и Галича, которые куплены были еще дѣдомъ его Калитою, и, приведши въ волю свою независимаго тверскаго князя Михаила Александровича⁹⁹, съ полнымъ сознаніемъ своихъ силъ, рѣшился первый изъ русскихъ князей поднять оружіе противъ татаръ, предводимыхъ ханомъ Мамаемъ. У береговъ Дона, при устьѣ р. Непрядвы, на широкое Кулиновомъ полѣ, возгорѣлась 8 Сентября 1380 года битва, какой еще никогда не бывало на Русской землѣ; исходъ ея былъ тотъ, что побѣжденный Мамай обратился въ бѣгство¹⁰⁰. — Знаменитый историческій дѣятель и побѣдитель татаръ получилъ славное прозваніе «Донскаго»¹⁰¹.

Сынъ Донскаго, умершаго въ 1389 году, Василій Дмитріевичъ, стремясь, какъ и предки его, къ собранію Русской земли на сѣверѣ, къ наслѣдованіемъ имъ послѣ отца владѣніямъ, добытъ, по купленному имъ въ Ордѣ ярлыку, княжество нижегородское, а также города: Муромъ, Мещеру и Тарусу и, кромѣ того, не замедлилъ упрочить свое вліяніе въ Псковѣ, Новгородѣ, Твери и въ Рязани¹⁰².

Держась началъ новаго порядка престолонаслѣдія, Василій Дмитріевичъ, скончавшійся въ 1425 году, завѣщалъ старшіе столы владимірскій и московскій сыну своему Василію, который, не смотря на такое распоряженіе отца, встрѣтилъ соперника въ родномъ дядѣ, Юріѣ Дмитріевичѣ, и долженъ былъ

уже добыть себѣ Москву силою оружія въ 1447 году¹⁰³. Для устранения же на будущее время подобныхъ смуть и установленія владѣнія, свѣршеннаго единствомъ верховной власти, Василій Васильевичъ, обладая умѣньемъ извлекать пользу изъ уроковъ опыта, порѣшилъ избавиться отъ оставшихся еще тогда удѣльныхъ князей. Съ этою цѣлью онъ присоединилъ къ Москвѣ въ 1450 году Галичь, а въ 1454 году Можайскъ, заставивъ владѣльцевъ этихъ удѣловъ бѣжать — перваго въ Новгородъ, а послѣдняго въ Литву. Подобная участь постигла въ 1456 году и удѣлы серпуховскій, судальскій и рязанскій. Въ Новгородѣ же московскій князь утвердилъ власть свою вооруженною рукою, а въ Псковѣ — мирнымъ путемъ¹⁰⁴.

Событіями этими, совершившимися въ правленіе Василія Васильевича, великаго князя московскаго (1425—1462), до очевидности объяснилось, что новыя государственныя начала достаточно уже проникли и въ современное русское общество, какъ показываютъ это дѣйствія тогдашняго православнаго духовенства. Въ лицѣ своего митрополита и епископовъ, оно прямо объявило себя на сторонѣ новаго порядка престолонаслѣдія — отъ отца въ сына, а не отъ брата въ брата — и, высказавъ свою основную мысль о единой державѣ, пришло къ тому заключенію, что родовыхъ отношеній между князьями болѣе не существуетъ, и что удѣльные князья суть не братья великому князю московскому, т. е. не равные ему, но его подданные¹⁰⁵. — При такомъ направленіи общественнаго мнѣнія, естественно, что и оставшіеся еще тогда немногіе бессильные удѣльные князья должны были окончательно отказаться отъ своихъ владѣній въ пользу московскаго князя, и поступить подъ его верховную власть, въ число *служилыхъ князей*¹⁰⁶. — Вотъ почему въ княженіе Василія Васильевича чаще, чѣмъ прежде, встрѣчаются имена служилыхъ князей — такихъ лицъ, отъ которыхъ требовалось уже повиновеніе и исполненіе долга¹⁰⁷.

По примѣру предковъ своихъ, Василій Васильевичъ, умершій 27 Марта 1462 года, оставилъ духовное завѣщаніе, заключавшее въ себѣ распредѣленіе всего великокняжескаго владѣнія между его сыновьями. Въ видахъ утвержденія въ сѣвер-

ной Россіи единоподержавія, онъ отказалъ, по этому завѣщанію, старшему сыну Іоанну огромныя владѣнія¹⁰⁸.—

ГЛАВА II.

Начало осѣдлости дружины княжеской и появленіе между членами ея земельной собственности.—Вліяніе осѣдлости княжеской дружины на прекращеніе перехода членовъ ея на службу отъ одного князя къ другому.— Чины, составлявшіе княжескую дружину или дворъ: Боаре—думцы.—Служилые князья—Боаре большіе и путные. Дѣти болгарскіе.—Дворяне.

Коренныя измѣненія, происшедшія въ существовавшихъ прежде между княжескихъ отношеніяхъ, должны были непременно отразиться и на княжеской дружинѣ, которая въ описываемый періодъ называлась уже *княжескимъ дворомъ*. Одно изъ этихъ измѣненій обнаружилось, какъ выше упомянуто, въ осѣдлости удѣльныхъ князей, неподвижно утвердившихся въ однихъ извѣстныхъ княжествахъ, въ слѣдствіе установленной, въ исходѣ первой половины XIII вѣка, отчинности владѣній¹⁰⁹.

Начало осѣдлости дружины княжеской и появленіе между членами ея земельной собственности.

Естественно, что осѣдлость князей въ ихъ волостяхъ, благодаря неотразимому вліянію развившагося въ сѣверной Россіи новаго порядка вещей, должна была повести и дружину княжескую къ земельной осѣдлости и повліять на общественный и экономическій ея бытъ¹¹⁰, — къ чему значительно содѣйствовали, сверхъ того, и слѣдующія обстоятельства: 1) Установилось уже тогда опредѣлительно выработанное временемъ и событіями понятіе, что одинъ только членъ княжеской дружины, какъ принадлежащій къ правительственнымъ личностямъ и къ аристократіи вообще, долженъ совмѣщать въ себѣ, по отношенію къ государственнымъ требованіямъ, два характера: челоуѣка служилаго и землевладѣльца, и, въ слѣдствіе сего, одинъ онъ могъ и долженъ былъ владѣть земельною собственностію на правѣ вотчинномъ¹¹¹. 2) Не дозволялось чужимъ дружинникамъ покупать въ московскомъ княжествѣ сѣлъ, и только однимъ московскимъ дружинникамъ предоставлено было право приобретать въ уѣздахъ Москвы и въ области владимірской сѣла, — чѣмъ они въ дѣйствительности и пользовались¹¹². и 3) Такъ какъ московскіе князья могли распоряжаться въ своей

области обширнымъ незаселеннымъ пространствомъ земли, имѣвъ изъ частныхъ лицъ не владѣемой и именованной гсударевою, то они и отдавали удобные участки ея въ вотчинное владѣніе членамъ своей дружины, въ видѣ пожалованія за ихъ службу, съ правомъ населять данную землю всякаго рода людьми вольными и невольными, отовсюду приглашенными 113.

Очевидно изъ сказаннаго, что пріобрѣтенные членами дружины какъ покушкою, такъ и пожалованіемъ, земельные участки становились ихъ собственностію, имѣвшею важное значеніе основы государственнаго порядка и переходившею, по наследству, изъ рода въ родъ уже съ солиднымъ хозяйственнымъ обзаведеніемъ, котораго нельзя было имѣть дружинникамъ прежде, пока они не успѣли на своихъ земельныхъ участкахъ съ самостоятельнымъ характеромъ землевладѣльцевъ, обеспеченныхъ доходомъ съ этихъ участковъ 114.

Вліяніе осѣдлости княжеской дружины на прекращеніе перехода членовъ ея на службу отъ одного князя къ другому.

Тогда существовало еще во всей силѣ для дружины княжеской право свободнаго перехода отъ одного владѣтельнаго князя къ другому, отъ великаго къ удѣльнымъ, и наоборотъ, — и это право подтверждалось во всѣхъ договорахъ княжескихъ XIV вѣка и одинаково простиралось на всѣхъ членовъ старшей и младшей дружины 115. Но такъ какъ эти лица получили уже въ московскомъ княжествѣ прочную осѣдность — домъ, хозяйство и обеспеченное положеніе, — то считали для себя невозможнымъ отъѣзжать оттуда къ другому удѣльному князю 116. Объяснилось самымъ нагляднымъ образомъ, что сколько прежде, при множествѣ удѣльныхъ князей, при существованіи родового быта и передвижки князей изъ волости въ волость, представлялся выгоднымъ для дружинниковъ, получавшихъ денежное вознагражденіе за свою службу, переходъ отъ одного князя, менѣе богатаго, къ другому дававшему лучшее за службу содержаніе, — столько теперь, когда Москва, при новомъ порядкѣ вещей на сѣверѣ, значительно усилилась, а дружинники вообще и боярскіе роды въ особенности получили осѣдность на собственныхъ земельныхъ участкахъ, стало вовсе для нихъ невыгодно отъѣзжать изъ Москвы 117.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, существенныя видоизмѣ-

ненія въ половинѣ княжеской дружины или княжескаго двора, въ теченіе втораго періода.

Что же касается раздѣленія на классы членовъ княжеской дружины, принявшей уже, съ послѣднихъ годовъ XII столѣтія, названіе *княжескаго двора*, то они раздѣлялись, въ описываемый періодъ, такъ же, какъ и въ предыдущій, соотвѣтственно степенямъ должностей своихъ, на три служебные разряда, только съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ названій¹¹⁸.

Первый, по этому, разрядъ княжеской дружины составляли члены ея старшіе, *бояре — думы* князя. Они не только не потеряли ничего изъ прежняго значенія, которымъ отличались въ минувшее время, но еще болѣе возвысились отъ практической своей дѣятельности, проявлявшейся въ томъ, что они бывали свидѣтелями въ княжескихъ духовныхъ завѣщаніяхъ и стали вступать въ родственныя связи съ удѣльными князьями, часто женись на ихъ дочеряхъ, или выдавая своихъ дочерей за сыновей княжескихъ. Самъ великій князь Симеонъ отзывался съ похвалою о боярахъ вообще, поясняя, что «они были добрыми совѣтниками, хранителями правительственныхъ преданій, были такими сановниками, которые содѣйствовали къ утвержденію за московскими князьями первенства и, вообще, сильно желали ему Симеону и отцу его (Калитѣ) добра»¹¹⁹.

Но, кромѣ бояръ—думцевъ, въ составѣ перваго же разряда княжеской дружины появились еще чины подъ новыми названіями, — это были *служилые князья* и *бояре большіе и путные*¹²⁰.

Служилыми или служебными князьями названы прежніе владѣтельные князья племени Рюрикова и Гедиминова, которые, при стремленіи московскихъ князей усилиться въ ущербъ другимъ удѣльнымъ княжествъ, доведены были до необходимости отказываться отъ своихъ удѣловъ и сдѣлаться или подручными московскихъ князей, или же вовсе и безусловно поступить подъ неограниченную верховную ихъ власть и войти въ общій служебный распорядокъ. Поэтому, тѣ изъ нихъ, личность, которыя вынуждены были вступить на послѣдній путь, по отношенію къ великому князю московскому, сдѣлались тайными же подданными, какъ и другіе дружиннаго его состава слуги, и,

Чины, состав-
лявшіе княже-
скую дружину
или дворъ кня-
зя.

Бояре-думы.

Служилые
князья.

наравнѣ съ ними, награждались титуломъ боярскимъ и другими отличіями¹²¹, но, въ то же время, явились въ Москву съ притязаніями на болѣе важное, по отношенію въ тамошнимъ боярамъ, значеніе. Удержавъ за собою прованія, заимствованныя отъ князей, гдѣ прежде правительствовали, они заняли между боярами первое мѣсто, становясь, въ официальныхъ случаяхъ, выше ихъ, и, образовавъ изъ себя особый отдѣлъ старшей княжеской дружины, отгѣснили, такимъ образомъ, на второй планъ, или, какъ выражались тогда, «забавали» старыхъ бояръ, которые, конечно, не могли не оскорбляться такими дѣйствіями своихъ мѣстниковъ, такъ какъ послѣдніе, люди вновь пріѣзжіе, получали высшее значеніе не по заслугамъ, которыхъ и не могли еще оказать, а по знатности и по силѣ¹²². При всемъ томъ, такое уклоненіе отъ правильнаго хода дѣлъ было допущено по особымъ соображеніямъ. Оставленіе за бывшими удѣльными князьями принадлежавшихъ имъ титуловъ, включеніе ихъ въ составъ дружины московскаго князя съ предоставленіемъ права считаться выше бояръ и, сверхъ того, дозволеніе имъ распоряжаться частною недвижимою собственностію, — были три единственныя вещи, которыя могли хотя нѣсколько смягчить переходъ отъ ихъ стараго въ новому порядку. Но, дабы положить сразу преграду могущимъ возникнуть притязаніямъ означенныхъ новыхъ служебныхъ лицъ на прежнія ихъ родовыя и владѣльческія права, постановлено было: служилыхъ князей, въ случаѣ отъѣзда ихъ изъ московскаго въ другія, существовавшія еще тогда, удѣльныя княжества, лишать и тѣхъ немногихъ вотчинъ, которыя оставались еще за ними, послѣ утраты ими своей независимости¹²³. — Имена служилыхъ князей встрѣчаются уже со временемъ Дмитрія Іоанновича Донскаго (1362—1389) и въ особенности часто упоминается объ нихъ въ княженіе внука его Василія Васильевича (1425—1462)¹²⁴. На службѣ этого князя виднѣе другихъ являются: изъ Рюриковичей — князья Рязановскіе и Палецкіи, потомки Іоанна Всеволодовича Стародубскаго, и Оболенскіе, потомки св. Михаила Черниговскаго; а изъ Гедиминовичей, пришельцевъ литовскихъ — князь Юрій Патриѣ-

вить, явуетъ Наримантовъ, поступившій на службу въ московскому князю Василію Дмитріевичу, сыну Донскаго ¹²⁵.

Далѣе, въ первому изъ разряду относились, какъ видно ска- Боляре большіе
и путные.
зано, большіе боляре и боляре меньшіе. Лица, носившія эти два названія, имѣли равное значеніе въ томъ смыслѣ, что входили въ составъ лучшей, благороднѣйшей части княжескаго военнаго отряда и именовались «великокняжескимъ дворомъ», но различались другъ отъ друга своимъ административнымъ характеромъ. Такъ, «большой или введенный бояринъ» (оба эти названія однозначащія) былъ правитель города, получавшій для себя въ «порученіе» городъ съ принадлежавшими къ нему волостями. Въ послѣдствіи же времени, въ началѣ XVII вѣка, на боярина съ этимъ названіемъ возлагались, по распоряженію монастырскаго приказа, судебно-гражданскія дѣла въ привилегированныхъ церковныхъ владѣніяхъ, изъятыхъ отъ суда намѣстника или волостеля, и другія занятія, какъ то: опись монастырскихъ имѣній, производство слѣдствій и проч., и потому именовъ, кромѣ его, не имѣлъ права ни вѣзывать въ монастырскія владѣнія, ни производить въ нихъ судъ. — Иное назначеніе было «путнаго боярина». Ему давалось земли или известныя доходныя княжескія статьи; съ правомъ собирать на путяхъ или дорогахъ пошлину для своего содержанія, отъ чего и получилъ носимое имъ названіе. Но, для назначенія путному боярину этого содержанія, необходимо долженъ былъ онъ имѣть еще какую нибудь придворную должность, которой присвоивались бы опредѣленные доходы; такъ, напримѣръ, если онъ былъ конюшимъ, то пользовался доходами съ волостей, назначенныхъ на конюшенный «путь» (старинное слово «путь» означало то же что «докодъ»)¹²⁶.

Замѣтитъ пріятномъ надобно, что званіе боярское въ описываемое время, какъ и при первыхъ варяго-русскихъ князьяхъ, никогда не было наследственнымъ; въ это званіе возводилъ владѣтельный князь, давая его сыновьямъ своимъ старшихъ бояръ соотвѣтственно ихъ заслугамъ и достоинству, а иногда и новымъ дружинамъ своей лица, по разнымъ другимъ условіямъ, въ числу которыхъ относилось, напримѣръ, происхожденіе даннаго лица отъ любимаго княземъ придворнаго слуги и т. п. —

На этомъ основаніи, даже члены втораго и третьяго разряда, составлявшіе младшую дружину, могли сдѣлаться боярами съ значеніемъ старшихъ членовъ княжеской дружины¹²⁷.

Дѣти боярскіе. Ко второму разряду княжеской дружины принадлежали младшіе члены ея, называвшіеся *дѣтьми боярскими*¹²⁸. Въ первый разъ упоминается объ нихъ въ договорной грамотѣ московскаго князя Василія Васильевича съ боровскими — Василіемъ Ярославичемъ, въ 1433 году¹²⁹. Самое названіе уже показываетъ, изъ чего составлялся этотъ воинскій отрядъ¹³⁰. — Боярство, какъ уже объяснено, было личное званіе; но въ потомствѣ сохранилось воспоминаніе о боярствѣ отцевъ или дѣдовъ. Отсюда и явился особый классъ «дѣтей боярскихъ». Въ началѣ они были на самомъ дѣлѣ дѣти тѣхъ, которые носили званіе бояръ; но какъ сами они не могли уже сдѣлаться боярами и получить при дворѣ соответственное этому чину мѣсто, то и оставались съ тѣмъ наименованіемъ, которое означало ихъ дѣйствительное происхожденіе. Послѣдніе сообщали и своимъ дѣтямъ то же званіе, какое сами носили, и, такимъ образомъ, дѣти и внуки и дальнѣйшіе потомки стали называться «дѣтьми боярскими». Удержавъ это названіе, они обыкновенно служили князьямъ въ дружинѣ, и, въ слѣдствіе сего, званіе «дѣтей боярскихъ» соединилось съ званіемъ людей служилыхъ. Въ позднѣйшее время на дѣтяхъ боярскихъ, составлявшихъ уже самый многочисленный классъ военныхъ людей, лежала непремѣнная обязанность службы: они, по первому требованію, являлись вооруженные съ своими людьми подъ знамена князей, какъ это ясно обозначилось при новомъ строѣ русской державы въ московскомъ государствѣ¹³¹. — Въ настоящемъ періодѣ встрѣчается еще иногда названіе «мужи», имѣвшіе, какъ уже извѣстно, характеръ преимущественно военный и потому считавшіеся въ числѣ членовъ втораго разряда княжеской дружины¹³².

Дворяне. Третій разрядъ княжеской дружины хотя удержалъ старое наименованіе «отроговъ», составлявшихъ собственно домашнюю княжескую прислугу, «слугъ вольныхъ людей дворныхъ»; но въ послѣдствіи принялъ другое названіе, названіе «дворяны», появившееся, какъ упомянуто въ первомъ періодѣ, при

Андрѣ Боголюбскомъ, въ смыслѣ придворныхъ слугъ, или лицъ, составлявшихъ княжескую свиту — княжескій дворъ¹⁸³.

О первоначальномъ появленіи въ сѣверной части древней Россіи названія «дворянинъ», сохранился въ историческихъ памятникахъ разсказъ, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ. Князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, сынъ великаго князя кѣвскаго Владиміра Всеволодовича Мономаха (1113—1125), ѣхалъ съ дружиною, въ 1147 году, изъ Кіева въ волость старшаго сына своего Андрея Боголюбскаго, въ Владиміръ на Клязьмѣ, по той мѣстности, гдѣ теперь красуется русская столица Москва. Тутъ были богатые сѣла и слободы, которыми владѣлъ земскій бояринъ Степанъ Ивановичъ Кучко. Онъ встрѣтилъ князя недружелюбно и гордо, за что и казненъ былъ смертію, а дѣти его — два сына Петръ и Якимъ и дочь Улита, — по приказанію Юрія, отосланы къ сыну его Андрею во Владиміръ. Женившись на Улитѣ, князь Андрей сдѣлалъ ея братьевъ, тогда еще молодыхъ и благообразныхъ юношей, самыми близкими къ себѣ при дворѣ слугами, которые, поэтому, не были обыкновенными дружинниками, имѣвшими по тогдашнему обычаю право, при первомъ неудовольствіи, перейти въ службу другаго удѣльнаго князя, а находились при Андреевомъ дворѣ въ исключительномъ положеніи и, отъ такой близости къ князю, получили названіе «дворянъ». Но Кучковичи, не успѣвъ, по молодости лѣтъ, отомстить князю Юрію, скончавшемуся 10 мая 1157 года, мстили сыну его Андрею, — и сдѣлали страшный заговоръ объ умерщвленіи его. Въ заговорѣ участвовали: Якимъ Кучко, зять его вельможа Петръ, включникъ княжескій Анбалъ и другіе. Въ глубокую ночь, 29 іюня 1174 года, заговорщики ворвались во дворецъ, устроенный въ селѣ Боголюбовѣ, гдѣ жилъ князь Андрей, и злодѣйски умертвили его; потомъ, разграбивъ казну и всѣ сокровища его, вооружили многихъ «дворянъ», пріятелей своихъ и слугъ, и послали ихъ объявить владимірскимъ боярамъ о смерти великаго князя Андрея¹⁸⁴. — Такимъ образомъ, когда, со временъ князя Андрея Боголюбскаго, выступилъ изъ за дружины дворъ или домъ князя, возникло и производное отъ этого слова названіе «дворянинъ»; всѣ лица, составлявшія

младшую княжескую дружину, стали именоваться *двором*, и, вслѣдствіе сего, получили общее, новое названіе «дворянъ», удержавъ за собою прежнія дружинныя обязанности и значеніе второстепенныхъ на служебной лѣстницѣ княжескихъ слугъ. Ясно, что наименованіе измѣнилось, но основной характеръ окружающихъ князя — характеръ военный — остался неизмѣненнымъ 135.

ГЛАВА III.

Чиновники, назначаемые изъ княжескихъ дружинниковъ на гражданскія должности. — По части правительственной: Намѣстникъ. — Волостели. — Становщики. — Околичники. — По части судебной: Тіуны. — Пристава. — Доводчики. — Дьяки. — Подьячіе. — Писцы. — По части придворной: Дочій. — Дворецкій. — Окольничій. — Чапникъ. — Печатникъ. — Рывда. — Истопникъ.

Чиновники, назначаемые изъ княжескихъ дружинниковъ на гражданскія должности.

Обзоръ дальнѣйшей исторіи княжеской дружины показываетъ, что члены ея были по-прежнему высшими и низшими органами верховной власти князя въ учрежденіяхъ правительственномъ, судебномъ и придворномъ; но въ самомъ составѣ членовъ, по завѣдыванію этими главными отраслями внутренняго управленія, въ теченіе описываемаго періода, встрѣчаются слѣдующія измѣненія.

А. По части правительственной:

Намѣстникъ.
Волостели.
Становщики.
Околичники.

Высшій сановникъ, именовавшійся посадникомъ, замѣненъ новымъ, получившимъ названіе *намѣстника*. Другой, не менѣе значительный, древній чинъ тысяцкого вовсе упраздненъ при Димитріи Донскомъ, въ 1374 году, со смертію носившаго это званіе Василія Васильевича Вельяминова. Равнымъ образомъ не упоминаются уже болѣе и чиновники низшей степени — мытники, городники, мостники; за то появляются новыя должностныя лица подъ именемъ *волостелей*, *становщиковъ* и *околичниковъ* 136.

Б. По части судебной:

Тіуны. Пристава.
Доводчики.
Дьяки. Подьячіе.
Писцы.

Званіе *тіуна* осталось и теперь въ прежнемъ своемъ значеніи, но состоявшіе при немъ, въ качествѣ дѣлопроизводителей и исполнителей судебныхъ приговоровъ, *вирики*, *мѣтельники* и *ябедники* отмѣнены и учреждены, для выполненія тѣхъ же

обязанностей, иные слуги, именно: для разбирательства дѣлъ— *приставы* и *досводчики*, а для письменнаго дѣлопроизводства— *дьяки*, *подьячье*, *писцы*, послѣдніе двухъ категорій: одни въ качествѣ дьяковъ, другіе въ качествѣ чиновниковъ, употребившихся для составленія описей землямъ¹³⁷.

В. По части придворной:

Сверхъ извѣстныхъ уже изъ предъидущаго періода княжескихъ слугъ — *казначей*, *включника*, *повладника*, *воноюшаго*, *стольника* и *меченоси*, — установлены еще новые чины двора великокняжескаго: *ловчий*, *дворецкій*, *окольникій*, *чашникъ*, *печатникъ*, *рында*, *истопникъ*¹³⁸.

Довчій. Дворецкій. Овольничій. Чашникъ. Печатникъ. Рында. Истопникъ.

Примѣчаніе. Подробныя объясненія занятій указанныхъ здѣсь чиновниковъ по вѣдомствамъ правительственному, судебному и придворному, изложены будутъ въ подлежащихъ мѣстахъ слѣдующаго третьяго періода, такъ какъ кругъ дѣятельности каждаго изъ тѣхъ чиновниковъ представляется исторіею въ томъ періодѣ въ болѣе обработанномъ видѣ.

ГЛАВА IV.

Назначеніе дружинникамъ участвовать земли за военную службу, и посылка ихъ на кормленіе за отправленіе гражданскихъ должностей.

Способъ вознагражденія дружинниковъ за службу остался почти прежній. Правда, установленіемъ новымъ можно считать то, что для ихъ содержанія жалуемы были имъ, изъ княжескихъ селъ и волостей, земельные участки въ полное владѣніе; но сохранилась также и старина: дружинники пользовались еще, какъ и въ предъидущемъ періодѣ, «кормленіемъ», т. е. правомъ получать, за выполненіе служебныхъ своихъ обязанностей, опредѣленные, по навазному списку или приблизительной смѣтѣ правительства, доходы отъ данныхъ имъ на извѣстный срокъ, при посылкѣ на кормленіе, волостей съ мытами, угодьями, перевозами, поплинами и прочими сборами¹³⁹. Такъ, изъ духовнаго завѣщанія Іоанна Даниловича Калиты (1325—1341) видно, что онъ «отдалъ купленное имъ

Назначеніе дружинникамъ участковъ земли за военную службу, и посылка ихъ на кормленіе за отправленіе гражданскихъ должностей.

село Богородицкое Борису Воркову, за службу и подъ условіемъ службы, съ такимъ ограниченіемъ, что село это останется за нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ служить которому нибудь изъ сыновей завѣщателя, въ противномъ случаѣ отъ него отнимается село». — Старшій сынъ Калиты, Симеонъ Иоанновичъ (1341 — 1353), также упоминаетъ въ завѣщательномъ своемъ актѣ о пользованіи доходами съ «кормленія» въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «если кто нибудь изъ бояръ моихъ станетъ служить моей княгинѣ и будетъ вѣдать волости, то обязанъ отдавать княгинѣ моей половину изъ получаемого имъ отъ нихъ дохода или прибытка». — Еще опредѣлительнѣе сказано о боярскомъ кормленіи съ договорной грамотѣ внука Калиты, Дмитрія Иоанновича Донсваго (1359 — 1389) съ двоюроднымъ братомъ его, Владиміромъ Андреевичемъ серпуховскимъ, въ виду существовавшей тогда полной свободы дружинниковъ исвать службы, по своему желанію, у великаго или удѣльнаго князя: «который бояринъ поѣдетъ изъ кормленія отъ тебя ли ко мнѣ, отъ меня ли къ тебѣ, а службы не отслуживъ (срока назначеннаго для его службы), тому дати кормленье по исправѣ (за то только время, которое онъ находился на службѣ), а любо служба отслужити ему (или онъ обязанъ отслужить службу)»¹⁴⁰.

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ

ОТЪ ОБРАЗОВАНІЯ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА ДО
НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНІЯ ВЪ НЕМЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО
(1462 — 1689).

О СЛУЖИЛЫХЪ ЛЮДЯХЪ.

ГЛАВА I.

Установленіе въ Москвѣ единой державы и самодержавія. — Обращеніе всѣхъ членовъ бывшей вольной княжеской дружины въ служилыхъ людей. — Удержаніе служилыми людьми за собою права на занятіе разныхъ государственныхъ должностей.

Мы уже видѣли, что все было приготовлено къ тому, чтобы, изъ собранныхъ, отъ временъ, Іоанна Калиты, сѣверныхъ областей Русской земли, создать въ главномъ центрѣ ея — въ исторической Москвѣ единое тѣло, съ единымъ главою, и дать этому главѣ или государю то, что называется единой державіемъ и самодержавіемъ въ его владѣніяхъ, т. е. установить новый, несуществовавшій дотогѣ государственный порядокъ въ странѣ. Большинство княжеской дружины, въ совокупности съ духовенствомъ и значительною частію населенія, преданное монархическимъ правиламъ, вклонилось къ утвержденію ихъ въ Москвѣ; но существовало также и меньшинство людей, думавшихъ, прежде всего, о своихъ личныхъ интересахъ, а не о созданіи вѣрнаго, одноличнаго управленія 141.

Установленіе въ Москвѣ единой державы и самодержавія.

Отъ стараго порядка вещей, начало котораго скрывается въ удѣльно-вѣчевой Россіи, оставались еще нѣкоторыя укоренившіяся преданія, устарѣвшіе обычаи, оставались, жившіе стариною и не хотѣвшіе идти впередъ съ духомъ времени, люди, отъ которыхъ надобно было освободиться. То были — недавно лишенные своихъ удѣловъ и самоуправленія князья Рюрикова дома¹⁴², — родичи великаго князя московскаго, не перестававшіе требовать отъ него равнаго, родственнаго обращенія¹⁴³. То были — и бояре, дружинники, которые по прежнему хотѣли знать всѣ думы государя, быть, подобно предкамъ своимъ, совѣтниками его; хотѣли, чтобъ безъ ихъ совѣта и воли ничто не было предпринимаемо и, наконецъ, имѣть право, въ случаѣ неудовольствій, отъѣзжать на службу въ другія земли, на основаніи древняго кореннаго правила: «а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля»¹⁴⁴. — Домогались же всѣ они этихъ устарѣлыхъ правъ, потому что, со времени Іоанна III, служба бояръ и прочихъ чиновъ сдѣлалась для каждаго, какъ увидимъ въ изложеніи свѣдѣній о помѣстной системѣ, потомственно-обязательною, на всю жизнь¹⁴⁵.

Такия притязанія дружинниковъ были уже во всей силѣ, когда явился на московскомъ столѣ Іоаннъ III Васильевичъ (1462—1505). — По ходу предшествовавшихъ началу княженія его событій, на немъ лежала печать историческаго призванія къ подвигу — преодолѣть всѣ препятствія къ достиженію цѣли, т. е. утвердить новый государственный строй въ московской державѣ, упрочить централизацию и уваженіе къ государственной власти¹⁴⁶. Въ слѣдствіе сего, однимъ изъ первыхъ дѣлъ Іоанна III, облеченнаго неограниченною верховною властію, было ослабленіе или даже уничтоженіе старыхъ обычаевъ и преданій. Онъ противопоставилъ имъ обычаи и преданія греческой имперіи, принесенныя въ Москву вскорѣ послѣ брака его (12 ноября 1472 г.) на племянницѣ греческаго императора, Константина Палеолога, Софій¹⁴⁷, а существовавшему дотолѣ элементу свободной, ни отъ кого независимой личности какъ княжескихъ дружинниковъ, такъ и крестьянъ, противопоставилъ государственное устройство, въ основаніи котораго лежало уже новое начало, состоящее въ

томъ, что не только бояре и слуги княжескіе, но и весь народъ обязанъ къ безпрекословному послушанію власти своего государя. Вскорѣ затѣмъ (въ 1474 г.) употреблена была и правительственная мѣра, заставившая бояръ и слугъ вовсе отказаться отъ своего стариннаго права отъѣзда: они должны были давать на себя такъ названныя тогда влѣтвенныя записи, прекращавшія для нихъ великую возможность отъѣзда. Въ силу всего этого, Іоаннъ III явился для всѣхъ подданныхъ монархомъ, непоколебимо идущимъ къ ясно сознанной имъ цѣли, требующимъ полного повиновенія себѣ и строго карающимъ за ослушаніе; и потому, князья, лишенные своихъ удѣловъ, бояре и дружинники вообще должны были принести въ жертву устарѣвшія преданія болѣе разумнымъ воззрѣніямъ — должны были благоговѣнно преклониться предъ великимъ княземъ московскимъ, и повиноваться тому, что онъ прикажетъ ¹⁴⁸. Такимъ образомъ, всѣ притязанія какъ первыхъ, такъ и послѣднихъ, замолкли предъ твердою державною волей Іоанна III, и всѣ элементы, противоборствовавшіе государственному порядку, устранены одинъ за другимъ ¹⁴⁹.

Этому благопріятному исходу, для утвержденія въ ново-созданномъ московскомъ государствѣ «единовластія и самодержавія», кромѣ сказанныхъ выше причинъ, содѣйствовало еще и то, что Іоаннъ III, по своему значенію для остальнаго народонаселенія страны, высоко поднялся надъ бывшими удѣльными князьями и старыми дружинниками, и что, среди всеобщей скудости, одинъ онъ былъ тогда очень богатъ — событіе высокой важности; доходы его увеличились отъ пріобрѣтенія предшественниками его обширныхъ и выгодныхъ областей; и онъ одинъ располагалъ огромнымъ количествомъ земли, составлявшей единственное средство содержанія въ современномъ состояніи Русской страны. Средствомъ этимъ Іоаннъ III вполне воспользовался, для утвержденія своего могущества и достоинства самодержавнаго государя ¹⁶⁰. Въ качествѣ верховнаго повелителя объединенной Россіи, онъ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, роздалъ дружинникамъ, за ихъ службу и для службы, земли въ помѣстья, создалъ многочисленное, соотвѣтственно территориальному увеличенію государства, войско, вполне отъ

него зависящее, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, окружилъ себя царственнымъ величіемъ и пышностію двора, введенными въ Москву послѣ брака его на греческой царевнѣ, Софіи Ѳоминичной, въ 1472 году ¹⁵¹.

Обращеніе
всѣхъ членовъ
бывшей воль-
ной княжеской
дружины въ
служилыхъ лю-
дей.

Такое направленіе внутренней политики, разомъ измѣнившее отношенія дружины къ московскому государю, повело, наконецъ, къ тому, что и князья служилые, не долго удерживавшіе за собою первенствующее въ средѣ бояръ положеніе, и дружинники вообще, тѣ и другіе разныхъ чиновъ знатные люди, жившіе, по своему военному характеру, около дворца великаго государя, въ лучшихъ частяхъ Москвы, — стали именоваться общимъ названіемъ «слугами» (холопами), и, такимъ образомъ, изъ членовъ прежде вольной дружины, силою обстоятельствъ обратились въ многочисленный классъ *служилыхъ людей* государя и самодержца, различавшихся между собою по степенямъ родовой знатности и близости къ нему, по чинамъ высшимъ и низшимъ старинной русской службы ¹⁵².

Удержаніе служилыми людьми за собою права на занятіе разныхъ государственныхъ должностей.

При этой реформѣ замѣчательнымъ представляется тотъ фактъ, что не смотря на новое названіе «служилые люди», ясно опредѣлявшее отношенія ихъ къ государю на основаніяхъ иныхъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ утверждалось названіе «княжеская дружина», тогда уже исчезнувшее изъ исторіи, — не смотря на новый, тяжелый для нихъ порядокъ, упразднившій привилегіи старыхъ дружинниковъ, и на опалы, пережитыя ими при Іоаннѣ III и достигшія до ужасныхъ размѣровъ въ царствованіе Іоанна IV (1533—1584), при которомъ, съ прекращеніемъ раздачи духовными завѣщаніями князьямъ удѣловъ, царство русское составляло уже единое, нераздѣльное цѣлое, — всѣ эти, такъ названные «служилые люди», старшіе и младшіе члены бывшей княжеской дружины, умѣли удержать за собою значеніе высшаго класса людей и право, при сохраненіи своего основнаго военного характера, на полученіе, какъ и въ старину, разныхъ должностей по главнымъ частямъ внутренняго управленія страной — правительственной, судебной и придворной ¹⁵³. Къ поясненію этого историческаго факта могутъ послужить свѣдѣнія, изложенныя въ IV главѣ настоящаго

періода, о мѣстничествѣ, развившемся между этими служилыми людьми.

ГЛАВА II.

Учрежденія коллегіальныя и единоличныя. По части правительственной: Дума боярская.—Приказы центральные и областные.—Воеводы гражданскіе или намѣстники.—Волостели.—По части судебной: Губныя старосты.—Тіуны.—Дѣяки.—Подъячіе.—Думные дѣяки.—Положеніе дѣяковъ въ составѣ служилыхъ людей и въ обществѣ.—По части придворной: Исчисленіе вновь установленныхъ государями должностныхъ лицъ.

Въ началѣ описываемаго періода стало обнаруживаться дѣйствіе верховной власти въ московскомъ государствѣ посредствомъ многихъ учрежденій, или органовъ управленія, по главнымъ частямъ его — правительственной, судебной и придворной.

А. По части правительственной:

Въ главѣ старинныхъ правительственныхъ органовъ первое мѣсто принадлежитъ *думѣ боярской*. Въ этомъ высшемъ государственномъ учрежденіи сосредоточивались законодательство, высшая администрація, дѣла виѣшней политики и верховный судъ. Въ думѣ предсѣдательствовалъ государь, засѣдали бояре, окольничіе, думные дворяне и другіе государственные сановники; но, въ отношеніи къ государю, боярская дума имѣла только совѣщательное значеніе ¹⁵⁴.

За думой, подъ ея контролемъ, слѣдовали отдѣльные органы подъ именемъ *приказовъ*. Это были управленія, существовавшія нѣкогда въ княжескихъ удѣлахъ и перенесенныя въ Москву, по присоединеніи къ ней удѣловъ. Начальниками приказовъ были разные сановники, по назначенію государя; письменствомъ въ нихъ завѣдывали дѣяки и подъячіе. Съ развитіемъ государственной дѣятельности, каждое новое дѣло вело къ учрежденію новаго приказа. Отсюда явились приказы, носившіе разныя названія, соотвѣтственно роду дѣлъ имъ порученныхъ. Приказы были *центральные*, вѣдавшіе извѣстную отрасль управленія на пространствѣ всего государства, и *областные*, ограниченные извѣстнымъ его пространствомъ ¹⁵⁵. О приказахъ упоминается въ первый разъ въ княженіе Василія Іоанновича,

въ 1512 году, и появленіе ихъ относится вообще въ XVI столѣтію ¹⁵⁶.

Въ зависимости отъ приказовъ существовали должностныя лица областного управления, представлявшія мѣстную исполнительную власть; *воеводы*, или *намістники*, и *волостели*.

Воеводы гражданскіе или намістники.

Воеводы (гражданскіе правители) замѣнявшіе, съ наступленіемъ XVII вѣка, намістниковъ, имѣли въ своихъ рукахъ власть административную, судебную и военную, и завѣдывали казенными финансовыми дѣлами въ своихъ округахъ. Поэтому, намістникъ или воевода, обязанъ былъ, не только въ томъ городѣ, куда отправленъ былъ на „кормленіе“, и въ приписанномъ къ городу уѣздѣ ¹⁵⁷, смотрѣть за общественною безопасностію, нравственностію народною и за исправнымъ доставленіемъ городомъ и уѣздомъ опредѣленныхъ денежныхъ доходовъ въ государеву казну,—но и производить судъ и расправу по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ въ обѣихъ этихъ мѣстностяхъ ¹⁵⁸.

Волостели.

Что жъ касается *волостелей*, то это были такъ называвшіеся, въ противоположность городу, начальники волостей, имѣвшіе точно такое же значеніе, въ качествѣ начальниковъ своихъ земскихъ округовъ, какое намістники или воеводы, въ вѣрренныхъ имъ городахъ ¹⁵⁹.

Б. По части судебной:

Губные старосты.

Для разбора судебныхъ и уголовныхъ дѣлъ находились при областныхъ правителяхъ особые чиновники: *губной староста*, выбиравшійся изъ дворянъ и лучшихъ дѣтей боярскихъ ¹⁶⁰, и извѣстный уже издревле *тіуна*. Эта послѣдняя должность, должность тіуна, кромѣ юридическаго своего значенія, имѣла и историческую замѣчательность. Въ практической жизни древней Россіи, она проявляла свою дѣятельность постоянно и непрерывно, и только лишь, съ установленіемъ при Петрѣ Великомъ новаго порядка судопроизводства, должность тіуна была вовсе упразднена ¹⁶¹.

Тіуны.

Дьяки и подьячіе.

Сверхъ того, существовали еще, по части административной и судебной, должностныя лица, извѣстныя уже изъ предъидущаго періода подъ названіемъ *дьяковъ* и *подьячихъ*. — Такъ какъ бояре, завѣдывавшіе приказами, и сановники, отпра-

ляемые посланниками въ чужія государства, и лица назначаемыя для управленія областями—всѣ они, люди преимущественно военные, не имѣвшіе за собою ни научной подготовки, ни практической дѣловой опытности,—не могли обойтись, при занятіи ими по старинѣ гражданскихъ должностей, безъ дѣлцовъ по письменной части; то и образовался особый дѣловой классъ людей, взятыхъ, по большей части, изъ простонародья, классъ дьяковъ и подъячихъ, изъ которыхъ первые считались старшими, а послѣдніе младшими чиновниками¹⁶².—Лица эти, рѣзко выдававшіяся въ массѣ способностями, грамотностію и юридическою практикою, основанною на знаніи законовъ, административныхъ и судебныхъ обычаевъ и формъ дѣлопроизводства, дѣйствительно, говоря вообще, служили съ пользою обществу и государству; въ особенности же грамотность такъ высоко ставила въ глазахъ современнаго общества дьяковъ, что безъ нихъ нельзя было приняться ни за какое дѣло. Поэтому, во всѣхъ существовавшихъ въ московскомъ государствѣ правительственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, главными дѣятелями были дьяки и подчиненные имъ сотрудники, подъячіе; каждый изъ нихъ носилъ наименованіе того мѣста, въ которому былъ приставленъ,—отъ этого и встрѣчаются въ отечественной исторіи названія: дьякъ дворцовый, дьякъ разрядный, дьякъ введенный, дьякъ избный¹⁶³.—Дьяки приобрѣтали все больше и больше значенія, въ особенности въ царствованіе Иоанна IV, который довѣрялъ преимущественно имъ, какъ людямъ, выбраннымъ изъ простонародья, чуждымъ, поэтому, родовыхъ интересовъ, безъ преданій и притязаній, и покорнымъ слугамъ новаго порядка. Въ слѣдствіе всего этого, дьяки стали уже не простыми налагателями приказаній и рѣшеній исходящихъ отъ областныхъ правителей, а неразлучными товарищами ихъ, занимавшими почетное мѣсто. Этого мало: со временъ Иоанна IV дьяки явились уже руководителями не только въ дѣлахъ областного управленія, но и въ приказахъ, а также въ дѣлахъ посольскихъ и ратныхъ. Царь и бояре не пренебрегали совѣтами дьяковъ, какъ такихъ людей, которые не только умѣли читать и писать лучше другихъ и вообще были образованнѣе членовъ тогдашняго служилого класса (прежнихъ

дружинниковъ), но знали твердо законы, преданія и дѣлопроизводство ¹⁶⁴.

Думные дьяки. Тѣ же изъ дьяковъ, которые несли служебныя обязанности дѣлопроизводителей въ боярской думѣ, получили, въ правленіе Іоанна IV, около 1566 года, названіе *думныхъ дьяковъ* — высшее званіе, въ которое могъ быть возведенъ не чело-вѣкъ меча, а чело-вѣкъ пера. — Независимо отъ значенія по дѣловымъ своимъ занятіямъ въ думѣ, дьяки, какъ дѣлопроизводители и посольскаго приказа, завѣдывавшаго сношеніями съ иностранными государствами, были не менѣе важными лицами и въ политическомъ отношеніи. Присутствуя въ числѣ знатнѣйшихъ государственныхъ чиновъ при торжественныхъ пріемахъ иностранныхъ пословъ, думные дьяки обыкновенно произносили отъ имени государя рѣчи посламъ, а часто и сами они назначались чрезвычайными посланниками къ иностраннымъ дворамъ, — на каковое служебное поприще нельзя было вступить безъ знанія этикета двора, дипломатическихъ обрядовъ и международныхъ отношеній ¹⁶⁵.

Положеніе дьяковъ въ составѣ служилыхъ людей и въ обществѣ.

Совокупностію указанныхъ причинъ достаточно объясняется, почему дьякамъ, обладавшимъ замѣчательнымъ искусствомъ въ веденіи дѣлъ, легко было достигнуть такого почета, какого не могли приобрѣсть личности, лишенныя этого качества, и почему дьяки не только считались принадлежащими къ высшему, благородному классу людей, но и стояли на ступеняхъ чиновной іерархіи выше жильцовъ, слѣдуя непосредственно за московскими дворянами, и, наравнѣ съ ними, назначались въ товарищи къ судьямъ, а иногда и сами дѣйствовали самостоятельно въ качествѣ судей. Объясняется также приведеннымъ изложеніемъ и то, почему думные дьяки, не знатные родомъ, но отличные умомъ, повышались не только въ думные дворяне, но и въ окольные, и, по своей должности, стояли выше дворянъ не думныхъ, а также выше стряпчихъ и стольниковъ. — Обязанности дьяковъ, состоявшія преимущественно въ дѣлопроизводствѣ, соотвѣтствовали нынѣшнимъ правителямъ канцелярій и секретарямъ; а повышеніе въ думные дьяки уравнивало послѣднихъ съ званіемъ статсъ-секретарей ¹⁶⁶.

По тогдашнему, укоренившемуся вѣками понятію, одно

общественное занятіе считалось честиѣе, другое—менѣе честнымъ,— «служба» напริมѣръ, «мечемъ была честиѣе службы перомъ», и потому дворяне и дѣти боярскіе не служили въ дѣякахъ; а такъ какъ въ дѣяки и подѣячіе поступали обыкновенно люди изъ низшаго слоя народонаселенія, то званія эти и не пользовались особеннымъ почетомъ у дворянъ, дѣтей боярскихъ и у лицъ, носившихъ придворные чины ¹⁶⁷.

В. По части придворной:

Переходя къ разсмотрѣнію историческихъ извѣстій о придворномъ управленіи московскихъ государей въ томъ видѣ, въ какомъ представляется оно въ описываемый періодъ, нельзя не замѣтить, что, вслѣдствіе возвышенія царской власти, возвышается значеніе и службы близкой къ государю, или службы при его дворѣ ¹⁶⁸; и что, такъ какъ хозяйство государей московскихъ расширилось и пышность двора значительно увеличилась, то, къ составу поименованныхъ въ предъидущихъ двухъ періодахъ придворныхъ слугъ, прибавлены въ разное время еще новые чины. Такимъ образомъ появились: а) при Іоаннѣ III московскіе и городовые дворяне и городовые дѣти боярскіе, постельничій, спальники, сокольничій, ясельничій ¹⁶⁹; б) при Василии Іоанновичѣ оруженничій, кравчій, стряпчіе, жильцы (они же именовались „дворовые дѣти боярскіе“) ¹⁷⁰; в) при Іоаннѣ IV бояре земскіе и опричные ¹⁷¹ дворяне думные, дворяне большіе, дворяне первой статьи, дворяне второй статьи, дворяне сверстные, дѣти боярскіе второй статьи ¹⁷²; г) при Θεодорѣ Іоанновичѣ ближній великій бояринъ—новое титуло, которымъ награжденъ былъ Борисъ Годуновъ и которое потомъ уже никому не жаловалось ¹⁷³; д) при Михаилѣ Θεодоровичѣ комнатные или ближніе бояре, т. е. высшіе сановники, имѣвшіе право входить въ царскія комнаты, гдѣ и принималъ ихъ государь ¹⁷⁴. При царѣ же Алексѣѣ Михайловичѣ не было установлено придворныхъ чиновъ подъ новыми названіями; но всѣ прежніе, существовавшіе до его времени въ московскомъ государствѣ, чины сохранили обычное свое значеніе.

ГЛАВА III.

Три разряда личнаго состава служилыхъ людей. Первый разрядъ государственные чины: Бояре. Окольничіе. Думные Дворяне. — Второй — придворные чины: Дворецкій. Ключникъ. Казначей. Оружничій. Шатерничій. Истопничій. Конюшій. Ясельничій. Ловчій. Сокольникій. Печатникъ. Бравчій. Стольникъ. Чашникъ. Постельничій. Сназьничій. Стряпчій. Рында. — Третій — ратные чины: Дворяне московскіе. Дворяне городовые. Дѣти боярскіе. Жильцы.

Извѣстный уже личный составъ старшихъ и младшихъ дружинниковъ, постепенно слагавшійся на Русской землѣ въ минувшіе вѣка политическаго ея бытія, образовалъ, наконецъ, изъ себя, въ описываемомъ періодѣ, чины трехъ слѣдующихъ разрядовъ:

I. Чины перваго разряда были высшіе государственные сановники: *бояре, окольничіе, думные дворяне.*

II. Чины втораго разряда были придворныя лица трехъ категорій: *А*, чины, завѣдывавшіе государевымъ дворцомъ: *дворецкій, ключникъ, казначей, оружничій, шатерничій, истопничій.* — *Б*, чины, управлявшіе государевыми конюшнями и охотою: *конюшій, ясельничій, ловчій, сокольникій.* — *В*, Царедворцы, находившіеся при особѣ государя: *печатникъ, красчій, стольникъ, чашникъ, постельничій, спальничій, стряпчій, рында.*

III. Чины третьяго разряда образовали собою служилыхъ людей, лично отбывавшихъ воинскую повинность: *дворяне московскіе, дворяне городовые, дѣти боярскіе, жильцы.*

I. Чины перваго разряда.

Бояре.

Титулъ *боярина*, освященный древностію лѣтъ, обозначававшій вообще лучшихъ, знатныхъ и доблестныхъ людей, совѣтниковъ княжескихъ, оставался и теперь, какъ въ предыдущіе два періода, высшимъ государственнымъ отличіемъ, котораго удостоивался отъ государя служилый человекъ. Въ боярское достоинство возводились преимущественно люди, отличившіеся административнымъ талантомъ, гражданскими доблестями, выдающимися военными дарованіями и, такъ сказать, посѣдѣвшіе въ браняхъ ¹⁷⁶. Были, однакожь, примѣры, что не

только пожилые, но и очень молодые люди, за свои необыкновенные подвиги, возводимы были въ санъ боярина. Къ такимъ знаменитостямъ принадлежить, между прочимъ, мужественный витязь, двадцатилѣтній юноша—побѣдитель, князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій ¹⁷⁶. Былъ также и установившійся, въ царствованіе Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича, обычай, по которому члены шестнадцати знатнѣйшихъ фамилій, изъ уваженія къ знаменитости ихъ родовъ, пользовались исключительнымъ правомъ поступать прямо въ бояре, минуя всѣ чины низшихъ степеней, даже чинъ окольного ¹⁷⁷.

Всѣ эти историческіе факты показываютъ, что званіе боярское заключало въ себѣ понятіе не только объ отличныхъ умственныхъ качествахъ и подвигахъ на служебномъ поприщѣ, но и о родословномъ преимуществѣ носившаго это званіе лица. Ясно, что полученіе боярства сопряжено было съ неизбѣжными затрудненіями, — и вотъ почему встрѣчаемъ мы при каждомъ московскомъ государѣ ограниченное число этихъ сановниковъ. Такъ, Василій Васильевичъ (1425—1462) имѣлъ только 4 бояръ; при Иоаннѣ III (1462—1505) было ихъ 19; при сынѣ его Василю Иоанновичѣ (1505—1533)—20; по смерти Иоанна IV (1533—1584) оставалось 11; при Феодорѣ Иоанновичѣ (1584—1598) пожаловано было боярство одиннадцати лицамъ, такъ что численность ихъ возрасла до 22; въ царствованіе же Петра Великаго, въ первые годы XVIII столѣтія, оставалось ихъ только 19 человекъ ¹⁷⁸. Поэтому, одно то обстоятельство, что число бояръ было не велико, уже есть само по себѣ нѣчто, увеличивающее ихъ значеніе и превосходство. Независимо отъ того, что бояре, какъ лица, стоявшія на высокихъ іерархическихъ ступеняхъ, считались имѣющими право и способность засѣдать въ думѣ, составлявшей совѣтъ государевъ, они призывались къ выполненію и другихъ важныхъ служебныхъ обязанностей. Такимъ образомъ, бояре вѣдали Москву во время отсутствія государя ¹⁷⁹; управляли приказами ¹⁸⁰; назначались, въ качествѣ правителей гражданскихъ, воеводами въ главные города, каковыми были въ описываемое время Новгородъ, Кіевъ, Казань, Астрахань, Тобольскъ ¹⁸¹; получали

должности государевыхъ намѣстниковъ въ областяхъ, имѣя въ своей зависимости судъ и земскую расправу¹⁸²; присутствовали, при приѣмѣ въ Москвѣ иностранныхъ пословъ, и отправлялись въ иноземныя государства съ русскими посланниками, почти всегда имѣвшими также санъ боярскій¹⁸³; занимали первыя мѣста на земскихъ соборахъ¹⁸⁴; во всѣхъ торжественныхъ придворѣ выходахъ слѣдовали тотчасъ за государемъ, сопровождали его во время загородныхъ поѣздокъ на охоту и приглашались во дворецъ къ бывавшимъ тамъ большимъ столамъ въ придворныя торжества¹⁸⁵. Значеніе бояръ выражалось, между прочимъ, и въ томъ, что они владѣли старинными и вновь пожалованными вотчинами, съ правомъ наслѣдованія тѣми и другими, на опредѣленныхъ закономъ условіяхъ¹⁸⁶. Наконецъ, бояре, какъ люди знатные и почти всегда крупныя землевладѣльцы, отличались отъ другихъ особенно богатою, имѣвшею аристократическое значеніе, одеждою, украшенною золотыми оплечьями, жемчугомъ, драгоценными камнями и дорогими мѣхами¹⁸⁷, и, сверхъ того, пользовались исключительнымъ правомъ выѣзжать въ храмъ Божій, или на совѣтъ къ государю, въ сопровожденіи своихъ многочисленныхъ холопей, или безземельныхъ слугъ¹⁸⁸. Карамзинъ, для поясненія послѣднихъ двухъ преимуществъ, говоритъ: „если не законъ, то обыкновеніе воспрещало другимъ равняться съ боярами въ этихъ принадлежностяхъ знатности, соединенной всегда съ богатствомъ¹⁸⁹“.

При такомъ общественномъ возрѣніи на боярское достоинство, сами государи московскіе уважали этотъ санъ и старались наблюдать не только постепенность при награжденіи имъ, жалуя въ бояре лишь изъ первыхъ придворныхъ чиновъ, но и величайшую осмотрительность, при возведеніи заслуженнаго лица въ боярство. Такъ, Іоаннъ IV, не смотря на сильную волю свою, на всѣ злоупотребленія имъ властію неограниченнаго повелителя, не хотѣлъ дать боярства любимцу души своей, думному дворянину, извѣстному опричнику, Малютѣ Скуратову—Бѣльскому, тестю Бориса Годунова, опасаясь унижить этотъ высокій санъ такимъ скорымъ возвышеніемъ чловека, хотя способнаго, но худороднаго, т. е. неродословнаго,

неимѣшаго знатныхъ предковъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, сдѣлался также его любимцемъ и другомъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, по происхожденію дьячій сынъ. Царь вполне цѣнилъ личныя достоинства своего друга; при всемъ томъ Матвѣевъ очень долго носилъ незавидное званіе полковника московскихъ стрѣльцовъ, и едва уже къ концу царствованія Алексѣя Михайловича могъ сдѣлаться начальникомъ посольскаго и малороссійскаго приказовъ, и то въ скромномъ чинѣ думнаго дворянина; только лишь въ 1672 году 30 мая былъ пожалованъ въ окольничіе, по случаю рожденія царевича Петра, а черезъ два года—и въ бояре, по случаю крестинъ царевича Θεодора. Ясно, что царь Алексѣй Михайловичъ дѣйствовалъ, по отношенію къ любимцу, человѣку достойному, но худородному, медленно и незамѣтно, чтобы избѣжать неудовольствій со стороны «высокородныхъ, стародавнихъ честныхъ родовъ»¹⁹⁰.

Впрочемъ, титуло боярина существовало только до временъ младшаго сына царя Алексѣя Михайловича, Петра I-го, и потомъ никому уже не жаловалось. Единственнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи былъ Петръ Апраксинъ, пожалованный Петромъ Великимъ, въ 1709 году, честию боярства¹⁹¹.

Начало установленія чина *окольничаго*, какъ видно изъ старинныхъ актовъ, восходитъ къ послѣдней четверти XIII столѣтія. Названіе это въ первый разъ упоминается въ древнѣйшей грамотѣ, 1284 года, смоленскаго князя Θεодора Ростиславича Чернаго, умершаго монахомъ и схимникомъ въ 1299 году¹⁹². Потомъ, встрѣчается оно въ договорной грамотѣ, 1340 года, между великимъ княземъ Симеономъ Иоанновичемъ и его братьями, изъ которой видно, что въ числѣ свидѣтелей, подписавшихся на этой грамотѣ, былъ Онанья окольничій¹⁹³. Далѣе, въ послѣдней четверти XIV вѣка, при описаніи битвы великаго князя Димитрія Иоанновича Донскаго, происходившей въ 1378 году съ татарами, предводительствуемыми мурзою Бѣгичемъ; говорится, что самъ великій князь стоялъ въ средѣ своего войска, а одно крыло поручилъ своему окольничему Тимоею Вельяминову¹⁹⁴. Изъ разсказовъ же о дѣятельности удѣльнаго князя Владиміра Андреевича, двоюроднаго

Окольничіе.

брата и сподвижника Дюнскаго, извѣстно, что въ основанный имъ княземъ Владиміромъ, въ 1374 году городъ Серпуховъ, онъ сдѣлалъ намѣстникомъ своего окольного Якова Юрьевича Новосильцова¹⁹⁶. — Наконецъ, въ грамотѣ рязанскаго князя Олега, имѣвшаго христіанское имя Іакова и жившаго во второй половинѣ XIV вѣка. въ грамотѣ его, пожалованной Ольгову монастырю, въ числѣ бояръ, съ которыми онъ при этомъ совѣтовался, упоминается Юрій окольный, занявшій здѣсь между ними шестое мѣсто¹⁹⁶. Затѣмъ, въ теченіе трехъ послѣдующихъ XV, XVI и XVII столѣтій, при всѣхъ великихъ князьяхъ и царяхъ московскихъ, постоянно встрѣчаются, въ составѣ приближенныхъ къ нимъ служебныхъ лицъ, и окольные.

Въ чемъ же состояла должность окольного? Изъ историческихъ источниковъ видно, что чиновникъ сей получилъ такое названіе отъ того, что онъ всегда былъ около государя. какъ во время государевыхъ путешествій или походовъ, такъ и въ дворцовыхъ церемоніяхъ, при приѣмѣ пословъ и проч., — слѣдовательно былъ челоуѣкъ, постоянно находившійся при великомъ князѣ или царѣ, былъ непосредственный исполнитель его приказаній. — Такимъ образомъ, когда при торжественныхъ выходахъ во дворцѣ, обрुжали государя разныхъ степеней чины, то въ числѣ ихъ всегда находился и окольный; или когда бывали во дворцѣ большіе столы, къ этимъ столамъ приглашались и окольные. Въ случаѣ же путешествій, окольный ѣздилъ впереди государя по станамъ, для устройства ихъ и для наблюденія за чистотою, спокойствіемъ и безопасностію пути, по которому государь слѣдовалъ. Посему, въ обязанности окольного относились распоряженія объ исправленіи на этомъ пути мостовъ, о заготовленіи подводъ и всего потребнаго на станахъ. — Значеніе же окольныхъ, какъ придворныхъ собственно чиновниковъ, распоряжавшихся дворцовыми церемоніями, уясняется тѣмъ, что, во время выходовъ государя, шли они по обѣимъ сторонамъ его и наблюдали, дабы никто, изъ участвовавшихъ въ этихъ торжественныхъ выходахъ, не дерзнулъ переходить царскаго пути, и каждый былъ бы на своемъ мѣстѣ, со всѣмъ вниманіемъ и угра-

шеніемъ, соотвѣтственно своему чину. Обычныя распоряженія, по случаю прибытія въ Москву иностранныхъ пословъ, составляли также прямую обязанность окольниковъ. Назначенные имъ въ послу пристава изъ боярскихъ дѣтей, встрѣтивъ его при вѣздѣ въ Москву, сопровождали до подворья, избраннаго для его пребыванія; а по прибытіи посла во дворецъ, для публичной аудіенціи, и, по сдѣланіи ему въ тронной залѣ личной встрѣчи, окольниковъ представлялъ посла государю, сопровождая это представленіе слѣдующими словами: такой-то посолъ пріѣхалъ отъ такого-то государя и желаетъ.... Итакъ, если великій князь и царь являлся народу не иначе, какъ въ сопровожденіи окольниковъ, — если окольники ѣхали передъ нимъ по станамъ и распоряжались всѣмъ, — если торжественныя придворныя церемоніи совершались не иначе, какъ при содѣйствіи окольниковъ; то очевидно, что чиновники эти были самые приближенные къ государю люди и составляли его свиту, занимая вторую послѣ боярства степень ¹⁹⁷.

На основаніи такого, издавна установившагося значенія окольниковъ, они всегда составляли, вмѣстѣ съ боярами, думу государя, и присутствовали въ этомъ верховномъ учрежденіи, въ качествѣ постоянныхъ его членовъ, садясь по-одаль отъ государя на лавкахъ, подъ боярами, по породѣ ¹⁹⁸. — Окольниковъ, равно какъ и бояре, управляли приказами, назначались военными или гражданскими воеводами для суда и земской расправы, приглашались на земскіе соборы, бывали въ разныхъ посылкахъ, т. е. исполняли временныя порученія по дѣламъ гражданскимъ, и, вообще, наряду съ боярами, употреблялись для важнѣйшихъ дѣлъ ¹⁹⁹.

Пожалованіе высшихъ степеней или чиновъ старинной русской службы, къ которымъ относился и чинъ окольниковъ, вполне зависело отъ царствующаго государя, съ соблюденіемъ установленной постепенности, въ силу которой производились, напримѣръ, думные дворяне въ окольниковъ, и только лишь послѣдніе въ бояре ²⁰⁰. Но изъ этого общаго правила были изъятія для пятнадцати знатныхъ фамилій, членовъ которыхъ назначались прямо въ окольниковъ и которые, поэтому, назывались «комнатными или ближними окольниковыми» ²⁰¹. — Число

окольныхихъ, какъ и бояръ, было невелико: Василій Васильевичъ (1425—1462) имѣлъ только одного окольногочаго; Іоаннъ III (1462—1505) увеличилъ ихъ до 9; при Борисѣ Годуновѣ (1598—1605) число ихъ возрасло до 15 человекъ²⁰². Въ течение XVII столѣтія, постоянно встрѣчаются окольныечїе и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, и при сынѣ его Алексѣѣ Михайловичѣ, и при внуцѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ; но, сколько находилось ихъ при каждомъ изъ сихъ государей, точнаго объ этомъ свѣдѣнія въ виду нѣтъ. Обративъ же вниманіе на внутреннее состояніе Россіи въ первые пять лѣтъ XVIII вѣка, мы увидимъ, что по именному списку 1705 года состояло тогда въ Москвѣ и на службѣ 16 окольныхихъ²⁰³. Въ 1712 году Петръ Великій пожаловалъ, въ послѣдній разъ, чинъ окольногочаго стольнику Алексѣю Юшкову²⁰⁴.

Думные дворяне.

Чины младшей княжеской дружины, входившіе въ составъ третьяго разряда ея, были, какъ сказано во второмъ періодѣ дворяне. Названіе это получено ими отъ княжескаго двора, въ который они имѣли свободный доступъ, служили къ умноженію его пышности, исполняли разныя службы, требовавшіяся при церемоніяхъ разнаго рода и посылкахъ²⁰⁵. Когда жъ Москва, съ новымъ порядкомъ на сѣверѣ и съ присоединеніемъ къ ней удѣльныхъ князей, усилилась, а съ тѣмъ вмѣстѣ возвысилось значеніе великаго князя, то стало возвышаться и значеніе службы при его дворѣ, а слѣдовательно значеніе самихъ дворянъ. — Іоаннъ IV. образовалъ нѣкоторыя новыя степени знаменитости для дворянъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются дворяне думные, дворяне большіе, первой статьи, второй статьи, сверстные и младшіе. Изъ нихъ высшая степень принадлежала *дворянамъ думнымъ*, учрежденнымъ въ 1572 году. Это были лица хотя и не знатныя породою, но отличныя между дворянами по своимъ способностямъ, уму и энергіи, — слѣдовательно были такія личности, въ которыхъ постоянно нуждаются общество и государство. Ихъ-то Іоаннъ IV ввелъ въ думу для присутствія и участія въ рѣшеніи дѣлъ, наравнѣ съ боярами и окольнымичїи, и, такъ какъ они въ служебномъ отношеніи не достигли еще ни одного изъ этихъ двухъ высшихъ званій, то и названы думными дворянами, составивъ, такимъ образомъ,

изъ себя несуществовавшій до временъ Іоанна IV третій разрядъ членовъ государевой думы, и служившій противовѣсомъ исключительному вліянію на дѣла знатныхъ людей ²⁰⁶.

Принадлежа къ одной изъ трехъ высшихъ степеней старинной русской государственной службы, думные дворяне, во время собраній во дворцѣ, являлись въ ту же комнату, гдѣ были бояре съ окольничими, въ ожиданіи государева выхода ²⁰⁷; при обычномъ засѣданіи думы для совѣщанія о дѣлахъ, думные дворяне садились подъ окольничими (т. е. занимали мѣста вслѣдъ за окольничими), по чинамъ ²⁰⁸; въ установленные церковные праздники и въ царскіе дни обязаны были они, подобно боярамъ и окольничимъ, сопровождать государя въ его выходахъ къ обѣднѣ, присутствовать при приемѣ иноземныхъ пословъ, являться по приглашенію къ большимъ столамъ, бывавшимъ по разнымъ случаямъ во дворцѣ ²⁰⁹. Сверхъ того, думные дворяне посылались въ разные государства послами, посланниками и гонцами, и назначались: начальниками приказовъ, каковымъ былъ, на примѣръ, близкій къ царю Алексѣю Михайловичу человекъ, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, — ратными воеводами, между которыми является выдающаяся личность Проконія Петровича Ляпунова, — и, наконецъ, гражданскими воеводами въ города, каковымъ былъ посланъ, въ 1675 году, въ Архангельскъ Ѳеодоръ Полуектовичъ Нарышкинъ ²¹⁰.

Званіе думнаго дворянина существовало еще въ началѣ царствованія Петра I-го, какъ видно изъ указа 4 января 1700 года и изъ списка старихъ чиновъ 1705 года. Въ послѣднемъ году думные дворяне встрѣчаются въ числѣ 15 человекъ ²¹¹.

II. Чины второго разряда.

А. Чины, завѣдывавшіе государевымъ дворцомъ:

Названіе дворскій или *дворецкій* (нынѣшній гофмейстеръ), означавшее особеннаго чиновника, котораго имѣлъ въ старину каждый русскій удѣльный князь, для надзора за сохраненіемъ дворцоваго порядка, становится извѣстнымъ съ XII вѣка. Объ немъ упоминается при томъ событіи, когда великій князь Мсти-

Дворецкій.

славъ Изяславичъ, свергнутый съ кievскаго стола Андреемъ Боголюбскимъ въ 1169 году, бѣжалъ изъ Кіева въ Владиміръ-Волынской, а гнавшійся за нимъ непріятельскій отрядъ побралъ въ плѣнъ много его дружины, въ составѣ которой находился Мстиславовъ дворецкій, именовъ Олевса ²¹². Нижеслѣдующія же историческія увазанія объясняютъ, въ чемъ состояла прямая обязанность этаго должностнаго лица въ тогдашнее время. Кромѣ слугъ вольныхъ людей дворныхъ, составлявшихъ младшую княжескую дружину ²¹³, были еще у владѣтельныхъ князей слуги другаго рода — промышленники и ремесленники ²¹⁴, пользовавшіеся княжескими землями и находившіеся подъ вѣдомствомъ княжескаго дворецкаго ²¹⁵. Слѣдовательно обязанность дворецкаго, по тогдашнему времени, состояла главнымъ образомъ въ завѣдываніи княжескими слугами этого послѣдняго рода. Но однимъ этимъ не ограничивалась дѣятельность дворецкаго. Извѣстно, что татары, господствовавшіе въ Русской землѣ до времени Іоанна III, не вступались въ мѣстныя судныя дѣла страны, и потому каждый удѣльный князь судилъ чрезъ своихъ намѣстниковъ и дворянъ, предоставляя также и дворецкому, подъ наблюденіемъ намѣстника, производить судъ только надъ одними холопами ²¹⁶. Въ послѣдствіи кругъ занятій дворецкаго еще болѣе расширился.

Со времени Іоанна III, перваго истиннаго самодержца Россіи, положившаго твердое основаніе московскаго государства, съ того времени, когда каждая отрасль государственнаго управленія, для правильнаго хода дѣлъ, получила «пристойный приказъ» ²¹⁷, создано было также особое учрежденіе, извѣстное подъ названіемъ приказа большаго дворца. Приказъ этотъ вѣдалъ доходы съ приписанныхъ въ нему городовъ, дворцовыхъ волостей, селъ и деревень, доставлявшихъ казнѣ дворцоваго вѣдомства, сверхъ денежнаго оброка, хлѣбъ, скотъ, птицъ, рыбу, медъ, дрова, сѣно — такіе продукты, которые за исключеніемъ опредѣленнаго количества, требовавшагося на содержаніе двора, продавались ежегодно на значительныя суммы, поступавшія въ дворцовый доходъ ²¹⁸. Въ главѣ этого важнаго учрежденія стоялъ начальникъ, носившій старинное названіе дворецкаго, и, какъ первенствующій въ соста-

въ придворныхъ чиновъ, почти всегда былъ изъ бояръ²¹⁹. Завѣдывая всѣми государевыми имѣніями, доходами съ нихъ и расходами на дворцовыя нужды, а также дворами сытнымъ, кормовымъ, хлѣбнымъ, дворецкій имѣлъ надзоръ за всѣми высшими и низшими придворными чинами, въ особенности за тѣми должностными лицами, управленію которыхъ ввѣрялись разныя отдѣльныя части, завѣдуемая приказомъ большаго дворца; это были, какъ уже выше сказано: ключникъ, казначей, оруженничій, шатерничій и истопничій²²⁰. Отношенія, въ какія поставлены они первоначально къ дворецкому, оставались неизмѣнными и въ продолженіе XVII вѣка.

Начало появленія у русскихъ князей слугъ, названныхъ *ключниками*, восходитъ также къ глубокой древности. Описывая состояніе Россіи въ періодъ ея бытія съ XI до XIII вѣка²²¹, Карамзинъ говоритъ: «восшествіе государя на тронъ соединено было съ обрядами священными; кіевляне, новгородцы сажали князей на престолъ въ софійскомъ храмѣ; князь въ самой церкви, во время литургіи, стоялъ съ покровенною главою, въ шапкѣ или клобукѣ (можетъ быть, въ вѣнцѣ); украшалъ вельможъ своихъ золотыми цѣпами, крестами, гривнами²²²; жаловалъ придворныхъ въ казначей, ключники, постельники, конюшіе, и проч. — Свидѣтельство это ясно показываетъ, что должностныя лица подъ названіемъ ключниковъ были уже при княжескихъ дворахъ въ XI и XII столѣтіяхъ, и что званіе это давалось государями въ видѣ награды за службу. Оно существовало также и въ послѣдующее время. — Въ южной Россіи великій князь кіевскій Вячеславъ, умершій въ 1155 году, имѣлъ при дворѣ своемъ казначеевъ и ключниковъ; это доказывается тѣмъ, что въ присутствіи этихъ лицъ сдѣлано было распоряженіе о раздачѣ имущества умершаго князя по монастырямъ, богадѣльнямъ и темницамъ. Въ Россіи сѣверной у великаго князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго, въ числѣ приближенныхъ къ нему слугъ, пользовавшихся его довѣренностію, былъ ключникъ Анбаль, оставившій позорную о себѣ извѣстность тѣмъ, что онъ присталъ къ партіи заговорщиковъ, умертвившихъ этаго князя, своего государя и благодѣтеля, въ 1174 году. Видно также изъ духовнаго завѣ-

Ключникъ.

шанія великаго князя Симеона Иоанновича Гордаго, скончавшагося въ 1353 году, что у него, кромѣ другихъ придворныхъ лицъ, были и ключники²²³. Въ московскомъ же государствѣ, при увеличеніи Иоанномъ III должностныхъ лицъ своего двора, вскорѣ послѣ брака его съ царевною греческою Софіею въ 1472 году, не только удержано было старинное званіе ключниковъ, съ прибавленіемъ болѣе точнаго опредѣленія ихъ обязанностей, но сохранилось оно и при преемникахъ Иоанновыхъ, въ теченіи XVI и XVII столѣтій²²⁴.

Что касается обязанностей, лежавшихъ на ключникахъ, въ главныхъ чертахъ онѣ состояли въ слѣдующемъ. Имѣя пребываніе свое въ Москвѣ, ключники управляли особыми, помѣщавшимися близъ государева дворца въ кремль и принадлежавшими къ домашнему государеву хозяйству, дворами сытнымъ, кормовымъ и хлѣбнымъ. Изъ нихъ—сытный заготовлялъ и сохранялъ въ устроенныхъ погребахъ и ледникахъ разные, про государевъ обиходъ, напитки, какъ то: пиво, медъ, квасъ, заграничныя вина и проч.; дворъ кормовой имѣлъ въ своемъ распоряженіи съѣстные запасы для потребленія, и завѣдывалъ поварнями, а также страпавшими въ нихъ поварями и прочими прислужниками; наконецъ, хлѣбный дворъ приготовлялъ вообще всякія печенья разныхъ видовъ и наименованій²²⁵. Слѣдовательно ключникамъ поручалась хозяйственная часть во дворцѣ по отношенію къ государеву столу, и храненіе вообще всего того, что требовалось для употребленія при столѣ, какъ въ обыкновенные дни, такъ и во дни разныхъ торжественныхъ случаевъ²²⁶.

Казначей.

Взглянувъ на званіе княжескаго *казначея* (тоже, что нынѣ гофмаршалъ) съ исторической точки зрѣнія, нельзя не замѣтить, что служебныя подъ этимъ наименованіемъ лица получили свое существованіе при дворахъ русскихъ князей, подобно ключникамъ, вскорѣ по смерти Владиміра св., при сынѣ его Святополкѣ, и, въ продолженіе послѣдующихъ двухъ столѣтій, до первоначальнаго появленія въ Россіи татаръ (31 мая 1224 г.), сохранили свое придворное значеніе. О древности установленія званія казначеевъ свидѣтельствуютъ тѣ же историческіе факты, о которыхъ уже упомянуто при описаніи

должности включниковъ, именно: фактъ, выразившійся въ обычаѣ государей, при восшествіи своемъ на престолъ, жаловать нѣкоторыхъ изъ придворныхъ лицъ въ разные чины, въ томъ числѣ и въ казначей, — и фактъ, основанный на приведенномъ извѣстіи о томъ, что, при распредѣленіи имущества, принадлежавшаго умершему въ 1155 году великому князю кievскому Вячеславу, присутствовали, кромѣ другихъ чиновъ, и казначей. Позднѣе, спустя два вѣка, упоминается опять о казначеяхъ, какъ придворныхъ слугахъ, въ завѣщаніяхъ великихъ князей Іоанна Даниловича Калиты и сына его Іоанна Іоанновича; а въ княженіе Іоанна III, старинный этотъ чинъ получилъ въ 1495 году наименованіе государственнаго или главнаго казначея, оставаясь, впрочемъ, по прежнему, въ числѣ второстепенныхъ придворныхъ лицъ, не только во второй половинѣ XV вѣка, т. е. во времена Іоанна III, но и при его преемникахъ, правившихъ московскимъ государствомъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ²²⁷.

Казначей, съ двумя дьяками, составлялъ привязъ казеннаго двора. Прямая обязанность службы казначеевъ состояла преимущественно въ завѣдываніи кладовыми, гдѣ хранились княжескія сокровища, какъ-то: деньги, драгоценные камни, жемчугъ, серебряные и золотые сосуды, мѣха собольи, куньи и бѣличьи, шелковыя ткани, одежды. Казначею ввѣрялась также домовая касса, изъ которой отпускались деньги на разныя надобности особамъ государева дома, выдавалось жалованье людямъ всякаго чина и дарились государемъ знатымъ сановникамъ бархатныя, золотныя и атласныя на соболяхъ шубы. Наконецъ, въ завѣдываніи казначея было все то, что употреблялось при коронаваніи государей²²⁸.

Независимо отъ сего, чрезъ тѣхъ же казначеевъ производилось приобрѣтеніе для двора разныхъ предметовъ роскоши и богатства и притомъ на условіяхъ весьма выгодныхъ, по причинѣ помянутаго господства тогда въ московскомъ государствѣ монополіи казны. При такомъ положеніи вещей, англичане, получившіе въ 1567 и 1569 годахъ, при Іоаннѣ IV, право ѣздить съ товарами изъ Россіи въ Персію, должны были всѣ драгоценности и легкіе товары показывать государеву казначею, а о тяжелыхъ представлять записку. Казначей выбиралъ

изъ всего этого угодное государю за цѣну, въ какую обошлась перевозка и храненіе вещей; а остальное возвращалъ имъ, для продажи. Подобныя отношенія торговцевъ ко двору, на счетъ промышленности, существовали и въ XVII вѣкѣ. — Всѣ ввозные продукты — шелкъ и другія статьи персидской торговли, предметы роскоши, привозимые изъ Греціи, какъ-то: серебряная и золотая утварь, конскіе дорогіе уборы, мѣха, привозимые съ китайскихъ границъ, — все это представлялось сначала казначею. Нужное и лучшее отбиралось имъ въ царскую казну за деньги, или въ обмѣнъ на товары, — остальное представлялось уже общественному употребленію ²²⁹.

Вѣдѣнію казначея поручалась, сверхъ хозяйственной по двору, и судебная часть по отношенію къ людямъ, пріѣзжавшимъ на время въ Москву изъ городовъ. Иногородные истецъ и отвѣтчикъ судились у царскаго казначея, рѣшавшаго тяжбы дѣла въ денежныхъ искахъ въ такомъ только случаѣ, когда тяжущіея были изъ разныхъ городовъ, а если изъ одного, то отсылались въ ихъ намѣстникамъ ²³⁰.

Наконецъ, княжескіе казначеи представляются достопамятными въ историческомъ смыслѣ еще и потому, что они назначались для пріема и произнесенія надлежащихъ отвѣтовъ второстепеннымъ или третьестепеннымъ посланникамъ, присылаемымъ отъ ихъ правительствъ въ Москву съ разными порученіями. Такъ Іоаннъ III, строгій блюститель пристойности въ придворныхъ обрядахъ и церемоніяхъ, по различію пословъ, объяснялся съ прибывшими, въ 1489 году, въ Москву отъ ногайскаго кочеваго народа послами единственно чрезъ своихъ второстепенныхъ чиновниковъ — казначеевъ и дьяковъ. То же самое повторилось и въ 1501 году. Послы отъ королей венгерскаго и польскаго — братьевъ великаго князя литовскаго Александра, воевавшаго тогда съ Іоанномъ III, а также уполномоченный отъ Александра его чиновникъ Нарбутъ, по пріѣздѣ въ Москву, сдѣлали совокупное предложеніе о прекращеніи войны, общая удовлетвореніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ходатайствуя объ освобожденіи литовскихъ плѣнныхъ и возвращеніи завоеванныхъ земель; при чемъ Нарбутъ прибавилъ, что большіе литовскіе послы готовы ѣхать для мирныхъ перегово-

ровъ. На это отвѣчали, именемъ Іоанна III, казначей и дьякъ великокняжескіе, что государь не отвергаетъ мира, пристойнаго, но не любитъ даромъ освобождать плѣнныхъ и возвращать завоеванія, и что онъ ждетъ большихъ пословъ литовскихъ и согласенъ сдѣлать перемиріе²³¹.

Великолѣпнѣе былъ дворъ сына Іоанна III, Василя Іоанновича (1505 - 1533), во все двадцативосьмилѣтнее его управленіе московскимъ государствомъ. — Любя пышность во всѣхъ торжественныхъ собраніяхъ, онъ увеличилъ штатъ двора своего прибавкою къ нему нѣсколькихъ новыхъ чиновниковъ, въ числѣ которыхъ встрѣчается небывалый чинъ *оружничаго* (начальникъ оружейной палаты), которымъ въ первый разъ пожалованъ былъ Салтыковъ, въ 1511 году²³².

Въ московскихъ древностяхъ сохранилось преданіе, что на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ возвышается кремлевскій царскій дворецъ, въ концѣ XVII столѣтія стоялъ большой трехъ-этажный каменный корпусъ, въ которомъ помѣщались оружейный приказъ и оружейная палата; первый завѣдывалъ живописнымъ, золотымъ, серебрянымъ, рѣзнымъ, товарнымъ изъ дерева и кости, дѣлами, — вторая была царскимъ арсеналомъ, гдѣ хранилось различное оружіе, доспѣхи, кольчуги и т. п.; здѣсь же изготовлялись знамена и разные предметы полковаго боеваго вооруженія. Непосредственнымъ начальникомъ въ этихъ двухъ учрежденіяхъ былъ оружничій. Онъ заботился не только о сохраненіи всякаго государева оружія, рѣдкихъ и драгоценныхъ вещей, въ оружейной палатѣ находившихся, но имѣлъ надзоръ за всѣми людьми, художниками и матеріалами, къ ней принадлежащими. Въ оружничіе назначались обыкновенно знатныя и приближенныя къ государю лица, какъ видно изъ того, что царь Феодоръ Алексѣевичъ (1676 — 1682), по возведеніи, въ 1680 году, своего постельничаго Ивана Максимовича Языкова въ окольнічіе, вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ ему быть въ оружничихъ²³³.

Имѣя постоянное свое пребываніе въ Москвѣ, чиновникъ этотъ уѣзжалъ изъ столицы въ томъ случаѣ, когда государь самолично отправлялся въ походъ противъ непріятеля, и когда, поэтому, долженъ былъ сопровождать его весь дворъ, а слѣ-

довательно и находившійся въ штатѣ его оруженничій. Можно указать на два такіе похода. Одинъ предпринять былъ, въ маѣ 1522 года, великимъ княземъ Василиемъ Іоанновичемъ противъ крымскаго хана Мехмедъ-Гирея, грозившаго нашествіемъ на московскую землю со всеѣми своими силами; въ этомъ походѣ окружали великаго князя разныхъ степеней придворные чины, въ числѣ которыхъ показанъ и оруженничій Ник. Ів. Карповъ. Другой походъ совершился въ самомъ началѣ царствованія Бориса Годунова. Получивъ вѣсть о приближеніи крымскаго хана Казы-Гирея со всею ордою къ берегамъ Оки, Годуновъ, сопровождаемый множествомъ придворныхъ чиновниковъ, между которыми находился и оруженничій Б. Я. Бѣльскій, выѣхалъ, въ маѣ 1598 года, изъ Москвы и остановился въ Серпуховѣ, съ тѣмъ, чтобы отсюда распоряжаться устройствомъ своей рати, спѣшившей изъ городовъ къ сборнымъ мѣстамъ ²³⁴.

Шатерничій. Свѣдѣнія о происхожденіи княжескихъ слугъ, носившихъ названіе *шатерничихъ*, представляются очень скудными. Известно только, во-первыхъ, что Іоаннъ IV, ѣздившій, въ 1572 году, въ Новгородъ для устройства войска, по случаю войны въ Эстоніи, имѣлъ въ своей свитѣ высшихъ и низшихъ придворныхъ чиновниковъ, въ числѣ которыхъ упоминается и шатерничій Семенъ Тимоѣевичъ Бунаковъ; и во вторыхъ, что въ воинскомъ походѣ Бориса Годунова противъ крымскаго хана Казы-Гирея въ маѣ 1598 года, между состоявшими при немъ, для разныхъ служебъ, придворными чиновниками находились также одинъ шатерничій. — Что жъ касается должности, лежавшей на этомъ чиновникѣ, то ее можно опредѣлить немногими словами: она состояла въ завѣдываніи всеѣми предметами, которые относились до убранства и украшенія государевыхъ палатъ во дворцѣ ²³⁵. Въ московскомъ кремлевскомъ дворцѣ, какимъ онъ былъ къ концу XVII столѣтія, находилось множество палатъ подъ разными наименованіями; въ составу ихъ принадлежала шатерная палата, такъ названная потому, что въ ней сохранялись походные шатры, ставки, хоромные наряды и уборы.

Источничій. Названіе *источничій* происходитъ отъ стариннаго слова

«истопа», означавшаго горницу, комнату. Поэтому, именем истопничаго назывался таковой княжескій слуга, который обязанъ былъ наблюдать за чистотою и порядкомъ во внутреннихъ комнатахъ государева или кремлевскаго дворца. Внутренняя стража кремлевскихъ палатъ располагалась на ночь въ трехъ комнатахъ, ближайшихъ къ государевой спальнѣ: въ слѣдующихъ за нею непосредственно, первой и второй, ночевали ближніе царедворцы — постельничій и товарищи его спальники, въ третьей — выборные изъ знатныхъ дѣтей боярскихъ, названные жильцами. Въ этихъ-то комнатахъ истопничій берегъ каждую дверь, зная предварительно, кто имѣлъ право входить въ оную, и кто не пользовался этимъ преимуществомъ. Все это было устроено для безопасности, порядка и важности дворцоваго управленія²³⁶.

Б. Чины, управлявшіе государевыми конюшнями и охотою.

Чинъ *коношаю* (нынѣ оберъ-шталмейстеръ), означавшій смотрителя за княжескою конюшнею и принадлежащими къ ней людьми и потребностями, былъ замѣчательный чинъ, какъ по своей древности, такъ и по значенію своему при княжескомъ дворѣ. Объ немъ упоминается первоначально въ Русской Правдѣ Ярослава I-го (изд. 1020 г.), гдѣ одною изъ статей было постановлено: «за убійство боярина, тиуна и конюшаго, подвергать убійцу взыванію двойной виры (денежный штрафъ) въ размѣрѣ 80 гривенъ». Статья эта Русской Правды показываетъ, что конюшій княжескій былъ уже тогда придворнымъ лицомъ, занимавшимъ первую гражданскую степень въ числѣ прочихъ придворныхъ²³⁷. Значеніе его не умалилось и въ послѣдующіе два вѣка, т. е. отъ кончины Ярослава I-го до появленія въ Россіи татаръ (1054 — 1224), какъ можно заключить изъ того историческаго факта, что князья, при восшествіи своемъ на престолъ, жаловали вельможъ разными почетными наградами, а придворныхъ повышали въ конюшіе и иные чины²³⁸.

Конюшій.

Далѣе, въ двухвѣковой періодъ, протекшій отъ нашествія татаръ до вступленія Іоанна III на московскій престолъ

(1224 — 1462), также встрѣчается всегда должность конюшаго при княжескихъ дворахъ²³⁹. Затѣмъ, въ славное государственіе Іоанна III, званіе конюшаго, означавшее издревле важнаго чиновника, даваемо было государемъ только боярину. А когда учрежденъ былъ конюшенный приказъ, то въ немъ засѣдалъ и начальствовалъ всегда первый по чину и чести бояринъ-конюшій, въ обязанности котораго относилось управленіе приписанными къ приказу, для покрытія его расходовъ, государевыми селами и волостями, и зависѣвшими отъ него разными низшей степени чиновниками и служителями, потребными для содержанія въ порядѣ конюшеннаго придворнаго вѣдомства, въ которомъ считалось болѣе 40,000 однихъ лошадей, содержимыхъ на царскихъ конюшняхъ и въ табунахъ⁴⁰.

При Іоаннѣ IV, знатный санъ конюшаго носилъ одинъ изъ его дядей, князь Михаилъ Глинскій; по отнятіи у послѣдняго этаго сана, на мѣсто Глинскаго поступилъ князь Василій Васильевичъ Чулокъ—Ушатоу; потомъ, въ 1550 году, пожалованъ въ конюшіе бояринъ Иванъ Петровичъ Ѳеодоровъ; а когда этотъ государственный человѣкъ погибъ, въ 1567 году, отъ нанесеннаго ему Іоанномъ IV удара, то, послѣ сей катастрофы, чинъ конюшаго, въ теченіе семнадцати лѣтъ (1567—1584), до времени царя Ѳеодора Іоанновича, никому уже не былъ жалуетъ²⁴¹. Государь сей, въ день своего вѣнчанія на царство (31 мая 1584 г.), возвелъ шурина своего, Бориса Ѳеодоровича Годунова, въ знаменитый санъ конюшаго, придавъ ему еще приэтомъ титуло ближняго великаго боярина и намѣстника казанскаго и астраханскаго²⁴². — Когда жъ Годуновъ, по избранію земскихъ чиновъ, самъ занялъ мѣсто варажскихъ князей на тронѣ Россіи, онъ также ознаменовалъ день вѣнчанія своего на царство (1 сентября 1598 г.) разными милостями, начавъ съ возвышенія членовъ своего рода, чрезъ пожалованіе шестерыхъ изъ нихъ въ первостепенные чины двора, именно: Дмитрія Ивановича Годунова въ конюшіе, Степана Васильевича Годунова въ дворецкіе и еще четырехъ Годуновыхъ въ овольничіе²⁴³. — Скоро, однако, санъ конюшаго, стоявшій на первомъ планѣ придворныхъ слугъ государевыхъ, сталъ утрачивать свое значеніе. Уже царь Василій Іоанновичъ Шуйскій,

начавшій свое державство (1 Юня 1606 г.) опалами, запретилъ Михаилу Нагому, носившему тогда санъ конюшаго, именоваться этимъ званіемъ, которое потомъ, въ XVII вѣкѣ, и вовсе было уничтожено ²⁴⁴.

Конюшенная часть принадлежала въ составу огромнаго царскаго хозяйства въ древней Россіи. Завѣдываніе этою частию поручено было особому управленію, названному конюшеннымъ приказомъ. Обширность сего учрежденія, въ которомъ, какъ сказано выше, начальствовалъ конюшій, потребовала назначенія къ нему, для успѣшнаго веденія дѣлъ, помощника или товарища. И вотъ, съ этою цѣлью, Іоаннъ III учреждаетъ, въ 1497 году, новое должностное лицо, извѣстное подъ названіемъ *ясельничаго* (то же что нынѣ шталмейстеръ). Въ непосредственномъ его вѣдѣніи находились: столповые приващивы, смотрители царскихъ конюшенъ, стремянные конюхи (берейторы), возницы и проч. ²⁴⁵. Въ качествѣ помощника конюшаго, ясельничій, за отсутствіемъ послѣдняго, былъ судьей въ конюшенномъ приказѣ и управлялъ всѣми принадлежащими къ нему дѣлами. По таковой своей чести (степени, знатности), онъ, въ іерархическомъ отношеніи, становился иногда выше думныхъ дворянъ, чаще всего сравнивался съ ними, но всегда стоялъ выше стольниковъ ²⁴⁶.

Московскіе государи, лично предпринимавшіе походы противъ непріятеля, имѣли обычай совершать такіе походы въ сопровожденіи сановниковъ пышнаго своего двора, въ составѣ которыхъ находился также ясельничій, какъ показываютъ это извѣстія о походахъ противъ крымскихъ татаръ Василія Іоанновича въ 1522 г. и Бориса Годунова въ 1598 году ²⁴⁷.

По упраздненіи въ XVII вѣкѣ званія конюшаго, ясельничій сдѣлался самостоятельнымъ лицомъ по управленію дѣлами конюшеннаго приказа ²⁴⁸.

Объ званія — *ловчій* и *сокольникій* (нынѣшніе егермейстеры)—объясняются отчасти изъ самыхъ словъ. Но болѣе точное понятіе объ нихъ можно вывести изъ нижеслѣдующаго, сжатаго очерка домашняго русскихъ князей и царей быта, при которомъ возникли тѣ два названія придворныхъ слугъ.

По свидѣтельству „Русской Правды“ Ярослава I-го, еще до временъ этого государя образовались два главные вида

Ясельничій.

Ловчій.
Сокольникій.

охоты въ древней Россіи—звѣрѣная и соколиная. Слѣдовательно, охота издревле составляла любимое препровожденіе времени для русскихъ князей. Не забудемъ при этомъ, что Россія того времени главнымъ образомъ сосредоточивалась въ благодатной природѣ нынѣшняго южнаго края, тогда еще нетронутой и богатой лѣсомъ. Вокругъ Кіева было еще множество всякаго рода звѣря—пушнаго и крупнаго; надъ Бугомъ и Припетью водились туры; вездѣ было много серъ, лосей и медвѣдей²⁴⁹.— Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ говорится вообще о князьяхъ, что, въ первые вѣка существованія Россіи, они отправлялись ежегодно, въ ноябрѣ, съ дружиною въ подчиненнымъ племенамъ, на долгое время, въ такъ называвшіяся «становища», гдѣ останавливались князья въ устроенныхъ мѣстахъ, для сбора съ жителей дани и рѣшенія судебныхъ дѣлъ, и «ловища», т. е. въ опредѣленные мѣста для охоты на дивныхъ звѣрей и птицъ, таковой охоты, которая, кромѣ увеселительнаго занятія, служила также важнѣйшимъ источникомъ дохода княжеской казны, отъ продажи добытыхъ охотою шкуръ пушныхъ звѣрей²⁵⁰.

Всеволодъ Ярославичъ (1078—1093) и сынъ его Владиміръ Мономахъ (1113—1125) любили звѣриную и соколиную ловлю.— Послѣдній, въ поученіи написанномъ своимъ дѣтямъ, самъ о себѣ говоритъ, что «онъ вазаль своими руками въ пуцахъ дивныхъ лошадей, охотился на тура, на оленя, на лоса, на вепря, на медвѣдя, на волка; охотился и на зайцевъ, ловили ихъ тенетами; самъ онъ держалъ весь нарядъ въ ловчихъ. самъ заботился о соколахъ и ястребахъ»²⁵¹.— Сохранилось также преданіе, что князья кіевскій Святославъ и торческій Рюрикъ, утишивъ русскую землю удачнымъ походомъ противъ половцевъ, ѣздили въ 1190 году на охоту въ лодкахъ, внизъ по Днѣпру, къ устью р. Тясмины (херс. губ.), наловили тамъ множество дивныхъ звѣрей и провели время очень весело²⁵².— Славилась же въ особенности птицеловствомъ приморская часть архангельской губерніи, называвшаяся въ древности Двинскою землею. По уставамъ князей Александра Ярославича Невскаго (1247—1263) и сыновей его Дмитрія (1276—1294) и Андрея (1294—1304) Александровичей²⁵³, одни только слуги князе-

скіе, названные въ ихъ уставахъ сокольниками²⁵⁴, имѣли право ловить тамъ морскихъ птицъ. Но, независимо отъ охоты на птицъ, охотились и на звѣрей, какъ это доказывается появившимся тогда названіемъ „ловчаго“ — такого княжескаго слуги, который приставленъ былъ къ дѣлу, относящемуся собственно къ охотѣ. Къ тому жъ самъ Александръ Ярославичъ, заявляя о воинскихъ подвигахъ шестерыхъ изъ дружины своей мужей, отличившихся при пораженіи имъ шведовъ 15 іюня 1240 г., за которое онъ получилъ названіе „Невскаго“, упомянулъ, что въ числѣ сихъ героевъ находился и ловчій его. Яковъ Полочанинъ²⁵⁵. — Охота на птицъ, какъ видно изъ позднѣйшихъ извѣстій, относящихся къ послѣдней четверти XIII вѣка, производилась и на югѣ. Тамъ, на восточной сторонѣ Днѣпра, въ волости одного изъ потомковъ черниговскихъ владѣтелей, Олега, состоявшей изъ двухъ или трехъ городковъ въ курской области, было много „ловищъ“ лебединыхъ, гдѣ сокольники и ловили лебедей²⁵⁶.

Охота обоихъ видовъ, звѣриная и соколиная, не прекращалась и во времена Іоанна III (1462—1505). При его дворѣ состояли также, кромѣ другихъ многочисленныхъ чиновъ, ловчіе и сокольничіе, занявшіе уже извѣстную степень въ ряду придворныхъ сановниковъ, по порученнымъ надвору ихъ отдѣльнымъ частямъ государева хозяйства²⁵⁷.

Великій князь Василій Іоановичъ (1505—1533) любилъ сельскую тишину и часто ѣздилъ лѣтомъ на охоту въ Можайскъ и Волокъ—Ламскій, въ сопровожденіи множества бояръ, придворныхъ слугъ и всадниковъ. Тѣ же чины, чины ловчаго и сокольничаго, управлявшіе охотами, встрѣчаются и при дворѣ этого князя, съ прибавленіемъ извѣстія, что первымъ ловчимъ его былъ, въ 1509 году, Ѳеодоръ Михайловичъ Нагой²⁵⁸.

Іоаннъ IV (1533—1584), посвящавшій много времени дѣламъ правленія, въ особенности въ первую половину своей жизни, занимался также по нѣсколько дней и стариннымъ царскимъ развлеченіемъ — псовой и медвѣжьей охотой. Онъ ловилъ дикихъ звѣрей въ лѣсахъ и пустыняхъ, и любилъ особенно медвѣжью травлю. При немъ установился въ Москвѣ

обычай оказывать иностраннымъ посламъ вниманіе посылкою въ нимъ въ подарокъ части добычи съ царской охоты ²⁵⁹.

Московский дворъ, образовавшійся со временъ Іоанна III изъ множества, подъ разными наименованіями, сановниковъ, въ числѣ которыхъ состояли ловчій и сокольничій, является въ такомъ же пышномъ видѣ и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (1645—1676). Известно, что государь сей часто ѣздилъ въ загородныя села со своимъ семействомъ и придворными чинами. гдѣ иногда оставался довольно долго. Главною цѣлью загородныхъ поѣздовъ была любимая его потѣха, охота; ходилъ на поля тѣшиться съ дикими птицами, ходилъ и на медвѣдя ²⁶⁰. Увлекаясь съ молодю охотничьею удалю, Алексѣй Михайловичъ часто своеручно принималъ поднятаго изъ берлоги медвѣдя на рогатину, строго запрещалъ въ этомъ случаѣ всякую постороннюю помощь, и, надобно сказать, что, привывнувъ къ этой одиночной борьбѣ, онъ всегда почти оканчивалъ ее удачно. Если же иногда ловкость и удача измѣняли ему и неудобно было дать отпоръ рогатиной, то находившіеся при немъ постоянно на охотѣ такіе же. какъ и самъ, страстные, ловкіе, смѣлые охотники и притомъ приближенные, вѣрные и преданные ему слуги, въ одно мгновеніе заслоняли царя собой и принимали разсвирѣпѣвшаго звѣря на свои рогатины ²⁶¹.— Въ подгородной преображенской слободѣ, за слободою нѣмецкою, вблизи находились царскій хуторъ и великолѣпный дворецъ Измайловскій. Туда царь Алексѣй Михайловичъ ѣзжалъ предаваться удовольствіямъ звѣриной и птичьей охоты въ заповѣдныхъ лѣсахъ, простиравшихся отъ сибирской до троицкой дороги и изобиловавшихъ дичью и разнородными звѣрями; тамъ близко была и его соколиная охота въ соколиникахъ— въ такъ названной; и донынѣ существующей въ Москвѣ, мѣстности, гдѣ жили сокольничіе, на обязанности которыхъ лежало вынашивать отличающихся своею величиною соколовъ, а также кречетовъ—очень смѣлыхъ птицъ. Въ соколиникахъ былъ и звѣринецъ—нарочно устроенный для этого домъ, въ которомъ посажены были медвѣди и множество зайцевъ; послѣдніе привозимы были также и изъ другихъ мѣстъ, каждый разъ, когда вздумается государю повеселиться этою забавою, съ употреб-

леніемъ, для травли ихъ, охотничьихъ собакъ ²⁶².—Любя охоту, царь Алексѣй Михайловичъ построилъ въ Кремлѣ особенное каменное зданіе, названное потѣшнымъ дворомъ (отдѣльнымъ хозяйствомъ), въ которомъ помѣщалось все то, что принадлежало въ охотничьему занятію. Тамъ содержалась, между прочимъ, любимая царская потѣха—птицы, кречеты, ястребы; на ихъ кормъ шли голуби, для которыхъ устроено было больше 100,000 голубиныхъ гнѣздъ ²⁶³.

Сообразивъ выше изложенныя свѣдѣнія, объ охотѣ княжеской и царской, и о приставленныхъ въ ней служебныхъ лицахъ, носившихъ названія „ловчаго и соволянчаго“, можно прийти къ тому заключенію, что оба эти сановника управляли, со времени Іоанна III, двумя отдѣльными, значительными тогда, частями, первый—звѣриною, и второй—соволиною охотою,—что каждый изъ нихъ былъ главнымъ по своей части распорядителемъ, когда государь изъявлялъ желаніе отправиться въ загородныя села, съ своими приближенными боярами и царедворцами, для пріятнаго развлеченія охотою, или на звѣрей, или съ дикими птицами; и что, наконецъ, названные два сановника имѣли свое значеніе при дворѣ и, по роду своей службы, принадлежали къ разряду второстепенныхъ чиновъ государева двора или дворцоваго вѣдомства ²⁶⁴.

Съ Петра Великаго охота теряетъ свое значеніе; онъ совершенно отмѣнилъ ее при своемъ дворѣ.

В. ЦАРЕДВОРЦЫ, НАХОДИВШИЕСЯ ПРИ ОСОВѢ ГОСУДАРЯ.

Важнѣйшимъ сановникомъ въ удѣльной Россіи и въ московскомъ государствѣ является *печатникъ* (по нынѣшнему канцлеръ). Первые объ немъ извѣстія довольно древни.—Въ исторіи южной Россіи, около половины XIII вѣка, упоминается, что Даниилъ Романовичъ, князь галицкій, посылалъ печатника своего, Кирилла, въ гор. Бакоту (между Ушицей и Подольскомъ на Днѣстрѣ) собрать подробныя свѣдѣнія о грабительствахъ боярскихъ, отъ которыхъ вспыхнулъ большой мятежь, и успокоить галицкую землю,—въ чемъ Кириллъ, какъ чело-
вѣкъ ума дѣловаго, и успѣлъ. Въ концѣ того жъ XIII вѣка

Печатникъ.

встрѣчается названіе печатника въ Смоленскѣ²⁶⁵. Затѣмъ, въ XIV вѣкѣ видимъ печатника въ Москвѣ, которымъ былъ, при великомъ князѣ Дмитріи Іоановичѣ Донскомъ (1365—1389), отличавшійся тогда умомъ своимъ, острою памятью, знаніемъ, краснорѣчіемъ и благовидною наружностію, Михайль—Митяй, священникъ гор. Коломны (впоследствии преемникъ митрополита Алексія). Ему-то ввѣрилъ Дмитрій храненіе великокняжеской печати—должность важную по тогдашнему обычаю²⁶⁶. — Во времена могущества Іоанна III, образовался многочисленный пышный дворъ изъ разныхъ чиновъ, въ составѣ которыхъ находился и печатникъ—близкій въ великому князю человекъ. Изъ духовнаго завѣщанія этого государя видно, что, во время написанія сего акта, былъ печатникомъ Юрій Дмитріевичъ Грекъ, которому ввѣрено было храненіе не только государевой печати, но и ларцевъ съ казною и иными государевыми сокровищами²⁶⁷.—Званіе это удержало высокое свое значеніе и при Іоаннѣ IV, и мы встрѣчаемъ на созванномъ имъ въ іюлѣ 1566 года, по поводу литовской войны, земскомъ соборѣ, между прибывшими на оный разныхъ степеней чинами, печатника²⁶⁸.—Но особенно важною личностію является въ XVII вѣкѣ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, человекъ даровитый и съ развитымъ умомъ, оберегатель царской печати, незабвенный Аонасіи Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, принимавшій дѣятельное участіе въ заключеніи, 30 января 1667 года, Андрусовскаго мира съ Польшею, по которому возвращены были Русской Державѣ владѣнія, принадлежавшія ей со временъ Владиміра св., именно Смоленское княжество, Северія²⁶⁹, вся Украйна на восточной сторонѣ Днѣпра, Кіевъ съ окрестностями и вся Малороссія²⁷⁰. Наконецъ, встрѣчается въ началѣ XVIII вѣка чинъ печатника и при Петрѣ I-мъ; званіе это, какъ видно изъ составленнаго въ 1705 году списка стариннымъ московскимъ чинамъ, носилъ тогда Никита Моисеевичъ Зотовъ²⁷¹.

Простое слово „печатникъ“ заключаетъ въ себѣ весьма опредѣлительное понятіе. Значеніе печатника, какъ должностнаго лица, объясняется тѣмъ, что въ древней Россіи великіе князья сами не подписывали бумагъ: онѣ писались отъ имени

князя, а печатникъ утверждалъ ихъ именною княжескою печатью, имѣвшею особенное изображеніе и надпись; и потому, приложеніе такой печати къ государственнымъ актамъ и бумагамъ было окончательнымъ утвержденіемъ ихъ верховною властію и считалось достаточнымъ доказательствомъ даннаго великимъ княземъ согласія на такое, или на иное распоряженіе²⁷². Но такъ какъ тогда должности еще не были строго разграничены въ Россіи, и многое основывалось на личномъ усмотрѣніи князя, то часто возлагалось на печатника выполнение такихъ обязанностей, вторыя были ему вовсе чужды²⁷³.— Поэтому мы видимъ, что печатнику поручалось храненіе казны и разныхъ драгоценностей княжескихъ; иногда призывался онъ къ совѣщаніямъ особенно въ важныхъ случаяхъ, принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и назначался къ другимъ посылкамъ²⁷⁴. При всемъ томъ, главною обязанностію печатника было—прикладывать къ разнымъ грамотамъ, судебнымъ актамъ и другимъ бумагамъ печати, собирать за это пошлины въ размѣрѣ, ясно опредѣленномъ въ уложеніи Іоанна III, изданномъ въ 1497 году; наконецъ, охранять неприкосновенность самой печати и оберегать ее.

Все выше изложенное ведетъ къ заключенію, что великій князь долженъ былъ имѣть неограниченное довѣріе къ лицу печатника, и что къ занятію должности этой, совмѣщавшей въ одномъ лицѣ разные обязанности, требовались люди, необходимо приготовленные ученіемъ и практикою. Условію сему удовлетворяли тогда преимущественно дьяки, и потому выборъ падалъ обыкновенно на нихъ, какъ на людей, отличавшихся своимъ образованіемъ, способностями и вполнѣ преданныхъ царю, бравшему ихъ, по большей части, изъ низшихъ классовъ общества. Сидя въ приказахъ, отправляясь въ посольства при боярахъ, присутствуя при приѣмѣ иностранныхъ пословъ русскимъ дворомъ, дьяки приобретали практику, которая приготовляла ихъ къ званію думныхъ дьяковъ и печатниковъ²⁷⁵.

Въ Россіи, прежде частныхъ, явилась государственная печать (гербъ), съ вырѣзкою на ней соответствующихъ изображеній и надписей²⁷⁶. Древніе русскіе государи обыкновенно имѣли на своихъ печатяхъ изображеніе ихъ ангела, имя ко-

тораго давалось имъ при крещеніи, съ надписью, ясно свидѣтельствующею, чья печать; въ таковой формѣ встрѣчаются печати при грамотахъ и договорахъ у князей южной и сѣверной Россіи²⁷⁷. Потомъ, великіе князья, по перенесеніи столицы своей изъ Владиміра въ Москву, мало-по-малу приняли уже для своихъ печатей московскій гербъ съ изображеніемъ бѣлаго коня въ красномъ полѣ, съ всадникомъ, и стали употреблять его съ значеніемъ государственнаго. Димитрій Донской, по одержаніи 8 сентября 1380 года достопамятной побѣды надъ татарами, предводимыми Мамаемъ, прибавилъ къ тому гербовому знаку изображеніе змія, поражаемого копьемъ всадника²⁷⁸. Затѣмъ Іоаннъ III, въ слѣдствіе брачнаго союза своего съ греческою царевною Софією, совершившагося 12 ноября 1472 года и установившагося чрезъ это свойства съ греческими императорами, принялъ въ оной государственный гербъ двуглаваго римско-византійскаго орла, соединивъ его на своей печати съ московскимъ, т. е. на одной сторонѣ изображался орелъ, а на другой — всадникъ, попирающій дракона, съ надписью: «великій князь, Божією милостію Господарь всея Руси». Печать съ этими символическими знаками, составляющими сущность герба, Іоаннъ III началъ употреблять съ 1497 года²⁷⁹. Удержанные и доселѣ гербовые сіи знаки, въ послѣдствіи времени, дополнены были, по указанію геральдики, разными атрибутами, соответствующими титулу государя всея Россіи и представляющими, въ символическихъ знакахъ, его власть, силу и могущество. — Съ 1613 года, т. е. съ самаго начала царствованія Михаила Феодоровича, стали изображать орелъ съ скипетромъ и державою²⁸⁰; а въ 1625 году онъ повелѣлъ, по сдѣланіи вновь большой печати, прибавить къ государскому титулу слово «самодержецъ» — выраженіе, дававшее понятіе значеніе государя²⁸¹.

Нынѣ государственный гербъ, изображенный на государственной печати, представляетъ на золотомъ полѣ чернаго двуглаваго орла, коронованнаго тремя коронами, держащаго въ правой лапѣ золотой скипетръ, а въ лѣвой — таковую же державу; на груди его изображенъ московскій гербъ, который представляетъ въ красномъ щитѣ св. великомученика и побѣ-

доносца Георгія, сидящаго на бѣломъ конѣ и поражающаго копьемъ змія; на правомъ крылѣ орла три щита съ гербами новгородскимъ, кievскимъ и астраханскимъ, на лѣвомъ — также три щита съ гербами владимірскимъ, казанскимъ и сибирскимъ; верхъ щита покрываетъ императорская корона и вокругъ всего герба обвѣшена цѣпь ордена св. Андрея Первозваннаго; въ большой же государственной печати, сверхъ вышесказанныхъ съ гербами щитовъ и андреевской цѣпи, представлены въ длинномъ вругу, около щита, гербы всѣхъ прочихъ губерній и областей. Всѣ правительственныя учрежденія употребляютъ въ своихъ печатахъ императорскій всероссійскій гербъ, съ надписью вокругъ онаго, какому мѣсту именно принадлежитъ печать ²⁸².

Кравчій.

Кравчій (нынѣ оберъ-шенкъ) былъ одинъ изъ высшихъ сановниковъ, въ числѣ придворныхъ лицъ, назначавшихся въ исправленію разныхъ должностей при особѣ государя. Чинъ этотъ впервые установленъ былъ Василиемъ Іоанновичемъ (1505 — 1533), который, при безграничной своей власти, любилъ, подобно родителю своему Іоанну III, окружать себя множествомъ царедворцевъ. Первымъ, въ его княженіе, кравчимъ является братъ великой княгини, Соломоніи Юрьевны, Иванъ Юрьевичъ Сабуровъ пожалованный въ это званіе въ 1514 году ²⁸³. Между тѣмъ названіе кравчаго встрѣчается и послѣ, при преэминіахъ Васильевыхъ. Такъ, во время управленія государствомъ вдовы Василія, съ 1533 по 1538 годъ, великой княгини Елены Васильевны, за малолѣтствомъ сына ея Іоанна IV, упоминаются кравчіе князь Репнинъ и Иванъ Ивановичъ Челяднинъ ²⁸⁴; а въ самостоятельное Іоанново правленіе, начавшееся съ 1547 года, на 17 году его возраста, являются кравчіе: любимецъ царскій, сынъ боярина Алексѣя Басманова, Феодоръ, и князь Юрій Глинскій, пожалованный изъ кравчихъ въ бояре. Словомъ, въ концѣ XVI и въ продолженіе XVII вѣка, должность кравчаго всегда существовала при дворѣ московскомъ, какъ существовала и потребность, для которой чинъ этотъ былъ учрежденъ ²⁸⁵.

Главная обязанность кравчаго состояла въ придворной службѣ за царскимъ столомъ и въ надзорѣ за всѣмъ тѣмъ, что

относится до этого стола. Во время торжественныхъ царскихъ обѣдовъ, у стола, на которомъ кушалъ самъ государь, обыкновенно стоялъ прямо противъ него особенный кравчій, который, принимая принесенное ему стольникомъ блюдо, долженъ былъ отвѣдать его, въ глазахъ государя, прежде, чѣмъ ставить къ нему на столъ; для отнесенія же и переставки блюдъ всегда находился при кравчемъ одинъ изъ стольниковъ²⁸⁶.

Давно совершившіеся уже-историческіе факты показываютъ, что власть московскаго государя вообще построена была на развалинахъ удѣловъ, и потому естественно, что лишенные этихъ удѣловъ князья, сдѣлавшіеся обыкновенными служилыми людьми при московскомъ дворѣ, обратились въ завистниковъ и недруговъ, забывъ ту простую истину, что для политическаго объединенія, отъ котораго зависѣла внѣшняя безопасность и внутреннее перерожденіе отечества, надлежало необходимо съ ихъ стороны пожертвовать весьма значительной долей независимости. Московскій государь, окруженный такими злобствующими личностями, вошедшими въ составъ его двора, поневоѣ долженъ былъ сдѣлаться подозрительнымъ и держать себя вѣчно, какъ осажденный, постоянно ожидая, что или самого его, или его домашнихъ изведутъ и испортятъ. Вотъ почему не только кушанья и питья испытывались прежде, чѣмъ попадутъ въ руки государя, но и самыя лекарства, которыя назначались государю, пили, будучи здоровыми, близкіе къ нему люди въ то время, когда подавали ихъ ему. Понятно, послѣ этого, почему въ кравчіе обыкновенно избирались лица или изъ любимцевъ государя, или изъ вельможъ, къ которымъ онъ имѣлъ болѣе довѣрія²⁸⁷.

Стольниковъ.

Первоначальное учрежденіе придворныхъ лицъ, названныхъ *стольниками* (теперешніе камеръ-юнкеры), восходитъ къ отдаленной вѣкѣ старинѣ. Въ двухъ грамотахъ князей рязанскихъ, писанныхъ около половины XIII вѣка, названіе это встрѣчается въ первый разъ. Существова при дворахъ удѣльныхъ князей въ XIV столѣтіи, стольники являются также и въ слѣдующемъ XV въ числѣ чиновъ, состоявшихъ при московскомъ дворѣ, въ государствованіе Іоанна III. Находимъ также ихъ и въ XVI вѣкѣ какъ при Іоаннѣ IV, такъ и при

сынъ его Теодоръ-Иоанновичъ, отбывающими придворную службу свою за царскимъ столомъ, во время торжественныхъ пиршествъ, или выполняющими, по государеву повелѣнію, разныя другія порученія²⁸⁸. Затѣмъ въ XVII вѣкѣ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, встрѣчаемъ значительное увеличеніе числа стольниковъ, и узнаемъ, что въ концѣ XVI и въ продолженіе XVII вѣка, ни какое церковное празднество, въ которомъ участвовалъ самъ государь, ни одинъ вѣздъ въ Москву иностранныхъ пословъ, ни одинъ обыкновенный и торжественный обѣдъ во дворцѣ, ни какой походъ государевъ какъ въ загородныя сѣла, такъ и противъ непріятеля, ни какія земскія совѣщательныя собранія, либо комиссіи, для лучшаго устройства дѣлъ ратныхъ,—никогда не обходились безъ стольниковъ²⁸⁹.

Стольники, состоявшіе при княжескихъ дворахъ въ древней Россіи, были дѣти дворянъ или отцевъ, которые хотя и имѣли знатныя чины по своей службѣ, но не принадлежали къ первостепенной знати по происхожденію. Сверхъ того, стольники были люди молодые, и жаловались они въ это званіе, по большей части, съ раннихъ лѣтъ²⁹⁰—Главная служба этихъ лицъ была при дворѣ; они обязаны были, во время даваемыхъ во дворцѣ торжественныхъ обѣдовъ по случаю церковныхъ праздниковъ, царскихъ дней и пріема иноземныхъ пословъ, носить къ царскому столу кушанье и снимать его со стола, отъ чего и получили наименованіе стольниковъ. Наружная обрядность этихъ обѣденныхъ столовъ состояла въ томъ, что когда государь садеть, на возвышенномъ съ тремя ступенями мѣстѣ, одинъ за трапезою золотую (т. е. за столомъ, покрытымъ золотую сватертью), слуги—стольники, низко поклонившись ему, по два въ рядъ идутъ за кушаньемъ и приносятъ вдругъ множество разныхъ блюдъ; каждое блюдо, отвѣданное поваромъ при стольникѣ, вторично отвѣдывается кравчимъ въ глазахъ государя, и потомъ ставится на его столъ стольникомъ и снимается имъ же въ свое время. А между тѣмъ, самъ государь посылаетъ приглашеннымъ на обѣдъ гостямъ куски хлѣба, а также вино, медъ²⁹¹ и проч.

Число стольниковъ и другихъ царедворцевъ, которые передъ гостей ѣсть ставили, доходило иногда до ста и болѣе. Всѣ они,

по современному выраженію, „въ столы смотрѣли“, т. е. распорядились царскимъ угощеніемъ, и „въ столы сказывали“, Введенная придворными обычаями обязанность стольниковъ, которые „сказывали въ столы“, состояла въ томъ, что они, подавая отъ имени государя гостю хлѣбъ, посылаемый самимъ государемъ, или, подавая кубовъ съ виномъ, обращались къ нему, называя по имени, съ обычною рѣчью: „Великій государь жалуешь тебѣ хлѣбъ или — жалуешь тебя чашей“. Гость, принявъ хлѣбъ и выпивъ чашу, билъ челомъ, т. е. кланялся низко; а стольникъ докладывалъ государю, провозглашая опять имя гостя, что онъ „бьетъ челомъ“. — Послѣ царскаго стола, справлялась всегда государева чаша, т. е. пили государево здоровье; при чемъ царь самъ подавалъ боярамъ чаши, къ которымъ они и подходили по порядку родового старшинства — такъ, какъ сидѣли за столомъ. Вообще всѣ должности при столѣ исполняли стольники: они носили кушанье, принимая его въ передней отъ нижнихъ служителей, и кушанье это ставили передъ гостями на столы, оставаясь около нихъ до окончанія обѣда, и относили кушанье назадъ въ переднюю; они же подавали и вино. Одинъ изъ стольниковъ, почетнѣйшій, приготавливалъ къ столу вино, медъ, пиво и вообще распорядился напитками; другой — шить наливалъ въ драгоценныя кубки, чаши и чарки²⁹², и т. д. Такова была регламентація церемоніала, основаннаго на обычаяхъ вѣка.

Но такъ какъ стольниковъ было много (до 500 чел.), то они, наравнѣ съ другими придворными чиновниками, употреблялись для различныхъ служебныхъ дѣлъ по части военной, гражданской и посольской, именно: назначались начальниками или полковниками военныхъ отрядовъ, намѣстниками въ города, судьями въ приказы, посланниками и гонцами къ иностраннымъ дворамъ, а во время похода государя противъ непріятеля, составляли собственный царскій военный полкъ. Занимая вторую степень въ составѣ придворныхъ чиновниковъ, стольники стояли выше нѣкоторыхъ другихъ второстепенныхъ же чиновниковъ, выше, напримѣръ, стражчихъ, и часто многіе изъ нихъ исправляли такія порученія, которыя давались обыкновенно

боарамъ; сверхъ того, лучшіе изъ стольниковъ поступали въ думные дворяне.²⁹³

Независимо отъ упомянутыхъ царедворцевъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ стольниковъ, встрѣчаются въ XVII вѣкѣ при московскомъ дворѣ еще комнатные или ближніе стольники. Въ это почетное званіе возводились только или государевы любимцы, каковымъ былъ, на примѣръ, въ царствованіе Феодора Алексѣевича (1676—1682), Алексѣй Тимофеевичъ Лихачевъ, именовавшійся комнатнымъ стольникомъ, или, вообще, дѣти болѣе знатныхъ, болѣе приближенныхъ къ царю отцевъ²⁹⁴. Комнатному стольнику поручался надзоръ за внутренними покоями царя, за его постелей и платьемъ.

Чашники.

Въ двухъ указанныхъ выше рязанскихъ княжескихъ грамотахъ, сообщающихъ первоначальное свѣдѣніе о стольникахъ, упоминается также и о *чашникахъ*. Стало бытъ, установленіе послѣднихъ относится къ тому же времени, какъ установленіе и первыхъ, т. е. къ исходу первой половины XIII вѣка²⁹⁵. Должностныя лица подъ этими двумя названіями пользовались равными правами и имѣли одинаковое значеніе при княжескомъ дворѣ. Чашники, какъ и стольники, были люди молодые, тѣ и другіе имѣли доступъ во дворъ и обязаны были служить при государевыхъ столахъ и пиршествахъ, различаясь только между собою особенностями своей службы: стольники подавали кушанье, чашники подносили напитки; стольникъ не прежде могъ поставить кушанье на столъ къ государю, какъ по предварительномъ отвѣданіи его кравчимъ въ виду самого государя, — чашникъ также, поднося кубокъ съ виномъ государю, самъ отливалъ себѣ изъ него напитокъ въ ковшъ, и пилъ, прежде государя, въ его глазахъ²⁹⁶.

Историкъ Миллеръ, принявъ въ соображеніе придворныя и разрядныя записки, гдѣ, при описаніи торжественныхъ государевыхъ столовъ, говорится, что у этихъ столовъ чашничали стольники, выводитъ отсюда заключеніе, что въ то время было нѣсколько чашниковъ, и они браты были изъ стольниковъ или по очереди, или смотря по тому, кто изъ нихъ былъ способнѣе къ должности чашника. Притомъ же, для веденія въ надлежащемъ порядкѣ дѣла, порученнаго чашнику, требо-

валась отъ него и нѣкоторая опытность, потому что кромѣ выполненія службы у государева стола, въ нему относилась также обязанность наблюдать за добротой государевыхъ напѣтковъ²⁹⁷.

Постельничій.
Спальничій

Авторъ „Исторіи Государства Россійскаго“, при описаніи состоянія древней Россіи отъ смерти Ярослава I-го до нашествія татаръ (1054—1224), сдѣлалъ общее заявленіе, что тогда уже существовали при дворахъ княжескихъ покладники или постельники²⁹⁸. Достоверность этого общаго заявленія подтверждается и отдѣльными, взятыми изъ отечественной исторіи, фактами. Такъ, о великомъ князѣ кievскомъ Ростиславѣ Мстиславичѣ, скончавшемся въ 1167 году, говорится, что онъ имѣлъ у себя покладника, или постельничаго, Ивана Фроловича. Позднѣе, при описаніи убіенія великаго князя владимірскаго Андрея Боголюбскаго въ 1174 году, сдѣлавшагося жертвою заговора, упоминается, что въ этомъ заговорѣ участвовали его придворные слуги, въ числѣ которыхъ находились и княжескіе постельники²⁹⁹.—Путемъ же историческихъ изслѣдованій поясняется далѣе, что, въ помощь *постельничимъ*, Іоаннъ III учредилъ въ 1495 и 1496 годахъ *спальничихъ*, и что оба эти чиновника употреблялись для домашней службы всѣми послѣдующими московскими государями до временъ Петра Великаго³⁰⁰.

Въ санѣ *постельничаго* (равнявшійся съ нынѣшнимъ оберъ-камергеромъ) назначалось лицо не по знатности рода, а тотъ изъ придворныхъ слугъ, который обратилъ на себя особое вниманіе государя и былъ благонадежнымъ для занятія такой важной должности—важной потому, что она близко касалась государевой особы и давала облеченному въ этотъ санъ лицу, какъ достойному охранителю государя, особенное значеніе. Въ званіи постельничихъ пользовались въ свое время такимъ значеніемъ: Адашевъ—при Іоаннѣ IV, Ртищевъ—при Алексѣѣ Михайловичѣ, Языковъ—при Феодорѣ Алексѣевичѣ. Изъ нихъ послѣдній, съ 1678 года, получилъ даже новое названіе думнаго постельничаго; а въ 1680 году изъ постельничихъ думныхъ пожалованъ въ окольничіе³⁰¹.

Обязанности постельничихъ сводятся къ слѣдующимъ пред-

метамъ: смотрѣть за государевою опочивальнею — за всѣмъ тѣмъ, что принадлежитъ къ его постели, а также за его платьемъ; почевать всегда, съ своими помощниками — спальничими (имѣвшими значеніе теплѣрешнихъ камергеровъ), въ первой и второй отъ-государевой опочивальни комнатахъ; во время выѣзда государя изъ Москвы въ загородныя сѣла для ночлега, ѣхать при постельномъ возкѣ; при выходѣ государя, въ Богоявленіе, на Иорданъ на Москву рѣку, идти за нимъ и охранять несомую стряпчими, сообразно обычаю времени, стряпню, т. е. полотенце, стулъ и подножіе³⁰².

Постельничіе принадлежали къ разряду второстепенныхъ царедворцевъ³⁰³, и, кромѣ обыкновенныхъ своихъ придворныхъ обязанностей, выполняли и другіе наряды, — что происходило, какъ уже не разъ замѣчено выше, отъ того, что разныя должности, военныя и гражданскія, не различались тогда рѣзкою чертою отъ придворныхъ. Поэтому, мы видимъ, что, въ царствованіе Іоанна IV, предводителемъ войска, состоявшаго изъ дворянъ, жильцовъ, дѣтей боярскихъ и другихъ ратныхъ людей, и отправленнаго въ 1554 году для завоеванія Астрахани, былъ, кромѣ князя Пронскаго-Шемякина, отлично храбрый мужъ, постельничій Игнатій Вешняковъ. — Извѣстно также, что Петръ I-й, сдѣлавшись, съ 12 сентября 1689 года, единоличнымъ самодержавнымъ правителемъ государства, при назначеніи новыхъ министровъ изъ лицъ, пользовавшихся его довѣренностію, поручилъ, между прочимъ, казенный дворъ, гдѣ хранились государственныя сокровища, постельничему Гаврилѣ Ивановичу Головину³⁰⁴.

Что жъ касается назначенныхъ въ помощь постельничимъ *спальничихъ*, то это были молодые люди знатныхъ фамилій, которыхъ государь бралъ во дворецъ для личной себѣ услуги. Должность спальничихъ состояла въ томъ, что они раздѣвали и разували государя, и спали у него въ комнатѣ чело-вѣка по четыре, перемѣняясь по-суточно. Кромѣ того, во время государевыхъ столовъ, даваемыхъ во дворцѣ для бояръ и ближнихъ людей, безъ зова и безъ мѣсты, спальничіе подносили передъ обѣдомъ гостямъ закуску, ковришки, яблоки, души, инбирь; а при неофициальномъ, также безъ чиновъ, про-

щаны во дворцѣ съ иностранными послами, послѣдніе угощались разными винами, и при этомъ случаѣ кубки и кувшины разносили тѣ же спальничіе³⁰⁶. Изъ спальничихъ члены первостепенныхъ родовъ жаловались прямо въ бояре, а члены родовъ второстепенныхъ — въ окольнічіе, и, въ слѣдствіе того, назывались они комнатными или ближними боярами и окольнічими³⁰⁶.

Стряпчій.

Изъ личностей, предназначенныхъ въ службѣ при особѣ государя въ домашнемъ его быту, были еще слуги, названные *стряпчими*. Первоначально появились они при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ, какъ видно изъ историческихъ извѣстій о двухъ его походахъ, лично предпринятыхъ имъ, въ 1513 году, противъ польскаго короля Сигизмунда, и, въ 1522 году, противъ врымскихъ татаръ. Въ оба эти похода Василій Іоанновичъ бралъ съ собою людей, нужныхъ и для войны, и для совѣта, и для пышности двора; въ числѣ лицъ, принадлежавшихъ къ послѣдней категоріи, находились при немъ по два стряпчихъ — въ первомъ походѣ князя Щетинины, во второмъ — князя Щенятевы³⁰⁷. Въ послѣдствіи, стряпчіе не переставали существовать и при преемникахъ Василіи. Царь Іоаннъ IV, въ составѣ многочисленныхъ чиновъ двора своего высшихъ и низшихъ, имѣлъ и стряпчихъ, употребляемыхъ для разныхъ порученій³⁰⁸. Θεодоръ Іоанновичъ, во время торжественнаго приѣма посла, прибывшаго въ Москву отъ императора Рудольфа, окруженъ былъ государственными сановниками и придворными чинами, между которыми какъ извѣстно, были и стряпчіе³⁰⁹. Борисъ Годуновъ и Василій Шуйскій имѣли при дворахъ своихъ не мало стряпчихъ: первый, при отправленіи своемъ, въ маѣ 1598 года, въ походъ противъ татаръ, бралъ съ собою 20 стряпчихъ, вромѣ многихъ другихъ знатныхъ сановниковъ, дѣльцовъ и придворныхъ лицъ; второй — высылалъ стряпчихъ, вмѣстѣ съ стольниками и жильцами, для отраженія непріятельскихъ нападений со стороны поляковъ³¹⁰. Въ правленіе Михаила Θεодоровича, упоминается о стряпчихъ, назначенныхъ въ 1633 году, вмѣстѣ съ стольниками, дворянами московскими и жильцами, въ походъ также противъ поляковъ, и сообщается при этомъ свѣдѣніе о да-

чѣмъ жалованья: тѣмъ, у кого не было ни помѣстьевъ, ни вотчинъ по 25 руб., а у кого на землѣ не болѣе пятнадцати вѣрстанъ, по 20 руб.³¹¹. — Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, во всѣхъ выходахъ его, въ церковные праздники и въ царскіе дни, въ Успенскій соборъ и другіе храмы, всегда сопровождали его первостепенные и второстепенные чины, въ числѣ послѣднихъ были и стряпчіе; они же участвовали и въ поѣздкахъ государевыхъ изъ Москвы въ загородныя села³¹². Видимъ также, что и при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ стряпчіе имѣли свое значеніе: они приглашались въ коммиссіи, состоявшія изъ выборныхъ отъ всѣхъ государственныхъ чиновъ съ цѣлью обсудить и осуществить мысли государя о войсковомъ преобразованіи, составлявшемъ предметъ особенной его заботливости³¹³.

Стряпчіе, какъ и прочіе царедворцы, имѣли свои права и свои обязанности. Чтобы дать болѣе точное понятіе объ ихъ обязанностяхъ, необходимо прежде выяснитъ значеніе словъ: «стряпчіе» и «стряпня». Названія эти происходятъ отъ слова «стряпать», т. е. заниматься, упражняться въ какомъ нибудь дѣлѣ, смотрѣть за чѣмъ нибудь. Понятно послѣ этого, что употребленная, напримѣръ, въ разрядныхъ книгахъ фраза: «у доспѣха стряпали князь Юрій да князь Василій Ивановичи Щенятевы», имѣла тотъ смыслъ, что Юрій и Василій Щенятевы смотрѣли за царскимъ вооруженіемъ (во время похода царя противъ непріятеля), заботились о содержаніи его въ порядкѣ и исправности, и, по требованію, подавали его государю. — Далѣе, такъ какъ стряпчіе назначались преимущественно для комнатной службы, то они были не только личные слуги государя, но и хранители всѣхъ, употребляемыхъ имъ и ввѣряемыхъ этимъ слугамъ, предметовъ и вещей; самыя же этого рода вещи, взятыя въ совокупности, назывались вообще «стряпнею»; такъ, напримѣръ, шапка, колпакъ, посохъ государевы названы государевою стряпнею³¹⁴.

Подробности начальной службы стряпчихъ состояли въ слѣдующемъ: они обязаны были одѣвать, обувать, омывать, чесать государя; смотрѣть за его покоями, платьемъ и бѣльемъ; вѣдать шапку и рукавицы; держать царскій посохъ; пла-

тогъ носить (потому что въ старину, у предковъ нашихъ, кармановъ не было); ходить и ѣздить за государемъ; подать что спросить; служить у стола и выполнять другія обязанности. А такъ какъ при государевомъ дворѣ состояло всегда довольно стряпчихъ, то и распредѣлялись между ними всѣ эти обязанности, касавшіяся особы государя и комнатной при немъ службы; при чемъ, тотъ изъ стряпчихъ считался почетнѣе, у котораго были на сохраненіи лучшія вещи³¹⁵.

Въ стряпчіе назначались изъ меньшихъ статей, т. е. изъ людей неродословныхъ³¹⁶. При государевомъ дворѣ постоянно находились лица подъ названіемъ выборныхъ, или жильцовъ; изъ этихъ-то ратныхъ людей многіе братья были государемъ въ стряпчіе. Послѣдніе состояли въ разрядѣ второстепенныхъ чиновъ и даже имѣли нѣкоторое преимущество предъ дворянами по-видимому отъ комнатной, приближавшей ихъ къ государю, службы.

Начальникомъ всѣхъ придворныхъ стряпчихъ былъ *стряпчий съ ключемъ*, такъ названный потому, что держалъ у себя ключъ отъ царскихъ покоевъ, — и хотя онъ принадлежалъ къ числу второстепенныхъ чиновниковъ, но, по своей служебной должности, стоялъ выше стольниковъ и ниже думныхъ дворянъ³¹⁷.

Рында.

Къ составу чиновъ, служившихъ при особѣ государя, принадлежали также *рынды*³¹⁸. — Въ разсказѣ о кровопролитномъ побоищѣ, происходившемъ 8 сентября 1380 года, на широкое Куликовомъ полѣ между войсками великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго и татарскими полчищами Мамаю, упоминается объ одномъ, принадлежавшемъ къ двору Донскаго, человекѣ, носившемъ названіе *рынды*; онъ тутъ имѣлъ обязанность возить великокняжеское знамя, на которомъ сіялъ образъ Спасителя³¹⁹. — Въ первой четверти XVI вѣка, въ правленіе великаго князя Василія Іоанновича, умножившаго число сановниковъ своего двора, встрѣчаются и *рынды*, о которыхъ въ современныхъ извѣстіяхъ говорится, что этимъ именемъ назывались оруженосцы — молодые, знатныхъ фамилій люди, избираемые во дворецъ по красотѣ, нѣжной пріятности лица, стройному стану, имѣвшіе и одежду, соотвѣтственную своему назначенію. Рынды являлись во дворецъ, во вре-

на торжественныхъ приемовъ иностранныхъ пословъ и другихъ особенныхъ собраний двора. Въ бѣлыхъ, парчевыхъ, бархатныхъ или атласныхъ кафтанахъ, опущенныхъ горностаемъ, въ высокихъ горлатныхъ (изъ лисьихъ горлъ или душекъ черныхъ) шапкахъ съ бархатнымъ верхомъ, съ двумя золотыми цѣпями, крестообразно висящими на груди, и съ серебряными, поднятыми къ верху на плечо, какъ бы для удара, топориками, — рынды обыкновенно стояли близъ самаго государя, у подножя трона, по обѣимъ его сторонамъ, и вся трудность должности ихъ состояла въ томъ, что они, въ продолженіе подобныхъ собраний, должны были стоять на своихъ мѣстахъ, какъ статуи, неподвижно, да и глазами ни въ которую сторону не оборачиваться³²⁰. Въ другіе же дни рынды обязаны были ходить передъ великимъ княземъ, когда онъ являлся народу, составлять его свиту во время походовъ и, въ этомъ случаѣ, быть хранителями военныхъ княжескихъ доспѣховъ³²¹.

Учрежденіе рындъ, съ ихъ по-видимому не особенно головоломными упражненіями и съ отличительною парадною одеждою, перешло къ дворамъ и послѣдующихъ московскихъ государей, царствовавшихъ въ XVI и XVII вѣкѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что рынды XVI вѣка, какъ сказано выше, избираемы были изъ членовъ знатныхъ фамилій, а рынды XVII вѣка, со временъ Михаила Теодоровича, стали назначаться изъ людей неродословныхъ—изъ страпчихъ и другихъ подобныхъ царедворцевъ; и это дѣлалось съ цѣлю устранить совершенно мѣстническіе споры, всегда почти возникавшіе при назначеніи въ эту должность людей родословныхъ³²².—Иностранцы, случавшіеся при московскомъ дворѣ, звали рындъ по-своему — пажами.

III. Чины третьего разряда.

При внимательномъ наблюденіи за ходомъ событій, совершившихся во второмъ періодѣ, нельзя не замѣтить, что лица княжеской дружины, названныя въ немъ дворянами, были войны по-преимуществу, Теперь лица эти не только удержали за собою то же наименованіе и ту же прирожденную имъ воин-

Дворяне московскіе. Дворяне городовые.

свою службу, но и получили такое устройство, котораго дотогѣ не имѣли. Устройство это обнаружилось въ двухъ явленіяхъ: въ надѣленіи дворянъ помѣстьями, и въ установленіи между ними разныхъ степеней служебнаго почета или значенія. О первомъ предметѣ будетъ сказано ниже, въ главѣ V, о второмъ—скажемъ кратко здѣсь.

Уже извѣстно, что, съ установленіемъ, въ исходѣ первой половины XIII вѣка, вотчинныхъ на владѣніе правъ, каждый удѣльный князь, хотя бы владѣлъ однимъ городомъ, имѣлъ свой дворъ, т. е. своихъ бояръ и дворянъ, и что такой порядокъ вещей продолжался до окончательнаго присоединенія этихъ удѣловъ великимъ княземъ Іоанномъ III къ Москвѣ. Между тѣмъ, когда эти мелкіе удѣлы, подъ именемъ уѣздовъ, вошли въ составъ московскаго государства, то дворы прежнихъ удѣльныхъ князей (т. е. личный составъ ихъ дружинъ) не сливались съ дворомъ великаго князя московскаго. Отсюда произошло раздѣленіе дворянъ на московскихъ или принадлежащихъ во двору московскому, и городовыхъ или принадлежавшихъ къ дворамъ князей удѣльныхъ до присоединенія ихъ къ Москвѣ. Последніе обыкновенно носили названіе того города, въ которомъ были приписаны, и потому назывались дворянами смоленскими, тверскими, ярославскими, рязанскими³²³; и т. д.

Это было главное раздѣленіе дворянъ на два разряда. Общее было у нихъ только то, что обязанность охранять внутренній порядокъ и защищать отечество отъ внѣшнихъ враговъ, вытекающая изъ первой потребности государства, относилась въ одинаковой степени къ обоимъ разрядамъ³²⁴; но, въ другихъ служебныхъ отношеніяхъ, между дворянами названныхъ двухъ категорій установилось слѣдующее различіе.

Дворяне московскіе, имѣвшіе помѣстья въ московскомъ уѣздѣ, именовались государевымъ полкомъ. Они должны были оберегать дворъ государя и служить его тѣлохранителями. Въ военное время одна половина ихъ оставалась въ Москвѣ, другая, подъ предводительствомъ стольника, отправлялась въ походъ и всегда находилась при большомъ полку, или при главномъ войскѣ, въ видѣ отдѣльнаго отряда; въ мирное же время многіе изъ московскихъ дворянъ назначались въ помощь намѣст-

низовъ, въ почетныя должности судей, воеводами въ города, посланниками въ иностраннымъ дворамъ; многіе посылались для промаводства слѣдствій и выполненія другихъ важныхъ порученій правительства. Признанные необходимыми для придворной службы, приближавшей въ государю и дозволявшей видѣть его постоянно, московскіе дворяне получили черезъ это первое, по отношенію къ дворянамъ областей или городовъ, мѣсто и, въ награду за службу, повышались въ чины стольника, думнаго дворянина ³²⁵, и т. д.

Дворяне городовые, также помѣстные владѣльцы въ мѣстахъ своего пребыванія, обязанные преимущественно воинскою службою, составляли земское ополченіе и главную военную силу. Кроме того, городовые дворяне, по примѣру московскихъ, служили въ разныхъ гражданскихъ должностяхъ по своимъ городамъ, къ которымъ были приписаны, и только изрѣдка прѣзжали въ московскому двору. Почти всегда жили они въ своихъ помѣстьяхъ и отдавались мирнымъ занятіямъ, хлопота о домашнемъ хозяйствѣ, о прокормленіи себя и семейства, и ожидая объявленія указа о призывѣ на дѣйствительную службу государству ³²⁶.

Изъ сказаннаго очевидно, что служба по Москвѣ была выше и почетнѣе службы по городу, и что этимъ выяснилось вѣднѣе, въ служебномъ отношеніи, преимущество дворянъ московскихъ передъ городовыми. Вотъ почему переводъ городовыхъ дворянъ въ московскіе считался повышеніемъ и наградой, и наоборотъ, переведенный за какіе нибудь проступки дворянинъ изъ Москвы въ городъ считалъ себя пониженнымъ въ рангѣ, тѣмъ болѣе, что царскій указъ „служить съ городомъ“, для московскаго дворянина и вообще для знатнаго сановника, выражалъ тяжкую опалу. Въ виду такого преимущества, городовые дворяне старались быть записанными въ списокъ московскихъ, чтобы такимъ образомъ сдѣлаться известными при дворѣ и скорѣе получить повышение въ чинахъ, т. е. перейти въ классъ стряпчихъ и стольниковъ ³²⁷

Вообще, этотъ краткій очеркъ дѣйствительнаго положенія дворянъ показываетъ, что они, съ эпохи присоединенія удѣловъ въ Москвѣ, сдѣлались служилыми людьми въ полномъ

значеніи этого слова—людьми испомѣщенными и раздѣянными по разнымъ областямъ государства ³²⁸.

Дѣти боярскіе. Послѣ дворянъ, составлявшихъ основу русскаго войска, встрѣчается второй многочисленный родъ воинскихъ людей; названныхъ *дѣтьми боярскими*. Къ свиденію о происхожденіи ихъ; сообщенному уже въ предъидущемъ періодѣ, надобно прибавить, что, въ правленіе великаго князя Іоанна III, эти служилые люди также приписаны были къ городамъ; а съ 1500 года стали получать въ разныхъ областяхъ московскаго государства и помѣстья ³²⁹.

Дѣти боярскіе, подобно дворянамъ, раздѣлялись на московскихъ и городовыхъ, по тѣмъ самымъ причинамъ, которыя приняты были въ основаніе къ присвоенію этихъ наименованій дворянамъ, и, кромѣ того, подраздѣлялись на три разряда или статьи, смотря по тому, сколько кто изъ нихъ получалъ четвертей земли, такъ какъ состоящимъ въ первой статьѣ назначалось по 200, во второй—по 150 и въ третьей—по 100 четвертей каждому ³³⁰. Въ послѣдствіи времени, великіе князья московскіе, постигая всю важность корпораціи дѣтей боярскихъ—этой военной массы, старались оную увеличивать, и потому, принимали въ службу и не потомковъ бояръ, и, давъ этимъ людямъ земли подлѣ условіемъ способности къ службѣ, назвали ихъ дѣтьми боярскими, такъ какъ это слово означало уже не потомковъ бояръ, а помѣстныхъ владѣльцевъ ³³¹.

Независимо отъ военной службы, дѣти боярскіе призывались въ Москву изъ ближайшихъ къ ней городовъ, для увеличенія пышности двора, во время приѣма великими князьями иностранныхъ пословъ. Пышность въ подобныхъ случаяхъ любила въ особенности Василій Іоанновичъ, сынъ Іоанна III.—Въ числѣ чиновъ разныхъ наименованій, назначавшихся по выбору въ чрезвычайныя собранія, или въ земскіе соборы, являлись и дѣти боярскіе ³³².

Жалыцы.

Названіе *жалыцовъ* встрѣчается въ историческихъ новѣстіяхъ только лишь съ XVI вѣка. Объ нихъ упоминается, между прочимъ, въ двухъ воинскихъ походахъ, предпринятыхъ противъ непріятелей великими князьями московскими Василіемъ Іоанновичемъ (1505—1533) и Іоанномъ IV Василье-

вичемъ (1533—1584). О Василии Іоанновичѣ говорится, что во время выступления его, въ іюнь 1514 года, изъ Москвы противъ литовцевъ подъ Смоленскъ, онъ имѣлъ въ дружинѣ своей 220 бояръ и придворныхъ дѣтей боярскихъ, т. е. жильцовъ. Объ Іоаннѣ IV извѣстно, что, когда крымскій ханъ внезапно осадилъ гор. Тулу въ Іюнь 1552 года, онъ въ ту же минуту велѣлъ выступить изъ Коломны собственному войску, которое состояло единственно изъ дворянъ и жильцовъ, или выборныхъ дѣтей боярскихъ ³³³.

Для объясненія какъ самаго названія, такъ и значенія жильцовъ, надлежитъ припомнить, что въ древней Россіи каждый городъ имѣлъ своихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, своихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Тѣ и другіе назывались обыкновенно по имени города, къ которому были приписаны, и раздѣлялись на три статьи: на служащихъ по выбору, по дворовому списку и съ городомъ. Послѣдніе, — служащіе съ городомъ — занимали высшую въ служебномъ отношеніи степень, и только за особенное отличіе или достоинство, перемѣщались въ дворовый и выборный списки, т. е. получали высшіе помѣстные оклады. ³³⁴

Изъ выборнаго списка лучшіе городовые дворяне и дѣти боярскіе, люди молодые, благороднаго происхожденія и войны первостепенные, въ числѣ отъ двухъ до трехъ тысячъ чело-вѣкъ, присылались поочередно изъ всѣхъ городовъ, на три года, въ Москву, какъ для охраненія особы государя и увеличенія внѣшней пышности двора, такъ и для исправленія разныхъ другихъ службъ. Избранныя, такимъ образомъ, лица, жившія съ столь ясно опредѣленною цѣлью въ Москвѣ, назывались жильцами ³³⁵. Составляя внутреннюю стражу кремлевскихъ палатъ, жильцы въ числѣ сорока чело-вѣкъ поочередно всегда ночевали въ третьей отъ спальни государевой комнатѣ, первые же двѣ занимались ночью ближними царедворцами — постельничимъ и помощниками его, спальничими. Кромѣ того, отъ 200 до 300 жильцовъ являлись во двору для почетной службы за столомъ, при торжественныхъ царскихъ обѣдахъ, въ нарчевой одеждѣ, въ черныхъ лисьихъ шапкахъ и съ золотыми цѣпиями на груди; а при поѣздѣ государя въ загород-

ныя сѣла, сопровождали его въ цвѣтномъ платьѣ, на лошадахъ въ ратной сбруѣ ³⁸⁶.—Тѣ же жильцы, въ качествѣ выборныхъ, приглашались для совѣщаній: при Іоаннѣ IV на земскіе соборы, по поводу походовъ противъ непріятеля; а при Теодорѣ Алексѣевичѣ—въ комиссію, учрежденную для лучшаго устройства и управленія ратныхъ дѣлъ. Когда жъ образовалась, въ концѣ XVI вѣка, пятнадцатитысячная конная царская дружина, то въ составъ ея вошли не только дворяне, но и жильцы. ³⁸⁷—Сверхъ изложенныхъ, соединенныхъ съ званіемъ жильца, правъ, не менѣе важнымъ преимуществомъ было также и то, что жильцы, не смотря на обыкновенную смѣняемость, въ опредѣленные сроки, другими, оставались уже въ спискѣ московскаго чина, а если получали помѣстные оклады въ московскомъ уѣздѣ, то пріобрѣтали званіе дворянъ московскихъ; отсюда могли перейти въ стряпчіе и стольники, т. е. въ высшій классъ царедворцевъ ³⁸⁸.

Независимо отъ выборныхъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, названныхъ жильцами, дѣти московскихъ дворянъ, стряпчихъ, стольниковъ, а иногда дѣти знатныхъ родословныхъ фамилій записываемы были въ жилецкій чинъ, составлявшій первую ступень царедворцевъ, для полученія высшихъ званій и должностей при дворѣ ³⁸⁹.

Вообще надобно сказать о жилецкомъ разрядѣ служилыхъ людей, что жилецъ, оказавшій болѣе противъ другихъ проворства, умѣнья и искусства, или имѣвшій сильныхъ покровителей при дворѣ, скорѣе былъ производимъ въ чины, съ соблюденіемъ, однако, слѣдующихъ условій: если онъ былъ сынъ знатнаго сановника, то повышался въ чины стряпчаго, стольника, и назначался, сверхъ того, гонцомъ къ иностраннымъ дворамъ, воеводой въ небольшіе города и въ другія должности; а если происходилъ изъ дѣтей боярскихъ, то получалъ званіе дворянина, стряпчаго, и рѣдко производимъ былъ въ прочія высшія званія или чины. Все дѣлалось по волѣ и милости государя, и по заслугамъ самаго жильца.—Съ 1701 г., жильцы болѣе уже не избирались, такъ какъ служба ихъ, по учрежденіи постоянного регулярнаго войска, стала излишнею; жильцами и дѣтьми боярскими комплектовали полки гвардіи.—

Съ 1710 года по упраздненіи рязряда и по учрежденіи Сената, и самое жилищное званіе упразднилось ³⁴⁰.

Въ заключеніе надобно прибавить, что, по отношенію къ установленному порядку служебной постепенности, московскіе дворяне занимали высшую степень, за ними слѣдовали жильцы, далѣе дворяне городовые и, наконецъ, боярскіе дѣти ³⁴¹.

Приведенными выше историческими фактами опредѣлены уже до нѣкоторой степени какъ личный составъ, такъ равно права и обязанности служилыхъ людей, существовавшихъ въ настоящемъ третьемъ періодѣ. — При всемъ томъ, изслѣдованіе объ нихъ не можетъ считаться законченнымъ, потому что, при внимательномъ разсмотрѣніи перемѣнъ, совершившихся въ продолженіе этого періода по отношенію къ названнымъ служилымъ людямъ, являются еще двѣ, органически связанныя съ бытомъ ихъ, принадлежности: мѣстничество и помѣстная система. Свѣдѣнія объ этихъ двухъ предметахъ налагаются въ слѣдующихъ двухъ главахъ.

ГЛАВА IV.

Общее понятіе о мѣстничествѣ. — Причины, способствовавшія появленію мѣстничества. — Сущность мѣстническихъ притязаній. — Проявленіе мѣстническихъ счетовъ во всѣхъ родахъ службы. — Производство дѣлъ по мѣстническимъ спорамъ. — Вліяніе мѣстничества на занятія высшихъ должностей исключительно родословцами. — Употребленіе мѣръ для ослабленія мѣстничества. — Потрясеніе мѣстничества въ смутную эпоху московскаго государства. — Примѣры бывшихъ мѣстническихъ случаевъ. — Уничтоженіе мѣстничества. — Проектъ объ отдѣленіи гражданскихъ должностей отъ военныхъ. — Выводъ изъ историческаго обзоренія мѣстничества.

Мѣстничество — это обычай служилыхъ людей считать-
ся старшинствомъ или первенствомъ, при занятіи въ торже-
ственныхъ случаяхъ мѣсть и при поступленіи на служебныя
должности не по заслугамъ, а по знатности родовъ. Таковой
обычай, долго и крѣпко державшійся въ нашемъ отечествѣ
преимущественно въ высшей сферѣ служилыхъ людей, сло-
жился, въ теченіе вѣковъ, подъ вліяніемъ особеннаго поряд-
ка вещей, о которомъ и приводится здѣсь нижеслѣдующее,
краткое историческое извѣстіе.

Человѣкъ — существо общежительное; внѣ общества онъ

существовавшія
появленіи
хѣстичества. никогда не жилъ и не можетъ жить. Первобытный элементъ общежитія, присущій всѣмъ осѣдлымъ народамъ въ мірѣ, есть домъ, т. е. человѣческое общество, поселенное на извѣстномъ мѣстѣ, состоящее изъ членовъ семьи и домашнихъ слугъ, и подчиненное полной власти домовладѣйки или главы семейства. Домъ, въ этой первоначальной своей формѣ частнаго быта, необходимо разрастался чрезъ отдѣленіе наличныхъ членовъ— пускалъ отпрыски и вѣтви: взрослый сынъ селился на другомъ мѣстѣ, дочь выходила замужъ; но, не смотря на это, оба они, сынъ и дочь, не считались отчужденными отъ дома или кровнаго союза навсегда, а принадлежали къ нему по своимъ личнымъ связямъ, основаннымъ на фактѣ рожденія. Отсюда само собою произошло *единство* рода, которое укрѣпляло личныя связи членовъ его, гдѣ бы они ни были. Отсюда и самое имущество дома обратилось мало по малу въ личное имущество главы семейства, домовладѣйки; а по смерти его, дѣлилось между членами того жъ дома или рода.

На этихъ-то простыхъ, естественныхъ основаніяхъ семейнаго права утверждалась общественная жизнь и у насъ, въ древней Россіи: ими проникнуты были не только отдѣльныя семьи людей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, но и политическая организація удѣльныхъ княжествъ и самодержавіе образовавшагося изъ нихъ, въ послѣдствіи, московскаго государства. — Подобно тому, какъ въ частной жизни, принадлежалъ домовладѣцѣ домъ, съ правомъ лично владѣть его имуществомъ и передавать оное въ потомство, — князю, рюриковичу, принадлежало княжество, на которое онъ смотрѣлъ, какъ на общую отчину своего рода, и которое, въ послѣдствіи, съ первой половины XIII вѣка, сдѣлалось наследственнымъ его удѣломъ, отъ чего и названъ онъ *дѣдичемъ* и *отчичемъ* княженія. — А когда всѣ удѣльныя владѣнія, со временъ Іоанна III (1462—1557), перешли во власть Москвы, то государь московскій, точно такъ же, какъ прежде удѣльный князь, былъ *дѣдичъ* и *отчичъ* въ государствѣ — въ своей московской вотчинѣ. Царскій домъ, какъ и княжескій, состоялъ изъ государя, членовъ семейства государева и дворни, или слугъ, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что теперь, въ эпоху при-

соединенія княжескихъ удѣловъ въ Москвѣ, государь московскій, сосредоточившій въ рукахъ своихъ единовластіе и самодержавіе, для приданія особѣ своей царственнаго величія, окружилъ себя многочисленными слугами, соотвѣтственно расширенію сферы внутренняго по разнымъ частямъ управленія, и учредилъ, такимъ образомъ, государственные чины (классы, разряды, степени) не въ сословномъ, а въ служебномъ смыслѣ, въ смыслѣ постепеннаго возвышенія на государственной службѣ должностныхъ лицъ подъ разными наименованіями — отъ жильца до боярина ³⁴².

Изъ этого чиноначалія, совершенно подчиненнаго волѣ государевой, образовались *вышнія и низшія степени гражданскихъ достоинствъ*; мѣста сдѣлались отличіемъ; всѣ должности были разчислены и получили бѣльшій или меньшій почетъ, обусловливаемый съ одной стороны близостію къ государю занимавшихъ извѣстныхъ должности лицъ, а съ другой — родовымъ происхожденіемъ и кругомъ предоставленной каждому должностному лицу власти ³⁴³.

Около того же времени, въ правленіе Іоанна III, организовано было особое учрежденіе, для завѣдыванія государевыми слугами, подъ названіемъ разряда (разряднаго приказа), и введены *разрядныя книги*, или послужные списки, въ которые записывались царскіе указы о назначеніи къ должностямъ слугъ, или чиновниковъ придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ. Древнѣйшая изъ разрядныхъ книгъ, по свидѣтельству Карамзина, начинается съ 1471 года.

Между тѣмъ родовое начало и естественныя послѣдствія его — *мичный родовой интересъ и единство рода* — продолжали господствовать во всей своей силѣ. Господство того и другаго обнаружилось въ томъ, что, напримѣръ, русскій бояринъ знатнаго происхожденія, въ имени, полученному имъ при рожденіи или крещеніи, прибавлялъ имя отца, дѣда, прадѣда, прапрадѣда, и, нося, такъ сказать, съ собою это свое родословіе, вѣрно стоялъ за то, чтобъ *роду его не было порухи* (уменьшенія); если жъ, притомъ, бояринъ этотъ былъ еще и старшій членъ своего рода, то онъ обязывался наблюдать за поведеніемъ младшихъ, хотя бы они были совершеннолѣтніе и нахо-

дились на службѣ, и наказывать ихъ за нравственные беспорядки³⁴⁴.

Эти два проявленія родового начала, т. е. личный родовой интересъ и единство рода, образовали собою слѣдующій порядокъ вещей: во-первыхъ, каждое знатное поколѣнiе вело свою родословную, которая пополнялась при каждомъ князѣ, утверждалась правительствомъ, и потому бесспорно служила основанiемъ для показанiя древности происхожденiя той фамили (родоваго прованси), которая была вписана въ эту родословную³⁴⁵; во-вторыхъ, при сказанной сейчась отвѣтственности, значенiе отдельнаго лица исчезало предъ значенiемъ рода, а при слиянiи лица съ родомъ, если возвышалось по службѣ одно лицо, возвышался цѣлый родъ, т. е. его сыновья, братья, племянники и т. д., и наоборотъ, если понижался одинъ членъ рода, понижался и весь родъ³⁴⁶; и въ-третьихъ, родословцы эти, люди известные по знатности отцовъ, дѣдовъ и прадедовъ, постоянно занимавшiе высшiя мѣста при московскихъ государяхъ, не охотно принимали въ свой кругъ даже родственниковъ и свойственниковъ царскихъ, поднимавшихся до боярства изъ людей незнатной породы³⁴⁷.

Сущность истинческихъ притязанiй.

Теперь понятно, что родовой интересъ высшаго круга служилыхъ людей, основанный на единствѣ рода, какъ бы послѣднiй ни былъ великъ и разцвѣтленъ; введенiе родословныхъ и разрядныхъ книгъ; почетъ мѣсть и установленные степени чиновъ,—все это въ совокупности породило въ служилыхъ людяхъ московскаго государства притязанiе на старшинство или первенство; и потому, все вниманiе чиновнаго человѣка, дѣйствовавшаго подъ знаменемъ родословiя, сосредоточено было на томъ, чтобы, при чиновномъ распорядкѣ, или при занятiи мѣсть, не унижить себя и не нанести такимъ униженiемъ безчестья всѣмъ другимъ лицамъ, состоящимъ съ нимъ въ родственной связи. Правило это получило такую силу, что переходило не только отъ отцовъ въ дѣтямъ, но изъ рода въ родъ³⁴⁸.

Такимъ образомъ, служилый человѣкъ, старшiй по родословию, но младшiй лѣтами по службѣ и низшiй по чину, вмѣнялъ себя въ стыдъ и безславиe находиться подъ начальствомъ служилаго же человѣка, хотя и старшаго лѣтами по службѣ, чину

и званію, но менѣ знатнаго рода, и притомъ такого, котораго предки по разряднымъ книгамъ значились ниже предковъ перваго. Такъ, напримѣръ, чей отецъ или дѣдъ воеводствовалъ въ большомъ, т. е. главномъ полку, тотъ уже не хотѣлъ завидѣть отъ воеводы, коего отецъ или дѣдъ начальствовалъ единственно въ передовомъ, или правой и лѣвой руки, полку. По тѣмъ же причинамъ, два лица не могли служить и въ равныхъ званіяхъ, если предки одного стояли хоть одною степеню выше предковъ другаго въ ряду государственныхъ сановниковъ. Тѣмъ менѣ считалось приличнымъ сыну или внуку боярина быть подъ начальствомъ сына или внука околыничаго. Поступить иначе старинному служилому человѣку было невозможно, какъ потому что, разъ приобрѣвъ извѣстное положеніе въ обществѣ, онъ считалъ его своею неотъемлемою принадлежностію, своею наследственной собственностію, такъ и потому, что не имѣлъ никакого права располагать честью (старшинствомъ, почетомъ) цѣлаго рода, а напротивъ имѣлъ священную обязанность беречь ее во что бы то ни стало. Въ этихъ видахъ, каждый и заботился такъ усердно о томъ, чтобы не уронить себя какъ нибудь въ самыхъ мелочныхъ, ничтожныхъ обрядахъ жизни, чтобы не занять мѣста ниже того, кому онъ, по родословнымъ счетамъ, не могъ уступить первенства. Поэтому, если кто нибудь занялъ такую высокую должность, въ которой предки его никогда не состояли, то сверстникъ или товарищъ его, котораго предки значились выше предковъ перваго, билъ челомъ государю, что ему служить *неумѣстно*, высчитывая при этомъ всю свою родословную. Тотъ, на кого недовольный жаловался, считалъ себя обиженнымъ, и, въ свою очередь, билъ челомъ о безчестіи и оборонѣ. Споры о семъ назывались спорами о мѣстахъ, или *мѣстничествомъ*³⁴⁹.

Такіе случаи мѣстничества были многочисленны. Мѣстничались воеводы не только при назначеніи въ полки, но и въ города, ибо одинъ городъ былъ честиѣ другаго; мѣстничались царедворцы въ придворныхъ церемоніяхъ, въ блистательныхъ торжествахъ и за царскимъ столомъ; мѣстничались служилые люди при поѣздкѣ съ послами къ иностраннымъ государямъ для переговоровъ, и при различныхъ посылкахъ; мѣстничались

Появленіе мѣстническихъ счетовъ во всѣхъ родахъ службъ.

даже цѣлыя группы дворянъ и жильцовъ нѣкоторыхъ городовъ съ такимъ, назначеннымъ къ нимъ въ воеводы или въ товарищи въ воеводѣ, лицомъ, которое, по родовымъ счетамъ, было каждому дворянину и жильцу въ версту (равнымъ)³⁵⁰. Словомъ, споры о мѣстахъ сопровождали всякую посылку и всякое назначеніе на службы, ибо начала родовое и служебное (знатность и порода, заслоняющія собой заслуги) непремѣнно сталкивались, и, хотя основное правило мѣстничества гласило, что «мѣстничаться между собою могутъ одни только родословные», что, слѣдовательно, этого права лишены лица новыя, введенныя въ боярство, по разрядамъ за службу, какъ такія лица, которыхъ служба была слишкомъ нова, и которыхъ родъ не былъ внесенъ въ родословную книгу: тѣмъ не менѣе, на практикѣ, столкновенія между тѣми и другими были непрерывныя³⁵¹.

Производство
дѣлъ по мѣст-
ническимъ
счетамъ.

По всѣмъ подобнымъ дѣламъ наводились обыкновенно справки: изъ книгъ родословныхъ, о томъ, кто старше по происхожденію и родословію, бывшему кореннымъ основаніемъ старшинства;—изъ книгъ разрядныхъ, для поясненія того, кто выше по разрядамъ, т. е. по пожалованію отъ государя въ извѣстный чинъ, и выше по службѣ. Дѣла сего рода рѣшалъ самъ государь съ боярами, подвергая неправыхъ челобитчиковъ разнымъ, по усмотрѣнію, наказаніямъ³⁵².

Вліяніе мѣст-
ничества на за-
нятіе высшихъ
должностей ис-
ключительно
родословцами.

Такой порядокъ вещей ясно показываетъ, что *источникомъ права на занятіе мѣстъ и на управленіе дѣлами страны было главнымъ образомъ родословіе*, т. е. происхожденіе отъ знатной фамиліи. Надобно замѣтить, что издревле, со временъ Іоанна Калиты, постояннымъ правиломъ московскихъ государей было—беречь и жаловать вельможъ по *отечеству*, т. е. по знатности происхожденія, по наследственной чести. Затѣмъ, не можетъ уже казаться удивительнымъ, что, по такому вниманію государей къ родословнымъ фамиліямъ съ одной стороны, и въ силу мѣстничества съ другой, на высшихъ степеняхъ въ государствѣ являлись однѣ и тѣ же не многочисленныя фамиліи—люди старой чести, т. е. родословные, великочиновные, имѣвшіе полное право, по своему родовому старшинству, занять то или другое мѣсто. Естественно также и то, что фамиліи эти, находявшіяся постоянно у правительственныхъ дѣлъ,

должны были приобретать важное значеніе: ихъ долговременная практика, знаніе дѣлъ, обычаевъ, старыхъ преданій, при отсутствіи тогда просвѣщенія въ московскомъ государствѣ, считались верховною государственною мудростію; а самые дѣятели, которыхъ отцы и дѣды находились также у правительственныхъ дѣлъ, казались народу, привыкшему видѣть ихъ на первыхъ мѣстахъ, верховными мужами, или, какъ выразился князь Пожарскій, *столпами* государства, на которые опирается тронъ ⁸⁵³.

При всемъ томъ, стремленіе людей родословныхъ поддерживать достоинство исключительно только своего рода, и считаться службою предковъ при занятіи мѣстъ, образовало грубое, эгонстическое понятіе о чести и было источникомъ сильнѣйшей безурядицы во всѣхъ служебныхъ дѣлахъ ⁸⁵⁴.

Уже Іоаннъ III (1462—1505) долженъ былъ бороться съ этими грубыми понятіями о чести, на которыхъ основывалось и развивалось мѣстничество, и обуздывать мѣстничавшихся ⁸⁵⁵. — Въ княженіе Василя Іоанновича (1505—1533) встрѣчаются также въ разрядныхъ книгахъ мѣстническіе случаи ⁸⁵⁶. — При Іоаннѣ IV (1538—1584) мѣстническія столкновенія между служилыми людьми, ревниво оберегавшими свою родовую честь, болѣе и болѣе умножались и доходили до непонятной крайности, такъ, что правительство должно было употребить возможные, къ ограниченію этого зла, средства. Однимъ изъ такихъ средствъ, къ прекращенію мѣстническихъ споровъ, былъ *разводъ* или *отставка*. Когда двое служилыхъ людей, назначенныхъ на одну службу, одинъ въ большихъ, а другой въ меньшихъ, были равны другъ другу по родовымъ отношеніямъ, по службѣ и по разряду; то ихъ разводили или отставляли, и эта отставка или разводъ служили и на будущее время доказательствомъ ихъ равенства — невозможности быть вмѣстѣ. Другое средство состояло въ томъ, что правительство объявляло князьямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ *быть безъ мѣстъ* на царской службѣ, т. е. каждому оставаться на своемъ безъ разбора чиновъ, старшинства или знатности родовъ, съ тѣмъ, что если случится имъ на царской службѣ быть не по ихъ отечеству; то отечеству ихъ тутъ поруки (уменьшенія) никакой нѣтъ. Сверхъ того, въ указѣ, изданномъ въ дополненіе къ Судебнику

Упот. обленіе мѣръ для ослабленія мѣстничества.

Иоанна IV было постановлено, что одному государю принадле-
житъ судить о родахъ и достоинствахъ, и что кто съ кѣмъ посланъ,
тотъ тому и повинуется³⁶⁷. — Въ царствованіе Феодора
Иоанновича (1584—1598), мѣстничество было во всей силѣ,
какъ показываютъ многочисленные примѣры³⁶⁸.

Петрещіе
кѣстничества
въ смутную
эпоху москов-
скаго государ-
ства.

Между тѣмъ, страшныя кровавыя смуты, возникшія въ на-
чалѣ XVII вѣка на Русской землѣ и потрясшія многое въ
московскомъ государствѣ, поколебали и самое мѣстничество.
Въ слѣдствіе этихъ событій, уменьшилась численность въ пер-
венствующихъ родословныхъ семействахъ: Романовы перешли на
престолъ; исчезли Годуновы, Шуйскіе, Милославскіе, Воротын-
скіе и погибли два брата, Василій и Андрей, самые видные,
самые энергическіе изъ князей Голицыныхъ, въ особенности
первый изъ нихъ Василій, который такъ высокъ казался са-
мому князю Пожарскому — знаменитому воеводѣ-освободителю,
что онъ называлъ его *столпомъ* государства. При малочислен-
ности вообще тогда первенствующихъ семействъ, исчезновеніе
важнѣйшихъ изъ нихъ имѣло рѣшительное вліяніе на судьбы
древней московской знати. — Событія той же самой эпохи вы-
двинули на первый планъ людей незначительныхъ, второсте-
пенныхъ, которые и явились начальниками ополченій противъ
непріятелей; то были: рязанскій дворянинъ Прокопій Лапуновъ,
казакъ Заруцкій, мелкочиновный челоувѣкъ—стольникъ князь
Димитрій Михайловичъ Пожарскій—и нижегородскій мясникъ
(промышлявшій мясною торговлею) Бозьма Мининъ Сухорукій.
Эти новые люди стали на высоту своего положенія, потому
что бывшіе лодъ ихъ предводительствомъ ополченія успѣли въ
своемъ дѣлѣ: государство очищено было отъ враговъ, избранъ
царь Михаилъ Феодоровичъ изъ дома Романовыхъ. Россія по-
ставила въ главѣ своей народную династію³⁶⁹. — Всѣ эти обстоя-
тельства, взятая въ совокупности, имѣли тотъ результатъ, что
если мѣстничество и не уничтожилось совершенно, то значи-
тельно было подкормано въ своемъ основаніи.

Впрочемъ, мѣстническія понятія, временно ослабѣв-
шія, пробудились опять съ новою силою въ высшихъ служеб-
ныхъ сферахъ при Михаилѣ Феодоровичѣ (1613—1645). И
при немъ былъ на первомъ планѣ *родовой интересъ съ чинов-*

ными началами; долженъ былъ и онъ по прежнему разбирать мѣстническіе споры, опредѣлять родовыя и служебныя отношенія и счета по родовой лѣстницѣ служилыхъ людей, оправдывать правыхъ и наказывать виновныхъ, за несправедливыя челобитья.

Вотъ нѣсколько примѣровъ, изъ ряда многочисленныхъ Примѣры бывшихъ мѣстническихъ случаевъ. бывшихъ при Михаилѣ Феодоровичѣ:

Въ 1613 году приглашени были къ царскому столу князь Федоръ Ивановичъ Мстиславскій, Иванъ Никитичъ Романовъ (родной дядя царскій) и князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ. Первое мѣсто принадлежало Мстиславскому, втораго мѣста Лыковъ не хотѣлъ уступить Романову, и билъ челомъ, что ему сѣсть ниже Романова невмѣстно. Государь нѣсколько разъ говорилъ Лыкову, чтобъ онъ былъ у стола, и что подѣ Романовымъ (т. е. занять мѣсто велѣдъ за Романовымъ) быть ему можно; но тотъ отвѣчалъ, что «готовъ ѣхать на казнь», а меньше Ивана Никитича, ему не бывать. Тогда государь велѣлъ князя Лыкова выдать головою Романову, т. е. приказать ему, какъ виновному челобитчику, униженно просить и молить оправданнаго отвѣтника о прощеніи.

Государь пожаловалъ въ бояре Бориса Михайловича Салтыкова, и велѣлъ боярину князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому сказать новопожалованному боярство. Пожарскій билъ челомъ, что онъ боярство сказать и меньше Салтыкова быть не можетъ. По разсмотрѣніи дѣла, государь потребовалъ отъ Пожарскаго, чтобъ онъ сказалъ боярство Салтыкову, меньше котораго быть ему можно. Пожарскій не послушался. Салтыковъ билъ челомъ о безчестьѣ—и Пожарскій выдалъ былъ ему головою.

Когда тотъ же Пожарскій въ 1618 году лежалъ боленъ въ Калугѣ, государь указалъ послать къ нему стольника Юрія Татищева, съ милостивымъ словомъ спросить о здоровьѣ. На челобитье Татищева о томъ, что ему ѣхать къ Пожарскому невмѣстно, отвѣчали, что ѣхать можно, но онъ государева указа не послушалъ; его высѣли внудомъ и послали къ Пожарскому головою.

Въ 1624 году на государевой свадьбѣ велѣно было—быть

безъ мѣсть. Не смотря на то, бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Голицинъ объявилъ, что ему меньше бояръ, князей Ивана Ивановича Шуйскаго и Дмитрія Тимофеевича Трубецкаго, быть нельзя, и на службу во дворець не поѣхалъ. Въ слѣдствіе сего повелѣно: у князя Голицына, за его непослушаніе, отписать помѣстья и вотчины³⁶⁰.

Два основныя начала мѣстничества — *степени служебной знатности по чинамъ и родовой чести* — продолжали существовать и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (1645—1676), какъ показываютъ тогдашніе мѣстническіе споры. Онъ понималъ всю негѣдность и весь вредъ общепринятаго предрасудка; но считалъ невозможнымъ истребить его и во дни своей славы. Впрочемъ, предоставляя людямъ родословнымъ величаться, въ служебномъ отношеніи, старшинствомъ и считаться службою предковъ при занятіи должностей, царь Алексѣѣ Михайловичъ осторожно, благоразумно, выводилъ и поддерживалъ людей худородныхъ, но умныхъ, талантливыхъ, по тогдашнему времени самыхъ образованныхъ, каковыми, между прочимъ, представляются: Аванасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ и Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

Выше сказано, что, съ эпохи смутнаго времени московскаго государства, люди новые, неродословные, получили уже возможность пробиться въ высшіе чины и чинамъ. Стремленіе это продолжалось и тогда, когда буря утихла — продолжалось медленно, хотя не безъ роюта и выходовъ со стороны знатныхъ людей. Но дѣло въ томъ, что примѣръ былъ поданъ, и потому уже не могло быть новостію, когда, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Ординъ-Нащокинъ, сынъ незначительнаго псковскаго дворянина, и Матвѣевъ, сынъ дьяка, слѣдовательно оба изъ худородныхъ, возвысились до самаго знатнаго чина боярскаго не по отечеству, а по личнымъ своимъ качествамъ и способностямъ, и стали на первомъ планѣ, въ ущербъ чести старыхъ родовъ и началамъ, на которыхъ основалось мѣстничество. Тотъ и другой — знаменитости своего времени — пользовались полною довѣренностію Алексѣя Михайловича. Ординъ-Нащокинъ сдѣлался начальникомъ посольскаго приказа съ громкимъ, небывалымъ титуломъ „царственной большой

печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегателя“; а когда онъ сошелъ съ служебнаго поприща, преемникомъ его, по званію начальника посольскаго приказа, явился Матвѣевъ³⁶¹.

Если правительству не мало стоило труда оберегать, въ силу мѣстничества, старинные знатные роды отъ безчестія по отношенію другъ къ другу; то еще труднѣе было оборонять людей новыхъ, поднявшихся до знатныхъ чиновъ—царскихъ родственниковъ и свойственниковъ, а также людей худородныхъ. Тутъ придумывали разныя оборонительныя средства, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ двухъ мѣстническихъ случаевъ, бывшихъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Князь Львовъ, принадлежавшій къ разряду пятнадцати знатныхъ фамилій, члены которыхъ производились прямо въ окольные, былъ челомъ на царскаго тестя, не имѣвшаго знатныхъ предковъ, боярина Илью Даниловича Милославскаго, что ему Львову съ нимъ быть невмѣстно. Челобитчику отвѣчали, что ему можно быть съ Милославскимъ, потому что прежде не бивали челомъ на царскихъ свойственниковъ.

Стольникъ Матвѣй Пушкинъ, состоявшій также въ числѣ упомянутыхъ пятнадцати фамилій, былъ челомъ, что ему велѣно ѣхать за польскими послами и съ ними ѣхать въ переговоры, а вести переговоры боярину Ордину-Нащокину; но ему Пушкину меньше Нащокина быть невмѣстно. Государь сказалъ Пушкину, что прежде мѣсть тутъ не бывало и теперь нѣтъ. Пушкинъ отвѣчалъ, что прежде съ послами, для переговоровъ, бывали люди честные (знатнаго рода), а не въ версту Нащокину, потому, въ то время и челобѣтя не бывало; его же Пушкина „отечество“ (знатность происхожденія), по отношенію къ Ордину—Нащокину, извѣстно. Государь повторилъ, что тутъ мѣсть не бывало и теперь нѣтъ; и, такъ какъ Пушкинъ, хотя уступилъ сначала и поѣхалъ за послами, но потомъ раскаялся въ своей слабости и пересталъ ѣздить къ нимъ, то за такое ослушаніе государь послалъ его въ тюрьму и велѣлъ сказать, что ему съ Нащокинымъ быть можно³⁶².

Наконецъ, наступилъ и періодъ царствованія Феодора Алексѣевича (1676—1682), краткій по времени, но замѣчательный

Уничтоженіе мѣстничества.

по внутреннему управленію московскимъ государствомъ. Важнѣйшимъ подвигомъ этого государя—подвигомъ, кавого не могъ предпринять родитель его—есть *уничтоженіе въ Россіи мѣстничества*—этого окрѣпшаго вѣкового обычая ³⁶³.

Давно уже было признано, что всѣ предшествовавшія войны ованчивались большею частію пораженіемъ русскаго войска преимущественно отъ его несостоятельности, которая происходила главнымъ образомъ отъ мѣстническихъ счетовъ. При томъ же и долговременный опытъ долженъ былъ научать людей, умѣющихъ разсуждать, что, при занятіи важнѣйшихъ государственныхъ должностей, гдѣ главную роль должны играть познанія, талантъ, честность, не слѣдуетъ считаться ни предками, ни богатствомъ, потому что въ этомъ случаѣ дѣло идетъ не о тщеславіи и узкомъ эгоизмѣ, а о благоустройствѣ государства. Эта великая истина, по историческому ходу жизни русскаго общества, ясно понята была уже въ царствованіе Θεодора Алексѣевича, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, наступалъ очевидный поворотъ высшаго русскаго общества отъ древняго, отжившаго уже служебнаго строя, въ новому, лучшему общественному и воинскому порядку ³⁶⁴.

При такомъ-то настроеніи общества, среди новыхъ молодыхъ людей, самыхъ близкихъ къ болѣзненному отъ природы Θεодору Алексѣвичу, явился, съ сильнымъ вліяніемъ на дѣла, еще молодой по лѣтамъ, но великочинновникъ человекъ ³⁶⁵, членъ одного изъ стародавнихъ родовъ, бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, и притомъ человекъ, соединявшій въ себѣ далеко не общее всѣмъ тогда образованіе, которое давало ему извѣстную широту взгляда, умѣнье покончить съ вредною старинною ³⁶⁶.

Этому-то вельможѣ царь Θεодоръ Алексѣевичъ указалъ вѣдать ратныя дѣла и повелѣлъ образовать комиссію изъ выборныхъ служилыхъ людей, для лучшаго устроенія своихъ ратей. Выборные дали отъ себя мнѣніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Въ видахъ лучшаго устройства ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлъ, бить челомъ великому государю, дабы повелѣлъ всѣмъ боярамъ, овольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ и всѣмъ чинамъ на Москвѣ, въ приказахъ и полкахъ,

у ратныхъ, посольскихъ и всякихъ дѣлъ и въ городахъ, между собою быть безъ мѣстъ, гдѣ кому великій государь укажетъ, и впередъ никому ни съ кѣмъ разрядомъ и мѣстами не считаться, разрядные случаи и мѣста отставить, и искоренить, чтобы впередъ отъ тѣхъ случаевъ въ ратныхъ и всякихъ дѣлахъ помѣшкы не было“ ³⁶⁷.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, по докладѣ ему княземъ Голицынымъ этого мнѣнія выборныхъ людей, назначилъ, 12 января 1682 года, чрезвычайный земскій соборъ, который имѣлъ засѣданіе въ тотъ день и единодушно рѣшилъ, „чтобы государь указалъ всѣмъ служилымъ людямъ, во всякихъ чинахъ, быть безъ мѣстъ“.

Въ слѣдствіе сего, Ѳеодоръ Алексѣевичъ уничтожилъ мѣстничество, воспретивъ ссылаться на званія и дѣянія предковъ по службѣ, и тогда же подтвердилъ, чтобы служащіе царю и государству получали званія и отличія не на основаніи старшинства по роду, а по заслугамъ. Затѣмъ, по повелѣнію государя, принесены были всѣ разрядныя книги и, въ виду всего земскаго собора, сожжены въ переднихъ дворцовыхъ сѣняхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, государь повелѣлъ держать въ разрядѣ, на память служилымъ людямъ и потомству ихъ, *родословную книгу*. Фамилій, записанныя въ эту книгу, раздѣлялись на пять степеней или классовъ, какъ значится объ этомъ въ главѣ I-й слѣдующаго четвертаго періода ³⁶⁸.

Послѣ уничтоженія мѣстничества, изъ двухъ дотолѣ господствовавшихъ въ древней Россіи его началъ, родоваго и чиновнаго, осталось только послѣднее. Ворота государственной службы сдѣлались открытыми для всѣхъ; прохожденіе служенія въ чинахъ и достиженіе почестей прямыми заслугами не встрѣчало ни для кого ни какого препятствія; въ число государевыхъ слугъ, подъ условіемъ способности и личныхъ достоинствъ просителя, принимались не только туземцы, но и иностранцы, съ предоставленіемъ всѣмъ имъ помѣстныхъ окладовъ. — При такомъ открытомъ для способныхъ людей доступѣ къ службѣ, представилась, наконецъ, возможность устроить, на мѣсто прежняго дружиннаго ополченія, постоянное, по образцу запад-

ныхъ европейскихъ государствъ, войско, и положить основаніе къ различенію службъ военной и гражданской ³⁶⁹.

Отъ половины IX до конца XVII столѣтія, военная служба въ Россіи не была отдѣлена отъ гражданской: всѣ служилые люди разныхъ чиновъ были воины; многіе изъ нихъ, по временамъ, занимали гражданскія должности, но, при первомъ требованіи, садились на коней и слѣпили въ войско. Только при царѣ Теодорѣ Алексѣевичѣ, послѣ уничтоженія имъ мѣстничества, когда возбужденъ былъ вопросъ о воинскомъ преобразованіи — о необходимости имѣть постоянное войско, постоянныхъ воеводъ и прочихъ чиновъ — проявилась мысль, объ установленіи и такихъ служебныхъ лицъ, которыя также постоянно занимали бы гражданскія должности въ государствѣ. Соотвѣтственно этому, составленъ былъ и проектъ, объ отдѣленіи гражданскихъ должностей отъ военныхъ; но проектъ остался пока на бумагѣ и не переходилъ въ дѣло; ему дано было дальнѣйшее развитіе лишь законодательствомъ Петра Великаго, какъ видно изъ его знаменательной табели о рангахъ, о которой будетъ рѣчь также въ главѣ 1-й слѣдующаго четвертаго періода ³⁷⁰.

Выводъ изъ историческаго обзорѣнія мѣстничества.

Обративъ вниманіе на изложенные историческіе факты, относящіеся къ началу, сущности и уничтоженію мѣстничества, можно, кажется, прійти къ слѣдующему выводу:

Гордиться службой и заслугами предковъ, какъ доблестью семейною, родовою, было обыкновеніе, по своему началу, дѣйствительно благородное, благородное потому, что въ основаніе понятія о старшинствѣ, или первенствѣ, принимаемы были прошлыя, оказанныя отечеству, заслуги и общественное положеніе предковъ. Никто не рѣшится отказать подобной гордости въ названіи — честной, или, по крайней мѣрѣ, естественной. Но это побужденіе, столь достохвальное въ своемъ основаніи, породило нелѣпое тщеславіе, перешло въ закоренѣлый предрасудокъ, тяготѣвшій надъ судьбами членовъ высшей сферы русскаго общества, и сдѣлавшійся вреднымъ по своимъ послѣдствіямъ: между служилыми людьми, какъ уже сказано выше, образовалось грубое, эгонистическое понятіе о чести, изъ котораго и развилось мѣстничество — право людей родословныхъ,

людей знатнаго происхожденія, считаться службою предковъ при занятіи мѣстъ и должностей — такое право, которое служило въ практикѣ источникомъ сильнѣйшей безурядицы во всѣхъ служебныхъ дѣлахъ гражданскихъ и, еще болѣе, военныхъ. Сверхъ того, мѣстничество, какъ такой обычай, при которомъ выражалось стремленіе извѣстныхъ личностей поддерживать достоинство исключительно только своего рода, необходимо влекло за собою настоящую вражду, взаимную ненависть, неизбѣжную родовую усобицу между чиновными людьми и знатнѣйшими семействами.

Очевидно, что мѣстничество было одно изъ величайшихъ общественныхъ и государственныхъ золъ. Какъ зло, оно должно было необходимо рухнуть — и дѣйствительно рухнуло безъ малѣйшаго сопротивленія (замѣчательный фактъ) со стороны тѣхъ людей, которые подвергались различнымъ наказаніямъ, отстаивая родовую честь³⁷¹. — Нѣтъ сомнѣнія, что паденіе мѣстничества было естественнымъ результатомъ, съ одной стороны, подымавшагося уровня общественной цивилизаціи въ Россіи, а съ другой — совершившихся въ ней историческихъ событій, которые предшествовали царствованію Θεодора Алексѣевича и достаточно уже потрясли значеніе этого вѣкового обычая, этого обветшалаго предрасудка; но нельзя не согласиться и съ мнѣніемъ историка Устрялова, что столь успѣшное, при этомъ государѣ, уничтоженіе мѣстничества было важнѣйшимъ дѣломъ князя Василія Васильевича Голицына — такого человѣка, который былъ представительнѣе и способнѣе всѣхъ бояръ своего времени. Дѣло это достопамятно тѣмъ (говоритъ г. Устряловъ), что князь Голицынъ, при веденіи его, обнаружилъ столько же ума, сколько и безворыстія: съ отмѣною родословныхъ расчетовъ, онъ терялъ едва ли не болѣе другихъ, потому что родъ его принадлежалъ къ числу знаменитѣйшихъ, по происхожденію и по службѣ³⁷².

ГЛАВА V.

Происхождение вотчинъ у русскихъ князей. — Право государей русскихъ на всю поземельную собственность страны и происхождение вотчинъ у дружинниковъ. — Право русскихъ государей распоряжаться вотчинами служилыхъ людей и наследовать въ оныхъ. — Появленіе помѣстной системы. — Главныя правила помѣстной системы. — Обязанности помѣстныхъ владѣльцевъ. — Назначеніе помѣстьевъ во временное владѣніе. — Исключительное право служилыхъ людей на владѣніе помѣстьями. — Сближеніе вотчинной и помѣстной системъ, проявившееся въ XVII вѣкѣ. — Необходимая связь между землевладѣльцами и земледѣльцами и существованіе между ними договорныхъ отношеній. — Причины прикрѣпленія крестьянъ къ владѣльческимъ землямъ. — Послѣдствія прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. — Учрежденіе приказовъ разряднаго и помѣстнаго.

Происхождение
вотчинъ у рус-
скихъ князей.

Для разъясненія вопроса о помѣстной системѣ — объ одномъ изъ капитальнѣйшихъ учрежденій древней Россіи — надобно нѣсколько уклониться отъ прямого разсказа объ этой системѣ, и указать на предшествовавшіе появленію ея факты, относительно происхожденія поземельной собственности, или вотчинъ, въ русской странѣ.

На первомъ, по времени происхожденія своего, планѣ являются отдѣльныя *княжескія вотчинныя владѣнія*. Начало установленія ихъ, какъ мы видѣли во второмъ періодѣ, связано съ именемъ князя Ярослава Всеволодовича (1238 — 1246); по его почину, удѣльныя княжескія владѣнія въ сѣверной части Россіи сдѣлались наследственными въ однѣхъ и тѣхъ же княжескихъ линияхъ, и стали постепенно переходить въ нисходящее потомство. Обратившись въ частную собственность княжескаго рода, владѣнія эти, называвшіяся вотчинами такъ же, какъ имѣнія частныхъ лицъ, на основаніи господствовавшаго тогда одного частнаго права, дѣлились между членами княжескаго семейства на болѣе дробныя части, отдавались въ наследство женамъ, дѣтямъ и родственникамъ, продавались, покупались³⁷³. Отъ такого частнаго распоряженія удѣлами, вытекающаго непосредственно изъ вотчиннаго права, произошла чрезвычайная дробность владѣній: въ составѣ удѣльной системы явились князья-вотчинники, которые владѣли самостоятельно однимъ только городомъ, даже селомъ; — такъ, напримѣръ, удѣлъ Юанна Даниловича Калиты (1328 — 1340) былъ гораздо менѣе нынѣшней московской губерніи, но и этотъ небольшой

кочковъ былъ раздѣленъ еще на три части, изъ которыхъ коломенско-можайскій удѣлъ снова раздѣлился на двѣ, а серпуховскій, не смотря на свою ничтожность, даже на пять частей³⁷⁴.

Понятно, что при такомъ господствѣ въ княжескихъ удѣлахъ вотчиннаго начала, въ связи съ неограниченною дробностію имуществъ, многія изъ удѣльныхъ владѣній, по своему измелчанію, совершенно исчезли съ исторической почвы, другія поглощены были во время усобицъ болѣе могущественными сосѣдями, а нѣкоторые хотя и оставались за владѣльцами прежнихъ княжествъ, но такъ какъ владѣльцы эти, съ развитіемъ московскаго самодержавія, сдѣлались подданными московскихъ государей и поступили къ нимъ въ службу, то и самыя владѣнія ихъ ничѣмъ уже тогда не отличались отъ поземельной собственности прочихъ великокняжескихъ слугъ—боарь, овольничихъ, думныхъ дворянъ, стольниковъ и др.³⁷⁵.

Такъ получили свое начало вотчины въ средѣ русскихъ князей. О происхожденіи же вотчинъ у великокняжескихъ слугъ имѣются въ виду слѣдующія историческія свѣдѣнія:

Права дѣйствительной личной поземельной собственности никогда не существовало въ Россіи. У жителей городовъ и сель сѣверной части ея, въ удѣльно-вѣчевой періодъ, сохранялась исконная привычка смотрѣть на землю, принадлежавшую тѣмъ городамъ и селамъ, какъ на общее достояніе, т. е. считать, что вся земля, во всемъ своемъ составѣ, принадлежала поселившемуся на ней русскому народу, общинѣ, а не отдѣльнымъ лицамъ; пользованіе же поземельными участками было раздѣляемо патріархальными властями, или вѣчами, между общинами и семьями, безъ всякаго права собственности на участокъ того лица, которому онъ былъ выдѣленъ для пользованія³⁷⁶. — Но когда, въ послѣдствіи, при усиленіи князей русскихъ, и вѣчевой строй, и общинное владѣніе, потеряли самостоятельное свое значеніе и распались, то земля, также во всемъ своемъ составѣ, естественно стала принадлежать уже князю и именоваться княжескою или государевою—принадлежать на такомъ широкомъ правѣ (въ особенности со временъ Андрея Боголюбскаго), что ни какаѣ дальнѣйшая перемѣна, ни какія новыя отношенія къ землѣ не могли уже произойти безъ

Право государей русскихъ на всю поземельную собственность страны, и происхождение вотчинъ у дружинниковъ.

вѣдома и распоряженія князя. Княжескіе слуги или дружинники, при такихъ перемѣнахъ, могли, конечно, удержать за собою старинную поземельную собственность, которую предки ихъ, зажиточнѣйшіе изъ дружинниковъ, приобрѣтали, какъ упомянуто уже въ первомъ періодѣ, покупкою, изъ княжескихъ волостей, въ свое частное владѣніе; но, относительно поземельныхъ правъ своихъ, стали уже вполне зависѣть отъ службы и отъ милости князя³⁷⁷. Утвердилось и существовало во всей своей силѣ, до самаго царствованія Екатерины II, правило, что «*одинъ только государь есть полный хозяинъ и вотчинникъ поземельной собственности въ русской странѣ*, и что, по тому, *имѣнія служилыхъ людей считались не собственностію, а пожалованьемъ, даннымъ отъ государя за ихъ службу*»³⁷⁸. Основываясь на этомъ, вѣками укоренившемся, правилѣ, сначала удѣльные князья, а потомъ московскіе государи стали распоряжаться землею слѣдующимъ образомъ: участки ея или отдавали во владѣніе членамъ своей дружины съ правомъ населять ихъ вольными и невольными людьми, или жаловали духовенству, или продавали гостямъ (богатымъ купцамъ), которые имѣли всю возможность населить купленную землю³⁷⁹.

Изъ этого видно, что земли, находившіяся въ частномъ владѣніи были: или старинныя вотчины служилыхъ людей — родовыя ихъ имѣнія, или вотчины, пожалованныя кому нибудь изъ нихъ отъ владѣтельныхъ князей, или, наконецъ, вотчины, купленные людьми богатыми, не принадлежавшими къ членамъ княжеской дружины³⁸⁰. Но, во всѣмъ этимъ видамъ имуществъ съ особенною рѣзкою примѣнялось выше упомянутое правило, которое гласило, что «*одинъ только государь есть собственникъ земли въ государствѣ, а всѣ прочіе владѣютъ ею по его милости, безъ полученія на оную правъ собственности*»³⁸¹.

Право русскихъ государей распоряжаться вотчинами служилыхъ людей и наследовать въ оныхъ.

Въ слѣдствіе сего, еще при Василии Іоанновичѣ (1505 — 1533), какъ полагаютъ, постановлено было, что вступившіе въ московскую службу, съ уничтоженіемъ удѣловъ, бывшіе ихъ владѣтельные князья не могли ни продать, ни мѣнять, ни отдавать въ приданое своихъ старинныхъ вотчинъ, составившихся изъ прежней ихъ частной собственности, и что, послѣ этихъ служилыхъ людей, въ вотчинахъ ихъ наследуетъ государь. Та-

кое же постановленіе существовало и относительно бояръ и дѣтей боярскихъ, гдѣ сказано, что если они умрутъ, не имѣя дѣтей и близкихъ родственниковъ, то въ вотчинахъ ихъ наследуетъ также государь³⁸².

Это постановленіе въ сущности осталось неизмѣненнымъ и при Иоаннѣ IV, какъ видно изъ узаконенія его, состоявшагося въ 1562 году, въ которомъ сказано, что наследство въ старинныхъ княжескихъ вотчинахъ ограничивается только мужскимъ потомствомъ, съ исключеніемъ дочерей, сестеръ и родственниковъ, и что, послѣ бездѣтныхъ бояръ и сыновей боярскихъ, если ближняго рода и духовной у нихъ нѣтъ, вотчины отбираются на государя³⁸³. — Еще яснѣе Иоаннъ IV показалъ на дѣлѣ, что одинъ онъ есть полный хозяинъ всего поземельнаго владѣнія въ московскомъ государствѣ. Въ силу этого юридическаго, обычаемъ освященнаго права, отобравъ въ 1558 году у нѣкоторыхъ богатыхъ князей и вельможъ лишнюю землю, Иоаннъ IV далъ каждому, чего былъ достоинъ, а остальную раздѣлилъ неимущимъ служилымъ людямъ³⁸⁴, уставивъ службу не только съ помѣстьевъ, но и съ вотчинъ боярскихъ³⁸⁵.

Что жъ касается вотчинъ, данныхъ отъ государей кому нибудь изъ служилыхъ людей, то въ 1572 и 1573 годахъ было опредѣлено, что пожалованныя вотчины наследуются или не наследуются дѣтьми и родными умершаго, смотря по тому, какъ пожалованы: одному ли только пожалованному лицу, или вмѣстѣ его дѣтямъ, женѣ и роду. Если вотчина пожалована была одному лицу, то по смерти его, она отходила на государя, — и, во всякомъ случаѣ, далѣе внучатыхъ (4 степени) какъ въ нисходящей, такъ и въ боковыхъ линіяхъ, вотчины этого рода не могли переходить по наследству, и затѣмъ отбирались на государя³⁸⁶.

Очевидно, что эти законодательныя мѣры, принятыя въ царствованіе Василя Иоанновича и Иоанна IV Васильевича, имѣли цѣлью остановить естественное развитіе вотчинныхъ элементовъ въ княжескихъ и служилыхъ родахъ; но, не смотря на то, вотчинныя начала развивались неудержимо и получили широкое примѣненіе: вскорѣ послѣ смутнаго времени и воцаренія династїи Романовыхъ, вотчинное владѣніе служилыхъ

родовъ утвердилось и, съ тѣхъ поръ, упрочивалось болѣе и болѣе; вотчины переходили изъ рода въ родъ и подвергались совсѣмъ другимъ, чѣмъ помѣстья, правиламъ, касательно распоряженія ими. Такъ, въ правленіе перваго государя той династїи Михаила Ѳеодоровича (1613—1645), относительно наслѣдства въ вотчинахъ родовыхъ и пожалованныхъ, постановлено: вдовамъ, послѣ бездѣтныхъ мужей, не давать вотчинъ, отдавать ихъ боковымъ родственникамъ; если послѣ умершаго вотчинника останутся дѣти, то вотчины отдавать сыновьямъ, а дочерямъ давать изъ помѣстьевъ на пропитаніе, — но когда братьевъ нѣтъ, тогда и дочери вотчинамъ вотчици; внуки и правнуки послѣ родныхъ дѣдовъ и бабокъ съ дядьями и тетками своими родными, въ старыхъ вотчинахъ вотчици³⁸⁷.

Появленіе помѣстной системы.

Но, кромѣ вотчинъ, принадлежавшихъ княжескимъ и царскимъ слугамъ, существовали еще въ древней Россїи *помѣстные земли*, о которыхъ упомянуто и въ приведенныхъ узаконенїяхъ Іоанна IV и Михаила Ѳеодоровича.

Московское государство, значительно расширившееся со время Іоанна III (1462 — 1505) присоединеніемъ къ Москвѣ удѣльныхъ княжествъ, требовало, соотвѣтственно такому своему расширенію, увеличенія массы войска и умноженія числа разныхъ должностныхъ лицъ, какъ для пышности двора, такъ и для центрального и областного управленія³⁸⁸.

Основу войска составляли въ то время дворяне и дѣти боярскіе. Чтобы прикрѣпить людей этого разряда къ государеву дѣлу, къ службѣ, и обезпечить ихъ положеніе, требовались огромныя денежныя суммы, независимо отъ суммъ, шедшихъ на содержаніе двора и администраціи въ размѣрахъ, дотогѣ неизвѣстныхъ³⁸⁹. Между тѣмъ, съ быстрымъ возрастаніемъ московскаго государства, не возрастали его экономическія силы и гражданское развитіе; и потому правительство московское описываемаго времени, не богатое деньгами, отъ бѣдной и мало развитой еще тогда промышленности въ странѣ³⁹⁰, но имѣвшее въ своемъ распоряженіи громадныя пространства земли, не нашло другаго для обезпеченія воинскихъ людей средства, какъ испомѣстить ихъ на своихъ земляхъ, т. е. назначить каждому отдѣльному лицу за службу, вмѣсто денежнаго жало-

ванья, земельные участки.—И вотъ явилась правительственная *помѣстная система*, имѣвшая такое могущественное вліяніе на переѣну въ характерѣ русскаго военнаго класса, на дальнѣйшія судьбы самаго государства, по отношенію къ внутреннему порядку гражданской и политической его жизни³⁹¹.

Начало существованія этой системы положительно можно отнести къ тому времени, когда Іоаннъ III, великій князь московскій, покоривъ, въ январѣ 1478 года, подъ свою власть Новгородъ, взялъ за себя въ новгородской области церковныя земли владычьи и монастырскія, и роздалъ дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья³⁹². Фактъ этотъ очевидно показываетъ, что установленіе московскими государями помѣстной системы было плодомъ не разъ уже упомянутыхъ стремленій удержать всю поземельную собственность за государями, какъ вотчинниками ея, предоставляя служилымъ людямъ одно лишь временное пользованіе ею во все продолженіе службы³⁹³. Такимъ образомъ, земли этого рода, или помѣстья, первоначально (до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ) были не что иное, какъ или пустынные незаселенныя пространства, или мѣстности съ вольнымъ, жившимъ на нихъ по договорамъ, населеніемъ, свободныя отъ частнаго владѣнія, но принадлежавшія государю, по силѣ господствовавшаго тогда вотчиннаго права,—были, слѣдовательно, такія земли, которыя составляли собою тотъ служебный или государственный фондъ, съ котораго отводились многочисленныя участки какъ служившимъ уже, такъ и вновь поступавшимъ на службу высшаго класса людямъ, въ видѣ жалованья, для временнаго ихъ владѣнія и пользованія³⁹⁴.

Сущность условій, положенныхъ въ основаніе помѣстной системы, сводится къ слѣдующимъ главнымъ правиламъ:

Главныя правила помѣстной системы.

Помѣстья давались служилымъ людямъ, вмѣсто жалованья, изъ волостей, селъ и деревень великаго князя, въ различныхъ размѣрахъ, смотря по чину или служебному разряду каждаго, давались для того, чтобы они могли содержать себя и, по призыву государя, отбывать служебныя военныя обязанности. При чемъ, въ огражденіе интересовъ правительства и самой службы, помѣстные участки давались жалованными отъ государя грамотами во владѣніе только лицамъ, способнымъ къ военной

службѣ, какъ по возрасту, такъ и по физическому ихъ здоровью и нравственному развитію. Отсюда прямо слѣдуетъ, что только тотъ могъ имѣть помѣстье, кто служилъ, т. е. совершеннолѣтнее, годное для службы мужескаго пола лицо.³⁹⁵

Когда у служилаго человѣка достигали сыновья 18 лѣтняго возраста, то, по удостовѣреніи въ видимой годности къ ихъ назначенію, они верстались (записывались) въ государеву службу, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приобретали право на помѣстный вкладъ, потому что такъ названный служилый человѣкъ сталъ уже немислимъ безъ помѣстья. Право это сыновей выражалось въ томъ, что они или припускались къ отцу въ помѣстье, или жаловались помѣстьями въ отводъ отъ отца. Конечно, сынъ могъ получить помѣстье отца послѣ его смерти; но это зависѣло отъ многихъ стороннихъ условій и случайныхъ обстоятельствъ, и ни мало не вытекало изъ началъ помѣстнаго права; напримѣръ, если сынъ становился годенъ для службы именно въ то время, когда отецъ умиралъ, и если служебный разрядъ, въ который онъ поступилъ, былъ тотъ самый, въ какомъ состоялъ отецъ, то сынъ могъ получить помѣстье отца. Но если у отца было нѣсколько сыновей, то тотчасъ же оказывалось, что преемство въ помѣстьѣ не было наслѣдованіемъ, потому что наслѣдство дѣлилось между дѣтьми, а помѣстье могло поступить отъ отца нераздѣльно къ одному изъ его сыновей, прочіе же получали другіе помѣстные участки.³⁹⁶

Въ основаніе расчета при назначеніи величины помѣстья, отводимаго сыновьямъ cadaго изъ служилыхъ людей, принимались были только служебные чины или разряды, въ коимъ принадлежали отцы, т. е. принималось въ соображеніе: были ли они въ разрядѣ московскихъ дворянъ, или дворянъ городовыхъ, изъ которыхъ послѣдніе подраздѣлялись еще на три статьи—на служащихъ по выбору, по дворовому списку и съ городомъ,—или же состояли они въ разрядѣ дѣтей боярскихъ, которыхъ также было три статьи—большая, средняя и меньшая.³⁹⁷ — Относительно сего предмета въ постановленіяхъ Іоанна IV находится извѣстіе, что лицамъ, употреблявшимся на разныя посылки и не имѣвшимъ вотчинъ близъ Москвы вереть за 60 или 70, раздавались въ московскомъ уѣздѣ по-

мѣстья по степени ихъ разрядовъ, именно, боярамъ и окольничимъ по 200, дѣтямъ боярскимъ большой статьи по 200, средней—по 150 и меньшей—по 100 четвертей, каждому отдельному лицу³⁹⁸. Такое распредѣленіе участковъ служить также доказательствомъ того, что помѣстья давались не только дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, т. е. людямъ ратнымъ, но и высшимъ государственнымъ сановникамъ — боярамъ, которые, сидя въ привазахъ или отправляя воеводскія обязанности, не оставляли и ратнаго дѣла³⁹⁹.

Но, владѣя, такимъ образомъ, своими участками и пользуясь отъ нихъ доходами, служилые люди подчинялись вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ условіямъ и обязательствамъ, соединеннымъ съ ихъ званіемъ. Поставленные въ полную зависимость отъ государя московскаго, они должны были, по первому требованію правительства, лично отправляться въ походъ противъ непріятеля, въ своей одеждѣ, въ назначенномъ вооруженіи, съ своими лошадьми, съ извѣстнымъ запасомъ продовольствія, и приводить съ собою, опредѣленное закономъ, соразмѣрно величинѣ и доходамъ поземельнаго участка, число конныхъ и пѣшихъ ратниковъ изъ своихъ холопей или наемниковъ. Такъ, на примѣръ, установлено было положеніемъ Іоанна IV, что владѣлецъ 100 четвертей доброй, угодной земли (удобной для пахатныхъ полей, сѣнокосныхъ луговъ и выгоновъ и способной имѣть населеніе) долженъ былъ выступать на войну на конѣ и въ доспѣхѣхъ полномъ, а въ дальній походъ — при двухъ вояхъ⁴⁰⁰.

Это личное обязательство военной службы было общимъ для всѣхъ членовъ служилаго класса и притомъ на всю жизнь; ихъ вычеркивала изъ списка только смерть; и потому, съ увольненіемъ отъ обязанностей службы, помѣщикъ не только подвергался личной отвѣтственности, но и терялъ право на свое помѣстье: оно отписывалось на государя⁴⁰¹. Освобождались же отъ военной службы только тѣ помѣстные владѣльцы, которые не могли нести ее, по своему полу (женщины), за старостію, болѣзнію, увѣчьемъ, а также тѣ, которые находились у дѣла: изъ московскаго чина—въ придворныхъ должностяхъ, на воеводствѣ, въ посольствѣ; изъ городского чина—по выборамъ въ званіи губныхъ старостъ, цѣловальниковъ и др.⁴⁰².

Обязанности помѣстныхъ владѣльцевъ.

Назначеніе помѣщиковъ во временное владѣніе.

Вышеприведенныя служебныя условія показываютъ, что владѣніе помѣстными участками было лишь срочное пользованіе ими, было пользованіе, такъ сказать, процентами съ капитала—со стоимости земли. Отсюда, далѣе, слѣдуетъ, что земли, которыя предоставлялись служилымъ людямъ за службу и для службы, носили названіе имѣній несвободныхъ, и не могли ни у кого изъ нихъ почитаться дѣйствительною, полною ихъ собственностію. Владѣльцы подобныхъ земель не могли ими распоряжаться, не въ правѣ были, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, ни продавать ихъ, ни уступать, ни совершать на нихъ крѣпостныхъ актовъ, по той единственно причинѣ, чтобы таковыя земли, какъ имущество, даваемое, по тогдашнему обычаю, служилымъ людямъ, вмѣсто жалованья, не могли перейти въ постороннія руки, но оставались бы безусловно и постоянно собственностію государевой казны, и не пустѣли бы. Впрочемъ, помѣщики могли полюбовно мѣняться своими участками подъ условіемъ, чтобъ эта мѣна была равна, чтобъ пашня пашнѣ землею и всякими угодьями и доходомъ были равны и не пусты, чтобъ государевой службѣ и податямъ, при этой мѣнѣ, убытка не было⁴⁰³.

Исключительное право служилыхъ людей на владѣніе помѣстьями.

Ограничивая, такимъ образомъ, свободное распоряженіе служилыхъ людей помѣстною ихъ землею, власть государственная тѣмъ самымъ преграждала лицамъ неслужилого класса доступъ къ владѣнію помѣстными дачами, и держалась всегда высказаннаго еще въ XVI вѣкѣ, въ дополнительномъ къ Судебнику Іоанна IV указѣ 1573 года, начала, въ силу котораго земли, выдѣленныя изъ государственнаго фонда первоначально для государевой службы, не должны выходить изъ того разряда людей, коего поземельное владѣніе основано на лично-служебномъ его значеніи—начала, по которому *землевладѣльцемъ могъ быть только служилый челоукъ*⁴⁰⁴. Въ слѣдствіе сего, подвергались запрещенію владѣть въ московскомъ государствѣ помѣстными и вотчинными землями на правѣ собственности: люди промышленнаго и торговаго класса, извѣстные подъ именемъ гостей и посадскихъ; всѣ городскіе жители; монахи и монастырскіе слуги; крестьяне всѣхъ наименованій — дворцовые, черносoshные, вотчинные, помѣщичьи, церковные или монастыр-

ские⁴⁰⁵. — Вообще съ развитіемъ помѣстной системы, правительство московское постоянно стремилось къ сосредоточенію поземельнаго владѣнія исключительно въ классѣ служилыхъ людей, которые должны были отбывать за это государственную службу во всю жизнь. Поэтому, ни сами они, ни дѣти ихъ, какъ такіа личности, воинъ присвоенъ характеръ слугъ государевыхъ, приписанныхъ въ высшему общественному разряду, не могли переходить въ другія низшія общественныя званія, тогда существовавшія, какъ то, въ званіе купцовъ, посадскихъ, боярскихъ холопей⁴⁰⁶ и т. д. — Позднѣе, въ періодъ Уложения 1649 года и въ первой четверти XVIII вѣка, образовалось уже официальное понятіе о томъ, что *право поземельнаго владѣнія, вотчиннаго и помѣстнаго, признавалось исключительною принадлежностію однимъ только служилыхъ людей.* — При такомъ воззрѣніи на предметъ, въ томъ же Уложеніи говорилось, что дѣти неслужилыхъ отцовъ, купившія вотчины, должны были записываться въ государеву службу, въ противномъ случаѣ вотчины отбирались въ казну⁴⁰⁷.

Итакъ, все изложенное выше приводитъ къ заключенію, что одну изъ наиболѣе интересныхъ сторонъ дѣятельности московскаго правительства составляли постоянныя заботы его о неотчуждаемости помѣстныхъ земель — заботы, продолжавшіяся до эпохи царствованія Петра Великаго, прекратившаго раздачу помѣстьевъ⁴⁰⁸.

Коренное правило помѣстной системы, какъ объяснено уже, выражалось въ томъ, что отводимые служилымъ людямъ участки помѣстной земли, въ вознагражденіе за обязательную ихъ службу государству, всегда носили на себѣ характеръ личнаго пожизненнаго владѣнія и условнаго пользованія. Нерѣдко случалось, однако, что пожалованное государевою грамотою помѣстье обращалось владѣльцу его въ вотчину, т. е. въ его собственность, связанную, впрочемъ, съ лежащими на сей вотчинѣ такими же, какъ и на помѣстьѣ, служебными обязанностями⁴⁰⁹.

Облагненіе вотчинной и помѣстной системъ, проявившееся въ XVII вѣкѣ.

Очевидно, что помѣстный и вотчинный способы владѣнія, глубоко различныя одинъ отъ другаго по своимъ юридическимъ началамъ, вытекали изъ одного источника — царскаго пожалованія. Отъ того-то въ XVII вѣкѣ вотчинная и помѣстная си-

стемы, не смотря на все их различіе, дополняли одна другую: вотчины точно такъ же обвязывали въ службѣ, какъ и помѣстья, слѣдовательно подчинены были государственному характеру и представляли несвободную собственность въ томъ смыслѣ, что влекли за собою личную повинность безусловно и безсрочно на всю жизнь, и преимущественно повинность военную. Помѣстья давались тому, у кого не было вотчины; вдовы, дочери, родственницы, малолѣтныя дѣти умершихъ служилыхъ людей, обезпечивались помѣстьями только въ такомъ случаѣ, когда у нихъ не было вотчинъ; за измѣну, даже за уклоненіе отъ службы, отбираемы были отъ владѣльцевъ въ государеву казну безразлично какъ помѣстья, такъ и вотчины; а когда крестьяне, прирѣшленные, какъ увидимъ ниже, къ помѣстнымъ и вотчиннымъ землямъ, составили нераздѣльную принадлежность послѣднихъ, то владѣльцы сихъ земель стали одинаково пользоваться ихъ рабочею силой, для своихъ хозяйственныхъ и служебныхъ цѣлей, и одинаково подчинены были московскому государю, какъ «отчичу и дѣдичу» всей поземельной собственности въ государствѣ⁴¹⁰. Посему-то совершившееся окончательно, при Петрѣ Великомъ, сліяніе помѣстныхъ и вотчинныхъ правъ въ одно общее право на недвижимыя имущества, не измѣнило сущности или юридическаго начала поземельнаго права въ Россіи; сущность осталась прежняя: право государя на состоящія въ частномъ владѣніи земли казалось безспорнымъ⁴¹¹.

Начала помѣстнаго владѣнія примѣнялись на практикѣ довольно строго при Іоаннѣ IV (1533 — 1584); но въ XVII вѣкѣ вотчинный элементъ, получившій уже обширное развитіе, сталъ мало-по-малу проникать и въ помѣстную систему. Къ этому содѣйствовали двѣ побудительныя причины: во-первыхъ, весьма было естественно, что сынъ всячески старался оставить за собою родительское помѣстье, гдѣ отецъ его имѣлъ осѣдлость, домъ, хозяйство,—посему раньше всѣхъ другихъ установилось правило, что сынъ не только получаетъ, преимущественно передъ всѣми другими, помѣстье отца, но даже обязанъ удержать его за собою предпочтительно передъ прочими помѣстьями; и во-вторыхъ, часто случалось, что единственнымъ

средствомъ существованія помѣщика были доходы отъ его помѣстья, а когда онъ умиралъ, то члены его семейства, съ потерю помѣстья, оставались безъ крова и пищи. Посему, для обезпеченія существованія ихъ, оставались ить помѣстья умершаго служилаго человѣка: сыновьямъ до поступленія на службу, вдовѣ и дочерямъ до ихъ смерти, замужества или вступленія въ монастырь; послѣ чего выдѣленные имъ помѣстные участки отписывались на государя. Такимъ образомъ, въ помѣстьямъ стали всеенно примѣняться начала наслѣдованія⁴¹².

Такъ какъ на практикѣ оказалось рѣшительно невозможнымъ провести оба начала, вотчинное и помѣстное, различавшіяся между собою своими характерами, первое — частнымъ гражданскимъ, а послѣднее — государственнымъ; то законодательство стадо постепенно отступать отъ помѣстнаго начала въ пользу вотчиннаго, пока, наконецъ, отступление это не обратилось въ общее правило⁴¹³, какъ повазываютъ слѣдующія главнѣйшія по этому предмету постановленія:

Первое ополченіе смутнаго времени московскаго государства, въ 1611 году, опредѣлило: послѣ убитыхъ и умершихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, не оставившихъ ни женъ, ни дѣтей, помѣстья отдавать роду ихъ и племени, безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ, а мимо родственниковъ, помѣстьевъ ихъ не отдавать. — Царь Михаилъ Феодоровичъ подтвердилъ это распоряженіе, пояснивъ только, что такому же порядку законнаго наслѣдованія подлежатъ помѣстья и взятыхъ въ плѣнъ или пропавшихъ безъ вѣсти⁴¹⁴. — Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича 1649 года повелѣвалось: подмосковныя помѣстья оставлять за дѣтьми умершаго независимо отъ помѣстныхъ окладовъ; а по новопузынскимъ статьямъ 1676 года, мать, жена и сыновья помѣщика, оставившаго послѣ себя малыя помѣстные дачи, дѣлили ихъ между собою по равнымъ частямъ, дочери же получали изъ этихъ дачъ вдвое меньшія части, чѣмъ прочіе. — Часто начали оставлять также за сыновьями, внуками и правнуками всѣ помѣстья отцовъ, не обращая вниманія, какъ требовалось началами помѣстной системы, на то, совершеннолѣтніе они или нѣтъ, имѣютъ ли или не имѣютъ помѣстья, достанется ли, въ слѣдствіе этого, больше помѣстьевъ, чѣмъ поло-

жено по разряду, или не достанется,—и всё эти изыятія обращены, наконецъ, въ 1684 году, въ общее правило⁴¹⁶. — Завелся еще, сверхъ того, обычай давать помѣстья въ приданое по частному условію, а не по распоряженію правительства, и изъ этихъ помѣстьевъ мужу, по смерти бездѣтной его жены, постановлено, въ 1681 году, выдавать четвертую часть⁴¹⁶.

Такимъ образомъ, во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ, помѣстья получали совершенно частный характеръ, соответствовавшій семейнымъ цѣлямъ, удобствамъ временныхъ владѣльцевъ ихъ, и чрезъ это, видимымъ образомъ, приблизились къ вотчинамъ, съ значительнымъ отступленіемъ отъ основныхъ началъ помѣстной системы⁴¹⁷.

Необходимая связь между землевладѣльцами и земледѣльцами, и существованіе между ними договорныхъ отношеній.

Отъ разныхъ видовъ поземельнаго владѣнія самый естественный переходъ въ мирнымъ населеніямъ земли—къ земледѣльцамъ, безъ которыхъ немыслимо сельское хозяйство.—Читателю уже извѣстно, что, со временъ Іоанна III, всѣ служилые люди—лица чиновнаго состава—получали за свою службу помѣстья, съ которыхъ они должны были содержать себя и имѣть всегда въ запасъ всѣ воинскія принадлежности, необходимыя для выступленія въ походъ противъ непріятеля. Понятно, что возможность содержать себя и являться на службу въ требуемомъ видѣ зависѣла отъ дохода, который получалъ помѣщикъ съ своего земельного участка, а доходъ этотъ зависѣлъ отъ населенія земли, такъ какъ земля сама по себѣ, земля пустынная, предоставленная однимъ силамъ природы, безъ приложенія постоянного человѣческаго труда, не могла дать ожидаемыхъ отъ нея хлѣбныхъ растений и прочихъ необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ земледѣльской промышленности. Посему, всѣ земли какъ помѣстныя, такъ и вотчинныя, требовали ежегодной обработки, чтобы владѣльцы обонихъ этихъ видовъ вещественнаго капитала могли получать хорошій доходъ, обезпечить существованіе свое съ семействами и отправлять обязательную свою службу государству⁴¹⁸.

Съ этою, точно опредѣленною, цѣлью, помѣстныя и вотчинныя земли отдавались въ наемъ постояннымъ воздѣльвателямъ ихъ, людямъ безземельнымъ, по тогдашнему выраженію, крестьянамъ⁴¹⁹, людямъ, пользовавшимся въ древней Россіи, до исхода

XVI столѣтія, полною свободою переходить съ мѣста на мѣсто, отъ одного землевладѣльца въ другою, въ опредѣленный для сего Уложеніемъ Іоанна III, писаннымъ въ 1497 году, одинъ срокъ въ продолженіе каждаго года — за недѣлю до осенняго Юрьева дня и черезъ недѣлю послѣ онаго, т. е. въ такое время, когда полевая работа кончена и зерновой хлѣбъ уже убранъ, по крайней мѣрѣ, съ полей. Постановленіе это подтверждено и Іоанномъ IV въ 1550 году⁴²⁰.— Условія найма опредѣлялись взаимнымъ между землевладѣльцами и крестьянами соглашеніемъ. По тогдашнему положенію сельскаго хозяйства, на всѣхъ земляхъ—дворцовыхъ и черныхъ, составлявшихъ государеву принадлежность, помѣщичьихъ и вотчинныхъ, находившихся въ частномъ владѣніи — имѣлась полная хозяйственная обстановка земледѣльца, т. е. стояли, уже готовые для пріюта, избы, были готовы земледѣльческія орудія, рабочій скотъ, зерно для посѣва и прочія принадлежности земледѣльческаго промысла, словомъ, весь оборотный капиталъ, для веденія сельскаго хозяйства⁴²¹.

Такъ какъ земли было много, а рувъ мало, по рѣдкости населенія, отношенія же между землевладѣльцами и крестьянами были чисто-договорныя, то послѣдніе не упускали, конечно, случая получить отъ первыхъ болѣе выгодныя для себя предложенія, какъ относительно работы и оброка, который бывалъ или денежный или хлѣбный, такъ и относительно прочихъ повинностей, которыя должны были они отправлять за пользованіе землею. При обиліи земли и недостаткѣ для обработыванія ея рувъ, всего важнѣе было для землевладѣльцевъ перезывать къ себѣ, какъ можно болѣе, работниковъ, и удерживать ихъ у себя разными средствами, въ числу которыхъ относился и обычай давать крестьянамъ впередъ деньги въ ссуду, съ условіемъ, что если они не заплатятъ ихъ въ срокъ, то обязаны жить навсегда у заимодавца. Подобнымъ средствомъ, конечно, могли пользоваться преимущественно богатые и сильные землевладѣльцы, имѣвшіе, сверхъ того, возможность и другими льготами сманивать къ себѣ вольныхъ крестьянъ съ земель бѣдныхъ вотчинниковъ и помѣщиковъ; и потому, послѣдніе, лишившись рабочихъ рувъ въ такую пору года, когда

онѣ были имъ нужны, не только поставлены были въ самое затруднительное положеніе выполнять, лежавшія на нихъ, государственныя служебныя обязанности, но часто несли невознаградимыя потери и вовсе разорялись — разорялись отъ того, что, принадлежавшія имъ, обитаемыя хлѣбопашцами, избы, падали отъ нерадѣнія этихъ временныхъ хозяевъ, а земледѣліе и скотоводство находились въ самомъ грустномъ состояніи. Сверхъ того, для великорусскаго крестьянина, съ исконнымъ его бродячимъ характеромъ, явилась въ то время и приманка къ переселенію въ другія мѣстности: или на югъ — въ образовавшееся тогда на Днѣпрѣ и Донѣ воинственное казачество, приглашавшее въ среду свою любителей воли; или на востокъ — въ зауральскія горы, въ далекую, неизмѣримую Сибирь ⁴²².

Причины при-
крѣпленія
крестьянъ къ
владѣльче-
скимъ землямъ.

Всѣ эти обстоятельства, взятая въ совокупности, не могли остаться незамѣченными со стороны государственной власти и повели, наконецъ, людей высшаго круга къ убѣжденію, что государство, давшее служилому человеку пустынную землю, обязано было снабдить его землю и постоянными работниками, для обращенія ея въ пахатную и извлеченія, чрезъ обработку ея, дохода — иначе онъ служить не могъ, и что, слѣдовательно, крестьяне постоянно должны были служить владѣльцамъ вотчинныхъ и помѣстныхъ земель, дабы послѣдніе могли отбывать свою государственную службу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получать достаточное, за выполненіе служебныхъ своихъ обязанностей, вознагражденіе ⁴²³. При такомъ-то проявленіи русской исторической жизни въ сѣверной Россіи, послѣдовало запрещеніе перехода крестьянъ и приврѣпленіе ихъ къ владѣльческимъ землямъ, въ видахъ поддержанія, посредствомъ обязательнаго труда крестьянъ, тогдашней обязательной службы лицъ чиновнаго состава и удовлетворенія вообще государственныхъ потребностей ⁴²⁴.

Законъ о всеобщемъ укрѣпленіи крестьянъ, о томъ, чтобы послѣдніе оставались за тѣми землями, на которыхъ они, во время изданія сего закона, жили, состоялся въ началѣ царствованія Феодора Иоанновича, вступившаго на престолъ въ 1584 г. Сила этого закона подтверждена вновь указомъ 1597 г., и, такимъ образомъ, окончательно было заявлено, что положеніе

страны настоятельно требуетъ такой мѣры, и что возвратъ къ прежнему порядку вещей для крестьянъ невозможенъ ⁴²⁵.

Хотя жь, при Годуновѣ, въ 1601 году, восстановленъ былъ временно выходъ крестьянъ, притѣсняемыхъ мелкими землевладельцами, но выходъ этотъ обусловливался тѣмъ, что крестьянинъ могъ, если хотѣлъ, воспользоваться выходомъ, но не къ богатому землевладельцу, у котораго ожидалъ получить больше льготы, а къ другому, мелкому же ⁴²⁶.

Въ мартѣ 1607 года, Шуйскій подтвердилъ прикрѣпленіе крестьянъ, какъ мѣру полезную для служилыхъ людей, въ которыхъ, по обстоятельствамъ времени, государство чувствовало особенную нужду, для защиты отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, и тѣмъ сильнѣе чувствовалась эта нужда, тѣмъ важнѣе казалось и прикрѣпленіе—единственное, по тогдашнему понятію, средство для жизни и для службы ратныхъ людей ⁴²⁷.

Послѣ ужаснаго переворота, какой испытало московское государство въ смутное время (1605 — 1613), потребность прикрѣпленія крестьянъ не только поддерживалась, но, въ нѣкоторомъ отношеніи, была еще необходимѣе, чѣмъ прежде, потому что эпоха смуть развратила народъ, приучила его къ беспорядкамъ и своевольствамъ, и правительство должно было съ трудомъ вести его къ порядку. Для достиженія этой цѣли, съ введеніемъ при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ писцовыхъ и переписныхъ книгъ, составлявшихся отъ лица правительства, крестьяне приписаны по нимъ къ землѣ, и, получивъ черезъ такую приписку прочную осѣдность, стали принадлежать или государю, или служилымъ людямъ, или духовенству, и такъ какъ поземельныя владѣнія, вотчинныя и помѣстные, были такимъ основнымъ служебнымъ фондомъ, съ котораго отправлялась владѣльцами государственная служба, то и крестьяне, прикрѣпленные къ тѣмъ землямъ, сдѣлались также нераздѣльною частію этаго фонда.—Та же государственная необходимость, которая наложила обязанности личной службы на землевладельцевъ, закрѣпила и обязательный трудъ крестьянъ въ пользу вотчинниковъ и помѣщиковъ, какъ обладателей этого фонда. Съ тѣхъ поръ, всѣ крестьяне обрабатывали землю, платили

владѣльцу оброкъ, подчинялись его суду (исключая уголовныхъ преступленій) и были отчуждаемы вмѣстѣ съ землею ⁴²⁸.

Послѣдствія
приврѣпленія
крестьянъ къ
землѣ.

Совершившееся, такимъ образомъ, приврѣпленіе крестьянъ къ землѣ не только положило предѣлъ передвижкѣ сельскаго населенія, но и поставило существенное различіе между гражданскими правами разныхъ классовъ русскаго общества и рѣзкое отдѣленіе ихъ одного отъ другаго. Бывъ естественнымъ послѣдствіемъ системы помѣстной, приврѣпленіе таковое создало съ одной стороны привилегированную поземельную собственность — собственность лицъ чиновнаго класса или разряда, недоступную для всѣхъ прочихъ классовъ общества, а съ другой господскую власть, опирающуюся, просто и прямо, на силу государственной власти, установившей подчиненность людей вѣрностнаго состоянія къ ихъ господамъ, единственно сообразно съ надобностями государственнаго порядка и благоустройства ⁴²⁹.

Впрочемъ, личная зависимость крестьянъ отъ землевладѣльцевъ имѣла тотъ естественный результатъ, что крестьяне, въ свою очередь, получили отъ нихъ для пропитанія себя съ семействами, изъ вотчинныхъ или помѣстныхъ участковъ, въ постоянное пользованіе такъ названный пашенный жеребей (надѣль), т. е. полевую землю, которой они другимъ способомъ приобрѣтать не могли, а вмѣстѣ съ тѣмъ давались каждому тягловому крестьянину изъа съ усадебной землей и потребныя для домашняго и полеваго хозяйства принадлежности. Въ слѣдствіе сего, крестьяне получили прямыя и косвенныя матеріальныя выгоды, обеспечивавшія ихъ жилищами и пищею, а землевладѣльцы — постоянство въ рабочихъ силахъ на своей землѣ ⁴³⁰.

Вотъ краткій очеркъ двухъ знаменательныхъ въ древней Россіи системъ, вотчинной и помѣстной.

Учрежденіе
приказовъ раз-
ряднаго и по-
мѣстнаго.

Такъ какъ съ постояннымъ возрастаніемъ общей численности служилыхъ людей — вотчинниковъ и помѣщичевъ — увеличивалось и дѣло по снабженію ихъ поземельными участками, то естественно, что и кругъ дѣйствій обѣихъ системъ постоянно расширялся и достигъ такого объема, что, наконецъ, явилась потребность въ отдѣльномъ по этой части органѣ управленія, который и созданъ былъ въ XVI вѣкѣ подъ именемъ двухъ приказовъ: разряднаго и помѣстнаго. Первый вѣдалъ преиму-

щественно воинскія дѣла и распоряжался мѣстами и лицами, состоявшими въ государственной службѣ — военной, гражданской, посольской; второй — завѣдывалъ раздачею служилымъ людямъ, за ихъ службу, вотчинъ и помѣстьевъ, представлявшихъ собою земли, способныя имѣть осѣдлое населеніе, а слѣдовательно приносить и опредѣленный доходъ въ пользу ихъ владѣльцевъ ⁴³¹.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТЪ НАЧАЛА ЦАРСТВОВАНІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДО КОНЦА
ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

(1689 — 1796).

О ДВОРЯНСКОМЪ СОСЛОВІИ.

Старинный служилый классъ, раздробившійся на чиновныхъ людей, высшихъ и низшихъ ранговъ, получаетъ, съ наступленіемъ XVIII вѣка, существенное измѣненіе въ своемъ политическомъ уставовленіи. Измѣненіе это главнымъ образомъ выразилось: I. Въ образованіи изъ такъ названныхъ служилыхъ людей особаго въ государствѣ благороднаго сословія. II. Въ обязательной для членовъ ея государственной службѣ и въ обязательной научной ихъ къ ней подготовкѣ. III. Въ освобожденіи всего сословія отъ обязательной службы. IV. Въ превращеніи членовъ этого сословія въ привилегированный классъ людей. V. Въ организаціи, изъ этого привилегированнаго класса, уѣздныхъ и губернскихъ обществъ, съ правомъ участвовать въ мѣстномъ управленіи. — Такимъ образомъ, по числу указанныхъ здѣсь пяти предметовъ, вошедшихъ въ программу, для предстоящаго изслѣдованія о русскомъ дворянствѣ, рассматриваемый четвертый періодъ дѣлится на пять главъ.

ГЛАВА I.

Образованіе высшего сословія, названнаго шляхетствомъ.— Чины и цѣль установленія ихъ.— Таблица или роспись чинамъ военнымъ и гражданскимъ.— Существованіе неразрывной связи между чинами и должностями.— Усвоеніе чинамъ, независимаго отъ должностей, значенія.— Превращеніе производства въ старинные чины.— Общія постановленія, изложенныя въ табелѣ о рангахъ: А. О приобрѣтеніи дворянства. — В. О преимуществѣ военныхъ чиновъ предъ гражданскими.— Значеніе табели о рангахъ въ служебномъ и сословномъ отношеніи.— Проявленіе въ шляхетствѣ сословнаго единства и сословныхъ интересовъ.— Стремленіе старинной родовой знати обособиться отъ новаго чиновнаго шляхетства.— Дворянскія родословныя книги.— Присвоеніе всему высшему сословію титуловъ: дворянство и благородство.— Обязанности герольдмейстера по отношенію къ членамъ дворянскаго сословія.

Первымъ просвѣтителемъ и державнымъ преобразователемъ внутреннего быта въ новой Россіи былъ Петръ Великій—необыкновенно великій человекъ, двигатель и вождь своего народа, соединявшій въ себѣ, съ геніальностію ума, многостороннюю дѣятельность, могучую волю и несокрушимую твердость, словомъ, былъ государь, съ котораго начинается новый періодъ государственной жизни въ русской странѣ. Посвятивъ себя всецѣло государственнымъ дѣламъ, онъ, съ самаго начала своего царствованія, обратилъ усиленное вниманіе на тотъ высшій классъ русскаго общества (помѣщиковъ и вотчинниковъ), который, съ древнѣйшихъ временъ русской исторіи, извѣстенъ былъ подъ именемъ дружины княжеской или княжескаго двора, и который, съ эпохи государствованія Іоанна III, назывался классомъ служилыхъ чиновныхъ людей⁴⁸².

Предъидущее изслѣдованіе объ этомъ классѣ показало, что его члены, не смотря на общность своей службы государству, вѣчно обязательной, никогда не группировались въ одно сословіе, имѣющее какое-нибудь земское стремленіе, но существовали постоянно въ своемъ чиновномъ раздробленіи, повлекшимъ за собою взаимное другъ отъ друга отчужденіе, недобвѣрчивость и совершенную разрозненность. Бояринъ не имѣлъ ничего общаго съ овольничимъ, тѣмъ менѣе съ думнымъ или простымъ дворяниномъ, дворянинъ—съ сыномъ боярскимъ и т. д.; сколько чиновъ, столько отдѣльныхъ круговъ, не имѣвшихъ ни какого единства, ни какой внутренней другъ съ другомъ связи: честь каждаго изъ нихъ была различна и коренилась не въ общей

Образованіе
высшаго сосло-
вія, названнаго
шляхетствомъ.

обязательной для всѣхъ службѣ государству, не въ общей принадлежности въ одному и тому же разряду людей, отбывавшихъ эту службу; но въ знатности, въ породѣ, въ «отечествѣ»⁴³³.

Петръ Великій занялся собираніемъ въ одно цѣлое, разрозненныхъ другъ отъ друга, чиновныхъ людей — этихъ потомковъ прежнихъ дружинниковъ, служебныхъ князей и иноплеменныхъ, благороднаго происхожденія, выходцевъ, — обобщилъ разрозненные ихъ интересы и образовалъ изъ нихъ одну общественную группу въ формѣ сословія, давъ сему послѣднему наименованіе *шляхетства*, встрѣчающееся въ первый разъ въ одномъ изъ его указовъ 1712 года⁴³⁴.

Но это учрежденіе, заключившее въ себѣ разрядъ людей опредѣленнаго званія, съ присвоенными ему особыми правами и обязанностями, отличавшими его отъ остальнаго народонаселенія, построено было уже на совершенно новыхъ началахъ. Уважая, въ извѣстной степени, знатную породу, которою главнымъ образомъ обуславливалось повышеніе чиновныхъ людей, даже по уничтоженіи мѣстничества, Петръ Великій водворилъ начало служебной годности лица, т. е. юридическую, посредствомъ образования, подготовку къ принимаемой этимъ лицомъ на себя обязанности, давъ, такимъ образомъ, возможность каждому способному человѣку выдвинуться впередъ, каково бы ни было его происхожденіе, и войти въ ряды шляхетства. посредствомъ чиновъ, на табели о рангахъ 24 января 1722 года основанных⁴³⁵.

Чины и дѣла
установленія
ихъ.

⁴³³ Слово *чина*, какъ названіе, не есть пустой звукъ, а напротивъ, въ практическомъ примѣненіи, имѣетъ опредѣленный свой смыслъ. Во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ существуютъ различные официальные органы, или государственные слуги, посредствомъ которыхъ обнаруживается дѣйствіе верховной власти по части законодательной, распорядительной и судебной, и которые, независимо отъ размѣра денежнаго вознагражденія за службу, имѣютъ передъ собою установленныя ступени служебнаго повышенія, съ присвоеніемъ каждой опредѣленныхъ названій и преимуществъ; самое же это повышеніе, т. е. движеніе по служебнымъ ступенямъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, или, что одно и то же, движеніе съ низшей на выс-

шую изъ этихъ ступеней, и составляетъ собственно то, что называется въ служебномъ мѣрѣ чиномъ⁴³⁶. Такимъ образомъ, чинъ, правильно понятый, имѣетъ официальное значеніе каждаго правительственнаго органа, или каждой правительственной личности, и выражаетъ собою не только знакъ гражданского достоинства, установленный закономъ, но считается, во всякомъ случаѣ, и заслуженною наградою, даруемою отъ верховной власти въ государствѣ исполнителямъ воли ея, за добросовѣстные ихъ труды на дѣйствительной службѣ⁴³⁷ — наградою, которая, сверхъ того, имѣетъ цѣлью возбудить въ прочихъ такихъ же дѣятеляхъ благородное соревнованіе и чувства чести⁴³⁸. — Посему-то чины, признанныя необходимыми для обозначенія ступеней государственной службы и получившіе важность, въ силу утвержденія ихъ верховною властію, являются всеобщимъ установленіемъ въ монархическихъ государствахъ, и, соотвѣтственно главнымъ частямъ политическаго ихъ строя, раздѣляются на чины военные, гражданскіе и придворные⁴³⁹.

Въ предыдущихъ трехъ періодахъ мы уже видѣли: а) что, въ исторической жизни русскаго народа, съ древнѣйшихъ временъ употреблялись чины въ смыслѣ служебномъ, установленные удѣльными князьями и московскими государями, подъ разными наименованіями⁴⁴⁰; б) что эти чины жалуются были заслуженнымъ лицамъ одною только верховною въ государствѣ властію, по ея милостивому къ нимъ вниманію, отъ чего обыкновенно и назывались чины государевою милостію, такъ какъ государь дѣйствительно могъ, по своей волѣ, кого угодно награждать, на примѣръ, чиномъ боярина, и лишить его этого чина⁴⁴¹; в) что чинъ, какъ выраженіе личныхъ заслугъ, составлялъ исключительную принадлежность пріобрѣтшаго это внѣшнее отличіе лица, и потому его чиновное названіе не могло быть передаваемо нисходящимъ потомкамъ, сынъ же боярина, окольного и проч., долженъ былъ самъ дослуживаться до сана отцовскаго⁴⁴²; и г) что чины, раздѣляясь такъ же, какъ выше сказано, на придворные, военные и гражданскіе, существовали, въ своемъ старинномъ строѣ, до временъ Петра Великаго⁴⁴³.

Мысли, руководившія царя Теодора Алексѣевича, при уничтоженіи имъ мѣстничества и при составленіи законодательнаго проекта, направленнаго въ тому, чтобы отдѣлить гражданскія должности отъ военныхъ — мысли эти приняты въ основаніе и Петромъ Великимъ, при изданіи имъ новаго закона о чинахъ, извѣстнаго подъ именемъ *Табели о рангахъ 24 января 1722 года*, доннынѣ господствующей въ главныхъ своихъ основаніяхъ, — закона, гдѣ всѣ чины или должности государственныхъ размѣщены на служебной лѣстницѣ въ опредѣленномъ порядкѣ, по классамъ, и, подлѣ чиновъ или должностей военныхъ, являются чины или должности гражданскія⁴⁴⁴. Ясно, что этотъ новый законъ былъ необходимымъ продолженіемъ или развитіемъ, соотвѣтственно требованію времени, того, что уже начато было предшественниками Петра. Да и вообще, при ближайшемъ изученіи отечественной исторіи XVII и XVIII вѣковъ, оказывается, что оба они не раздѣляются между собою глубокою бездною, какъ полагали по сіе время, — что, между древнею московскою Россіею и эпохою царствованія Петра Великаго, есть близкая внутренняя связь, — и что многое въ реформахъ его было подготовлено всѣмъ предшествовавшимъ временемъ русской исторіи⁴⁴⁵. — Учрежденіе чиновъ, каково бы ни было дѣйствительное значеніе ихъ, уже существовало, и реформа Петра только ихъ видоизмѣнила: старыя отечественныя названія чиновъ и должностей замѣнены имъ иностранными, по образцу нѣмецкихъ государствъ, такъ какъ сама сила вещей вынуждала насъ облечься въ европейскія формы, для удобнѣйшаго знакомства съ другими народами западной Европы. опередившими насъ, русскихъ, въ развитіи, и богатыми уже тогда запасомъ умственной пищи, собранной посредствомъ книгопечатанія, способствовавшаго къ быстрому между народами обмѣну мыслей по предметамъ, имѣющимъ общественное и политическое значеніе⁴⁴⁶.

Табель о рангахъ 24 января 1722 года содержитъ въ себѣ двѣ существенныя особенности: I. Таблицу или роспись всѣмъ соединеннымъ въ ней чинамъ. II. Общія постановленія относительно лицъ, приобрѣтшихъ эти чины.

I. Таблица или роспись чиномъ показываетъ, что всѣ русскіе государственные чины, установленные для разныхъ вѣдомствъ военно-морскаго, военно-сухопутнаго и гражданскаго, подраздѣлены на XIV служебныхъ классовъ этихъ чиновъ, или ступеней повышенія въ государственной службѣ, изъ которыхъ первую, низшую ступень, составляетъ чинъ XIV, а послѣднюю, высшую — образуетъ чинъ I класса⁴⁴⁷. Сверхъ того, таблица эта представляетъ не только движеніе государственныхъ чиновъ по всѣмъ ступенямъ классной лѣстницы, но и сравнительное ихъ между собою значеніе, состоящее въ томъ, что классы чиновъ, или должностей, морскихъ и военно-сухопутныхъ, равносильны классамъ чиновъ, или должностей, гражданскихъ, какъ это самымъ нагляднымъ образомъ показано въ нижеслѣдующей росписи чиномъ⁴⁴⁸.

Таблица или роспись чиномъ военнымъ и гражданскимъ.

Ч И Н Ы В О Е Н Н Ы Е .		Ч И Н Ы Г Р А Ж Д А Н С К І Е .	К л а с с ы
М О Р С К І Е .	С У Х О П У Т Н Ы Е .		
Генер.-Адмиралъ	Генералиссимусъ Фельдмаршалъ	Канцлеръ или Дѣйст. Тайн. Совѣтн.	I.
Адмиралъ	Генераль отъ артиллеріи Генераль отъ кавалеріи Генераль отъ инфантеріи	Дѣйств. Тайный Совѣтникъ.	II.
Вице-Адмиралъ	Генераль-Лейтенантъ	Тайный Совѣтникъ	III.
Контр.-Адмир.	Генераль-Майоръ	Дѣйств. Статскій Совѣтникъ	IV.
Кап.-Командоръ	Бригадиръ ⁴⁴⁹	Статскій Совѣтникъ	V.
Капитанъ 1 ранга	Полковникъ	Коллежскій Совѣтникъ	VI.
Капитанъ 2 ранга	Подполковникъ	Надворный Совѣтникъ	VII.
Флота-Кап.-Лейт.	Майоръ	Коллежскій Ассесоръ	VIII.
Арт. Кап. 3 ранга	Капитанъ или Ротмистръ ⁴⁵⁰ ⁴⁵¹	Титулярный Совѣтникъ	IX.
Флота-Лейтенант.		Коллежскій Секретарь	X.
Арт. Кап.-Лейтен.	Штабъ-Кап. или Штабъ-Ротм.	Сенатскій Секретарь	XI.
Арт.-Лейтенантъ	Поручикъ	Губернскій Секретарь	XII.
Флота Мичманъ		Сенатскій Регистраторъ	XIII.
Арт. Констателъ	Подпоручикъ	Коллежскій Регистраторъ	XIV.
.	Праворучникъ или Корнетъ ⁴⁵²		

Остановимся, читатель, еще на нѣкоторыхъ существенныхъ подробностяхъ, служащихъ въ поясненію этой таблицы или росписи чиномъ.

Военные чины, показанные въ таблицѣ и существующіе до настоящаго времени, появились при Петрѣ Великомъ съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія, но получили право гражданства законодательнымъ путемъ только лишь въ 1711 году, когда были изданы первые штаты арміи; затѣмъ, въ слѣдующемъ 1712 году появились чины: секундъ-поручикъ, секундъ-капитанъ, секундъ и премьеръ-маіоръ. — Въ воинскомъ уставѣ 1716 года встрѣчаются тѣ же военные чины, которые поименованы въ вышеприведенной таблицѣ, за исключеніемъ чина генераль-фельдмаршалъ-лейтенанта; а изъ значащихся въ томъ уставѣ оберъ-офицерскихъ чиновъ фендрика и капитанъ-поручика, первый названъ въ таблицѣ прапорщикомъ или корнетомъ, а второй штабъ-капитаномъ. Въ штатѣ Анны Іоанновны опять находимъ чины секундъ и премьеръ-маіоровъ, которыхъ нѣтъ ни въ воинскомъ уставѣ, ни въ таблицѣ; при ней же являются въ образованныхъ, въ 1731 году, кирасирскихъ полкахъ чины ротмистровъ, вмѣсто капитановъ. При Екаторинѣ II капитаны карабинернаго и пикинерныхъ полковъ переименованы также въ ротмистры⁴⁵³.

Гражданскіе чины введены были у насъ также за-долго до изданія въ 1722 году табели о рангахъ, какъ показываютъ слѣдующіе факты. Когда объявлены были высочайшія награды военнымъ и гражданскимъ сановникамъ послѣ побѣды, одержанной надъ шведами подъ Полтавою 27 іюня 1709 года, то изъ числа послѣднихъ пожалованы были: князь Григорій Долгоруковъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, а бояринъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ въ тайные совѣтники. Въ 1710 году Владиславичъ-Рагузинскій произведенъ въ надворные совѣтники; а графъ Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ въ 1711 году былъ азовскимъ генераль-губернаторомъ и тайнымъ совѣтникомъ⁴⁵⁴.

Существованіе
неразрывной
связи между
чинами и
должностями.

По буквальному смыслу табели о рангахъ, чины и классы означали не номинальные степени или почетныя титула, созданныя позднѣйшимъ законодательствомъ о чинахъ, а самыя мѣста, т. е. гражданскія должности. Чинъ обусловливался должностію и обозначался настоящимъ, органически связаннымъ съ нею, именемъ: чинъ, по идеѣ Петра Великаго, какъ внѣшній по-

четный титулъ, помимо должности, не имѣлъ никакого значенія⁴⁵⁵. Такъ, напримѣръ, коллежскій совѣтникъ былъ дѣйствительно совѣтникъ коллегіи, и состоявшіе съ нимъ въ одномъ и томъ же шестомъ классѣ оберъ-секретарь сената и прокуроры въ коллегіяхъ не назывались коллежскими совѣтниками, хотя и были, какъ сейчасъ сказано, въ одномъ классѣ или разрядѣ съ лицами, носившими это должностное названіе. Подобнымъ образомъ коллежскій ассесоръ, секретарь или регистраторъ, былъ дѣйствительно ассесоромъ, секретаремъ и регистраторомъ коллегіи, и ничего больше⁴⁵⁶. Производство въ гражданскіе чины или, правильнѣе сказать, въ должности предоставлено было сенату: въ высшіе чины онъ баллотировалъ, а низшіе просто сказывалъ⁴⁵⁷.

Въ позднѣйшее время, начиная съ царствованія Анны Іоанновны, распоряженія правительствъ о чинахъ уклонились отъ первоначальной ихъ идеи: чины начали получать самостоятельное значеніе вышнихъ почетныхъ титуловъ, независимо отъ должностей. Затѣмъ, въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны, впервые опредѣлены и сроки, для производства въ чины, какъ по военной, такъ и по гражданской службѣ, съ предоставленіемъ въ этомъ отношеніи законодательствомъ Екатерины II нѣкоторыхъ преимуществъ (объясненныхъ ниже въ подлежащемъ мѣстѣ) въ пользу высшаго благороднаго сословія, называвшагося уже тогда дворянствомъ⁴⁵⁸.

Одинъ изъ птенцовъ Петра Великаго, обязанный ему своимъ образованіемъ, трудившійся, въ его царствованіе, надъ первымъ критическимъ сводомъ отечественныхъ лѣтописей, Василій Никитичъ Татищевъ, рассуждая о разныхъ родахъ службы для шляхетства, говоритъ: „Петръ Великій, который великолѣпнѣе единственно дѣлами своими показывалъ, чинъ придворныхъ ни во-что вмѣнялъ, и въ рангъ ихъ не токмо на концѣ, но весьма низкій положилъ; у него оныя весьма въ презрѣніи были и, лучше сказать, что никого не было“⁴⁵⁹. — И дѣло понятное. Великій преобразователь внутренняго быта Россіи отличался, какъ извѣстно, крайнею бережливостію, скромностію, простотою во всей обстановкѣ—въ одеждѣ, пищѣ, въ устройствѣ своего малочисленнаго двора. Являющійся вездѣ

Усвоеніе чинамъ независимаго отъ должностей значенія.

Прекращеніе производства въ старинныя чины.

ищущимъ истинной, дѣйствительной пользы государства, поглощенный заботами о настоятельныхъ нуждахъ его, Петръ не находилъ и времени думать о вѣшнихъ удобствахъ, о блескѣ, пышности или придворномъ представительствѣ; и потому, относясь неблагоклонно къ прежнимъ придворнымъ чинамъ, служившимъ только для вѣшняго блеска при торжественныхъ выходахъ во дворцѣ, уничтожилъ ихъ въ исходѣ XVII столѣтія ⁴⁶⁰, или лучше сказать, пересталъ еще съ 1695 года производить въ старыя, какъ государственныя, такъ и придворныя чины ⁴⁶¹, и не переименовалъ даже тѣхъ и другихъ въ новыя, по табели о рангахъ, классы, а оставилъ ихъ доживать свой вѣкъ. И вотъ почему они, эти старыя чины, продолжали существовать не только въ царствованіе Петра Великаго, но и при первыхъ его преемникахъ, почти до половины XVIII столѣтія, и, вымирая, сами собою упразднились; прямого же закона объ уничтоженіи ихъ не было ⁴⁶².

Многія изъ такихъ лицъ назначались къ отправленію разныхъ государственныхъ должностей—губернаторовъ въ губерніяхъ, воеводъ въ провинціяхъ и т. д., съ сохраненіемъ прежнихъ своихъ чиновъ, которыхъ не желали они переимѣнить на новыя, единственно по своей привязанности къ старинѣ. Но были и такія изъ прежнихъ царскихъ чиновниковъ, которые, при опредѣленіи ихъ къ должностямъ, переименованы въ новыя, установленныя Петромъ Великимъ, чины. Такъ, напримѣръ, Сумарововъ и Шлохой, изъ стряпчихъ съ ключемъ, переименованы были, въ 1703 году, въ камергеры; князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій пожалованъ, въ 1725 году, Екатериною I, изъ ближнихъ стольниковъ, въ дѣйствительные тайные совѣтники ⁴⁶³; стряпчій Григорій Никитичъ Чаплинъ, при назначеніи его указомъ 1727 года воеводой въ Можайскъ, переименованъ въ майоры ⁴⁶⁴. Наконецъ, были еще титуловавшіеся до-петровскими чинами старики, жившіе безвыѣздно въ своихъ имѣніяхъ; они носили бороды, держались предвѣсскихъ порядковъ, привычекъ и понятій, и жили воспоминаніями о старой Москвѣ. Послѣдними представителями лицъ этой категоріи были: боярскаго чина фельдмаршалъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, скончавшійся въ 1750 году; окольные

ческаго чина Алексѣй Алексѣевичъ Юшковъ; стольническаго— Артемій Ивановичъ Челищевъ, встрѣчающійся въ 1740 году. Съ ними пресѣлись самыя эти чины и уже потомъ никогда не возстановлялись ⁴⁶⁵.

Въ табели о рангахъ 1722 года, изъ придворныхъ чиновъ подъ новыми названіями, показаны дѣйствительные камергеры въ полковничьемъ, а камеръ-юнкеры въ капитанскомъ чинѣ. Въ 1737 году, по указу Анны Іоанновны, заботившейся о пышности и великолѣпіи своего двора, первые переименованы въ чинъ генералъ-маіора, послѣдніе въ чинъ полковничій. Затѣмъ, при Елисаветѣ Петровнѣ образовалось правило, по которому званія камергера и камеръ-юнкера давали право на чины, первое IV, а второе—V класса, въ слѣдствіе чего камеръ-юнкеры и перенесены въ чинъ бригадирскій, въ 1742 году ⁴⁶⁶. Оба званія эти при Екатеринѣ II раздаваемы были сыновьямъ знатнѣйшихъ фамилій, иногда въ колыбели; и потому, нѣкоторые члены высшаго дворянства были прирожденными дѣйствительными статскими и статскими совѣтниками. При императорѣ Александрѣ I состоялся именной указъ, данный Сенату 3 апрѣля 1809 года, о неприсвоеніи званіямъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ ни какого чина, и о вмѣненіи въ обязанность лицъ, въ сихъ званіяхъ состоящихъ, вступить въ дѣйствительную службу, а также о томъ, что на будущее время, эти званія должны были имѣть значеніе однихъ придворныхъ отличій, не присвоивающихъ никакого чина ⁴⁶⁷.

II. Кромѣ таблицы или росписи чинамъ, въ поясненію которой приведены изложенныя историческія свѣдѣнія, табель о рангахъ 1722 года содержитъ еще въ себѣ общія постановленія: *А*, о пріобрѣтеніи дворянства; и *Б*, о преимуществѣ военныхъ чиновъ предъ гражданскими.

Общія постановленія, изложенныя въ табели о рангахъ: *А*, о пріобрѣтеніи дворянства; и *Б*, о преимуществѣ военныхъ чиновъ предъ гражданскими.

А. О пріобрѣтеніи дворянства.

Способы пріобрѣтенія дворянства установлены были слѣдующіе: достиженіе извѣстныхъ чиновъ; пожалованіе дворянскаго достоинства; пожалованіе герба; и пожалованіе титуловъ: князя, графа, барона.

Достиженіе
извѣстныхъ
чиновъ.

Дослужившіеся въ военной службѣ до перваго оберъ-офицерскаго чина, или получившіе въ гражданской и придворной службѣ восемь первыхъ ранговъ, причислялись, со всѣми своими законными дѣтьми, рожденными по производствѣ отцовъ въ чины, къ лучшему старшему дворянству, хотя бы они были и низкой породы. Поэтому, всѣ таковыя лица—военныя, гражданскія и придворныя—приобрѣтали съ своимъ потомствомъ обоюго пола правъ на дворянство, которое въ законодательствѣ нашемъ и называется наследственнымъ или *потомственнымъ дворянствомъ* ⁴⁶⁸.

Тѣ же, не изъ дворянъ, которые дослужились какъ въ гражданской, такъ и придворной службѣ до чиновъ отъ XIV до IX класса включительно, приобрѣтали названіе *личнаго дворянства*, т. е. дворянство ограничивалось только одними ихъ лицами и не переходило на ихъ дѣтей ⁴⁶⁹.

Впрочемъ, изъ этихъ общихъ правилъ, сдѣланы были два исключенія: 1) если у лица, не изъ дворянъ, получившаго первый военный оберъ-офицерскій чинъ, по производствѣ его въ этотъ чинъ, не родится дѣтей, а будутъ прежде рожденныя, то отцу дозволено было просить о пожалованіи дворянства одному изъ сихъ послѣднихъ; и 2) относительно личныхъ дворянъ, указомъ изданнымъ 31 января 1724 года, вскорѣ по обнародованіи таблицы о рангахъ, было постановлено: если дѣдъ, отецъ и сынъ имѣли чины, приносящіе личное дворянство, то потомству ихъ дозволялось просить дворянства дѣйствительнаго. Равнымъ образомъ, если отецъ и сынъ имѣли чины, приносящіе личное дворянство, и состояли двадцать лѣтъ безпорочно въ службѣ, то внуку дозволялось просить дворянства дѣйствительнаго ⁴⁷⁰.

Пожалованіе
дворянскаго
достоинства.

До Петра Великаго не существовало пожалованіе дворянства, да и быть оно не могло, потому что дворянства, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, тогда не было, а были только чины. Князь Долгорукій, въ своей російской родословной книгѣ говоритъ, что при Петрѣ Великомъ въ дворянское достоинство возведенъ былъ Кузьма Гурьевъ, родоначальникъ графовъ Гурьевыхъ ⁴⁷¹. Акинфій Никитичъ Демидовъ, сынъ Никиты Демидовича Демидова, изъ тульскихъ крестьянъ, былъ второй

русскій человекъ, который, въ силу табели о рангахъ, пожалованъ былъ Екатериною I дипломомъ на потомственное дворянство, въ 1726 году⁴⁷². Затѣмъ, возведенія въ дворянство, помимо чиновъ и службы, совершались и въ послѣдующія царствованія; особенно часто они случались при Елисаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II⁴⁷³.

Пожалованіе герба.

Задолго, до эпохи царствованія Петра Великаго, существовало уже въ западной Европѣ твердо установившееся правило, что спутникомъ благородства и однимъ изъ личныхъ преимуществъ каждаго потомственнаго дворянина, свидѣтельствовавшимъ о его достоинствѣ, былъ гербъ съ геральдическими атрибутами, носившій характеръ наследственности, т. е. перехода изъ рода въ родъ безъ измѣненія⁴⁷⁴. До конца XVII столѣтія, въ Россіи не было гербовъ, потому что не было и въ нравахъ высшаго класса людей употребленіе геральдическихъ знаковъ, какъ пишетъ объ этомъ Котошихинъ⁴⁷⁵. Вообще же отсутствіе гербовъ естественно объясняется еще и тѣмъ, что идея о гербѣ, какъ необходимомъ, видимомъ и осязательномъ отличіи каждаго дворянскаго рода, могла явиться не ранѣе самой идеи о дворянствѣ, какъ сословіи, имѣющемъ извѣстныя права личныя и имущественныя, а такія права стали развиваться, какъ уже выше объяснено, лишь въ царствованіе Петра Великаго, и ограждены, наконецъ, положительнымъ закономъ, изданнымъ въ 1722 году подъ именемъ табели о рангахъ⁴⁷⁶. Гербъ, какъ внѣшній символъ дворянства той личности, которая имъ владѣетъ, былъ жалуетъ каждому благородному, достигшему опредѣленныхъ чиновъ, за заслуги и подвиги⁴⁷⁷. Петръ Великій прямо говоритъ, что возводитъ въ дворянство и жаловать гербомъ можетъ одинъ только государь. Между тѣмъ, въ началѣ XVIII вѣка, употребленіе дворянствомъ гербовъ развилось до того, что нѣкоторые личности своевольно изобрѣтали себѣ гербы, которыхъ предки ихъ не имѣли, а иныя приняли смѣлость употреблять даже гербы коронованныхъ государей и знатнѣйшихъ аристократическихкихъ фамилій, дѣйствительно ихъ имѣющихъ; поэтому необходимо было регулировать употребленіе гербовъ. Обративъ на это вниманіе, табель о рангахъ поручила учрежденному

при сенатѣ, на мѣсто уничтоженнаго разряда, герольмейстеру для завѣдыванія дворянскими и служебными дѣлами, требовать отъ дворянъ доказательствъ ихъ благородства, а отъ тѣхъ, которые имѣютъ гербы, требовать свѣдѣній, отъ кого и когда имъ пожалованы. Дозволялось же давать гербы: лицамъ, дослужившимся до оберъ-офицерства; иностранцамъ изъ дворянъ; равно какъ не служившимъ, но могущимъ доказать свое дворянство за сто лѣтъ ⁴⁷⁸.

Пожалованіе
титуловъ: князя,
графа, барона.

Одновременно съ образованіемъ, изъ разныхъ старинныхъ чиновныхъ людей, сословія — шляхетства и съ установленіемъ гербовъ для его членовъ, введены Петромъ Великимъ дворянскіе титулы — княжескій, графскій, баронскій. Титулы таковыя никому не жаловались въ Россіи до царствованія этого государя. Одинъ только княжескій титулъ существовалъ въ древней Россіи, но онъ не былъ пожалованіемъ, а принадлежалъ или рюриковичамъ — потомкамъ великихъ и удѣльных русскихъ князей, или гедиминовичамъ — потомкамъ великихъ князей литовскихъ, или азіатскимъ владѣльцамъ — потомкамъ грузинскихъ, татарскихъ и горскихъ владыкъ. Что жъ касается графовъ и бароновъ, ихъ тогда вовсе не было въ Россіи; титулы эти заимствованы Петромъ Великимъ у западной Европы, которой онъ старался уподобиться и въ этомъ отношеніи, при преобразованіи Россіи. Онъ первый сталъ отличать сановниковъ, за ихъ заслуги, этими аристократическими названіями ⁴⁷⁹. Первоначально, сказанные иностранные титулы, русскіе дворяне, по ходатайству петербургскаго двора, получали отъ германскихъ императоровъ, и, первымъ русскимъ графомъ, возведеннымъ въ это достоинство германско-римскимъ императоромъ въ 1694 году, былъ Мусинъ-Пушкинъ ⁴⁸⁰. Но скоро, потомъ, Петръ Великій самъ началъ жаловать графскіе и баронскіе титулы. Прежде другихъ, удостоились отъ него графскаго отличія родъ Шереметевыхъ въ 1706 году, и баронскаго — Шафировъ въ 1710 году ⁴⁸¹. Титулъ княжескій, какъ выше сказано, былъ породнымъ титуломъ многихъ русскихъ дворянскихъ фамилій (Горчаковыхъ, Одоевскихъ, Вяземскихъ, Волконскихъ, Рециныхъ, Щербатовыхъ и др.). Меншиковъ, первый возведенъ былъ государемъ въ княжеское достоинство, и

сдѣланъ былъ сначала княземъ римской имперіи въ 1705 году, а потомъ Петръ Великій возвелъ его въ свѣтлѣйшіе князья Ижорскіе въ 1707 году ⁴⁸². Пожалованные, такимъ образомъ, княжескими и графскими титулами съ Петра Великаго начали именоваться «сіятельствомъ», «свѣтлостію». Наименованія эти перенесены были и на породныя княжескія фамиліи, которыхъ онѣ, до царствованія сего государя, не имѣли. «Свѣтлость» сравнительно съ «сіятельствомъ» — наименованіе болѣе почетное, и специально давалось государями нѣкоторымъ княжескимъ фамиліямъ, которыя поэтому назывались «свѣтлѣйшими». Что жъ касается титула баронскаго, то онъ особеннымъ какимъ либо наименованіемъ (прилагательнымъ) не пользовался ⁴⁸³.

и Б. О преимуществѣ военныхъ чиновъ предъ гражданскими.

Нѣсколькими годами раньше изданія табели о рангахъ, именно въ 1712 году, выданъ былъ Петромъ Великимъ указъ, которымъ повелѣвалось: «сказать всему шляхетству, чтобъ каждый дворянинъ во всякихъ случаяхъ (какой бы фамиліи не былъ) почесть и первое мѣсто давалъ каждому оберъ-офицеру, а ежели кто противъ сего не почтитъ офицера, положить штрафъ, треть его жалованья» ⁴⁸⁴. Въ самой же той табели постановлено было, что военный чинъ имѣетъ преимущество предъ чиномъ гражданскимъ соотвѣтствующаго класса ⁴⁸⁵. Въ постановленіи этомъ ясно выразилось преобладающее качество Петра Великаго: на сколько внутреннее управленіе государствомъ составляло до него назначеніе царей, на столько воинственность, со времени этого государя, получила первенство. Воинственность — характеръ Петра Великаго и источникъ всѣхъ его дѣяній: внѣшняя безопасность Россіи, торжество надъ врагами, триумфы военные — вотъ чего искалъ государь и къ чему велъ онъ Россію, которую любилъ пламенно! Притомъ же Петръ Великій думалъ, что государство только тогда можетъ процвѣтать, когда усовершенствуется ратное дѣло, въ коемъ видѣлъ, кромѣ ручательства внѣшней безопасности, источникъ порядка и образованія. Отъ того онъ высоко цѣнилъ службу военную и, на дѣлѣ, нивогда не слагалъ съ себя зва-

нія главнокомандующаго, между тѣмъ какъ внутреннее управление часто предоставлялъ сенату, или другимъ лицамъ съ титуломъ вице-королей и царей. Почитая себя первымъ слугою государства, первымъ русскимъ чиновникомъ и творцемъ чиновничества (бюрократіи) вообще, самъ олъ служилъ государству, — а проходя послѣдовательно всѣ классы своей таблицы о рангахъ, начиная отъ самыхъ низшихъ военныхъ чиновъ, не только гордился чиномъ полковника, но установилъ закономъ, что чинъ офицера даетъ право на дворянство и имѣетъ предпочтеніе предъ равнымъ чиномъ гражданскимъ. Сверхъ того, разрѣшеніе вопроса о такомъ предпочтеніи могло основываться еще и на томъ соображеніи, что военно-служащій подвергается безпрестанному передвиженію и безпрестанному риску самою жизнью, во время походовъ и въ самыя минуты битвы съ непріателемъ⁴⁸⁶.

Вотъ краткое изложеніе классификаціи, показанныхъ въ таблицѣ о рангахъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, а также и правилъ, относящихся къ приобрѣтенію соединеннаго съ чина дворянства и къ сравнительному между ними значенію!

Значеніе таблиц о рангахъ въ служебномъ и сословномъ отношеніи.

Теперь, кажется, ясно, что таблицѣ о рангахъ 1722 года, надъ составленіемъ которой работалъ самъ Петръ Великій⁴⁸⁷, есть законодательный актъ весьма радикальнаго свойства, отрывшій достоинству и заслугамъ свободное поприще, отъ котораго заслоняли ихъ знатность и порода, — есть законъ перешедшій въ нравы и укоренившійся на той почвѣ, для которой онъ созданъ, — есть, наконецъ, краеугольный камень нашей государственной службы, и, хотя позднѣйшія постановленія измѣнили таблицѣ о рангахъ въ нѣкоторыхъ ея статьяхъ, все-таки она остается въ русскомъ законодательствѣ основнымъ памятникомъ до нашихъ дней. Будь направленіе данное таблицью о рангахъ, несчастнымъ, оно и кончилось бы со смертію Петра Великаго, между прочимъ, потому, что большинство современниковъ смотрѣло враждебно на его нововведенія. Но царь-преобразователь, установляя таблицѣ о рангахъ, зналъ, что, изъ всѣхъ личныхъ эгонистическихъ побужденій, у военно-служащаго остается одно честолюбіе, вызывающее стать на высшую степень въ своей средѣ, и, что, потому, чинъ,

дававший известныя права лицу, его имѣвшему, есть самый могущественный рычагъ, — одинъ изъ главныхъ двигателей, возбуждающій энергію дѣятельности въ служебной жизни. — И дѣйствительно, противъ чина можно многое и многое связать; но нельзя не признать, что учрежденіе чиновъ было вполне рациональное, никакъ нельзя утверждать, чтобъ они не были притягательной силой ⁴⁸⁸.

Въ табели о рангахъ знаменательно въ особенности то, что она окончательно опредѣлила преимущество чина предъ породой и обусловила чиномъ вышніе знаки почестей и отличій. Это преимущество проявилось и въ частныхъ общественныхъ отношеніяхъ: рангъ мужей распространился и на ихъ женъ; дѣвицы, которыхъ отцы выше рангомъ, получали преимущество предъ дамами, которыхъ мужья ниже рангомъ ⁴⁸⁹. Но важнѣйшее дѣло табели о рангахъ, повліявшее на послѣдующія судьбы дворянства, состоитъ въ томъ, что она, установивъ пріобрѣтеніе дворянства чиномъ, свела въ одну общественную группу и людей знатнаго происхожденія, богатыхъ обширными помѣстьями, и потомковъ военныхъ офицеровъ, и гражданскихъ чиновниковъ отъ коллежскаго ассесора, и, такимъ образомъ положила твердое основаніе зарожденію отдѣльнаго сословія, понятіе о которомъ развивается постепенно между его членами при преемникахъ Петра Великаго и достигаетъ опредѣленной выработки въ послѣдней четверти разсматриваемаго XVIII столѣтія, какъ покажетъ читателю предстоящее послѣдовательное объ этомъ предметѣ изложеніе ⁴⁹⁰.

Извѣстно, что въ старину у насъ не было сословій въ перешнемъ смыслѣ этого слова. Крестьяне, посадскіе, гости, служилые люди, не составляли сословій; это были многочисленные и отдѣльныя группы людей, различавшихся между собою болѣе или менѣе видною общественною дѣятельностію, извѣстнаго рода занятіями, промыслами, профессіей. Поэтому высшій классъ современнаго русскаго общества, заключавшій въ себѣ всѣхъ поименованныхъ въ третьемъ періодѣ чиновныхъ людей — отъ боярина до сына боярскаго и жильца, — мало отличался въ обыкновеніяхъ отъ низшихъ классовъ — горожанъ и всѣхъ родовъ поселянъ ⁴⁹¹. Но, когда въ составъ

высшаго класса, по волѣ Петра Великаго, вошли и древнія русскія служилыя фамиліи, существовавшія до установленныхъ имъ преимуществъ службы, и новыя, образовавшіяся въ слѣдствіе этихъ преимуществъ; то проявились въ то же время и значительныя измѣненія по отношенію къ этому, возникшему въ новой формѣ, классу. Въ видахъ сближенія членовъ его съ западною европейскою цивилизаціею, Петръ Великій употреблялъ мѣры къ образованію ихъ и, одновременно съ этимъ, приказалъ брить бороды и одѣваться въ европейское или нѣмецкое платье⁴⁹². Эти требованія, обусловливавшія быть высшаго класса, его качество службы въ государствѣ, чрезъ которую онъ сдѣлался благороднымъ классомъ, положили рѣзкое разграниченіе между нимъ и остальной массой народа, и естественно повели къ сознанію необходимости организовать въ видѣ обособленнаго сословія, съ сословною связью, съ понятіемъ объ общихъ сословныхъ интересахъ и о формальной сословной чести, преобразовавшейся изъ породной «отческой» чести въ честь личности человеческой⁴⁹³. Новая организація людей этого разряда потребовала и новаго, опредѣленнаго, общаго для всѣхъ ихъ названія, которое отличало бы ихъ отъ остальнаго народонаселенія, и служило бы выраженіемъ ихъ сословнаго единства. И вотъ явилось названіе *шляхетство*, названіе, которое при Петрѣ Великомъ сдѣлалось официальнымъ и постоянно употреблялось потомъ, до половины XVIII вѣка, въ постановленіяхъ и правительственныхъ актахъ⁴⁹⁴.

Появленіе въ
шляхетствѣ
сословнаго
единства и со-
словныхъ ин-
тересовъ.

Новое сословіе, такимъ образомъ поставленное, не замедлило показать на дѣлѣ, что оно сознаетъ общность сословныхъ интересовъ и дорожитъ сословною честью. — Въ первый годъ царствованія Анны Иоанновны, сенатъ представилъ ей всеподданнѣйшій докладъ о томъ, что «по закону о майоратѣ, изданному Петромъ Великимъ 23 марта 1714 года для шляхетства, старшій сынъ получаетъ деревни, а младшіе, его братья, движимое имущество, и тѣмъ же закономъ вмѣнено послѣднимъ въ обязанность искать себѣ хлѣба службой, ученіемъ, торговлей и прочимъ; но на самомъ дѣлѣ требованіе это не исполняется, потому что всѣ шляхетскія дѣти берутся въ сухопутную и морскую военную службу нижними чинами,

и, будучи лишены участія въ наслѣдованіи недвижимымъ отцовскимъ имѣніемъ, подвергаются продолжительной въ нижнихъ чинахъ военной службѣ и приходятъ, наконецъ, въ такое положеніе, что уже всѣ свои шляхетные поступки теряютъ». Въ слѣдствіе сего, сенатъ ходатайствовалъ объ уничтоженіи майората, на что императрица и изъявила высочайшую волю свою 31 декабря 1730 года⁴⁹⁵. — Позднѣе, въ 1737 году, когда было сдѣлано распоряженіе о приготовленіи молодыхъ дворянъ въ гражданской службѣ при правительственныхныхъ мѣстахъ, особымъ сенатскимъ указомъ запрещено было приказнымъ служителямъ озлоблять тѣхъ дворянъ какимъ-нибудь невѣжествомъ; самимъ же этимъ дворянамъ предписано было «оказывать свою природу (шляхетство) добрыми поступками, честнымъ обхожденіемъ и учтивостію, соблюдать чистоту въ платьѣ и бѣльѣ, чтобы не безчестно было являться предъ честными (благородными) людьми»⁴⁹⁶.

Эти два акта—докладъ и указъ сената—служатъ яснымъ доказательствомъ проявленія уже тогда сословныхъ понятій въ высшемъ классѣ русскаго общества: кромѣ того, что продолжаютъ употреблять слово «шляхетство», для означенія цѣлаго сословія, говорятъ уже о шляхетныхъ поступкахъ, жалуются, что младшіе дворянскіе сыновья, при обязательной службѣ въ нижнихъ чинахъ, теряютъ шляхетные поступки; а отъ тѣхъ, которые готовились къ гражданской службѣ, требуютъ оказывать свою природу добрыми поступками, честнымъ обхожденіемъ и учтивостію. Важно и ново здѣсь то, что поддерживаются не личные, не одного какого нибудь рода, интересы, а интересы всего сословія, и оскорбляются тѣмъ, что нѣкоторые изъ членовъ его, со введенія майората, подвергаются искушеніямъ вести себя въ жизни не такъ, какъ прилично члену благороднаго сословія. Понятіе о своихъ интересахъ, о своихъ обязанностяхъ, стали уже прилагать не къ старинному родовому союзу, а къ членамъ союза сословнаго, получившаго свое начало лишь только съ первой четверти XVIII столѣтія⁴⁹⁷.

Петръ Великій, вдвинувъ въ ряды шляхетства старые чины — и бояръ и дѣтей боярскихъ, а послѣ замѣны старыхъ

Стремленіе старинной родовой

звѣти обособиться отъ боеваго чиновнаго шляхетства.

новыми — и генераловъ и прапорщиковъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ и коллежскихъ ассесоровъ, — распространилъ общность личныхъ и служебныхъ правъ и обязанностей на все сословіе и на каждаго его члена въ отдѣльности, такъ какъ, по мысли царя-преобразователя, передъ лицомъ государства послѣдній, выслужившійся дворянинъ не разнился отъ знатныхъ родичей — потомковъ Мономаха⁴⁹⁸. — Понятно, что реформа въ такомъ направленіи, достаточно уже окрѣпшемъ, была тяжкимъ ударомъ исключительному положенію исконной родовой знати, строго хранившей могущественныя нѣкогда начала родоваго единства и родовой чести⁴⁹⁹. Знатныя фамиліи, пронзенныя воспоминаніемъ о прежнемъ своемъ значеніи и положеніи въ государствѣ, не могли равнодушно видѣть, какъ, приобрѣтеніемъ новыхъ чиновъ военной и гражданской службы, принижались и затемнялись древнія права ихъ и преимущества. Въ слѣдствіе сего, старыя, знатныя, богатыя фамиліи, и новыя, — изъ генеральскихъ чиновъ и крупной бюрократіи, обезличенныя также матеріально, — обособились отъ фамилій низшаго чиновнаго дворянства бѣднаго матеріальными средствами. Люди родословные отвергли людей чиновныхъ. Такимъ образомъ, изъ первыхъ возникла особая группа, назвавшая себя *аристократією*, — изъ послѣднихъ составилае также группа подъ именемъ *родоваго* или *чиновнаго дворянства*⁵⁰⁰.

Это раздвоеніе родоваго и чиновнаго шляхетства, проявившееся почти въ одно время съ его образованіемъ при Петрѣ Великомъ, не имѣвшее, впрочемъ, ни какихъ юридическихъ отличій, замѣтно обозначилось уже при вступленіи на престолъ Анны Иоанновны (1730—1740), и продолжало фактически существовать до временъ Екатерины II, какъ это обнаружилось и въ комиссіи, составленной, по манифесту 14 декабря 1766 года, ихъ депутатовъ со всего государства, для сочиненія проекта новаго уложенія. — Шляхетство, чрезъ своихъ представителей (ярославское — чрезъ князя Щербатова, романовское — чрезъ князя Давыдова, курское — чрезъ Стромиллова и др.) заявило въ этой комиссіи о томъ, чтобы право на дворянство приобрѣталось не чинами, но только происхожденіемъ и по жало-

ваніемъ отъ монарха, и чтобы дворянство раздѣлено было на шесть разрядовъ, для доставленія родовому и титулованному дворянству возможности обособиться отъ дворянства чиновнаго и жалованнаго, и замкнуться въ отдѣльные разряды⁵⁰¹. Заявленія эти не вполнѣ, однако, удовлетворены были правительствомъ. Требованіе дворянскихъ депутатовъ, чтобы чинъ не давалъ дворянства, — какъ такое требованіе, которое подрывало коренныя начала табели о рангахъ, не было уважено; но правительство иначе отнеслось къ раздѣленію дворянства на разряды.

Еще при Θεодорѣ Алексѣевичѣ, уничтожившемъ мѣстничество 12 января 1682 года, заведена была, по его повелѣнію, родословная книга, для разрѣшенія вопросовъ о томъ, какія лица принадлежатъ къ дворянскому состоянію. Внесенныя въ эту книгу фамиліи раздѣлялись на пять степеней: первая — принадлежала знатнѣйшимъ фамиліямъ княжескимъ и инымъ честнымъ родамъ, бывшимъ въ боярахъ, окольныхчихъ и думныхъ дворянахъ; вторая — лицамъ, бывшимъ въ послыхъ и на воеводствахъ при Іоаннѣ Васильевичѣ; третья — лицамъ, бывшимъ въ такихъ же чинахъ при Михаилѣ Θεодоровичѣ, четвертая — бывшимъ въ среднихъ чинахъ; и пятая — произведеннымъ изъ нижнихъ чиновъ въ московскіе чины за службы отцовъ ихъ⁵⁰². Эта родословная книга, по указамъ 1686 и 1687 годовъ, пополнена была новыми фамиліями, въ концѣ XVII столѣтія⁵⁰³. Но такъ какъ нѣкоторыя, вписанныя въ эту книгу фамиліи угасли, а между тѣмъ явилось множество новыхъ фамилій изъ пожалованныхъ дворянствомъ и изъ заслужившихъ оное чинами; то, по повелѣнію Елисаветы Петровны, данному въ 1761 году, составлена вновь родословная о дворянахъ книга, въ которой, впрочемъ, дворянство не было раздѣлено на разряды, и самая книга на части⁵⁰⁴.

Императрица Екатерина II, предписавъ сенату указами 1767 и 1773 годовъ докладывать ей о лицахъ, предназначенныхъ къ внесенію фамилій ихъ въ помянутую родословную книгу⁵⁰⁵, очевидно придавала важное значеніе этому officialному акту; въ послѣдствіи же установила новый способъ веденія дворянской родословной книги. Жалованная императрицей

Дворянскія
родословныя
книги.

дворянству грамота 21 апрѣля 1785 года, перечисливъ 15 непровергаемыхъ доказательствъ дворянскаго состоянія, представила самому дворянскому обществу каждой губерніи какъ веденіе, посредствомъ депутатскаго собранія, дворянской родословной книги губерніи, такъ и рѣшеніе, по разобраніи депутатскимъ собраніемъ представленныхъ дворянскомъ доказательствахъ, вопроса: кто можетъ быть его членомъ и какого разряда.—Въ силу той же грамоты, потомственное или наследственное дворянство (тамъ названное, потому что мужъ сообщаетъ оное женѣ и отецъ дѣтямъ) раздѣлено на шесть разрядовъ, размѣщенныхъ отдѣльно въ *шести частяхъ дворянской родословной книги*. Въ *первую* часть вносятся дворянство дѣйствительное или пожалованное, т. е. такіе роды, право которыхъ основано на возведеніи въ дворянство грамотою, или на владѣніи населеннымъ имѣніемъ, если только давность этого владѣнія не превышаетъ того срока (100 лѣтъ), который установленъ для причисленія въ древнему дворянству; во *вторую*—роды дворянства военнаго, приобретеннаго чиномъ военной службы, или тѣ военные дворяне, которые, не происходя отъ дворянскихъ родовъ, приобрѣли дворянство себѣ и своему потомству военными заслугами, по постановленію Петра Великаго, вошедшему въ Табель о рангахъ 24 января 1772 года; въ *третью* роды дворянства бюрократическаго, приобретеннаго чиномъ гражданской службы, или тѣ дворяне, которые достигли службою первыхъ восьми классовъ государственныхъ чиновъ, а равно и тѣ, которые получили право потомственнаго дворянства чрезъ пожалованіе однимъ изъ російскихъ орденовъ, дающихъ это право; въ *четвертую*—всѣ иностранные дворянскіе роды; въ *пятую*—дворянство, украшенное титулами какъ родовыми, такъ и пожалованными (князья, графы, бароны); въ *шестую*—древніе благородные дворянскіе роды, доказательства дворянскаго достоинства которыхъ восходятъ за сто лѣтъ до изданія дворянской грамоты 21 апрѣля 1785 года, благородное же начало ихъ покрыто неизвѣстностію ⁵⁰⁶.

По смыслу грамоты, пожалованной Екатериною II 21 апрѣля 1785 года, дворянство русское составляло одно признанное закономъ общество, въ которомъ всѣ члены были между собою

юридически равноправны и пользовались одинакими, точно определенными, правами. Но, проводя этотъ принципъ послѣдовательно, и открывъ, подобно табели о рангахъ, доступъ въ сословіе дворянъ всякому, отличившемуся своими познаніями и достигшему весьма не высокихъ чиновъ по военной и гражданской службѣ, дворянская грамота 1785 года и не думала создавать какую либо юридическую аристократію, въ составленію которой такъ усердно, какъ показываютъ факты, стремились люди родословные, или же вводить такъ названное въ общежитіи рядовое дворянство, устраняемое послѣдними отъ своего круга. Правда, что титулы, гербы, вотчинное право, придавали нашему дворянству видъ феодальнаго дворянства, изъ котораго сложилась западная аристократія; но кто же первый сталъ отличать наше дворянство этими аристократическими атрибутами? Петръ Великій—государь, который, жалую нѣкоторымъ заслуженнымъ личностямъ титулы и гербы, въ то же время призналъ дворяниномъ каждаго простолюдина, безукоризненно исполнявшаго свои обязанности на самыхъ скромныхъ ступеняхъ царской службы.—Правда, что, при организаціи дворянства грамотою 21 апрѣля 1785 года, введены нѣкоторые родословные оттѣнки: въ силу этой грамоты, потомственное дворянство раздѣлено на шесть разрядовъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ изданномъ того жъ числа манифестѣ постановлено, что всѣ эти разряды дворянства составляютъ одно и то же сословіе.—Неоспоримо также и то, что породистое дворянство выдѣлено было въ шестую часть родословной книги, и *благородными* главнымъ образомъ названы тѣ дворянскіе роды, которые внесены въ эту часть родословной книги; но все это не давало ему особыхъ, исключительныхъ правъ по отношенію къ дворянству прочихъ разрядовъ. Дворянинъ, записанный въ первую часть родословной книги, такъ же могъ занимать, напримѣръ, постъ губернскаго предводителя дворянства, какъ и дворянинъ шестой части. Только для дворянства, внесеннаго въ шестую часть, облегчено помѣщеніе дѣтей, въ случаѣ безчиновности дворянина, въ нѣкоторыя учебныя заведенія, для поступленія въ которыя требуется, чтобы отецъ принимаемаго или принимаемой состоялъ по крайней мѣрѣ

въ чинѣ полковника или статскаго совѣтника, если онъ не записанъ въ шестую часть. Далѣе этого не идутъ родословныя права нашего дворянства ⁵⁰⁷.

При всемъ томъ, мнѣніе самаго дворянства относилось не безразлично къ шестой части. Шестой разрядъ дворянства всегда считалъ себя по преимуществу дворянствомъ, какъ заявляли это и дворянскіе депутаты въ комиссіи 1767 года, а на первые три разряда всегда смотрѣлъ какъ на дворянъ—высочекъ. Напротивъ, титулованное дворянство пользовалось особеннымъ уваженіемъ дворянства родоваго; послѣднее и сходилось съ нимъ въ стремленіи обособиться отъ дворянства чиновно-военнаго и гражданскаго. Примѣру въ этомъ отношеніи родоваго и титулованнаго дворянства послѣдовали высшіе военные и гражданскіе чины, хотя и внесенные во вторую и третью части дворянской родословной книги.

Итакъ, ни однимъ законодательнымъ актомъ не разрѣшалось образовать, въ средѣ самаго шляхетства, двѣ отдѣльныя группы съ противоположными интересами, такъ называвшуюся аристократію и рядовое или чиновное дворянство.

Присвоеніе
всему высшему
сословію титу-
ловъ: «дво-
рянство и бла-
городство».

Нельзя, однако жъ, обходить молчаніемъ тѣ наименованія и титулы, которые закономъ и обычаемъ приданы были въ XVIII вѣкѣ высшему классу, какъ корпораціи, какъ цѣлому сословію; титулы эти суть: *дворянство* и *благородство*.

Слово *дворянинъ*—слово старинное—впервые встрѣчается въ суздальской лѣтописи 1175 года. Названіе это современно было великому князю Андрею Боголюбскому (1169—1174). Изъ числа изслѣдователей русской старины, одни объясняютъ, что слово «дворянинъ» или «дворянство» было тогда не сословіемъ, но чиномъ, даннымъ не наследственно, а на одно лицо, и имѣвшимъ тотъ смыслъ, что человѣкъ, именованный имъ, первоначально былъ придворный слуга, принадлежавшій во двору или дому княжескому, и пользовавшійся правомъ свободнаго въ оный доступа ⁵⁰⁸. Другіе изслѣдователи дополняютъ такое описаніе этого названія, сдѣланное въ общихъ чертахъ, болѣе точнымъ объ немъ свѣденіемъ, утверждая, что «дворяне» въ древнѣйшія времена первоначально имѣли какое-то судебное значеніе и составляли собою дворъ князя; потомъ,

въ слѣдствіе постепеннаго упраздненія княжескихъ столовъ, всѣ они, какъ принадлежащіе ко двору князя, продолжали, и по присоединеніи княжествъ къ Москвѣ, именоваться дворянами, но нѣсколько не въ томъ обширномъ смыслѣ, въ какомъ слово это употребляется нынѣ ⁵⁰⁹. Въ московскій періодъ, продолжавшійся болѣе двухъ вѣковъ, названіе «дворянинъ» означало чинъ и притомъ низшій. Поэтому Петръ Великій, при преобразованіи высшаго класса русскаго общества, или класса служилыхъ людей, въ сословіе, не могъ распространить на него коллективнаго названія «дворянство»: въ его время, съ этимъ старымъ словомъ жили еще и старыя понятія; и потому, можно было опасаться, что считалось бы порухой (уменьшеніемъ) для чести боярина или окольничаго, если бы ихъ стали называть «дворянами». Пришлось волею-неволею, для обозначенія сословія, принять названіе «шляхетство» — названіе не русское, а польско-нѣмецкое, — какъ потому, что образцомъ въ преобразовательной своей дѣятельности Петръ Великій имѣлъ передъ собою западную Европу — страну человѣческой цивилизаціи и всемірнаго интереса, такъ и потому, что тогда не нашлось еще русскаго слова для возникшаго новаго сословія, ибо не существовало и самаго понятія, словомъ этимъ выражаемаго, т. е. понятія о корпораціи лицъ, съ значеніемъ высшаго въ государствѣ сословія, съ характеромъ наследственнымъ или потомственнымъ ⁵¹⁰. Въ послѣдствіи, когда изгладилось изъ памяти, что наименованіе «дворянинъ» или «дворянство» означало одну изъ невысокихъ чиновныхъ степеней, а со смертію прежнихъ чиновныхъ людей упразднились и носимые ими чины, — названіе «дворянство» возраждается и распространяется на все сословіе. Названіе это устанавливается преимущественно съ манифеста, изданнаго Петромъ III 18 февраля 1762 года, о дарованіи вольности и свободы россійскому дворянству ⁵¹¹. Потомъ стали говорить о сословіи, подъ этимъ названіемъ, и дворянскіе депутаты въ комиссіи 1767 года ⁵¹²; а спустя нѣсколько лѣтъ, оно получило утвержденіе и въ жалованной дворянству 21 апрѣля 1785 года грамотѣ ⁵¹³. Такимъ образомъ, слово «дворянство», какъ слово отечественное, болѣе подходящее къ нашему высшему классу общества, на основаніи

прошедшей его исторіи, окончательно вытѣснило при Екатеринѣ II старинное названіе «служилые люди», и новѣйшее «шляхетство». Въ слѣдствіе сего, высшему разряду людей, именовавшемуся до времени Іоанна III то княжеской дружиной, то княжескимъ дворомъ, а съ его времени служилыми людьми, дано опредѣленное названіе «дворянство», постоянно употребляемое донинѣ не только въ чиновномъ быту, въ обыкновенной рѣчи и въ литературѣ, но и во всѣхъ правительственныхъ актахъ и официальныхъ сношеніяхъ.

Титулъ же «благородство», усвоенный высшему классу русскаго общества, начинаетъ развиваться почти одновременно съ превращеніемъ послѣдняго въ сословіе — въ шляхетство. Это сословіе, принявшее, при преобразовательной дѣятельности Петровой, иноземный военный строй и иноземныя внѣшнія формы — одежду, бритье, нравы, обычаи, — подчинившееся, въ слѣдствіе сего, влиянію идей феодальнаго западно-европейскаго дворянства, надѣленное геральдическими атрибутами и другими привилегіями, отличавшими его отъ прочихъ общественныхъ классовъ, — сословіе это начинаетъ обособляться отъ массы народной, замыкается въ отдѣльную группу, дѣлается классомъ благороднымъ, въ противоположность другимъ общественнымъ классамъ неблагороднымъ, или, какъ выражались въ то время, подлымъ (послѣднее слово имѣло тогда значеніе низшаго разряда людей по отношенію къ высшему и вовсе не заключало въ себѣ унизительнаго нравственнаго смысла) ⁵¹⁴. — Когда жъ Петръ Великій принялъ верховный титулъ императора, то рождался вопросъ о титулѣ супруги его и дѣтей. Синодъ и Сенатъ имѣли 23 декабря 1721 года по этому случаю конференцію и согласились «именовать ея величество императрицею или цесаревою, а тамъ, гдѣ въ титулахъ упоминалось великому князю и цесаревнамъ «благородство», признали приличнѣе употреблять слово «благовѣрные», потому что титуловаться благородствомъ ихъ высочествамъ, по нынѣшнему употребленію, низко, ибо благородство и шляхетству дается». Петръ согласился съ этимъ рѣшеніемъ, только вмѣсто цесаревой, велѣлъ возглашать: императрицѣ ея цесаревину величеству ⁵¹⁵. — Послѣ этого измѣненія титуловъ особъ император-

свой фамилии, шляхетство, по примѣру иноземному, начало именоваться *благороднымъ*, и, такимъ образомъ, первое официальное наименованіе сословія благороднымъ произошло въ 1721 году. Вскорѣ послѣ того, издана была табель о рангахъ, по правиламъ которой всѣ удостоенные оберъ-офицерскихъ чиновъ, считаются хорошо рожденными и получаютъ право титуловаться «благородіемъ», а имѣющіе штабъ-офицерскіе чины—весьма хорошо рожденными и получаютъ титулъ «высокоблагородія».— По присвоеніи «благородства» чину, титулъ этотъ присвоенъ былъ уже и всему сословію шляхетства, какъ видно изъ указа Елисаветы Петровны 1754 года ⁶¹⁶.—Манифестъ, изданный Петромъ III 18 февраля 1762 года, именууетъ также дворянство «яко главный въ государствѣ членъ» російскимъ «благороднымъ» дворянствомъ ⁶¹⁷.—Затѣмъ, жалованная Екатериною II грамота 21 апрѣля 1785 года окончательно утвердила за дворянствомъ, какъ сословіемъ, названіе «благороднаго» ⁶¹⁸.

Въ заключеніе изложенной краткой исторіи дворянскаго сословія, образовавшагося въ XVIII вѣкѣ, скажемъ еще нѣсколько словъ о герольдмейстерѣ. — При рассмотрѣніи правилъ табели о рангахъ, уже упомянуто, что для завѣдыванія дворянствомъ всего государства, учреждена была въ 1721 году при сенатѣ Петромъ Великимъ должность герольдмейстера. Обязанности его, по отношенію къ этому сословію, кромѣ удостоенія въ правахъ каждаго члена его на дворянство и на употребленіе герба, состояла въ томъ, въ силу данной ему въ 1722 году инструкціи, вести троякіе списки дворянъ: а) генеральные именные и порознь по чинамъ; б) кто изъ нихъ годится въ дѣламъ и кто находится у дѣлъ; в) сколько у кого дѣтей и какихъ лѣтъ. — Для составленія этихъ списковъ послужили слѣдующіе официальные документы: шляхетскіе списки, оставшіеся при сенатѣ, по упраздненіи стариннаго разряда, вмѣсто котораго учреждена должность герольдмейстера; списки о всѣхъ дослужившихся до оберъ-офицерскаго чина; и вѣдомости, доставляемыя ежегодно герольдмейстеру изъ центральныхъ и областныхъ учреждений, о дворянахъ, находящихся у дѣлъ, или въ домахъ, а также о дворя-

Обязанности герольдмейстера по отношенію къ членамъ дворянскаго сословія.

нахъ, родившихся и умершихъ ⁵¹⁹. Веденіе списковъ нужно было, между прочимъ, и для того, чтобы, зная наличную численность дворянства, въ данномъ случаѣ можно было разрѣшать сомнѣнія о принадлежности лица къ дворянскому сословію.

ГЛАВА II.

Постоянно-обязательная для шляхетства военная служба и установленіе смотровъ. — Распредѣленіе шляхетскихъ дѣтей на службу гражданскую. — Назначеніе по штатамъ жалованья за службу военную и гражданскую. — Обязательное для шляхетства знаніе извѣстныхъ наукъ, требующихся въ военной и гражданской службѣ. — Отправленіе шляхетскихъ дѣтей за границу для образованія, и учрежденіе съ этою цѣлью школъ. — Открытіе Академіи Наукъ, — Учрежденіе Вадетскаго Корпуса. — Приготовленіе шляхетскихъ дѣтей въ гражданской службѣ. — Продолженіе установленныхъ смотровъ. — Мѣры къ образованію специальныхъ людей для службы. — Основаніе въ Москвѣ Университета. — Продолженіе заботы правительства о образованіи шляхетскихъ дѣтей.

Постоянно-
обязательная
для шляхетства
военная служ-
ба и устано-
вленіе смо-
тровъ.

Обязательная военная служба государству составляла непремѣнную личную обязанность и для возникшаго съ XVIII вѣка *шляхетства* точно такъ же, какъ и для прежнихъ служилыхъ людей, съ тѣмъ, однако, существеннымъ различіемъ, что служба военная отправлялась послѣдними не постоянно, а лишь тогда только, когда призывались они царскимъ указомъ къ ратному дѣлу, въ ополченіе, между тѣмъ какъ военная служба членовъ шляхетства, въ образованныхъ уже тогда Петромъ Великимъ регулярныхъ полкахъ, сдѣлалась *постоянною*; въ ней надлежало находиться на лицо, при знамени, во всю жизнь, какъ потому что постоянное войско было уже неизбѣжною потребностію государства. такъ равно и по той причинѣ, что отставка допускалась только за старостію, ранами, увѣчьемъ и неизлѣчимыми болѣзнями ⁵²⁰.

Военная служба шляхетскихъ дѣтей начиналась тогда съ самыхъ молодыхъ лѣтъ (обыкновенно съ 15) и не иначе, какъ съ рядоваго, съ тою цѣлью, чтобъ они, послуживши въ нижнихъ чинахъ, могли узнать солдатское дѣло въ его фундаментъ и пріучались бы къ тягостямъ военной службы, такъ какъ эта сторона, при прежнихъ правительствахъ, всегда была наиболѣе слабою въ военной повинности служилыхъ людей. — По достиженіи опредѣленнаго возраста, шляхетскіе молодые

люди, еще не записанные на службу, должны были являться изъ всѣхъ мѣстъ въ Москву, или въ Петербургъ, къ Петру Великому, гдѣ онъ, какъ человѣкъ, обладавшій проницаніемъ и даромъ угадывать людей, разбиралъ явившихся на смотръ, по способностямъ, и, смотря по тому, чѣмъ кто изъ нихъ можетъ быть полезенъ, давалъ каждому назначеніе: однихъ записывалъ въ солдаты, другихъ въ матросы, третьихъ опредѣлялъ къ дѣламъ гражданскимъ, четвертыхъ посылалъ для науки за границу, остальныхъ училъ воинскому строю, готовя ихъ къ занятію разныхъ должностей по арміи, гдѣ каждый молодой человѣкъ, изъ шляхетства, при исправномъ выполненіи обязанностей солдата, производился въ унтеръ-офицеры и въ оберъ-офицеры⁵²¹. — На одномъ изъ такихъ смотровъ, бывшемъ въ 1704 году, явилось болѣе 8,000 шляхетскихъ недорослей изъ которыхъ набраны были два драгунскіе полка и, сверхъ того, записано до 380 человѣкъ въ преображенскій полкъ солдатами, въ числѣ которыхъ много было дѣтей изъ княжескихъ и старинныхъ знатныхъ фамилій.

По первоначальному плану Петра Великаго, шляхетство непременно должно было служить въ гвардіи. Служба въ гвардіи—единственный былъ тогда путь къ производству въ офицеры; поэтому первые гвардейскіе полки, преображенскій и семеновскій, были наполнены рядовыми изъ шляхетства⁵²². А такъ какъ по вліянію покровительства и родовыхъ связей, начальства производили иногда въ оберъ-офицеры молодыхъ людей, не служившихъ въ нижнихъ чинахъ, то указомъ, даннымъ въ 1714 году и подтвержденнымъ въ 1719 году, запрещено было производить въ офицеры такихъ изъ знатныхъ шляхетскихъ родовъ недорослей, которые не служили солдатами въ гвардіи⁵²³. Позднѣе, шляхетство распредѣлялось по военной службѣ между гвардіею, армейскими и гарнизонными полками; въ послѣдніе поступали небогатые шляхетскія дѣти.

Изъ числа служившихъ людей древней Россіи несли обязательную постоянную службу только тѣ, которые посылались въ города на воеводство, назначались судьями въ приказы, были при дворѣ стольниками, страпчими и проч., а также тѣ, которые наряжались во временныя посылки, т. е. въ службу,

Распределение
шляхетскихъ
дѣтей на служ-
бу граждан-
скую.

называемую нынѣ службою гражданскою или штатскою ⁵²⁴. — Со времени обнародованія Петромъ Великимъ генеральнаго регламента (1720 г.), а вскорѣ послѣ того и табели о рангахъ (1722 г.), эта штатская служба, отбываемая также и вновь созданнымъ шляхетствомъ, и штатскія дѣла вообще, получили государственное значеніе; и потому членъ шляхетства — по прежнему порядку только воинъ — теперь, по новымъ уставамъ, сдѣлался и чиновникомъ гражданскимъ. — Прохождение гражданской службы, признанной не менѣе потребною въ государствѣ, какъ и военная, законодатель считалъ дѣломъ не только приличнымъ шляхетству, но и дающимъ возможность, чрезъ достиженіе извѣстныхъ гражданскихъ чиновъ, получить и самое шляхетское достоинство, если кто прежде его не имѣлъ ⁵²⁵. — Относительно гражданской службы сдѣлано было только одно ограниченіе: требовалось, чтобы не всѣ сыновья какой нибудь шляхетской фамиліи были въ гражданской службѣ, а только одна треть ихъ, остальные же должны служить въ военной; за чѣмъ и обязанъ былъ смотрѣть герольдмейстеръ ⁵²⁶.

Шляхетскіе недоросли, оказавшіеся на смотрѣхъ, по достиженіи ими 16-ти лѣтнаго возраста, болѣе способными къ гражданской службѣ, по распоряженію герольдмейстера, распределялись въ коллегіи и въ надворные суды, съ тою, какъ опредѣлено въ генеральномъ регламентѣ, цѣлью, чтобы состоявшія при коллегіяхъ и канцеляріяхъ шляхетскія дѣти обучались, подъ управленіемъ секретарей, канцелярскому дѣлопроизводству, дабы со временемъ они могли по градусамъ (въ порядкѣ постепенности) быть произведены въ высшіе чины, какъ-то: въ ассесоры, совѣтники ⁵²⁷ и т. д. — Въ послѣдствіи, въ дополненіе къ этому закону, издано было въ 1739 году утвержденное Анной Іоанновной сенатское постановленіе, по которому грамотные шляхетскіе недоросли (15 — 17 лѣтъ), находившіеся въ Петербургѣ, распределялись между сенатомъ, коллегіями и канцеляріями, съ соблюденіемъ, однако, слѣдующихъ условій: въ сенатъ назначались тѣ, за которыми было не менѣе 100, въ коллегіи и канцеляріи, за которыми числилось не менѣе 25 душъ крестьянъ. Обеспеченіе это требовалось, какъ сказано въ постановленіи, на тотъ конецъ, дабы

они собственными средствами и жалованьем могли содержать себя честно, чисто и небого. Для различія же отъ приказныхъ служителей, предоставлялось имъ именоваться дворянами того мѣста, къ которому были приписаны, какъ-то: дворянами сенатскими и т. д. — Проходя постепенно должности копіистовъ, подканцеляристовъ, канцеляристовъ, достойные изъ этихъ дворянъ, по прослуженіи въ сихъ званіяхъ 5-ти лѣтъ, повышались въ секретари; оказавшіеся же, въ продолженіе этого срока, неспособными къ штатскимъ дѣламъ посылались въ военную коллегію. для опредѣленія въ полевые полки солдатами ⁵²⁸.

При всемъ томъ, заботы правительства привлечь шляхетство къ гражданской службѣ были безуспѣшны. Замѣчено уже въ третьемъ періодѣ, что въ средѣ служилого класса людей служба мечемъ всегда считалась честнѣе службы перомъ. Взглядъ этотъ на службу обоего рода продолжалъ существовать и послѣ Петра Великаго; и потому шляхетство всегда уклонялось отъ гражданской службы, не смотря на всѣ усилія правительства подохотить его къ ней. Въ слѣдствіе сего, въ 1740 году сенатъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: изъ опредѣленныхъ къ гражданскимъ дѣламъ, 27 человекъ, за непонятливостію въ наукахъ и въ приказныхъ дѣлахъ, отдать въ солдаты; 28 человекъ, къ наукамъ прилежныхъ, но не имѣющихъ склонности къ гражданскимъ дѣламъ и просящихся въ военную службу, отдать въ кадетскій корпусъ и въ морскую академію, для приготовленія къ сухопутной и морской службѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сенатъ постановилъ: въ гражданскую службу опредѣлять только такихъ (изъ шляхетства), которые пожелаютъ, а не неволею ⁵²⁹.

Позднѣе, въ царствованіе Екатерины II, дворянство не переставало уклоняться отъ гражданской службы, служило въ военной и преимущественно въ гвардіи; если же и служило въ гражданской службѣ, то по переходѣ въ оную изъ военной, стремясь къ занятію видныхъ мѣстъ — президентовъ коллегій, губернаторовъ и т. д.; но должности второстепенныя — членовъ коллегій, совѣтниковъ въ губерніяхъ и т. д. продолжали замѣщаться большею частію недворянами ⁵³⁰.

Назначеніе по штатамъ жалованья за службу военную и гражданскую.

Въ продолженіе московскаго періода, всѣ служилые люди какъ военные, такъ равно и тѣ, которые наряжались во временныя дѣла (для веденія дѣлъ гражданскихъ), получали помѣстья и вотчины, размѣръ которыхъ опредѣлялся чинами, заслугами и продолжительностію службы—помѣстья и вотчины, которыя были прочнымъ своего рода фондомъ, обеспечивавшимъ для нихъ возможность не только существовать, но и служить, т. е. доставлять правительству всею своею массою войско для защиты государства отъ внѣшнихъ враговъ. Но, съ Петра Великаго, преобразовавшаго военную и гражданскую службу, измѣнилась и система вознагражденія за нее. Члены шляхетства стали уже нести эту службу не за помѣстья, раздача которыхъ прекращена съ 1714 года ⁵³¹, розданныя же прежде во владѣніе бывшихъ служилыхъ людей, вошедшихъ въ составъ шляхетства, предоставлены каждому изъ нихъ въ потомственную собственность ⁵³², а за опредѣленное въ 1711 году штатами жалованье, замѣнившее помѣстные оклады ⁵³³.—Такимъ образомъ, съ учрежденіемъ жалованья, не только рушился прежній порядокъ отбыванія военной повинности, но совершенно уничтожилось и различіе между помѣстными и вотчинными имѣніями.—Вознагражденіе шляхетства за службу гражданскую Петръ Великій опредѣлилъ также штатами, вышедшими для чиновъ областныхъ въ 1715 ⁵³⁴, а для коллегіальныхъ—въ 1725 годахъ ⁵³⁵; но, по недостатку въ казнѣ денегъ, онъ предположилъ ввести доходы съ дѣлъ, что и исполнено уже при Екатеринѣ I.—Она повелѣла, въ 1726 году, выдавать жалованье членамъ учреждений; а канцелярскимъ чинамъ довольствоваться доходами съ дѣлъ. При послѣдующихъ царствованіяхъ установлена была даже норма этихъ доходовъ не только въ пользу канцелярій, но и въ пользу судей, пока, наконецъ, Екатерина II не возстановила, въ 1763 году, жалованья для всѣхъ служащихъ гражданскихъ чиновниковъ ⁵³⁶.

Обязательное для шляхетства знаніе извѣстныхъ наукъ, требующихся въ военной и гражданской службѣ.

Сущность изложенныхъ выше свѣдѣній о дѣятельности русскаго шляхетства, въ эпоху преобразованія Петра Великаго, сводится къ тому, что главною государственною повинностію его была служба военная и гражданская, первая обязательная и постоянная. Но обязательность эта вытекала уже не

изъ основныхъ правилъ помѣстной системы, по которой каждый членъ шляхетскаго сословія, получившій въ прежнее время, въ вознагражденіе за службу, помѣстья или вотчины, отданныя уже съ 1714 года въ его собственность, продолжалъ носить званіе землевладѣльца,—а изъ того новаго начала, что онъ родился въ этомъ сословіи и, слѣдовательно, принадлежитъ къ высшему благородному классу людей ⁵³⁷.

Въ силу такихъ реформъ Петра Великаго, обновленная шляхетская служба стала обусловливаться и новыми требованіями: практическое выполненіе ея должно было уже совершаться по европейскимъ образцамъ, т. е. надлежало прежде всего научиться тому, что знали уже наши сосѣди, опередившіе насъ на поприщѣ общественной цивилизаціи; а отсюда возникла для шляхетства необходимость научной подготовки его къ службѣ, новая *обязательная повинность*—*учиться*. Скоро обнаружилось, что имѣть только постоянное войско—было мало; надобно, чтобы это постоянное войско, по предназначенію великаго преобразователя Россіи, не уступало войскамъ другихъ европейскихъ государствъ. Въ описываемую эпоху уже немислимо было выставлять противъ европейскихъ армій старинное русское ополченіе дворянъ и дѣтей боярскихъ во всемъ ихъ составѣ, съ толпою безоруженныхъ челядинцевъ; время и обстоятельства требовали преобразовать таковое ополченіе въ стройную армію; а это естественно указывало шляхетству на необходимость знать извѣстныя науки, имѣть специальную подготовку къ дѣлу, тѣмъ болѣе, что, безъ соблюденія этого условія, оно теряло свое значеніе, такъ какъ понятіе о службѣ государственной тѣсно соединялось уже тогда съ понятіемъ объ извѣстномъ искусствѣ, объ извѣстномъ приготовленіи ⁵³⁸. Словомъ, возникли новыя условія служебнаго дѣла; надобно было имѣть и новыхъ людей. Поэтому, Петръ Великій потребовалъ отъ шляхетства основательнаго общаго образованія, какъ таковаго руководящаго начала, которое, пробуждая духовныя силы въ человѣкѣ, поднимаетъ его умственный и нравственный уровень ⁵³⁹; онъ потребовалъ, чтобы дворянинъ или членъ шляхетскаго сословія учился, неутомимо работалъ и старался бы получить такія свѣдѣнія, которыя приспособляютъ

его къ практической, полезной дѣятельности. По обстоятельствамъ времени, военная служба преимущественно требовалась отъ дворянина: дворянинъ имѣлъ право на начальническія мѣста въ войскѣ; но для этого онъ долженъ былъ имѣть, во-первыхъ, общее первоначальное образованіе, а потомъ спеціальное военное — знать службу. Понятно, что требованіе такихъ положительныхъ условій для успѣха службы, равно какъ и другихъ занятій, закрыло многимъ стариннымъ служилымъ людямъ доступъ въ службу и лишило правъ на чины такихъ лицъ, которыя хотя и благородны по рожденію, но не досрости умственно и нравственно, и назывались поэтому до старости *недорослями* ⁶⁴⁰.

Между тѣмъ, удовлетвореніе настоятельныхъ потребностей государства, какъ то: устройство арміи, флота, правительственныхъ, судебныхъ и другихъ учреждений—такихъ потребностей, которыя стояли у Петра Великаго на первомъ планѣ, заставило его привлечь къ дѣламъ военной и гражданской службы, кромѣ прирожденнаго шляхетства, и людей привычныхъ къ этимъ дѣламъ и образованныхъ, безъ различія происхожденія и званія, лишь во имя таланта, познаній и энергіи къ труду ⁶⁴¹. Въ слѣдствіе сего, эти личныя человѣческія достоинства выдвигали изъ обыкновенныхъ рядовъ замѣчательныхъ дѣателей, и дѣлали ихъ вполнѣ заслуживающими названіе благородныхъ русскихъ людей, такъ какъ преобразователь высшаго класса русскаго общества отождествлялъ понятіе благородства съ понятіемъ службы государству и образованія, или, другими словами: членъ высшаго класса дѣлался человѣкомъ служащимъ, служацій же долженъ былъ сдѣлаться образованнымъ, и, въ силу всего этого, онъ становился благороднымъ—благороднымъ по своимъ личнымъ достоинствамъ, проложившимъ ему путь къ высшей дѣятельности ⁶⁴².

Такимъ образомъ, высшій классъ, призванный къ жизни новыми постановленіями Петра Великаго, сталъ соединять въ составѣ своемъ двѣ характерическія черты: гарантію родового происхожденія и гарантію способностей и знанія. Какъ въ старину, до Петра Великаго, такъ и при новомъ созданномъ имъ порядкѣ, являются на начальническихъ мѣстахъ, по воен-

ному и гражданскому вѣдомствамъ, представители знатныхъ фамилій, извѣстныхъ древностію рода и богатствомъ, съ тѣмъ только различіемъ, что прежде допускались они къ занятію мѣстъ и при отсутствіи въ нихъ образованія, по одной лишь принадлежности къ служилому разряду, и потому почти всѣ они, даже бояре — люди породистые, обладавшіе запасомъ здраваго смысла и опытности во всемъ, что касалось условій ихъ служебной обязанности, — не только были безъ всякой научной подготовки, но не умѣли и писать⁶⁴³; а теперь — при новомъ порядкѣ — съ обязанностію службы, требовавшейся отъ шляхетства по табели о рангахъ, неразрывно связана была обязанность образованія, до того безусловная, что если кто не удовлетворялъ этой первенствующей для шляхетства потребности, тотъ, каково бы ни было его прошедшее въ отношеніи аристократическаго его происхожденія, не могъ предъявить права на настоящее — на то, что даровала шляхетству знаменательная табель о рангахъ⁶⁴⁴. А потому, безъ преувеличенія можно сказать, что если когда либо, то въ особенности въ эпоху всеобъемлющихъ реформъ Петра Великаго, за людьми образованными, честно трудившимися на общую пользу, всегда оставалось то естественное превосходство, которое принадлежитъ самой важной человѣческой привилегіи — умственному развитію, дающему возможность оказать въ полномъ смыслѣ полезныя услуги странѣ.

Положивъ въ основу государственныхъ реформъ образованіе, безъ котораго нельзя уже было обойтись въ арміи, во флотѣ, въ правительственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ, и, высказавъ опредѣлительно свои въ этомъ отношеніи требованія, Петръ Великій представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность удовлетворить этимъ требованіямъ. Въ началѣ 1697 г., онъ отправилъ въ первый разъ за границу, учиться всему нужному для Россіи, молодыхъ шляхетскихъ дѣтей, изъ комнатныхъ стольниковъ, именно: въ Италію 28, въ Англію и Голландію 22 чел.; это были люди лучшихъ фамилій, прославившіеся, въ послѣдствіи, талантами и знаніемъ на всѣхъ путяхъ государственной дѣятельности⁶⁴⁵. Школою для сухопутной военной службы служили иностранныя войска, предво-

Отправление шляхетскихъ дѣтей за границу для образованія, и учрежденіе съ этою цѣлью школъ.

дательствуемая знаменитѣйшими полководцами; а школою для изученія морской службы были иностранныя флоты, для чего и посланы были въ 1717 году гардемарины — во Францію 20 и въ Венецію 27 человекъ⁵⁴⁶.

Но, отправляя шляхетскихъ дѣтей для обязательнаго обученія за границу, Петръ Великій не забывалъ и оставшихся въ отечествѣ своемъ, постоянно понуждая ихъ учиться и принимая необходимыя мѣры къ распространенію и утверженію между ними какъ начальнаго, такъ и высшаго образованія. Онъ основалъ спеціальныя училища, морское и инженерное, завелъ въ Москвѣ математическія школы, учредилъ провинціальныя элементарныя школы, гдѣ преподавателями были воспитанники тѣхъ математическихъ школъ на основаніи указа 20 января 1714 года, которымъ было предписано: «послать во всѣ губерніи по нѣскольку учениковъ изъ математическихъ школъ, чтобъ учить дворянскихъ дѣтей цыфيري и геометріи.» Сверхъ того, дѣти знатныхъ фамилій, отъ 10-ти лѣтнаго возраста, высылались въ учрежденныя въ Петербургѣ при гвардейскихъ полкахъ школы, въ которыхъ обучались шляхетскіе малолѣтки, записанныя въ полки⁵⁴⁷.

По части гражданской, для подготовки въ коллегіи и канцеляріи дѣльцовъ, учреждено было Петромъ Великимъ, въ ноябрѣ 1721 года, училище, въ которомъ обучали подъячихъ ариметикѣ, письменному изложенію предметовъ и проч.; сюда обязаны были отдавать своихъ дѣтей какъ приказные люди (техническое выраженіе, употреблявшееся въ древней Россіи въ служебной сферѣ по части гражданской), такъ и тѣ изъ постороннихъ лицъ, которыя пожелають, чтобъ дѣти ихъ были приказными. Сверхъ того, для опредѣленныхъ въ коллегіи шляхетскихъ недорослей (молодыхъ людей), учреждена была краткая школа, порученная завѣдыванію герольдмейстера; здѣсь дѣти знатныхъ и среднихъ шляхетскихъ фамилій обучались экономіи и гражданству, какъ необходимыми предметамъ для гражданской службы⁵⁴⁸.

Наконецъ, указомъ 28 января 1724 года положено было Петромъ Великимъ основаніе и академіи наукъ въ Россіи⁵⁴⁹.

Такимъ образомъ, Петръ Великій смотрѣлъ на образованіе,

какъ на средство усиленія государства, и употреблять, очевидно, всѣ дѣятельныя мѣры, чтобы реформа высшаго класса русскаго общества дала желаемые результаты, и чтобы благотворный законъ объ этой реформѣ не остался мертвою буквою. Геніальность этого монарха въ томъ и состоитъ, что онъ понималъ національную потребность въ просвѣщеніи такъ широко, какъ не понималъ ея ни одинъ человекъ и до него, и въ его время, и, схвативъ основной принципъ развитія, посвятилъ ему всю свою дѣятельность. — Правда, что съ кончиной Петра Великаго, послѣдовавшей 28 января 1725 года, многія лучшія его начинанія остались безъ исполненія, нѣкоторые планы подверглись измѣненію; но, съ жизнію сего государя, не угасла существенная сила реформы, его главная идея, его настоятельное объ образованіи шляхетскихъ дѣтей требованіе, основанное сколько на здоровомъ смыслѣ, столько и на пользѣ русской страны. Преемники Петра, хотя съ меньшей энергіей, продолжали его заботы объ обученіи шляхетства, въ томъ же направленіи, которое усвоено было въ эпоху преобразованія⁵⁵⁰.

Разскажемъ же послѣдовательно враткую исторію этого важнаго отечественнаго дѣла.

Открывая для шляхетскихъ дѣтей одинаково, какъ и при Петрѣ Великомъ, оба служебныя поприща, и военное и гражданское, правительства послѣдующія съ прежнею строгостію требовали, чтобы они приготовлялись къ тому и другому образованіемъ, и никогда не отдѣляли области знаній отъ области государственной службы⁵⁵¹.

Такъ, въ царствованіе Елизаветы I, почти черезъ годъ по смерти Петра Великаго, открыта была, въ декабрѣ 1725 года, основанная имъ академія наукъ⁵⁵², главная цѣль и назначеніе которой заключалось въ приготовленіи на службу молодыхъ людей съ университетскимъ образованіемъ, т. е. съ строго опредѣленною испытаніемъ суммою знаній извѣстнаго уровня, ниже котораго не можетъ быть испытуемый. Позднѣе, въ 1747 году, академія наукъ получила регламентъ, по которому это высшее учено-учебное учрежденіе въ Россіи заключало въ себѣ три части: а) собственно Академію, т. е. собраніе ученыхъ людей, академикомъ, занятыхъ составленіемъ уче-

Открытие академіи наукъ.

ныхъ примѣчаній, чтеніемъ книгъ и сочиненіемъ ихъ; б) университетъ, или собраніе учащихся и учащихся людей, изъ которыхъ первые названы профессорами, а вторые—студентами; и в) гимназію, въ которой содержимо было на академическій счетъ 20 молодыхъ людей для подготовки ихъ въ университетъ, но не воспрѣщалось поступать въ это учебное заведеніе и вольнымъ людямъ, для бесплатнаго въ немъ обученія⁵⁵³.

Учрежденіе ка-
детскаго кор-
пуса.

По востшествіи на престолъ Анны Іоанновны, учрежденъ былъ въ Петербургѣ, по плану фельдмаршала Миниха, кадетскій корпусъ, въ силу даннаго Сенату 29 іюня 1731 года указа; замѣчательнаго по слѣдующимъ выраженіямъ: «Весьма нужно», сказано было въ немъ, «дабы шляхетство отъ молодыхъ лѣтъ къ воинскому дѣлу въ теоріи обучены, а потомъ и въ практику годны были... А понеже не каждаго человѣка природа къ одному воинскому склонна, также и въ государствѣ не меньше нужно политическое и гражданское обученіе: того ради имѣть при томъ учителей чужестранныхъ языковъ, исторіи, географіи, юриспруденціи, танцованію, музыкѣ и прочихъ полезныхъ наукъ, дабы, видя природную склонность, по тому-бъ и къ ученію опредѣлять»⁵⁵⁴. По уставу, изданному въ ноябрѣ того жъ года, учебный курсъ въ корпусѣ раздѣлялся на четыре класса: въ низшемъ или четвертомъ классѣ кадеты обучались чистописанію и ариметикѣ; въ третьемъ геометріи, географіи и грамматикѣ; во второмъ — фортификаціи, артиллеріи, исторіи, правильному письменному изложенію, юриспруденціи, морали (нравоученію), геральдикѣ и прочимъ воинскимъ и политическимъ наукамъ; въ высшемъ или первомъ классѣ продолжали обучаться тѣмъ наукамъ, къ которымъ показали въ предшествовавшихъ классахъ больше склонности, прилежанія и понятія, —переводились же они въ этотъ классъ и выпускались изъ него военными и гражданскими чинами не иначе, какъ послѣ строгаго экзамена въ академіи наукъ. Русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ, а также и латинскому — по охотѣ, кадеты обучались во всѣхъ классахъ, и каждый изъ нихъ, чтобы могъ получить основательныя познанія, долженъ быть въ ученіи въ высшихъ трехъ классахъ пять или шесть лѣтъ неотлучно⁵⁵⁵.

Такимъ образомъ, кадетскій корпусъ—это высшее учебное заведеніе, представляя собою естественное развитіе въ исторіи дворянскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, носило, по современнымъ требованіямъ, двойственный характеръ — военный и гражданскій вмѣстѣ, и, сверхъ того, имѣло важное значеніе для шляхетскихъ дѣтей, въ томъ отношеніи, что они могли выходить изъ него, по правамъ своего рожденія и воспитанія, прямо офицерами, не подвергаясь предварительной службѣ въ солдатахъ. Отсюда выходили гвардейскіе и армейскіе офицеры. Здѣсь получили образованіе нѣкоторые изъ лучшихъ нашихъ полководцевъ: Румянцевъ, Каменскій, Ферзенъ и многіе другіе⁵⁵⁶.

Независимо отъ кадетскаго корпуса, учрежденнаго въ столицѣ, заботливостію Анны Іоанновны и ея уважаемаго помощника Миниха, увеличено было въ губерніяхъ число школъ, въ которыхъ обучались малолѣтныя шляхетскія дѣти грамотѣ и воинской экзерциціи, а тѣмъ изъ нихъ, которыя были бѣдны, выдавалось и жалованье противъ солдатскихъ дѣтей⁵⁵⁷.

Не прекращалось также приготовленіе молодыхъ людей и къ гражданской службѣ при правительственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ — въ сенатѣ, въ коллегіяхъ и т. д. — Здѣсь отправляли они должности низшихъ канцелярскихъ служителей, а секретари учрежденій обязаны были обучать ихъ канцелярскому порядку, знанію указовъ и правъ государственныхъ кромѣ того, назначалось еще два дня въ недѣлю для обученія ихъ ариметикѣ, геометріи, геодезії, географіи и грамматикѣ⁵⁵⁸.

Равнымъ образомъ продолжали существовать и установленныя Петромъ Великимъ смотры шляхетскихъ недорослей, такъ какъ они давали правительству средство повѣрять, отбываетъ ли шляхетство лежація на немъ повинности, состоявшія главнымъ образомъ въ *службѣ* и въ *обученіи*. Смотрамъ этимъ назначены были въ 1737 году однообразные сроки, и точнѣе опредѣлено ихъ значеніе. Недоросли являлись на смотры четыре раза, въ разные періоды своего возраста. На первомъ смотрѣ, начинавшемся съ 7-ми лѣтняго возраста малолѣтковъ, они только записывались въ Петербургъ у герольдмейстера, въ

Приготовленіе шляхетскихъ дѣтей къ гражданской службѣ.

Продолженіе установленныхъ смотровъ.

Москвѣ и въ губерніяхъ — у губернаторовъ, и по запискѣ, оставлялись на попеченіи родителей или родственниковъ, обязанныхъ обучать ихъ въ своихъ домахъ. На второмъ смотрѣ, въ возрастѣ 12 лѣтъ, малолѣтки эти уже должны были знать чтеніе и письмо. На третьемъ — недоросли въ 16 лѣтъ, кромѣ закона Божія, должны были основательно знать ариметику и геометрію; родители и родственники, имѣвшіе средства продолжать обученіе дѣтей дома, могли брать ихъ къ себѣ и съ третьяго смотра до 20-ти лѣтняго возраста, — въ противномъ случаѣ шляхетскіе недоросли отдавались до урочныхъ лѣтъ въ кадетскій корпусъ, въ школы артиллерійскую, инженерную и др.; изъ недорослей, явившихся на третій смотръ, болѣе способные опредѣлялись въ гражданскую службу, а прочіе, не выучившіеся до этого смотра закону Божию, ариметикѣ и геометріи, отдавались безъ выслуги въ матросы. Наконецъ, четвертая и послѣдняя явка недорослей изъ шляхетства въ герольдію, для опредѣленія въ службу военную, требовалась въ 20 лѣтъ ихъ возраста, и тѣ, которые болѣе успѣли въ наукахъ, скорѣе другихъ производимы были въ чины, въ награду за прилежаніе⁵⁵⁹. Очевидно изъ сказаннаго, что первые три смотра — въ 7, 12 и 16 лѣтъ — имѣли значеніе экзамена, а послѣдній — въ 20 лѣтъ — распредѣленія на службу.

Всѣ эти распоряженія правительства, по отношенію къ шляхетству, показываютъ, что при Аннѣ Іоанновнѣ, какъ и при Петрѣ Великомъ, строго различались между собою двѣ службы, военная и гражданская, не только своею спеціальностію, но и общественнымъ значеніемъ. Военные чины продолжали сохранять свои преимущества и теперь, какъ-то было при Петрѣ Великомъ; и потому, когда чиновники гражданскіе дозволяли себѣ для большаго почета называться соответствующими по табели о рангахъ военными чинами, то послѣдніе всячески противодействовали такому стремленію первыхъ и достигли, наконецъ, того, что въ 1736 году состоялся именной указъ: «Найкрѣпчайше подтверждаемъ, чтобъ всѣ статскіе служители именовались тѣми статскими чинами, въ которыхъ они записаны, а военными чинами отнюдь не именовались бы, подъ опасеніемъ лишенія чина»⁵⁶⁰.

Въ царствованіе Елисаветы Петровны, приняты были мѣры къ образованію изъ шляхетства специальныхъ людей для государственной службы соотвѣтственно предначертаніямъ великаго ея родителя, по стопамъ котораго она сознательно слѣдовала⁵⁶¹. Мѣры эти проявились въ слѣдующихъ правительственныхъ распоряженіяхъ:

Мѣры къ образованію специальныхъ людей для службы.

Въ 1745 году отправлены были въ Англію трое русскихъ специалистовъ по морской части, для изученія англійскаго языка, съ тѣмъ, чтобы, по возвращеніи, могли они и книги переводить съ англійскаго на отечественный языкъ по части мореплаванія, сильно развитаго у англичанъ, и учить молодыхъ дворянъ въ существовавшей тогда въ Петербургѣ морской академіи⁵⁶².

Въ 1753 году начали обучать въ бергъ-коллегіи, завѣдывавшей разными отраслями промышленности, горной наукѣ шляхетскихъ дѣтей изъ школъ артиллерійской и инженерной, а также повелѣно было помѣщать въ артиллерійскую школу малолѣтнихъ дворянъ въ комплектъ преимущественно предъ тѣми, которые могли быть на собственномъ издивеніи.

Въ 1755 году предписано было обучать французскому и нѣмецкому языкамъ въ академіи наукъ молодыхъ дворянъ (юнкеровъ), находящихся при камеръ-коллегіи, завѣдывавшей доходами казны⁵⁶³.

Наконецъ, въ томъ же 1755 году 12 января, возникло въ Москвѣ, согласно съ мыслию Ломоносова — перваго русскаго ученаго, поборника цивилизаторскихъ идей Петра Великаго и талантливаго труженика, слѣдившаго за движеніемъ современнаго европейскаго общества, — капитальное, общепольное и самостоятельное учрежденіе — университетъ, и открыты, для основательной подготовки въ оный слушателей, двѣ гимназіи — одна для дворянъ, другая для разночинцевъ, исключая крѣпостныхъ крестьянъ⁵⁶⁴.

Основаніе въ Москвѣ университета.

Въ основаніи университета въ Москвѣ — сердцѣ народныхъ элементовъ, въ основаніи этого перваго чисто русскаго разсѣдника и хранилища роднаго просвѣщенія, мы встрѣчаемъ знаменательную эпоху мирныхъ преобразованій въ исторіи русскаго просвѣщенія, знаменательную потому, что это проч-

ное національное учрежденіе — нравственная сила Русской земли, готовящая на службу страны молодое поколѣніе дворянъ, приобретающихъ въ немъ дѣйствительное высшее научное образованіе, должно было проявить въ себѣ истинныя силы, мысли и честныхъ убѣжденій — проявить людей новыхъ, которые должны были дѣйствовать въ половинѣ XVIII вѣка; и въ которыхъ чувствовалась особенная потребность въ преддверіи блестящаго царствованія императрицы Екатерины II.

Между тѣмъ, вскорѣ по учрежденіи московскаго университета, встрѣтилось затрудненіе въ выполненіи одновременно двухъ лежавшихъ на шляхетствѣ обязанностей — обязанности службы и обязанности обученія. Шляхетскія дѣти, записанныя въ полки солдатами, а въ университетъ студентами, могли быть потребованы герольдмейстеромъ на службу во всякое время. По сему поводу, незабвенный основатель московскаго университета и первый его кураторъ (попечитель), дѣйствительный камергеръ Ив. И. Шуваловъ, донесъ, въ 1756 году, сенату, что «главное препятствіе въ достиженіи способныхъ людей состоитъ въ томъ, что дворянскія дѣти въ молодыхъ лѣтахъ, когда должно приготавливаться, чтобъ быть годными въ службу, на оную вступаютъ, имѣя многіе способы происходить по случаю, а не по достоинству», — ходатайствовалъ о томъ, чтобы дворянскіе недоросли, записанные въ полки солдатами, отпускались въ университетъ для обученія наукъ. — Уваживъ это представленіе, Сенатъ приказалъ: «Недорослей изъ шляхетства, которые были уже на смотрехъ, по желанію ихъ принимать въ университетъ возрастомъ отъ 7 до 8 лѣтъ, дозволивъ имъ обучаться въ университетѣ до 16, а смотря по склонностямъ къ наукамъ и до 20 лѣтъ; о числѣ принятыхъ и вновь вступающихъ дѣтей и юношей сообщать въ герольдію; а чтобы обучающіеся недоросли изъ шляхетства не могли чрезъ то потерять свое произвожденіе, то какъ въ воинскихъ, такъ и въ гражданскихъ командахъ, гдѣ они въ службу записаны, въ повышеніяхъ старшинствомъ не обходить, а произвожденіе имъ съ прочими въ тѣхъ командахъ чинить по указамъ»⁵⁶⁵. Вотъ гдѣ историческое основаніе тѣхъ классныхъ чиновъ, которые

даются нынѣ студентамъ университетовъ и воспитанникамъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній!

Та же забота русскаго правительства, о доставленіи высшего образованія шляхетскимъ дѣтямъ, ясно обнаружилась и въ кратковременное царствованіе преемника Елисаветы, Петра III. Въ знаменательномъ его манифестѣ 18 февраля 1762 г. постановлялось: «Родителямъ предоставляется право воспитывать дѣтей своихъ какъ внутри государства—въ училищахъ и домахъ, такъ и за границей, и они должны были только для свѣдѣнія, по минованіи 12 лѣтняго возраста ихъ сыновей, предъавлять о нихъ въ герольдіи, въ губерніяхъ, провинціяхъ, и городахъ, гдѣ кому выгоднѣе и способнѣе; при чемъ родители, или заступающіе ихъ мѣсто, обязывались объявлять, чему дѣти ихъ обучены были, и чему, гдѣ будутъ обучаться». Во всякомъ же случаѣ строго внушалось «не оставлять дѣтей безъ обученія пристойныхъ благородному дворянству наукъ». Для облегченія дворянамъ этой обязанности, тѣмъ, у которыхъ не болѣе 1000 душъ крестьянъ, предоставлялось опредѣлять дѣтей прямо въ кадетскій корпусъ, гдѣ «сыновья ихъ всему тому, что къ знанію благороднаго дворянства принадлежитъ, съ наибольшимъ раченіемъ обучаемы будутъ, а по изученіи, всякой, по его достоинству, съ награжденіемъ чиновъ, выпустится»⁵⁶⁶.

Продолженіе
заботы прави-
тельства о
образованіи
шляхетскихъ
дѣтей.

Императрица Екатерина II, въ первый годъ своего вцаренія на русскомъ престолѣ, учредила для 146 русскихъ дворянскихъ дѣтей артиллерійскій и инженерный шляхетскій корпусъ⁵⁶⁷.—Въ 1766 году изданъ былъ новый уставъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, и тогда же запрещено было принимать въ оный представляемыхъ дѣтей безъ достаточныхъ доказательствъ объ ихъ дворянствѣ⁵⁶⁸.—Но замѣчательнымъ является еще тотъ фактъ, что въ то время начали возникать уже и въ губерніяхъ учебныя заведенія на иждивеніи дворянскихъ обществъ; такъ, напримѣръ, въ 1777 году тверское дворянство основало училище на 180 бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей⁵⁶⁹.—Въ особенности же заботилась Екатерина II объ основанной Петромъ Великимъ академіи наукъ, далеко не процвѣтавшей подъ управленіемъ Кирилла Разумовскаго, сдѣлавшагося президентомъ ея съ 21 мая 1746 года. Для под-

натія этаго високаго учено-учебнаго заведенія, императрица не пожалѣла ни какихъ средствъ и пригласила, для управленія имъ, знаменитаго Эйлера, выразивъ свое, по этому случаю, удовольствіе въ всѣдующихъ словахъ: «я увѣрена», пишетъ государыня, «что моя академія возродится изъ пепла отъ такого важнаго приобрѣтенія, и заранѣе поздравляю себя съ тѣмъ, что возвратила Россіи этаго великаго человѣка»⁵⁷⁰.

Такъ развивались, въ теченіе XVIII вѣка, два существенныя, введенныя Петромъ Великимъ, по отношенію къ шляхетству, начала: *обязательная служба и обязательное обученіе*.— Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію историческихъ данныхъ, послужившихъ основаніемъ къ отмѣнѣ перваго изъ этихъ началъ, т. е. къ отмѣнѣ обязательной для шляхетства службы.

ГЛАВА III.

Уклоненіе шляхетства отъ обязательной службы.—Назначеніе для шляхетской службы 25 лѣтняго срока.—Развитіе высшими представителями шляхетства мысли о расширеніи его правъ.—Манифестъ 18 февраля 1762 года, объ освобожденіи дворянства отъ обязательной службы.—Начало привилегированнаго положенія дворянства.

Уклоненіе шляхетства отъ обязательной службы.

При разсмотрѣніи предмета, излагаемаго въ настоящей главѣ, надобно припомнить, что высшій классъ русскаго общества, со временъ Іоанна III, несъ вѣчно обязательную службу государству, и каждый членъ его получалъ вознагражденіе помѣстьями и вотчинами. Такимъ образомъ, классъ этотъ сдѣлался, въ одно и то же время, и служилымъ, и землевладѣльческимъ. Какъ служилый, т. е. служащій государю, классъ этотъ стремился къ Москвѣ, гдѣ былъ царскій дворъ, жаловались чины, откуда посылали на воеводство и въ разныя посылки; какъ классъ землевладѣльскій — хозяинъ своихъ помѣстьевъ и вотчинъ — тянулъ къ деревнѣ. Между тѣмъ, въ концѣ XVII столѣтія, царская служба стала тяжелѣе, и тѣ изъ служилыхъ людей, которые увлечены были деревенскою жизнью и мирными занятіями хозяевъ, начали укрываться отъ службы, не смотря на строгое, положенное за это закономъ взыскаіііе — батоги, лишеніе имѣнія и проч.⁵⁷¹.

Мы видѣли, что Петръ Великій не давалъ новыхъ помѣстьевъ за службу; но отъ людей, владѣвшихъ уже помѣстьями, требовалъ по-прежнему службы обязательной, постоянной во всю жизнь, какъ было и до него. Поэтому, однѣ и тѣ же причины производили одинакія явленія: шляхетство, преобразованное имъ и составленное изъ служилыхъ людей, не переставало проявлять тѣ же двойственныя движенія и въ XVIII вѣкѣ — высшее стремилось въ столицу, низшее, тяготясь обязательною службою, продолжало всѣми средствами уклоняться отъ нея и прятаться въ деревни. Дворяне и дворянскіе недоросли, укрывавшіеся отъ службы, подвергались, по указамъ Петра Великаго и его преемниковъ, различнымъ взысканіямъ — денежнымъ штрафамъ, конфискаціи (отпискѣ на государя) имѣній, тѣлеснымъ наказаніямъ и т. п.; но, не смотря на то, побѣги не уменьшались, дворяне продолжали уклоняться отъ службы, и никакія правительственныя противъ этого мѣры не помогали ⁵⁷².

Такое положеніе дѣла существовало до избранія на все-россійскій престолъ Анны Іоанновны въ 1730 году. Шляхетство, въ главѣ котораго были тогда высокоставленные по рожденію, рангамъ и образованію, дѣятели, Ив. Ив. Шуваловъ, В. Н. Татищевъ, Мусинъ—Пушкинъ и др., пользуясь обстоятельствами, заявило свой голосъ, объ облегченіи обязательной службы, чрезъ ограниченіе срока ея извѣстнымъ числомъ лѣтъ ⁵⁷³. Въ слѣдствіе сего, признано было необходимымъ удовлетворить всеобщему желанію назначеніемъ урочныхъ лѣтъ службы. Въ манифестѣ, изданномъ по сему случаю 31 декабря 1736 года, между прочимъ, было постановлено: «Всѣмъ шляхтичамъ, отъ 7 до 20 лѣтъ возраста ихъ, быть въ наукахъ, а отъ 20 лѣтъ употреблять въ военную службу, и всякій долженъ служить въ воинской службѣ, отъ 20 лѣтъ возраста своего, 25 лѣтъ; а по прошествіи 25 лѣтъ, всѣхъ, хотя бы кто еще и въ службу былъ годенъ, отъ воинской и статской службы отставлять, съ повышеніемъ одного ранга, и отпускать въ дома, а кто изъ нихъ добровольно больше служить пожелаетъ, такимъ давать на ихъ волю; а которые шляхтичи, за болѣзнями или ранами, по свидѣтельствамъ, явятся къ службѣ неспособны,

Назначеніе для шляхетской службы 25 лѣтняго срока.

могутъ быть отставлены и отпущены въ дома свои и до урочныхъ лѣтъ⁵⁷⁴.

Это былъ первый шагъ на пути освобожденія шляхетства отъ обязательной службы, тяготѣвшей надъ нимъ и его предшественниками, служилыми людьми, триста лѣтъ; второй и окончательный—сдѣланъ былъ при Петрѣ III.

Развитіе высшими представителями шляхетства мысли о расширеніи его правъ.

Сѣмена, брошенныя манифестомъ 1736 года, не исчезли безслѣдно; они дали всходъ и плодъ изобильный. Съ того времени, а въ особенности съ царствованія Елисаветы Петровны, шляхетство русское стало дѣлаться самостоятельнѣе, по мѣрѣ того, какъ лучше его представители болѣе и болѣе усвоивали себѣ знаніе политическихъ дѣлъ и разныхъ наукъ. Весьма естественно, что при такомъ умственномъ развитіи, въ шляхетствѣ росло сознаніе всей тягости своего постояннаго прикрѣпленія къ правительству—къ своей постоянной обязательности государству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ государственныхъ людяхъ русской земли являлось понятное стремленіе освободить своихъ шляхетныхъ сочленовъ отъ этаго тяжкаго для нихъ бремени.— Таеъ, одинъ изъ сподвижниковъ Петра Великаго, обязанный ему своимъ образованіемъ, трудолюбивый историкъ, Татищевъ, сильно хлопоталъ вмѣстѣ съ другими авторитетными личностями, объ опредѣленіи для шляхтичей срока службы⁵⁷⁵. Другой благороднѣйшій государственный мужъ того времени, Ив. Ив. Шуваловъ, предлагалъ даровать дворянству, между прочимъ, слѣдующія преимущества: у дворянина, впаваго въ преступленіе, конфисковать лишь благопріобрѣтенное, но не родовое имѣніе; онъ освобождается отъ безчестной политической казни и проч.—Подобныя же мысли, о необходимости расширенія правъ и преимуществъ шляхетства, издавна проводили: братья Воронцовы, другъ Шувалова генераль-адъютантъ А. П. Мельгуновъ, тайный секретарь Петра III Дмитрій Васильевичъ Волковъ и другіе⁵⁷⁶. Всѣ эти лица были весьма близки ко двору Елисаветы Петровны и имѣли вліяніе на дѣла. Такимъ образомъ, твердая почва для реформы была уже достаточно подготовлена, когда, по смерти императрицы, вступилъ на престолъ племянникъ ея, Петръ III Теодоровичъ⁵⁷⁷.

Манифестъ 18

Въ одну недѣлю, со дня своего царствованія, государь сей

увольнялъ отъ службы въ отставку болѣе 170 человекъ разныхъ чиновъ гвардіи (полковъ преображенскаго, семеновскаго, измайловскаго и коннаго) до капитана включительно, съ производствомъ ихъ въ слѣдующіе высшіе чины. Ясно, что отставка явилась въ родѣ награды и давалась, безъ всякаго сомнѣнія, по просьбѣ желавшихъ оставить военную службу. — Затѣмъ, 18 февраля 1762 года изданъ былъ Петромъ III манифестъ, «о дарованіи вольности и свободы всему російскому дворянству».

февраля 1762
годъ объ осво-
божденіи дво-
рянства отъ
обязательной
службы.

Послѣдствія дворянской свободы и вольности, какъ гласитъ этотъ основной законодательный актъ, состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Всѣ дворяне, на какой бы службѣ они ни находились, могутъ, въ силу этаго узаконенія, продолжать ее, или выйти въ отставку, съ такими ограниченіями: служащіе по военной части не могутъ просить отставки или отпуска, какъ во время кампаніи, такъ и за три мѣсяца предъ открытіемъ ея; а дворяне, состоявшіе въ военной службѣ въ нижнихъ чинахъ менѣе оберъ-офицерскаго, могли увольняться только тѣ, которые прослужили въ нижнихъ чинахъ болѣе 12 лѣтъ, остальные же, для полученія права на отставку, должны были служить до офицерскаго чина⁵⁷⁸; военные увольнялись отъ службы своими командующими, служащіе въ гражданской службѣ увольнялись отъ нея, по своему желанію, во всякое время — чиновники первыхъ восьми классовъ государемъ, а прочіе низшихъ классовъ подлежащими департаментами или начальствами; всѣ служащіе дворяне, при увольненіи въ отставку, буде служба ихъ была безпорочна и прослужили они въ одномъ чинѣ болѣе года, награждались однимъ слѣдующимъ рангомъ; переходившіе же изъ военной службы въ гражданскую повышались однимъ слѣдующимъ рангомъ только тогда, когда прослужили три года въ прежнемъ чинѣ.

2. Если дворяне, служившіе въ военной службѣ, по выходѣ въ отставку или по переходѣ въ гражданскую, вновь пожелаютъ вступить въ военную службу и окажутъ свои къ ней достоинства, то принимать таковыхъ тѣми же чинами, въ которыхъ они состоятъ, съ переименованіемъ военныхъ чиновъ, но старшинствомъ младшими предъ всѣми тѣми,

кои съ ними, когда они изъ военной службы уволены, въ однихъ рангахъ состояли; если жь послѣдніе всѣ уже повышены будутъ въ чинахъ, то и опредѣляющійся въ военную службу старшинство получить съ того дня, какъ опредѣлится⁵⁷⁹; равнымъ образомъ, кто, будучи отъ статской службы отставленъ, и потомъ изъ сей отставки пожелаетъ въ статскую же, и, по его годности, можно будетъ принять, то поступать, какъ сказано выше, исключая одно переименованіе; это постановляется, какъ сказано въ манифестѣ, для того, чтобы служащіе передъ неслужащими имѣли выгоду и пользу.

и 3. Если дворянинъ, уволенный отъ службы, пожелаетъ уѣхать за границу въ другія европейскія государства, такому иностранная коллегія должна давать паспортъ безпрепятственно, но съ обязательствомъ, чтобы онъ возвратился въ свое отечество по первому требованію правительства, подъ штрафомъ секвестра его имѣнія; пребывающій же въ чужихъ краяхъ дворянинъ можетъ поступать на службу у другихъ коронованныхъ главъ, и затѣмъ, съ тѣмъ же чиномъ, на который предъявить иностранный патентъ, можетъ перейти въ русскую службу⁵⁸⁰.

Начало и привилегированнаго положенія дворянства.

Таковы права, предоставляемые манифестомъ 18 февраля 1762 года всему русскому благородному дворянству. По своему содержанію, манифестъ этотъ имѣетъ первостепенную важность въ исторіи русскаго дворянства. Онъ освободилъ дворянство отъ обязательной службы государству, и сдѣлалъ дворянство классомъ привилегированнымъ, отличающимся отъ другихъ, непривилегированныхъ классовъ, своими правами и преимуществами. Онъ впервые даровалъ дворянству юридическія права, которыхъ оно до того времени не имѣло, и окончательно опредѣлил то {положеніе дворянъ въ государствѣ, какое сохранили они до настоящаго времени; положеніе же это обозначилось въ томъ, что обязательная служба, снятая съ дворянъ въ 1762 году, осталась нравственною обязанностію, требуемою правилами чести и чувствомъ личнаго достоинства благородныхъ людей. Съ этой точки зрѣнія обязанность службы для дворянина сохраняется въ общественномъ пониманіи, какъ необходимая принадлежность дворянства: она не исчезаетъ даже до нашихъ дней⁵⁸¹. Словомъ, манифестъ 1762 г.

составляет полное отступничество отъ прежнихъ убѣждений и правительственныхъ порядковъ, относительно дворянской службы государству, и ясно выражаетъ то, что признано было лучшими государственными и частными людьми необходимымъ, — людьми, дорожившими интересомъ своей страны и стремившимися къ благу ея.

ГЛАВА IV.

Грамата, жалованная дворянству 21 апрѣля 1785 года. — Права, дарованныя дворянству: Вольность и свобода отъ обязательной службы. — Свобода отъ тѣлеснаго наказанія. — Право поземельной собственности. — Право на занятіе въ некоторыхъ промыслахъ и торговлю. — Свобода отъ личныхъ податей. — Неукосновенность дворянскаго достоинства.

Императрица Екатерина II, по востшествіи своемъ на престолъ 28 іюня 1762 года, признавъ упомянутый манифестъ Петра III не вполне соответствовавшимъ требованію времени и пользамъ государственнымъ, учредила при дворѣ своемъ изъ первыхъ государственныхъ сановниковъ комиссію, которой поручено было рассмотреть этотъ актъ и привести его содержаніе въ лучшее совершенство, расширеніемъ дарованныхъ имъ дворянству правъ ⁵⁸². Затѣмъ, когда комиссія выполнила порученное ей дѣло, императрица, по зрѣломъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ и трудовъ комиссіи, даровала дворянству жалованную грамоту 21 апрѣля 1785 года — безсмертный памятникъ ея ума и великодушія ⁵⁸³.

Какъ женщина отлично образованная, стоявшая, по своему уму и развитію, далеко выше всѣхъ окружавшихъ ее сподвижниковъ — людей то же даровитыхъ, Екатерина II въ этой грамотѣ, съ тактомъ и искусствомъ только ей свойственнымъ, сумѣла согласить законы и намѣренія геніальнаго предшественника своего, Петра Великаго, съ актомъ Петра III, и съ существенными потребностями государства. Она обратила вниманіе, главнымъ образомъ, на то, чтобъ установить наилучшую, по возможности, гармонію между интересами государства и интересами дворянства, т. е. чтобы интересы послѣдняго не шли въ разрѣзъ съ интересами перваго. Въ слѣдствіе сего,

опредѣливъ съ точностію, на основаніи табели о рангахъ 1722 года, составъ благороднаго сословія, значеніе его и степень въ государствѣ, императрица не только подтвердила все, что даровано ему Петромъ III; но, уважая человѣческое достоинство, увеличила права того сословія другими, не менѣе важными преимуществами, послужившими основой для новаго порядка дѣлъ.

Въ знаменательной граматѣ 1785 года мы встрѣчаемъ въ первый разъ, что высшему классу людей, дворянству, даруются и обезпечиваются этимъ закономъ личныя права, — впервые выступаетъ въ этомъ классѣ на сцену лицо—человѣкъ, котораго безъ суда нельзя подвергнуть ни какому наказанію ⁵⁸⁴.— Главнѣйшія же права и преимущества дворянства, о которыхъ говорится въ дворянской граматѣ, суть слѣдующія:

Вольность и свобода отъ обязательной службы ⁵⁸⁵.

Свобода отъ тѣлеснаго наказанія ⁵⁸⁶.

Право поземельной собственности ⁵⁸⁷

Право на занятіе нѣкоторыми промыслами и торговлею ⁵⁸⁸.

Свобода отъ личныхъ податей ⁵⁸⁹.

Неприкосновенность дворянскаго достоинства ⁵⁹⁰.

Въ этомъ порядкѣ мы и прослѣдимъ права и преимущества дворянства.

Вольность и
свобода отъ
обязательной
службы.

Жалованная дворянству грамота не создаетъ для него новыхъ служебныхъ правилъ; она даетъ только полную и безусловную силу постановленіямъ по этому предмету манифеста 18 февраля 1762 года, именно подтверждаетъ на вѣчныя времена, въ потомственные роды, россійскому дворянству: а) вольность и юридическую свободу ⁵⁹¹; б) дозволеніе находиться на государственной службѣ, продолжать ее, или просить отъ нея увольненія, по установленнымъ на то правиламъ ⁵⁹²; и в) право выѣзжать въ чужіе края и вступать въ службу прочихъ европейскихъ, союзныхъ Россіи, державъ ⁵⁹³. Такимъ образомъ, по смыслу этихъ постановленій, обязанность дворянства нести службу, имѣвшая характеръ принудительный, превращена въ право поступленія на службу—въ право служить отечеству, какъ въ чинахъ военныхъ, такъ и гражданскихъ, и пользоваться

особыми, при производствѣ въ чины, преимуществами предъ прочими званіями ⁵⁹⁴.

Производство въ военные чины при Петрѣ Великомъ, какъ уже объяснено выше, не обуславливалось ни какимъ сословнымъ преимуществомъ, и, какъ знатные, такъ и простолюдины, должны были начинать военную службу солдатами; поэтому, въ первыхъ гвардейскихъ полкахъ нашихъ, преображенскомъ и семеновскомъ, всѣ почти солдаты были дворяне. — При Елисаветѣ Петровнѣ дѣти дворянъ опредѣлялись въ военную службу не иначе, какъ, сначала солдатами, а потомъ уже производились по линіи, по старшинству и достоинству, въ унтеръ-офицеры и въ оберъ-офицеры. Въ послѣдствіи, одни только дворяне производились въ капралы и въ унтеръ — офицеры гвардіи ⁵⁹⁵. — Не отмѣняя этихъ правилъ, Екатерина II первоначально, въ 1765 году, постановила, чтобъ для недворянъ оставался, согласно манифесту 18 февраля 1762 года, 12 лѣтній въ нижнихъ чинахъ срокъ для полученія оберъ-офицерства ⁵⁹⁶; дворянамъ же, служившимъ въ военной службѣ, даваемы были бы чины подпрапорщика и младшаго сержанта, изъ которыхъ они должны были производиться въ офицеры предпочтительно предъ недворянами, не взирая на старшинство послѣднихъ ⁵⁹⁷. Потомъ, императрица узаконила, чтобы, при опредѣленіи на службу въ полки гвардіи дворянскихъ сыновей, требуемы были свидѣтельства губернскихъ предводителей, о дворянской породѣ опредѣляющихся, а безъ таковыхъ свидѣтельствъ въ гвардію не принимать ⁵⁹⁸. — Такъ постоянно развивались начала сословной привилегіи дворянъ по службѣ военной.

Гражданскіе чиновники, въ царствованіе Петра Великаго, братьи были изъ шляхетства; но такъ какъ не было положительнаго ограниченія для вступленія въ гражданскую службу и лицамъ другихъ состояній, то встрѣчаются примѣры, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ служили въ приказныхъ чинахъ, т. е. канцелярскими служителями, и крестьяне ⁵⁹⁹. Ограниченіе — начинается при Екатеринѣ II, еще за нѣсколько лѣтъ до изданія ею дворянской грамоты. Въ 1771 году положительно было воспрещено принимать въ статскую службу людей податнаго званія ⁶⁰⁰. Съ этого времени право поступать въ граж-

данскую службу предоставлено было преимущественно дворянству, и ни какихъ изъятій въ этомъ отношеніи допускаемо не было, не смотря на большой недостатокъ канцелярскихъ служителей во многихъ губерніяхъ. Сроки для производства въ гражданскіе чины опредѣлены въ 1760 году; предписано было: жаловать канцеляристовъ регистраторскими чинами, а регистраторовъ секретарями, не прежде, какъ по прослуженіи ими 8 лѣтъ въ настоящихъ чинахъ⁶⁰¹. Впрочемъ, какъ это предписаніе, такъ и позднѣйшій законъ 1767-года, установившій 7 лѣтній срокъ службы въ одномъ чинѣ, для производства въ другой, не даютъ еще при этомъ никакихъ привилегій для дворянъ⁶⁰²; только лишь въ 1772 году повелѣно было — въ представленіяхъ сенату о награжденіи чинами прописывать, изъ какого званія кто поступилъ въ службу⁶⁰³. Наконецъ, законъ 1790 года окончательно устанавливаетъ сословную привилегію въ чиновномъ производствѣ по гражданской службѣ, назначеніемъ болѣе сокращенныхъ сроковъ для производства въ чины дворянъ, и повышеніемъ сроковъ для производства въ VIII классъ недворянъ. Закономъ этимъ повелѣвается: а) производить въ чины до VIII класса только тѣхъ, которые прослужили 3 года въ одномъ чинѣ; б) изъ коллежскихъ секретарей въ титулярные совѣтники, и изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе ассесоры, недворянъ не иначе производить, какъ по прослуженіи ими 12 лѣтъ безпорочно, а о представляемыхъ до этого срока докладывать государынѣ; в) при отставкѣ повышать однимъ рангомъ только дворянъ, прослужившихъ въ послѣднемъ чинѣ одинъ годъ; и г) дворянамъ свободно переходить изъ статской службы въ военную на основаніи манифеста 18 февраля 1762 года, а статскимъ чинамъ недворянскаго происхожденія такой переходъ былъ возвращенъ⁶⁰⁴. Были примѣры, что переходъ изъ гражданской службы въ военную совершался съ тѣмъ же чиномъ; такъ, въ 1762 году, по воцареніи Екатерины II, нѣсколько титулярныхъ совѣтниковъ были переименованы капитанами кавалергардовъ⁶⁰⁵. Въ послѣдствіи, въ 1791 году, въ дополненіе къ вышеизложеннымъ правиламъ, постановлено было, чтобы, при представленіяхъ къ чину коллежскаго ассесора, на-

чальства прилагали и свидѣтельства о дворянствѣ представляемыхъ⁶⁰⁶.

Очевидно, изъ всего сказаннаго, что по службѣ граждансвой, равно какъ и по военной, установлены были Екатериною II, для чиновпроизводства, начала сословной привилегіи; они не выводились изъ нашего законодательства и въ послѣдующія времена.

Дворянство не пользовалось въ Россіи свободою отъ тѣлеснаго наказанія до изданія, въ 1785 году, дворянской грамоты. Современникъ царя Алексѣя Михайловича, Котошихинъ, въ статьѣ своей о разбойномъ привазѣ пишетъ, что за разбой, поджогъ и другія преступленія пытали всякаго «какого чину ни буди — князь, или бояринъ, или простой человѣкъ»⁶⁰⁷. Такимъ образомъ, служилые люди всѣхъ безъ изъятія чиновъ подвергались въ древней Россіи тѣлеснымъ наказаніямъ; людей всѣхъ разрядовъ, за самыя обыкновенныя проступки, били батогами, несостоятельныхъ должниковъ ставили на «правежъ», т. е. ежедневно по нѣсколько часовъ колотили батогами по ногамъ впередъ до уплаты долга, а за преступленія уголовныя были положены жестокія казни — висѣлица, обезглавленіе, сажаніе на колъ и т. п. — Наказанія эти продолжали существовать при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ; и потому, шляхетство подлежало въ тѣ времена тѣлеснымъ наказаніямъ наравнѣ со всѣми другими общественными классами, не исключая священниковъ и прочихъ лицъ духовнаго званія⁶⁰⁸.

Присемъ надобно замѣтить, что до Петра Великаго тѣлесныя наказанія были дѣломъ обыкновеннымъ, ни мало не нарушающимъ обычнаго строя жизни. Они не лишали царскихъ чиновныхъ людей ни чести, ни гражданскихъ правъ прежняго состоянія; ихъ били внутомъ, или плетми, и, затѣмъ, возвращали къ прежней должности — къ должности судьи приказа, воеводы полка или города, стольника или стряпчаго, — а боярской, окольнической, стольнической или стряпческой чести ни какого позора (потери) отъ того не было. Только Петръ Великій впервые установилъ, что «шельмованный» и публично на площади наказанный лишается своего титула и ранга, «безчестится», такъ какъ всякій членъ обще-

(свобода отъ тѣлеснаго наказанія).

ства долженъ чуждаться его «мерзить» имъ, не долженъ ни здороваться, ни привѣтствовать его»⁶⁰⁹.

Во второй половинѣ XVIII вѣка, возникли у насъ знаменательныя явленія, которыя не могли пройти безслѣдно. Между тѣмъ какъ съ одной стороны, умственное движеніе, начавшееся уже тогда въ привилегированной части нашего общества, совершало исподволь дѣло цивилизаціи, съ другой—кротость и привѣтливость — главныя отличительныя черты личнаго характера Елисаветы Петровны, высокій умъ и обширныя знанія Екатерины II, — сильно повліяли на смягченіе въ Россіи нравовъ, которые поэтому, въ промежутокъ времени царствованія императрицъ, много потеряли своей прежней грубости. Естественно, что, при такомъ направленіи, дворянство, вступившее на путь европейской цивилизаціи, стало уже смотрѣть на тѣлесныя наказанія, которымъ подвергались члены его; по установившемуся издавна въ московскій періодъ крѣпостному порядку, какъ на наказанія, позорящія честь и доброе имя дворянина — честь и достоинство сословія⁶¹⁰. Такой взглядъ на предметъ не замедлил выразиться и въ законѣ 1756 года, которымъ постановлено было, что если сыщивкамъ разбойниковъ не будутъ оказывать помощи управители, то тѣхъ изъ нихъ, которые не изъ дворянъ, бить плетями, а которые изъ дворянъ содержать подъ карауломъ⁶¹¹. — Обнаружилось также, что лучшіе изъ дворянства русскаго люди, не могли уже переносить того, что односословниковъ ихъ подвергали унижительнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, продолжали громко заявлять свои голоса, объ уничтоженіи ихъ. Такъ, Ив. Ив. Шуваловъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей, проектируя въ 1750 году для своего отечества «фундаментальныя и непремѣнныя законы», требовалъ, чтобъ освободили дворянъ отъ безчестной политической казни — отъ внута и плетей. А въ послѣдствіи времени, еще энергичнѣе заявлено было въ комиссіи 1767 года дворянскими депутатами елецкимъ, медынскимъ, ярославскимъ и кашинскимъ, требованіе о томъ, чтобы всякій дворянинъ избавленъ былъ навсегда отъ тѣлеснаго наказанія въ какое ни впалъ бы онъ преступленіе⁶¹².

Неизвѣстно, сдѣлано-ли что-нибудь Екатериною II на

практикѣ, для удовлетворенія этихъ заявленныхъ требованій, въ промежутокъ времени отъ закрытія означенной комиссіи до изданія въ 1785 году дворянской граматы; но въ самой этой граматѣ уже постановлено было: «тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго», а съ тѣмъ вмѣстѣ распространено это постановленіе и на служащихъ въ нижнихъ воинскихъ и гражданскихъ чинахъ дворянъ, которые до того времени подвергались всѣмъ тѣмъ наказаніямъ, что и рядовые изъ простолюдиновъ⁶¹³. Безспорно, что уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній имѣло облагороживающее вліяніе на все дворянское сословіе.

Въ третьемъ періодѣ настоящаго «очерка исторіи русскаго дворянства» уже объяснено, что въ московскомъ государствѣ поземельную собственность составляли два различные вида владѣнія — помѣстья и вотчины, различные потому, что первыя имѣли въ началѣ характеръ государственный, вторыя — частный гражданскій; упомянуто было также и о томъ, что, съ теченіемъ времени, въ концѣ XVII вѣка, помѣстья и вотчины фактически слились въ одинъ видъ поземельнаго владѣнія, составляя собственность владѣльцевъ, и владѣнія таковыя обусловливались непремѣнною обязательною службою государству, слѣдовательно принадлежали только лицамъ служилого класса — царскимъ чиновнымъ людямъ; и что, наконецъ, владѣнія помѣстьями и вотчинами, такимъ недвижимымъ имуществомъ, на которое распространялось регальное право государства, въ сущности представляло въ рукахъ владѣльцевъ неполную или несвободную поземельную собственность, такъ какъ имущество это возможно было только подъ условіемъ службы государству, а въ случаѣ уклоненія отъ нея, отбирались отъ владѣльцевъ безразлично помѣстья и вотчины.

Право поземельной собственности.

Оставивъ владѣніе поземельною собственностію въ своей силѣ и при преобразованіи служилыхъ людей въ шляхетство, Петръ Великій закономъ, изданнымъ 23 марта 1714 года, о майоратѣ, установилъ одинъ и тотъ же порядокъ единонаслѣдія, какъ въ помѣстьяхъ, такъ и въ вотчинахъ⁶¹⁴; и тѣмъ самымъ соединилъ ихъ и юридически подъ общимъ названіемъ недвижимыхъ имуществъ, т. е. облекъ въ форму закона то,

что уже до него существовало на дѣлѣ ⁶¹⁶. Но это уравненіе помѣстьевъ съ вотчинами не измѣнило древняго начала поземельнаго права въ Россіи, по которому *«одинъ только государь есть полный хозяинъ и вотчинникъ всей поземельной собственности въ русской странѣ»* ⁶¹⁶. Этотъ вотчинный взглядъ древней Россіи на недвижимыя имущества ясно выразился и при Петрѣ Великомъ въ его извѣстномъ распоряженіи, въ силу котораго, города Копорье и Ямбургъ ⁶¹⁷ переданы были въ частное владѣніе свѣтлѣйшему князю Александру Даниловичу Меншикову ⁶¹⁸.

На основаніи того же регального начала, несвободная поземельная собственность шляхетства превратилась при Петрѣ Великомъ въ весьма ограниченное владѣніе по предмету: А. *пользованія*, и Б. *распоряженія ею*, какъ показываютъ это нижеслѣдующіе, болѣе крупные факты, почерпнутые изъ современныхъ законоположеній.

А. По предмету ограниченія права *пользованія* недвижимыми имуществами:

Въ 1700 году повелѣно было воеводамъ и особымъ чиновникамъ отыскать руды на земляхъ всѣхъ частныхъ владѣльцевъ, которые до того времени могли свободно добывать металлы и минералы въ нѣдрахъ своихъ земель. «Намъ однимъ, яко монарху», говоритъ Петръ Великій въ указѣ объ учрежденіи оберъ-коллегіума, «принадлежатъ рудокопныя заводы; но мы, по любви въ нашимъ подданнымъ, милостиво соизволяемъ употребленіе ихъ каждому и всѣмъ вообще, кто имѣетъ въ тому охоту». Въ слѣдствіе сего, всякому дано было право, какъ на собственныхъ, такъ и на чужихъ земляхъ, искать, плавить, варить и чистить всякіе металлы ⁶¹⁹. Въ 1703 году запрещено было владѣльцамъ земель, на пространствѣ 50 верстъ отъ большихъ и 20 - отъ малыхъ рѣкъ, удобныхъ для сплавки лѣсовъ, рубить дубъ, вѣль, большую сосну и др. — Въ 1704 году нѣкоторыя угодья на владѣльческихъ земляхъ причислены были къ казеннымъ оброчнымъ статьямъ; въ нимъ относились: пчельники, обложенные оброкомъ, какъ казенныя статьи; рыбныя ловли, отдаваемые въ содержаніе изъ-за платежа въ казну оброка; охота или ловля звѣрей и птицъ въ окрестностяхъ

Петербурга и Москвы; а съ мельницъ, принадлежащихъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, повелѣно было брать, въ видѣ оброка, одну четвертую часть дохода⁶²⁰.

Всѣ эти ограниченія оставались въ силѣ до царствованія Екатерины II. Манифестомъ ея, изданнымъ 28 іюня 1782 года⁶²¹, право собственности владѣльцевъ распространено на всѣ произведенія земли, какъ на поверхности, такъ и въ нѣдрахъ ея содержащіяся, — на лѣса, на рыбныя ловли, на все имѣніе, со всѣми угодьями въ немъ находящимися, съ отмѣною также еще въ 1775 году сбора съ владѣльческихъ мельницъ, сдѣлавшихся затѣмъ полною собственностію ихъ владѣльцевъ. Права эти вполне подтверждены благороднымъ и въ жалованной дворянству грамотѣ 21 апрѣля 1785 года⁶²².

Б. По предмету ограниченія права *распоряженія* недвижимыми имуществами:

Въ преобразовательной своей дѣятельности Петръ Великій, обративъ вниманіе на матеріальный бытъ служащихъ дворянъ, нашелъ, что раздѣленіемъ недвижимыхъ имѣній между всѣми наследниками наносится великій вредъ интересамъ государственнымъ и самимъ дворянскимъ фамиліямъ, потому что члены ихъ впадаютъ въ бѣдность и, не имѣя средствъ съ достоинствомъ поддержать свои фамиліи, дѣлаются часто поселянами⁶²³. Въ слѣдствіе сего, дабы предупредить раздробленіе дворянскихъ вотчинъ и, устраненіемъ раздробленія, еще болѣе возвысить дворянское достоинство, Петръ Великій издалъ, 23 марта 1714 года, законъ о майоратѣ, или единонаслѣдіи въ движимыхъ и недвижимыхъ имуществвахъ. Въ силу этого закона, дворянинъ не имѣлъ права ни продать, ни заложить своей недвижимой собственности (помѣстьевъ и вотчинъ), а долженъ передать ее, посредствомъ завѣщанія, одному изъ сыновей по своему благоусмотрѣнію; прочіе же сыновья, которымъ, по раздѣлу, достанется только часть движимаго имущества, должны были, по словамъ закона, собственными трудами, службою, ученіемъ, искусствомъ, торгами, снискивать себѣ пропитаніе и приобрѣтать уваженіе общества⁶²⁴.

Но майоратъ, введенный Петромъ Великимъ, какъ показъ опытъ, сдѣлался страшнымъ бременемъ для русскаго

шляхетства рядоваго. Оно сильно тяготилось, строго исполнявшимся, въ теченіе 15 лѣтъ (1714 — 1730), майоратомъ, который съ одной стороны вызвалъ значительное разстройство сельскихъ хозяйствъ, отъ того, что наслѣдникъ получалъ деревни и земли безъ зерноваго хлѣба и скота, а съ другой — ввергалъ членовъ шляхетства въ бѣдность и заставлялъ ихъ терять шляхетскіе поступки. Посему, и въ слѣдствіе представленія сената, императрица Анна Іоанновна отмѣнила (31 декабря 1730 г.) законъ о майоратѣ, и, возстановивъ тотъ порядокъ наслѣдованія, который опредѣленъ былъ въ уложеніи (1649 г.), сняла съ шляхетства ограниченное право распоряжаться своими недвижимыми имѣніями⁶²⁵. Затѣмъ Екатерина II жалованною грамотою 1785 года подтвердила дворянству полную свободу распоряжаться благопріобрѣтенными имѣніями, ограничивъ только право распоряженія имѣніями родовыми⁶²⁶.

Замѣчено уже въ подлежащихъ мѣстахъ настоящаго историческаго изложенія, что помѣстья и вотчины, слившіяся въ одинъ видъ владѣнія, извѣстный со временъ Петра Великаго подъ именемъ недвижимыхъ поземельныхъ владѣній, лежащихъ въ уѣздахъ, принадлежали исключительно служилымъ чиновнымъ людямъ отъ самаго начала установленія въ Россіи помѣстной системы. Между тѣмъ, въ царствованіе Петра Великаго, образовалось сословіе, названное шляхетствомъ, въ составъ котораго вошли прежніе служилые люди и новыя личности, въ силу пріобрѣтенія послѣдними чиновъ, введенныхъ Петромъ Великимъ⁶²⁷.—Шляхетство это, по табели о рангахъ, раздѣлялось на потомственное и личное⁶²⁸. Не подлежало никакому сомнѣнію, что члены потомственнаго шляхетства имѣли право владѣть недвижимою поземельною собственностію въ уѣздахъ, и право это основывалось на томъ соображеніи, что на нихъ лежала обязательная служба государству, за отбываніе которой владѣли они помѣстными и вотчинными землями, съ прикрѣпленными къ этимъ землямъ крестьянами. Но при этомъ естественно возникалъ вопросъ о томъ, въ правѣ ли вновь созданное табелью о рангахъ личное шляхетство владѣть подобнымъ недвижимымъ имуществомъ? Законодательство

Петра Великаго не разрѣшило этого вопроса. — Потомъ, въ законахъ, изданныхъ Анной Иоанновной и Елисаветой Петровной, постановлено, что личное шляхетство можетъ владѣть тою только поземельною собственностію, которою оно уже прежде владѣло, но приобрѣтать подобную собственность вновь не въ правѣ ⁶²⁹. Наконецъ, Екатерина II, жалованною грамотою 1785 года, право на поземельную собственность, населенную крестьянами, положительно утвердила за однимъ только потомственнымъ дворянствомъ, предоставивъ ему именоваться и писаться помѣщиками своихъ помѣстьевъ и вотчинъ, родовыхъ, благоприобрѣтенныхъ, жалованныхъ ⁶³⁰.

Не должно упускать изъ вида, при разсмотрѣніи права поземельной собственности, еще и того, что у насъ существовалъ установившійся столѣтіями обычай, по которому служилые люди, въ продолженіе всего московскаго періода, и шляхетство, въ теченіе первой половины XVIII вѣка, за всякое преступленіе или нарушеніе служебныхъ обязанностей, подвергались отнятію у нихъ помѣстьевъ и вотчинъ, съ отпискою (конфискаціею) ихъ на государя, и съ устраненіемъ отъ таковыхъ имѣній наслѣдниковъ ⁶³¹. Обычай этотъ вытекъ изъ одного и того же стариннаго вотчиннаго начала — изъ регальнаго права правительства на землю, по второму служилые люди до-петровскихъ временъ и шляхетство первой половины XVIII вѣка владѣли землями не на правѣ полной собственности, а владѣли ими какъ жалованьемъ за обязательную службу государству; но, какъ скоро обязательная служба дворянства была отмѣнена и поземельное владѣніе признано было полною собственностію его, то и отписка, за преступленіе дворянина, имѣнія его на государя, явилась несостоятельною и необходимо должна была упраздниться. Вотъ почему жалованною грамотою 1785 года узаконено: «наслѣдственное имѣніе благороднаго, въ случаѣ осужденія его за преступленіе, отдавать его законнымъ наслѣдникамъ» ⁶³². Итакъ, жалованная дворянству грамота уничтожила конфискацію дворянскихъ имѣній; конфискація удержана только, какъ исключеніе, за политическія преступленія, но, во всякомъ случаѣ, по повелѣнію верховной власти ⁶³³.

Право на заня-
тіе нѣкоторы-
ми промыслами
и торговлею.

Главная и существенная повинность служилыхъ чиновныхъ людей, названныхъ въ царствованіе Петра Великаго шляхетствомъ, состояла въ постоянной обязательной службѣ государству, и потому заниматься торговлею и промыслами считалось вообще несомвѣстнымъ съ этою, лежавшею на шляхетствѣ, службою. Но такъ какъ члены шляхетства, кромѣ значенія служебнаго, имѣли еще значеніе помѣщиковъ и землевладѣльцевъ, то имъ, какъ сельскимъ хозяевамъ, дозволена была продажа произведеній своихъ деревень. При томъ же шляхетство, имѣя исключительное право винокурения на своихъ земляхъ, предоставленное ему указомъ Петра Великаго 1716 года, дѣйствіе котораго подтверждено было и при преемницѣ его, Екатеринѣ I, въ 1726 году, вмѣстѣ съ этою привилегіей, приобрѣтало и право подряда на поставку вина ⁶³⁴—право присвоенное также законодательствомъ Елисаветы Петровны и Екатерины II однимъ только дворянамъ ⁶³⁵.

Екатерина II держалась господствовавшаго, въ ея время, въ западной Европѣ общественнаго мнѣнія о томъ, что занятіе торговлею считалось несомвѣстнымъ съ достоинствомъ человека благороднаго, дворянина ⁶³⁶. Поэтому и въ жалованной ею, въ 1785 году, дворянству грамотѣ, она подтвердила только прежнее право дворянъ продавать произведенія ихъ дворянскихъ хозяйствъ, дозволивъ произведенія эти отпускать оптомъ даже за границу ⁶³⁷. И хотя, въ слѣдующемъ 1786 году, подтверждено также ею право дворянъ вступать въ подряды всякаго рода, свойственные дворянской собственности, съ распространеніемъ его на всѣхъ служащихъ дворянъ въ какихъ бы должностяхъ они ни были ⁶³⁸; однако начало, по которому существенное достоинство дворянина заключалось не въ торговомъ оборотѣ, а главнымъ образомъ въ службѣ военной и гражданской, оставалось неизмѣннымъ, какъ видно изъ постановленія сената 1790 года, положительно воспрещавшаго дворянамъ записываться въ гильдіи ⁶³⁹.

Свобода отъ
личныхъ по-
датей.

Обязательная служба государству составляла личную повинность какъ служилого класса, существовавшаго въ до-петровской Россіи, такъ и зародившагося, въ началѣ XVIII вѣка, шляхетства; къ личнымъ же податямъ привлечены были другіе

классы русскаго общества—купцы, жители городовъ, слободъ и крестьяне разныхъ наименованій.—Въ послѣдствіи, по указу Петра Великаго 1718 года, произведена была первая ревизія, для введенія подушной подати, на содержаніе полковъ⁶⁴⁰, и въ ревизскія сказки внесены были классы, обложенные личными податями; классъ же служилыхъ людей, т. е. шляхетство, на которомъ лежала обязательная служба государству, въ эти сказки не было внесено. Отсюда начинается строгое юридическое различіе между податными и неподатными классами. Къ послѣдней категоріи принадлежало именно шляхетство, какъ такой классъ, который постоянно отбывалъ обязательную службу государству.

Между тѣмъ, когда эта обязательная служба снята была съ шляхетства въ 1762 году, оно не подвергалось и тогда личнымъ податямъ и, такимъ образомъ, оставленная за нимъ свобода отъ этаго рода повинностей сдѣлалась уже чисто сословной привилегіей, основанной единственно на достоинствѣ дворянскаго состоянія — сдѣлалась внѣшнимъ юридическимъ разграниченіемъ благородныхъ отъ худородныхъ⁶⁴¹. При такомъ направленіи дѣла, жалованная въ 1785 году дворянству грамота не дѣлаетъ ни какихъ измѣненій въ этомъ отношеніи и узаконяетъ только то, что уже, до изданія грамоты, исторически сложилось въ пользу дворянства, т. е. освобождаетъ это сословіе отъ личныхъ податей, которыми обложены исключительно простой народъ⁶⁴².

До эпохи славнаго царствованія Екатерины II, люди высшаго класса русскаго общества, каковыми считались въ старину служилые чиновники, а съ XVIII вѣка, члены шляхетства, въ случаѣ преступленій или какихъ нибудь провинностей, подвергались наказаніямъ, часто по одному слову государеву и его личному взгляду, безъ всякаго предварительнаго судебного разбирательства противузаконныхъ дѣйствій ихъ. Въ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» С. М. Соловьева, приводится множество примѣровъ въ подтвержденіе того, что чиновные люди, безъ суда, лишались чести, чиновъ, недвижимыхъ имѣній, съ отпискою ихъ на государя, перечислялись изъ высшаго разряда въ низшій и т. п. Первый законода-

Неприкосновенность дворянскаго достоинства.

тельный актъ, установившій защиту дворянства посредствомъ суда, есть грамота, пожалованная Екатериною II всему российскому дворянству въ 1785 году. Грамота желаетъ, чтобы «почтительное состояніе благороднаго дворянства сохранялось непоколебимо и ненарушимо». Она требуетъ, чтобы дворяне не лишались дворянскаго достоинства, пока сами не лишатъ себя онаго преступленіемъ, основаніемъ дворянскаго достоинства противнымъ. Къ такимъ преступленіямъ грамота относитъ: нарушеніе клятвы, измѣну, разбой, воровство всякаго рода, живые поступки, преступленія, за кои по закону слѣдуетъ лишеніе чести и тѣлесное наказаніе, подговоръ другихъ въ подобнымъ преступленіямъ.

Но каковы бы ни были преступленія дворянина, безъ суда, и притомъ суда своими равными, онъ не могъ лишиться ни дворянскаго достоинства, ни жизни, ни имѣнія. Притомъ, дѣло дворянина, подвергающагося за свои преступленія лишенію дворянскаго достоинства или жизни, не вершилось безъ внесенія въ сенатъ, откуда поступало на высочайшую конфирмацію⁶⁴³. — Начала эти, впервые выраженные въ пожалованной дворянству грамотѣ и внесенныя, въ послѣдствіи, въ сводъ законовъ, являются въ нашемъ законодательствѣ совершенно новыми началами: ихъ не знала Россія до царствованія Екатерины II.

ГЛАВА V.

Намѣреніе Петра Великаго привлечь мѣстное уѣздное шляхетство къ участи въ земскомъ управленіи.—Политическое раздѣленіе Россіи на части и составъ мѣстныхъ учрежденій.—Принятіе мѣръ къ снабженію мѣстныхъ правительственныхъ и судебныхъ учрежденій чиновниками изъ среды дворянства.—Право дворянства имѣть сословіе самоуправленія.—Право дворянства участвовать чрезъ своихъ выборныхъ въ мѣстномъ управленіи и судѣ.—Заключительныя слова объ эпохѣ царствованія Екатерины II.

Намѣреніе Петра Великаго привлечь мѣстное уѣздное шляхетство къ участи въ земскомъ управленіи.

Въ первой главѣ разсматриваемаго періода уже сказано, что Петръ Великій образовалъ изъ старинныхъ служилыхъ людей—помѣщиковъ и вотчинниковъ—сословіе, названное шляхетствомъ⁶⁴⁴. Въ начальныхъ своихъ реформахъ, онъ предполагалъ дать этому сословію земельвладѣльческое значеніе, связать его съ интересами владѣемыхъ имъ помѣстьевъ и,

собрать, такимъ образомъ, изъ него корпоративное общество, предоставить ему, чрезъ выборныхъ изъ среды его людей, участие въ мѣстномъ управленіи и судѣ. Но такое намѣреніе царя—преобразователя не имѣло успѣха.—Причина неуспѣшности глубоко коренилась въ тогдашнемъ государственномъ и общественномъ строѣ—въ крѣпостномъ правѣ, по духу и формѣ котораго складывались естественнымъ образомъ и всѣ другія общественныя отношенія въ странѣ. Новое шляхетство такъ же, какъ и прежніе помѣстные служилые люди, должно было нести обязательную службу во всю свою жизнь. Въ немъ крѣпко засѣли старыя привычки; оно по прежнему смотрѣло на государственную службу какъ на прирожденную свою обязанность, и потому, въ немъ преобладалъ интересъ центрального правительства—дѣло государево, а не мѣстный интересъ—дѣло своихъ деревень, изъ которыхъ оно, въ большинствѣ своего состава, отсутствовало въ службахъ и отпускахъ, а если иногда и бывало въ родныхъ мѣстностяхъ, то временнымъ гостемъ. Такимъ образомъ, въ обихъ сихъ случаяхъ шляхетство, оставаясь разобщеннымъ съ своими собратьями, землевладѣльцами, не могло сложиться въ мѣстное корпоративное общество ⁶⁴⁵.

Между тѣмъ, непреклонное теченіе исторіи должно было необходимо устранить препятствія, съ которыми пришлось встрѣтиться Петру Великому въ дѣлѣ организациі шляхетства въ мѣстныя корпоративныя общества. Манифестъ 18 февраля 1762 года, отмѣнивъ обязательную службу дворянства въ полкахъ и канцеляріяхъ, распустилъ его по деревнямъ. Пользуясь свободой отъ служебнаго многовѣковаго тягла, дворянство массами перемѣстилось въ родныя помѣстья и вотчины, и, опустѣлые до того уѣзды, наполнились помѣщиками, осѣвшими въ своихъ имѣніяхъ и связавшимися съ интересами мѣстности. Сознаніе же этихъ зародившихся интересовъ, безъ сомнѣнія необходимыхъ и полезныхъ, вызвало потребность сближенія между собою членовъ одного и того же высшаго сословія чрезъ обмѣнъ мыслей, изученіе взаимныхъ выгодъ и т. п.; но, такъ какъ достиженіе такого сближенія представлялось возможнымъ лишь только въ совѣщательныхъ дворян-

скихъ обществахъ, то организація этихъ обществъ дѣйствительно и совершилась въ послѣдствіи времени, въ формѣ дворянскихъ собраній.

Политическое
раздѣленіе Рос-
сін на части и
составъ мѣст-
ныхъ учрежде-
ній.

Въ началѣ XVIII столѣтія, главныя части Россіи были: великая, малая и бѣлая Россія; царства казанское, астраханское и сибирское; земли балтійскія — Лифляндія, Эстляндія, Ингерманландія, Карелія, и часть Финляндіи⁶⁴⁶. Эти главныя составныя части Россіи раздѣлены были Петромъ Великимъ на 16 губерній⁶⁴⁷, каковое дѣленіе началось въ 1708 году и кончилось въ 1719 году; губерніи опять подраздѣлялись на провинціи (уѣзды)⁶⁴⁸, и, въ такомъ видѣ, существовали до царствованія Екатерины II.

Мѣстное управленіе въ то время было: общее, воеводское, финансовое и судебное. Общее управленіе составляли: въ губерніяхъ — генераль-губернаторы, губернаторы⁶⁴⁹ и вице-губернаторы; въ провинціяхъ — воеводы; въ городахъ — коменданты. Военное — находилось или въ рукахъ полковниковъ, если армія расположена была въ провинціяхъ, или у комендантовъ, если она размѣщена была въ городахъ. Финансовое — состояло въ губерніяхъ изъ камерировъ (сборщиковъ податей) и казначеевъ, а въ городахъ и селахъ — изъ комиссаровъ. Судебныя учрежденія были: высшіе и низшіе надворные суды — первые въ губерніяхъ, вторые — въ городахъ⁶⁵⁰.

Вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, Екатерина II начала законодательную свою дѣятельность открытіемъ въ 1767 комиссіи для составленія общаго земскаго уложенія. Комиссія эта, не окончивъ своей задачи, была распущена; но, изъ трудовъ и заявленій членовъ ея, возникло все законодательство относительно губернскаго управленія. Екатерина II задумала планъ этаго управленія на болѣе широкихъ, въ сравненіи съ прежними, началахъ, и осуществила свой преобразовательный планъ обнародованіемъ «учрежденія для управленія губерній всероссійской имперіи», изданнаго 7 ноября 1775 года⁶⁵¹. — Затѣмъ, по указу 13 іюня 1781 года, государство российское раздѣлено было на 40 губерній, изъ которыхъ каждая подраздѣлена была на уѣзды⁶⁵². Приобрѣтеніе же, въ послѣдствіи, Курляндіи, Литвы и польской Украины,

умножило число губерній еще шестью, такъ что, къ концу царствованія Екатерины II, Россія раздѣлена была на 46 губерній и 2 области ⁶⁵³.

Актъ по предмету управленія губерній содержитъ въ себѣ правила, о новомъ устройствѣ губернскаго и уѣзднаго управленія и судебныхъ инстанцій, посредствомъ единоличныхъ и коллегіальныхъ учреждений. Эти учрежденія были слѣдующія:

Въ губерніи: гражданскій губернаторъ съ губернскимъ правленіемъ и съ его двумя совѣтниками; казенная палата съ вице-губернаторомъ какъ предсѣдателемъ, съ казначеемъ и двумя ассесорами какъ членами; палата гражданскаго суда съ предсѣдателемъ, двумя совѣтниками и двумя ассесорами; палата уголовного суда съ предсѣдателемъ, двумя совѣтниками и двумя ассесорами; совѣстный судъ съ предсѣдателемъ и засѣдателями; верхній земскій судъ съ предсѣдателемъ и пятью засѣдателями; губернской землемѣръ; прокуроръ съ двумя стряпчими казенныхъ и уголовныхъ дѣлъ.

Въ уѣздѣ: капитанъ — исправникъ съ своимъ нижнимъ земскимъ судомъ; городничій или комендантъ съ своимъ городническимъ правленіемъ; казначей; уѣздный судъ съ судьей и двумя засѣдателями; землемѣръ; докторъ; уѣздный стряпчий ⁶⁵⁴.

Понятно, что, для замѣщенія вакансій въ названныхъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ, долженъ былъ открыться у правительства значительный недостатокъ въ снабженіи губерній способными чиновниками, которыхъ требовалось для каждой болѣе 500 человекъ. Единственный, рациональный способъ восполнить этотъ недостатокъ въ чиновникахъ для губернской службы былъ тотъ, чтобы привлечь къ участию въ мѣстномъ управленіи сословія и преимущественно дворянство, какъ потому, что оно всегда было сравнительно болѣе образованнымъ и матеріально обеспеченнымъ служилымъ классомъ, изъ котораго главнымъ образомъ выходили офицеры и чиновники, такъ и по тѣмъ соображеніямъ, что манифестъ 18 февраля 1762 года, давшій дворянству свободу служить и не служить, не принявъ мѣръ къ пробужденію въ немъ благороднаго честолюбія, долженствовалъ замѣнить прежніе

Принятіе мѣръ къ снабженію мѣстныхъ учреждений чиновниками изъ среды дворянства.

понуздительные законы; слѣдовательно, надлежало опасаться всеобщаго уклоненія дворянъ отъ государственной службы ⁶⁶⁶.

Могущія быть, отъ таковыхъ случайныхъ проявленій, вредныя для государства послѣдствія Екатерина II старалась отъратить предупредительными мѣрами. Постановивъ общимъ правиломъ, какъ увидимъ ниже, что каждый дворянинъ могъ присутствовать въ дворянскомъ собраніи, но участвовать въ выборѣ имѣлъ право только тотъ, кто въ государственной службѣ достигъ военного или гражданскаго чина, безъ чего, самые богатые помѣщики не только лишены были возможности быть избранными въ какую нибудь общественную должность, но даже гдѣ голоса при выборахъ и совѣщаніяхъ,—Екатерина II коснулась, такимъ образомъ, личнаго самолюбія челоуѣка, т. е. самаго сильнаго въ немъ побужденія къ заботѣ о своемъ личномъ значеніи, а слѣдовательно и къ дѣятельности въ сферѣ гражданской своей жизни, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, создала одно изъ дѣйствительныхъ средствъ, противодѣйствовавшее покушенію нѣкоторыхъ лицъ уклониться отъ службы отечеству, тѣмъ болѣе, что чинъ, даваемый въ государственной службѣ, продолжалъ быть важнымъ приобрѣтеніемъ, и послѣ отиѣны обязательной службы ⁶⁶⁶.—Независимо отъ соединенія съ чинами новыхъ выгодъ, Екатерина II вымышляла орденскіе знаки отличій ⁶⁶⁷, и старалась поддерживать ихъ цѣну достоинствомъ людей, украшенныхъ этими знаками. «Крестъ св. Георгія», говоритъ Карамзинъ, «не рождалъ, однако же усиливалъ храбрость; многіе служили, чтобъ не лишиться мѣста и голоса въ дворянскихъ собраніяхъ; многіе, не смотря на успѣхи роскоши, любили чины и ленты гораздо болѣе вырости» ⁶⁶⁸. Это простая истина; ее знала Екатерина II и не забывала, что челоуѣкъ— есть челоуѣкъ.

Держась мысли великаго преобразователя Россіи—поставить дворянъ въ необходимость служить государству, но уже въ формѣ болѣе мягкой и соотвѣтствующей цивилизаціи вѣка, Екатерина II, сверхъ всего выше сказаннаго, двумя законодательными актами—«учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 года» и «жалованною дворянству грамотою 1785 года»—даровала дворянству еще слѣдующія права: *право имѣть сословное само-*

управленіе; и право участвовать, чрез своихъ выборныхъ, въ мѣстномъ управленіи и судѣ.

Право дворянства имѣть сословное самоуправленіе выразилось въ постановленіяхъ, приводимыхъ здѣсь изъ жалованной ему, въ 1785 году, грамоты. Право дворянства имѣть сословное самоуправленіе.

Въ силу этой грамоты, дворянство каждой губерніи, сложившееся мало по малу въ отдѣльное дворянское общество, окончательно получило юридическое устройство. — Органомъ этого общества установилось въ каждой губерніи свое дворянское губернское собраніе, соединившее всѣхъ мѣстныхъ дворянъ въ одно цѣлое—въ корпорацію, и дававшее направленіе ихъ предназначенію ⁶⁶⁹. — Собраніе это было или обыкновенное, созываемое одинъ разъ въ три года, для выбора разныхъ должностныхъ лицъ, носившихъ земскій характеръ, или чрезвычайное, созываемое въ неопредѣленное время, для выслушанія предложеній начальника губерніи ⁶⁶⁰. — Въ собраніи этомъ могъ присутствовать каждый дворянинъ, достигшій 25 лѣтняго возраста, но, подавать голосъ, быть избираемымъ въ должности и, вообще, пользоваться корпоративными правами въ составѣ дворянскаго общества, могъ только тогда, когда имѣлъ помѣстье и получилъ въ военной или гражданской службѣ оберъ-офицерскій чинъ ⁶⁶¹.

Дворянскому губернскому собранію, какъ обществу съ совѣщательнымъ характеромъ, предоставлены были слѣдующіе предметы: а) выборъ чрезъ каждые три года довѣренныхъ должностныхъ лицъ, какъ для внутренняго сословнаго управленія и веденія дѣлъ, такъ и для мѣстнаго управленія и суда въ губерніи и въ уѣздахъ; б) принесеніе всеподданнѣйшихъ прошеній государю императору, чрезъ своихъ депутатовъ, и дѣланіе представленій сенату; в) ходатайство предъ правительствомъ, чрезъ начальника губерніи, о своихъ нуждахъ и пользахъ; г) составленіе особенной казны добровольными складками дворянства; д) поѣрка дворянской родословной книги, составляемой дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ ⁶⁶². — Дворянское губернское собраніе ни по какому дѣлу не можетъ быть потребовано въ суду; ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ стражѣ и имѣетъ право исключать изъ своего собранія, по-

средствомъ баллотированія, дворянина, который опорочень судомъ, или, хотя бы онъ и судимъ не былъ, котораго явный и безчестный поступокъ всѣмъ извѣстенъ, пока не оправдается ⁶⁶³.

Для внутренняго самоуправленія и веденія дѣлъ дворянскаго общества, избирались его представителями въ каждой губерніи: предводители губернской и уѣздныя, депутаты дворянства и секретарь.

Предводители, какъ главные дѣятели дворянства—губернскіе, появившіеся съ 1778 года, ⁶⁶⁴ и уѣздные, существовавшіе уже съ 1766 года ⁶⁶⁵, обязаны были, какъ показываетъ и самое ихъ названіе, въ качествѣ старшихъ между равными, руководить или предводительствовать дворянствомъ, при обсужденіи тѣхъ вопросовъ, по которымъ требовалось его мнѣніе, а также имѣть попеченіе о пользахъ дворянства и охранять въ семъ обществѣ порядокъ—Кромѣ таковаго предводительства дворянскими собраніями, въ прямыхъ обязанностяхъ предводителей отнесены:—губернскаго—вмѣстѣ съ дворянскими депутатами, разсматривать предъявленныя на дворянство доказательства и наблюдать надъ составленіемъ дворянской родословной книги ⁶⁶⁶;— и уѣзднаго—завѣдывать дѣлами учрежденной при уѣздномъ судѣ дворянской опеки, малолѣтними дворянами—сиротами и ихъ имѣніемъ, а также вдовами и ихъ дѣтьми ⁶⁶⁷.

Депутаты дворянства образуютъ собою постоянный органъ губернскаго собранія, замѣняющій его въ теченіе трехлѣтія. Главною обязанностію ихъ было составленіе дворянской родословной книги,—для чего дворянское губернское собраніе и выбирало изъ дворянъ каждаго уѣзда по одному депутату, на три года ⁶⁶⁸. Составляя въ губернскомъ городѣ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства, коллегіальное сословное учрежденіе, подъ названіемъ «дворянское депутатское собраніе», депутаты, какъ уполномоченные губернскимъ собраніемъ избранныя, разсматривали представленныя дворяниномъ доказательства на потомственное дворянство, и, если эти доказательства найдены ими достаточными, то родъ того дворянина вносили въ родословную книгу губерніи, а ему выдавали грамоту, съ прописаніемъ, что родъ его внесенъ въ

такую-то часть той книги⁶⁶⁹; сверхъ того, выдавали недорослымъ изъ дворянъ, по ихъ просьбамъ, списки съ опредѣлений, по коимъ родъ ихъ внесенъ въ родословную книгу.—Очевидно, что право, предоставленное дворянскому депутатскому собранію, въ отношеніи разсмотрѣнія дворянскихъ доказательствъ, заключается въ томъ единственно, чтобъ признать обратомъ по сословію и приобщить къ своей средѣ того, кто доказалъ уже, что онъ дворянинъ,—но не вновь возводить, или возстановлять въ сіе достоинство.

Секретарь избирался также на три года, для завѣдыванія канцелярскою частію какъ дворянскаго, такъ и депутатскаго собранія⁶⁷⁰

Право дворянства участвовать чрезъ своихъ выборныхъ, въ мѣстномъ управленіи и судѣ началось одновременно съ изданіемъ въ 1775 году «учрежденія о губерніяхъ».

Право дворянства участвовать чрезъ своихъ выборныхъ въ мѣстномъ управленіи и судѣ.

Согласно этому закону, главная цѣль преобразованія Екатериною II губернскаго или областного управленія состояла въ томъ, чтобъ отдѣлить судъ отъ администраціи, и всякое особое дѣло поручить своему особому учрежденію. Въ слѣдствіе сего, явилось, какъ выше сказано, много присутственныхъ мѣстъ и единоличныхъ управленій, для которыхъ, по поводу увеличенія числа губерній, потребовалось множество должностныхъ лицъ. Эта государственная потребность повлекла за собою обязанность дворянскихъ обществъ тинуть почти такое же служебное тягло, какое лежало на немъ до манифеста 18 февраля 1762 года, только съ тѣмъ замѣненіемъ, что оно преобразовано было изъ обязательной службы—военной въ арміи и флотѣ и гражданской при сенатѣ и коллегіяхъ—въ мѣстную обязательную же, но только выборную гражданскую службу въ губерніяхъ и уѣздахъ, въ такихъ должностяхъ, замѣщеніе которыхъ предоставлено было «учрежденіемъ о губерніяхъ» и «жалованною грамотою» дворянскому сословію⁶⁷¹.

Въ силу этихъ законоположеній, правительство ограничивалось снабженіемъ чиновниками только губернскихъ правленій, базенныхъ палатъ съ подчиненными имъ уѣздными казначействами, и городскихъ полицій, да сверхъ того предоставило себѣ право назначать производителей дѣлъ канцелярій по всѣмъ

вѣдомствамъ и чиновниковъ, облеченныхъ правомъ надзора за правосудіемъ и законностію всего въ губерніи, кавовы прокуроръ и стряпчіе, а также губернскихъ и уѣздныхъ землемѣровъ, губернскихъ и уѣздныхъ докторовъ⁶⁷². Затѣмъ постановлено было, чтобы дворянскія общества назначали изъ своей среды, посредствомъ выбора, повѣренныхъ лицъ для суда и управленія въ слѣдующія мѣста: въ обѣ судныя палаты предсѣдателей и засѣдателей; въ совѣстный и верхній земскій суды засѣдателей; въ уѣздный судъ судью съ засѣдателями; и въ нижній земскій судъ капитанъ-исправника съ засѣдателями⁶⁷³.

Всѣмъ же названнымъ должностнымъ лицамъ, какъ служившимъ отъ короны, такъ равно и по выборамъ, полагалось денежное содержаніе по штатамъ временъ Екатерины II⁶⁷⁴.

Но дѣйствительная жизнь и стремленія русскаго дворянства показали, что оно всегда предпочитало службу государственную выборной. По крайней мѣрѣ, одна изъ двухъ общественныхъ группъ, на которыя, какъ мы видѣли, фактически раздѣлилось дворянство со временъ Петра Великаго,—группа знатнаго и богатаго дворянства не захотѣла тянуть одну и ту же выборную службу съ группою другою—съ такъ названнымъ рядовымъ дворянствомъ, состоявшимъ изъ офицеровъ и чиновниковъ. Не было совѣстной дѣятельности между этими группами: первая отшатнулась отъ послѣдней; поэтому офицеры и чиновники становились главными дѣятелями выборной службы; а члены тѣхъ семействъ, которыя причисляли себя къ знатному дворянству или въ аристократіи — потомки удѣльныхъ князей, бояръ, окольныхкихъ, и дослужившіеся высшихъ, по табели о рангахъ, чиновъ,—встрѣчаются въ должностяхъ высшихъ начальниковъ, по военному и гражданскому вѣдомствамъ, чаще, чѣмъ въ должностяхъ предводителей, депутатовъ, судей и прочихъ чиновниковъ по службѣ выборной⁶⁷⁵.—Да и самое рядовое дворянство, котораго члены тянули преимущественно тягло мѣстной службы, поступаая на должности по выбору своего сословія, необходимо тяготились этою повинностію, которая отрывала ихъ отъ семьи, отъ сельскаго хозяйства, и, вообще отъ занятій, доставлявшихъ имъ матеріальныя выгоды⁶⁷⁶.

При такомъ порядкѣ вещей, дворяне сдѣлались равнодушными къ выборамъ и къ своимъ прямымъ обязанностямъ, позволяя себѣ частію отъ возложенныхъ на нихъ выборныхъ должностей отлучки. Такія дѣйствія представителей дворянства не могли не обратить вниманіе правительства и, въ слѣдствіе сего, состоялся въ 1784 году законъ, которымъ, для пресѣченія зла, постановлено: за самовольную отлучку отъ должностей лицъ, избранныхъ дворянствомъ, подвергать ихъ взысканіямъ—за первый и второй разъ дѣлать вычетъ изъ жалованья, за третій.—пробывшихъ въ отпуску болѣе семи дней, предавать суду ⁶⁷⁷.

Изложеніемъ содержанія законодательныхъ актовъ царствованія Екатерины II—«учрежденія о губерніяхъ» и «жалованной дворянству грамоты»—мы завершаемъ «Очеркъ исторіи русскаго дворянства.—очеркъ политическаго и общественнаго положенія его въ Русской землѣ, съ древнѣйшихъ временъ до исхода XVIII столѣтія.—Оба эти законодательные памятника свидѣтельствуютъ, что Екатерина II продолжала дѣло преобразованія новой Россіи, начатое Петромъ Великимъ, и старалась вывести внутреннюю политику своей страны на путь значительнаго прогресса. Самый рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ ею въ этомъ отношеніи изданіемъ двухъ названныхъ важнѣйшихъ актовъ, проникнутыхъ глубокимъ знаніемъ дѣла и высшими идеями о пользахъ государственныхъ, — актовъ, принадлежащихъ неотъемлемо ей.

Заключительныя слова объ эпохѣ царствованія Екатерины II.

Такой подвигъ державной Екатерины послужилъ къ возвышенію ея славы и къ благу Россіи. Поэтому нашъ государственный историографъ Карамзинъ, глубоко знакомый съ дѣломъ отечественной исторіи, имѣлъ полное основаніе занести на страницы одного изъ своихъ историческихъ трудовъ слѣдующія знаменательныя слова: «сравнивая», говоритъ онъ, «всѣ извѣстныя намъ времена Россіи, едва ли не всякой изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было одно изъ счастливейшихъ для Россіи, и едва ли не всякой изъ насъ пожелалъ бы жить тогда» ⁶⁷⁸.

К О Н Е Ц Ъ .

ПРИМѢЧАНІЯ И ССЫЛКИ.

1. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. С. М. Соловьева. т. 1 стр. 62. 67. 105 — 108. 116. — Исторія государства Россійскаго, Н. М. Карамзина, изданіе Эйнерманга. 1842 г. т. 1, стр. 69. 70. 142.

2. Соловьевъ, И. Р. т. 3. стр. 4. — Изслѣдованіе о Русской Правдѣ, Калачова. 1846 г. стр. 76.

3. Соловьевъ, И. Р. т. 1. стр. 242. — Начало единовластія въ древней Руси, Костомарова. Вѣст. Евр. ноябрь 1870 г. стр. 46. — Отец. Зап. январь 1869 г. «соврем. обзор.» стр. 28. — Историкъ Соловьевъ говоритъ, что названіе «дружина» заключаетъ въ себѣ понятіе товарищества, компаніи, и что въ этой формѣ, въ формѣ товарищества или братства съ военнымъ характеромъ, появилась она на русской землѣ и существовала вѣсколѣко вѣковъ (т. 13 стр. 15. 79). — Другой писатель, имѣвшій основательныя и глубокія познанія въ русскихъ древностяхъ, бывшій профессоръ русской исторіи въ казанскомъ и дерптскомъ университетахъ, Н. А. Ивановъ, даетъ общее понятіе о словѣ «дружина» въ слѣдующихъ выраженіяхъ: въ славянскомъ языкѣ, говоритъ онъ, дружиною называлось вообще каждое ополченіе, составленное изъ людей близкихъ другъ къ другу, земляковъ, олао-племенниковъ, соединенныхъ дружбою или, правильнѣе, клятвою, помогать себѣ взаимно, не оставаятъ на полѣ битвы и дѣлиться совѣстно добычей; правильность же организаціи дружины проявлялась въ томъ, что она всегда имѣла своего начальника, и что, наконецъ, въ дружину княжескую принимались лица изъ людей отличныхъ порою, искусствомъ въ военномъ дѣлѣ и высокою храбростію, (Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ. С. П. Б. 1837 г. въ четырехъ частяхъ. ч. 4 стр. 201. 202 *).

4. Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 249 — 251. 307; т. 13 стр. 43. — Историческія письма Соловьева. Рус. Вѣст. мартъ 1859 г. кв. 1 стр. 10. 20. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 4 стр. 201 — 203. — Преданія первонач. русской лѣтописи. Костомарова. Вѣст. Евр. февраль 1873 г. стр. 595. — Русскіе богатыри. Отец. Зап. сентябрь 1868 г. стр. 322.

5. Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 244. 281. 308; т. 13 стр. 22. — Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей, Чичерина. Русск. Вѣст.

*) Дѣйствительнымъ авторомъ сочиненія «Росс. въ лет., отец. геогр. и литер. отнош.», изданаго въ 1837 г. Ф. Бугарскимъ подъ своимъ, изъ корыстныхъ видовъ, именемъ, былъ профессоръ Николай Алексѣевичъ Ивановъ, какъ являеть объ этомъ г. Коляревскій въ С. Петерб. Вѣдомостяхъ 14 апрѣля 1869 г. № 103.

мартъ 1857 г. стр. 15. 54.—Костомаровъ, Нач. единок. въ др. Русн. Вѣст. Евр. ноябрь 1870 г. стр. 13. 46. — Русскіе богатыри. Отеч. Зап. сентябрь 1868 г. стр. 322—324.

6) Соловьевъ, И. Р. т. 2 стр. 84. 236. 240. 243. 414. 415; т. 3 стр. 14—17. т. 4 стр. 195; т. 13 стр. 15. 22. — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4 стр. 142. примѣч. 304; т. 5 стр. 3. 23. 219. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣст. февр. 1857 г. стр. 693; мартъ 1857 г. стр. 54.

7) Соловьевъ, И. Р. т. 3 стр. 19. — Русская Исторія. Устрялова, въ пяти частяхъ. С. Петербургъ, 1839—1841 г. ч. 2 стр. 323. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 4 стр. 219—222.

8) Карамзинъ поясняетъ, что названіе «бояринъ» происходитъ отъ слова «бой» и, въ началѣ своемъ, могло знаменоватъ война отличной храбрости, а послѣ обратилось въ народное достоинство (И. Г. Р. т. 1 стр. 45), но самое происхожденіе, говоритъ онъ, бояръ теряется въ глубокой древности. Известно только, что достоинство сіе, означая витазей и гражданъ знатнѣйшихъ, употреблялось уже у сѣверныхъ славянъ задолго до прибытія въ новгородскую область варяго—русскихъ князей въ 862 году (И. Г. Р. т. 5 стр. 218. 219). Такъ, существовавшіе, до этой эпохи, въ Новгородѣ и Псковѣ вѣчные совѣты были собственно изъ бояръ (Вѣче и вѣчевое устройство. Костомарова. Журналъ «Дѣло и Отдыхъ», январь 1865 г. стр. 28). Этими народными въ древнихъ городахъ чиновникамъ, достигавшимъ достоинства боярскаго не по праву наслѣдства или родового происхожденія, но личными дарованіями и омытностію въ дѣлахъ, давалось современниками высокое значеніе (И. Г. Р. т. 5 стр. 219. примѣч. 391).

9) Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 116. 127. 207. 244. 259; т. 2 стр. 249; т. 3 стр. 18; т. 13 стр. 15. — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 1 стр. 82. примѣч. 317, стр. 124. 128. 137. 146. примѣч. 510; т. 2 стр. 80.

10) Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5 стр. 219. 226.

11) Соловьевъ, И. Р. т. 2 стр. 34. 266; т. 6 стр. 384. —Костомаровъ, Нач. единок. въ др. Русн. Вѣст. Евр. нояб. 1870 г. стр. 47.

12) Карамзинъ, И. Г. Р. т. 1 стр. 135; т. 5 примѣч. 391.

13) Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2 Примѣч. 3; т. 5 примѣч. 391.

14) Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 247. 248; т. 2 стр. 398; т. 3 стр. 187.

15) По мнѣнію Рейда (Опытъ, стр. 33 прим. 2) и Розенкампа (О кормчей книгѣ стр. 315), слово «гридь» происходитъ отъ скандинавскаго Grith, означающаго господскій, княжескій дворъ, а затѣмъ придворнаго слугу или царедворца.—Такое же значеніе скандинавскому названію «гридь» придаетъ и профессоръ Н. А. Ивановъ, вида въ немъ отрядъ тѣлохранителей или внутреннюю стражу палатъ княжескихъ (Россія и проч. ч. 2 стр. 219. 221). —Карамзинъ, соглашался съ приведеннымъ мнѣніемъ, что названіе «гридь» есть скандинавское, производитъ, однако, его отъ другаго скандинавскаго же или шведскаго слова Gred, т. е. мечъ, присвокупилъ къ тому, что княжескіе воины, дружинники, дѣйствительно назывались послѣ, въ княженіе Андрея Боголюбскаго (1169—1174), мечниками (И. Г. Р. т. 1 примѣч. 476; т. 3 стр. 19).—Наконецъ, авторъ «Исторіи Россіи», основываясь на сочиненіи г. Срезневскаго «Мысли объ исторіи русскаго языка», говоритъ, что «гридь» слово славянское; хорутанское грида значить громада, сборище, толпа, слѣдовательно дружина (т. 1 примѣч. 346).

16. Ивановъ, Россія и проч. ч. 4 стр. 219.
17. Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 207. 208. 274. — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 1 стр. 136, примѣч. 501; т. 2 примѣч. 411.
18. Соловьевъ, И. Р. т. 3 стр. 18.
19. Соловьевъ, И. Р. т. 2 стр. 18. 164. 280.
20. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3 стр. 29. — Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 307-308; т. 4 стр. 202. — Костомаровъ, Вѣче. Дѣло и Отдѣлхъ, январь 1865 г. стр. 8.
21. Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 249, примѣч. 356; т. 2 стр. 31. 220. 262 267; т. 3 стр. 18. 19.
22. Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 159, прим. 353. 354 и 355; т. 2 стр. 39. 40.
23. Соловьевъ, И. Р. т. 1 примѣч. 353; т. 2 стр. 43; т. 3 стр. 24.
24. Соловьевъ, И. Р. т. 2 стр. 336. 363. 413—415. — Устряловъ, Р. И. ч. 5 стр. 197. 198.
25. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3 стр. 123. — Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 248; т. 2 стр. 341; т. 3 стр. 19. — Устряловъ, Р. И. ч. 2 стр. 828. — Ивановъ Россія и проч. ч. 4 стр. 219—221.
26. Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 67. 107. 235. 259. — Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣст. май 1866 г. кн. 2 стр. 225. — Костомаровъ, Вѣче. Дѣло и Отд. янв. 1865 г. стр. 21. 31. — Костомаровъ, Нач. единод. въ др. Руси. Вѣс. Евр. нояб. 1870 г. стр. 44. — Костомаровъ, Пред. пера: рус. глѣт. Вѣс. Евр. февр. 1873 г. стр. 604.
27. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 1 стр. 144; т. 2 стр. 37. — Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 259; т. 3 стр. 8. — Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1866 г. кн. 2 стр. 225. 226. — Костомаровъ, Нач. единод. въ др. Руси. Вѣст. Евр. нояб. 1870 г. стр. 44—46.
28. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2 примѣч. 384. — Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 116. 121. 240—244. 307; т. 3 стр. 88. — Русская колонизація сѣверо-восточнаго края. Ешевскаго, Вѣст. Евр. мартъ 1866 г. стр. 233.
29. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5 стр. 201; т. 6 стр. 17. — Соловьевъ, И. Р. т. 3 стр. 33. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 2 стр. 120.
30. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3 стр. 25. — Соловьевъ, И. Р. т. 3 стр. 19 34. — Костомаровъ, Вѣче. Дѣло и Отд. январь 1865 г. стр. 29.
31. Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 232. 250, 251; т. 2 стр. 36; т. 3 стр. 19. 39. 323. — Соловьевъ, Ист. пис. Рус. Вѣст. мартъ 1859 г. кн. 1 стр. 21. — Древности Москвы. Забѣлина. Вѣс. Евр. мартъ 1867 г. стр. 382. 383.
32. Соловьевъ, И. Р. т. 3 стр. 39. — Костомаровъ, Вѣче. Дѣло и Отд. янв. 1865 г. стр. 27. 29.
33. Соловьевъ, И. Р. т. 2 стр. 164.
34. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2 примѣч. 106. — Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 31. 116; т. 2 стр. 306.
35. Слово «тгуаъ», по мнѣнію Карамзина, есть скандинавское, или древне-нѣмецкое Thaegn, Thiangu, Diaku, означающее — мужъ честный (И. Г. Р. т. 2 стр. 27). Но званіе это, званіе «тгуаъ», существовавшее у сѣверныхъ славянъ еще до прішествія въ Новгородъ Рюрика въ 862 г. (Ивановъ, Россія, ч. 2 стр. 310), и упоминаемое въ первомъ законодательномъ письменномъ памятникѣ—Русской Правдѣ Ярослава 1 (Калачовъ, изсл. о Рус. Правд. стр. 77), можно означить словомъ «преставникъ», который

смотрѣлъ за принадлежавшими князю домомъ, конюшнею, сборомъ доходовъ, селомъ и судомъ. Поэтому встрѣчаемъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ названіе «тиунъ—конюшій», тиунъ—сельскій и т. д. (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2 стр. 25, 26. — Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 249). Слѣдовательно, тиунъ, или приставникъ княжескій при судѣ, котораго прямая обязанность полагается смотрѣніемъ за исполненіемъ судебного устава, имѣлъ важное значеніе при судѣ, потому что отъ него зависѣло рѣшить дѣло право или неправо, наложить справедливую или несправедливую пеню. (Соловьевъ, И. Р. т. 1 стр. 269). — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2 стр. 27, примѣч. 103. — Соловьевъ, И. Р. т. 2 стр. 365; т. 3 стр. 8, 19, 39. — Соловьевъ, Истор. письма Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1 стр. 9.

36. Слово «вирникъ» происходитъ отъ слова «вира», а послѣднее есть германское Wehrgeld, употребляемое въ саксонскихъ законахъ и означавшее у германцевъ денежную судную пеню за убійство. Отъ варяговъ же это слово (по шведски Ога) перешло и въ древнее русское законодательство (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 1, примѣч. 478). — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 1, стр. 337; т. 3, примѣч. 243. — Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 269. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 4, стр. 216.

37. О названіи «мѣстельникъ» Карамзинъ приводитъ объясненіе издатель Русской Правды, которые толкуютъ, что въ старину, когда еще не было писемъ въ обмѣнованіи, помощникъ судейскій мѣтилъ на биркахъ, сколько взято денегъ съ виновныхъ, и для того названъ «мѣстельникомъ»: можетъ быть и для того, что онъ мѣтилъ на картѣ или записывалъ доводы, снѣдствія, взысканія. (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, примѣч. 104). — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 1, стр. 66, 153; т. 2, стр. 37. — Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 263. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 4, стр. 19, 20, 217.

38. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, примѣч. 325; т. 5, стр. 227. — Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 116, 117. — Костомаровъ, Вѣче. Дѣло и Отд. зия. 1865 г. стр. 22. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 4, стр. 217. — Извѣстіе о дворянахъ российскихъ, о ихъ древнемъ происхожденіи, о старинныхъ чинахъ и проч. Сочинилъ Ф. Миллеръ. С.-Петербург. 1796 г., стр. 225.

39. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3, стр. 25; т. 8, стр. 67. — Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 80; т. 5, стр. 450, 454.

40. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 235, 365; т. 3, стр. 19.

41. Ясы, народъ, обитавшій среди горъ кавказскихъ, въ Дагестанѣ, и близь устья Волги (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 1, стр. 105. — Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 246, 285).—

42. Запѣтки для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи. Публ. Погодина. Рус. Вѣс. июль 1858 г. кн. 2, стр. 473.

43. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 19.

44. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 123, 242; т. 2, стр. 136.

45. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 245; т. 3, стр. 15; т. 6, стр. 384. — Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 216. — Аристократія и интересъ дворянства. Безобразова, Русск. Вѣсти. январь 1859 г. кн. 1, стр. 111,

46. Хоромами назывались бревенчатые дома, устрояемые въ городахъ.

47. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 365; т. 3, стр. 19.

48. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 9, 40. примѣч. 87; т. 4, стр. 238. — Бе-

зобразовъ, Аристокр. и интересы двор. Рус. Вѣстн. январь 1859 г. кн. 1, стр. 112.

49. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 389. 392; т. 3, стр. 42. — Костомаровъ, Нач. единод. въ др. Руси, Вѣстн. Евр. ноябрь 1870 г. стр. 48.

50. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 350.

51. Въ древней Россіи, кромѣ горожанъ и сельчанъ—людей свободныхъ, были люди зависимые — закупни или наймиты. Закупнемъ или наймитомъ назывался работникъ, нанимавшійся на вѣстный срокъ и за известную плату, которую онъ получалъ впередъ, въ видѣ займа. Если наймитъ сбѣжалъ отъ господина до срока, то становился за это ему полнымъ (обѣльнымъ) холопомъ (Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 257). — Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 365; т. 3, стр. 40.

52. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 389. 392; т. 3, стр. 42.

53. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 123. 279. 280; т. 13, стр. 14. — Безобразовъ, Арист. и лит. двор. Рус. Вѣс. янв. 1859 г. кн. 1, стр. 112. — Первая обязанность народа русскаго въ древнія времена состояла въ платежѣ дани. Всѣ жители страны, состоявшей во власти князя, назывались данниками. Отъ этого слова произошло въ послѣдствіи слово подданный, т. е. состоящій подъ данью. (Ивановъ, Россія и проч. ч. 4, стр. 237. 228).

54. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 391; т. 13, стр. 14. 15. — Соловьевъ, Истор. пис. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 217. — Отеч. Зап. «соврем. обзор.» январь 1860 г. стр. 28.

55. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3, примѣч. 103; т. 5, стр. 201; т. 6, стр. 17.— Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 240. 242. 370; т. 3, стр. 8. 33.

56. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 161. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 323. 324. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 3, стр. 120.

57. Рецензія г. Градовскаго на соч. «монастырскій приказъ». Рус. Вѣс. августъ 1868 г. стр. 612. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 335.

58. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 136; т. 6, стр. 219, примѣч. 609; т. 8, стр. 161. — Побѣдоносцевъ, Зап. для ист. вѣр. права, Рус. Вѣс. июнь 1858 г. кн. 2, стр. 473. Чичеринъ, Дух и дох. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 67. — Раздѣленіе Россіи на губерніи по указамъ Петра Великаго и Екатерины II. Лешкова, Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 330.

59. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 199. 240. 241.

60. Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. стр. 9.— Мысли и замѣтки о русской исторіи. Кавелина, Вѣс. Евр. июнь 1866 г. кн. 2, стр. 369. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 4, стр. 201—204. 283.

61. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 226. 415. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 10.—Устряловъ. Р. И. ч. 2, стр. 279.— Ивановъ, Россія и проч. ч. 3, стр. 118.

62. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 199—201. 235—238; т. 3, стр. 80.—Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 323. 324.

63. Соловьевъ, Историческія письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 217. 225.

64. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 380. 406. 409. — Рѣка Калка, впадъ Калеца, въ екатеринославской губерніи, близъ Мариуполя, впадаетъ въ Азовское море (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3, стр. 143, примѣч. 300).

65. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, примѣч. 322. — Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 174—177.

66. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 26—28; т. 3, стр. 24.

67. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 70; т. 2, стр. 240. 410. 415; т. 3, стр. 16; т. 6, стр. 383. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 21.

68. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 7; т. 2, стр. 240. — Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 12.

69. Слово «волость» имѣетъ разное значеніе. Представляетъ единицу помещельнаго владѣнія, оно содержитъ въ себѣ всегда понятіе о зависимости извѣстнаго участка земли отъ князя или главнаго города. Такъ, напримеръ, древлянская земля, находившаяся подъ властію кievскаго князя, означала не самостоятельную землю, а волость ему принадлежащую. — Точно такъ же новгородскія земли — Вологда, Югра, Пермь и др. — означали волости, подвѣдомственныя Новгороду великому. — Волость означаетъ также въ древнемъ русскомъ языкѣ «удѣль», принадлежавшій какому нибудь князю въ періодъ господства удѣльной системы. Въ болѣе позднее время господства этой системы, когда, подъ татарскими вліяніемъ, вѣчевой строй упалъ, а княжеская власть возвышалась, «волость» означала подраздѣленіе княженій, такъ что каждое княженіе подраздѣлялось на волости. — Затѣмъ «волостями» назывались также округа, управляемые княжескими чиновниками, получившими отъ этого официальное названіе «волостелей». — Наконецъ, «волостію» называлось всякое мѣстѣ; и потому въ числѣ волостей показывались города, села, деревни, слободы и всякаго рода отдѣльныя мѣстѣ. (Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 26. 40. — Костомаровъ, Нач. единок. въ др. Руси. Рус. Вѣс. ноябрь 1870 г. стр. 19. 20. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. февраль 1867 г. стр. 687).

70. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 58; т. 13, стр. 10. 15.

71. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, стр. 220. — Соловьевъ, И. Р. т. 1, предисл. стр. 7; т. 2, стр. 11. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 10. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 279. — Исаповъ, Россія и проч. ч. 3, стр. 118. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. февр. 1857 г. стр. 692; мартъ 1857 г. стр. 21.

72. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 164—169. — Костомаровъ, Нач. единок. въ др. Руси. Вѣс. Евр. ноябрь 1870 г. стр. 84.

73. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 78. 240. 316; т. 13, стр. 10. 11. 15. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. февраль 1857 г. стр. 693.

74. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 24.

75. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 242. 244. 249. 271. 305. 413; т. 3, стр. 190. примѣч. 293; т. 13, стр. 22. 28. 74.

76. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, примѣч. 238. — Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 78. 90. 100.

77. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 34; т. 2, стр. 136. 245; т. 3, стр. 229. — Ешевскій, Русск. колониз. Вѣс. Евр. мартъ 1866 г. кн. 2, стр. 234. — Сказаніе о началѣ Москвы. Бѣльева, Вѣс. Евр. мартъ 1869 г.

78. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 244. 249. 413; т. 13, стр. 21. — Соловьевъ, Истор. дис. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 13. — Костомаровъ, На-

чадо единов. въ др. Русн. Вѣс. Евр. ноябрь 1870 г. стр. 50. — Ешевскій, Русск. колониз. Рус. Вѣс. мартъ 1866 г. стр. 234.

79. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 242. 244—246. 249; т. 13, стр. 21. 22.

80. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 184. 190. 207.

81. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 190.

82. Александръ Ярославичъ, съ 1252 года великій князь владимірскій, побѣдитель шведовъ, нанесшій имъ 15 июля 1240 года, при устьѣ р. Ижоры, впадающей въ р. Неву, поражение, за которое получили славное прозваніе «Невскаго», — умеръ 14 ноября 1263 года и погребенъ былъ въ столяномъ своемъ городѣ Владимірѣ. (Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 186—189).

83. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 191. 199.

84. Тамъ же, стр. 193. 199.

85. Тамъ же, стр. 191.

86. Тамъ же, стр. 203.

87. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 240. 410; т. 3, стр. 190, 206. 207, примѣч. 417.

88. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 184. 190, примѣч. 293; т. 4, стр. 240.

89. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 293. — Соловьевъ, Истор. писемъ, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 216. 235; мартъ 1859 года. кн. 1 стр. 19. 22.

90. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 243. 380. примѣч. 417. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. февраль 1857 г. стр. 665—693.

91. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 193. 203. 236—243. 266. 285. 299. т. 13, стр. 28. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 47.

92. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 287. 329; т. 13, стр. 28. — Костомаровъ, «Вѣче» Дѣло и отд., январь 1865 г. стр. 14.

93. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 184. 242. 243.

94. Тамъ же, стр. 245. 268.

95. Тамъ же, стр. 283. примѣч. 415.

96. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 286. 299; т. 5, стр. 207. — Устряловъ, Р. И. ч. 5. стр. 178.—Очеркъ историческаго быта велико-русскихъ крестьянъ XVII вѣка. Калачова, Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. стр. 50.

97. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 256; т. 3, стр. 299. 306. 307.

98. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 299. 320.

99. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 326. 327. 340. 341. 380. примѣч. 417. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. февраль 1857 г. стр. 656.

100. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 346. 351—354.

101. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 379. — Карамзинъ. И. Г. Р. г. 5, стр. 42.

102. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 5. 6. 19. 21.

103. Тамъ же, стр. 75—77.

104. Тамъ же, стр. 85. 86. 83. 90. 96. 98. 99.

105. Тамъ же, стр. 53. 59. 81. 82. 86. 88. 89.

106. Тамъ же, стр. 91. 97.

107. Тамъ же, стр. 123.

108. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 122. 123. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. февраль 1857 г. стр. 666.

109. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 194.

110. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 293. 321; т. 4, стр. 194.

111. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 224. 236. 239.

112. Тамъ же, стр. 195. 198. 202.
113. Тамъ же, стр. 240. 241.
114. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 241; т. 13, стр. 14. 15. — Соловьевъ, Историч. пис. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 22 — Костомаровъ, Нач. единод. въ др. Русн. Вѣстн. Евр. ноябрь 1870 г. стр. 46.—Ивановъ, Россія и проч. ч. 3, стр. 120.
115. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, примѣч. 304; т. 5, стр. 3. 23. 219. — Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 17. 342; т. 4, стр. 197. 201. 202. примѣч. 349 и 350; т. 13, стр. 28. 29.
116. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 196.
117. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 194; т. 13, стр. 14. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. май 1858 г. к. 2 стр. 217.
118. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 197.
119. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 321. 327. 329. 381; т. 4 стр. 56. 195.
120. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 21. 199; т. 5, стр. 81.
121. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 214.—Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 243. т. 4, стр. 21. 91. 97. 156. 206; т. 5, стр. 220. 221.
122. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 267; т. 4, стр. 50. 206. 394; т. 5, стр. 220. 221.
123. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 21. 206; т. 5, стр. 81; т. 13, стр. 30.
124. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 123 — 125.
125. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, примѣч. 273. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 50. 72. 124; т. 5, стр. 220. 221.
126. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 328; т. 4, стр. 199. 200. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 3, стр. 120.—Градовскій, Реценз. на соч. «монастырскій приказъ». Рус. Вѣс. августъ 1868 г. стр. 613. 617. — Отеч. Зап. октябрь 1868 г. стр. 211. 213.
127. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, примѣч. 291. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 222. — Исторія Петра Великаго. Полеваго, 1843 г. ч. 1, стр. 34.
128. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 229. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 201. 202.
129. Критическая замѣтка на статью, напечатанную въ Военномъ журналѣ 1856 г. № 1—3, подъ заглавіемъ: Состояніе военного искусства въ Россіи отъ основанія ея до царствованія Алексѣя Михайловича. (С.-Петербург. Вѣдом. 16 октября 1857 г. № 224).
130. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 201. 202.
131. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 229; т. 6, стр. 12; т. 10, стр. 137. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 206. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 224. — Миллеръ, изв. о двор. росс., стр. 32. — Костомаровъ, Нач. единод. въ др. Русн. Вѣстн. Евр. ноябрь 1870 г. стр. 47.
132. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 247; т. 3, стр. 187; т. 4, стр. 202.
133. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3, стр. 123; т. 5, стр. 229. — Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 248; т. 4, стр. 201.
134. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, стр. 130. 131, примѣч. 106; т. 3, стр. 18. 19, примѣч. 23. — Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 260 — 264. — Забѣлинъ, Древности Москвы, Вѣс. Евр. мартъ 1867 г. стр. 391 — 383. — Бѣльева, Сказаніе о нач. Москвы, Рус. Вѣс. мартъ 1868 г.
135. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3, стр. 123, примѣч. 23. — Соловьевъ, И.

Р. т. 13, стр. 66. 79. — Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 225. 226. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 323.

136. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 339; т. 4, стр. 205; т. 13, стр. 29. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 21.

137. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 205. 242. — Въ грамотѣ великаго князя Іоанна Даниловича Калиты 1 марта 1331 года, въ первый разъ употреблено быко нми дьяка въ смнслѣ секретаря (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, прилѣч. 325).

138. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 76. 200 — 206. 242.

139. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 199. 240. 241.

140. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 198. 199. — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, прилѣч. 304. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 67.

141. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 426; т. 13, стр. 28. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. февраль 1857 г. стр. 666.

142. Князья: Шуйскіе, Сяцкіе, Воротынскіе, Ростовскіе, Телятевскіе, Патрикѣевы, Раполовскіе и др. (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 132. — Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 54).

143. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 81; т. 6, стр. 54.

144. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 246; т. 5, стр. 67. 206. 223; т. 13, стр. 31. 32. — Соловьевъ, Истор. пис. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 216. — Костомаровъ, Нач. единод. въ др. Русн. Вѣстн. Евр. декабрь 1870 года, стр. 543.

145. Исторія царствованія Петра Великаго. Устрялова, 1858 г. т. 1, введеніе, стр. 20. 21.

146. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 425. 426.

147. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 77 — 80. — Софія, дочь Ѳомы Палеолога, правителя морейскаго, роднаго брата послѣднаго императора греческаго Константина Палеолога, убитаго въ 1503 г. при взятіи турками Константинополя, — скончалась 7 апрѣля 1503 г.

148. Карамзинъ, И. Р. т. 6, стр. 43. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 81, 82. 228. 435; т. 13, стр. 32. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 3, стр. 48. 120. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 55. — Рецензія на соч. «монаст. приказъ». Отеч. Зап. октябрь 1868 г. стр. 217.

149. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 219; т. 13, «О древней и новой Россіи» стр. LXII. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 425; т. 6, стр. 54. 55; т. 8, стр. 63; т. 13, стр. 32. 33. — Соловьевъ, Истор. пис. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 217. — Костомаровъ, Вѣче. Дѣло и отд. январь 1865 г. стр. 2.

150. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 209; т. 9, стр. 359; т. 13, стр. 30. 32. — Соловьевъ, Истор. пис. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 18. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 4, стр. 227.

151. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 217; т. 9, стр. 359. 360; т. 13, стр. 30 — 32. — Соловьевъ, Истор. пис. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 18. — Калачовъ, Очеркъ истор. быта велик. крест. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. кн. 1, стр. 51.

152. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 10. 11; т. 13, стр. 30. 32. 57. 66. 68. 79. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 224. 225.

153. Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 385; т. 8, стр. 63. 64; т. 9, стр. 356. 357; т. 13, стр. 32. 65. 66. 79. 323. — Соловьевъ, Истор. пис. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 226.

154. О Россіи, какою оставилъ ее Петръ I. Щебальскаго. Русс. Вѣст. январь 1858 г. кн. 1, стр. 14.

155. Къ *центральнымъ* приказамъ относились: а) Приказъ большого двора — родъ дворцовыхъ конторъ и кабинета (Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 396; т. 13, стр. 89. Лешковъ, Разд. Росс. на губ. Русс. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2 стр. 326); б) Приказъ посольскій, замѣнявшій министерство иностранныхъ дѣлъ (Солов. И. Р. т. 13, стр. 94. Лешк. Разд. Рос. на губ. Русс. Вѣс. нояб. 1859 г. кн. 2, стр. 326); в) Приказъ разрядный — то же, что инспекторскій департаментъ (Солов. И. Р. т. 9, стр. 375; т. 13, стр. 66, 94); г) Приказы оружейный, стрѣльцкій, пушкарскій, рейтарскій и иноземный составляли родъ военного министерства (Солов. И. Р. т. 13, стр. 95. Лешк. Разд. Росс. на губ. Русс. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 326); д) Приказъ помѣстный раздавалъ, по установленнымъ правиламъ, помѣстья и вотчинныя служилымъ людямъ, въ видѣ жалованья за службу (Солов. И. Р. т. 13, стр. 96. Лешк. Разд. Росс. на губ. Русс. Вѣс. нояб. 1859 г. кн. 2, стр. 326). е) Приказы большой казны, большого прихода, печатный и счетный — всѣ были финансовыя учрежденія (Солов. И. Р. т. 13 стр. 96. Лешк. Разд. Росс., на губ. Русс. Вѣс. нояб. 1859 г. кн. 2, стр. 326, 327); ж) Приказъ разбойный, вѣдавшій уголовныя дѣла всего государства (Солов. И. Р. т. 13, стр. 95); и з) Приказы московскій и владимірскій — учрежденія судныя, разбиравшія и рѣшавшія споры между всѣми служилыми людьми разныхъ степеней и наименованій по дѣламъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ (Солов. И. Р. т. 13 стр. 96. Лешк. Разд. Рос. на губ. Русс. Вѣс. нояб. 1859 г. кн. 2, стр. 327). Къ *областнымъ* приказамъ принадлежали: Приказы — казанскаго двора, сибирскій, смоленскій, а также приказы или чети новгородская, владимірская, устюжская, востромская и галицкая. Учрежденія эти завѣдывали известными мѣстностями только въ финансовомъ отношеніи, съ правомъ собирать доходы, подати и пошлины. (Солов. И. Р. т. 13, стр. 96. Лешк. Разд. Рос. на губ. Русс. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 326, 327).

156. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 449. — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 262. — Начертаніе Статистикя Россійскаго Государства Арсеньева, въ двухъ частяхъ. С.-Петербургъ. 1818 и 1819 г. ч. 2, стр. 164—166.

157. Въ отношеніи областного управленія страда дѣлилась на уѣзды (происшедшіе изъ удѣловъ по уѣздѣ, т. е. по отъѣздѣ изъ нихъ князей), а уѣзды — на станы.

158. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 463; т. 13, стр. 98. — Лешковъ, Разд. Росс. на губ. Русс. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 326—330.

159. Соловьевъ, И. Р. т. 5 стр. 302; т. 7 стр. 15; т. 13 стр. 98

160. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 399, 400; т. 13, стр. 98.

161. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 123; т. 10, стр. 142. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 449.

162. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 262, 263. — Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 187; т. 13, стр. 67. — Соловьевъ, Истор. письма. Русс. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 225, 226. — Миллеръ, Извѣст. о двор. росс., стр. 255.

163. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 263; т. 10, стр. 142. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 7, 395. — Соловьевъ, Истор. пис. Русс. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 225. — Миллеръ, Извѣст. о дворян. росс., стр. 225, 229. — Арсеньевъ, Начерт. статис. Р. Г. ч. 2, стр. 165.

164. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5 стр. 227, т. 6, стр. 167, 218, 219; т. 8 примѣч. 444; т. 9, стр. 47, 67, 262, 263; т. 10, стр. 142; т. 11, стр. 14. — Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 385; т. 7, стр. 7. — Соловьевъ, Истор. письма. Русс. Вѣс. май 1868 г. кн. 2, стр. 225. — Костомаровъ, Нач. еднод. вл. др. Руси. Вѣс. Евр. декаб. 1870 г., стр. 557. — Русская Геральдика. Лакіера въ двухъ книгахъ. С.-Петербургъ. 1855 г. кн. 1, стр. 225.

165. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 108; т. 11, стр. 10. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 5; т. 9, стр. 371; т. 13, стр. 67, 68, 96. — Соловьевъ, Истор. письма. Русс. Вѣс. май 1868 г. кн. 2, стр. 225. — Костомаровъ, Нач. еднод. въ др. Руси. Вѣс. Евр. декаб. 1870 г., стр. 556, 557. — Пол. Собр. Зак. № 1569.

166. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 262, 163; т. 10, стр. 142. — Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 61, 89. — Миллеръ, Изв. о двор. росс. стр. 225, 229, 230. 233. — Арсеньевъ, Начер. стат. Р. Г. ч. 2, стр. 29, 165. — Лакіеръ, Русск. Геральд. кн. 1, стр. 225.

167. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 373, 458.

468. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 5.

169. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 214. — Соловьевъ, И. Р. т., 5 стр. 225, 226.

170. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 89, примѣч. 110. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 446.

171. Для поясненія выраженій: «Бояре земскіе и опричные», надобно припомнить, что Іоаннъ IV, учредивъ для себя особый новый дворъ, въ 1565 году, съ особыми чинами всѣхъ степеней — боярами, окольничими и др., называлъ его «опричнымъ», а все остальное, т. е. все государство, земщиною. Поэтому и бояре, вошедшіе въ составъ новаго двора, названы опричными, а бояре прежніе, которымъ поручилъ онъ управленіе государствомъ, земскими боярами; но эти два названія, съ уничтоженіемъ въ 1572 году «опричныхъ», упразднены (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 47, 122, примѣч. 336. — Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 194, 195; т. 13, стр. 33).

172. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 5—8; т. 9, стр. 355, 372.

173. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 13, примѣч. 24 и 155. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 273.

174. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 72, 76.

175. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 223; т. 13, стр. 68. — Соловьевъ, Истор. письма. Русс. Вѣс. май 1868 г. кн. 2, стр. 220. — Лешковъ, Разд. Росс. на губ. Русс. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 835. — Лакіеръ, Русск. Геральд., стр. 95.

176. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 12, стр. 25. — Смутное время Московскаго государства. Костомарова. — Вѣст. Евр. сентябрь 1866 г., стр. 52.

177. Фамиліи эти были: Черкасскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Хованскіе, Морозовы, Шереметевы, Одоевскіе, Шенны, Салтыковы, Ревнины, Прозоровскіе, Вуйносовы, Хилковы и Урусовы (Соловьевъ, И. Р. т. 12, стр. 349; т. 13, стр. 71, 72).

178. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 214; т. 8, стр. 6; т. 10, стр. 13, примѣч. 28. — Соловьевъ, И. Р. т. 15, стр. 66.

179. Соловьевъ, И. Р. т. 15, стр. 85; т. 16, стр. 2.

180. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 89.

181. Миллеръ, Изв. о дворян. росс., стр. 85. 86.
182. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 141. 142.
183. Миллеръ, Изв. о двор. росс., стр. 86.
184. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 5; т. 10, стр. 143.
185. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 59. 61. 64.
186. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 170. 171.
187. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 111; т. 11, стр. 130.
188. Боярскій обычай содержать при себѣ многочисленную дворню, отъ 100 до 1000 человекъ, относится къ глубокой старинѣ, и происходитъ отъ условій и потребностей дружиннаго быта. Переходя отъ одного князя къ другому, бояре необходимо должны были имѣть свою крѣпостную дружину (челядь), т. е. достаточное число даже вооруженныхъ слугъ, готовыхъ, въ случаѣ нужды, и къ защитѣ и къ нападенію. Этотъ крѣпостной разрядъ боярскихъ слугъ именовали то же дворомъ человека богатаго и знатнаго. Въ древнее время онъ имѣлъ значеніе по преимуществу военное; но, утративъ таковое съ эпохи преобразования московскаго государства, боярскій дворъ получилъ, такъ сказать, декоративное значеніе. Вообще, богатые вотчинные и помѣстные владѣльцы щедро дали многочисленности своей свиты и прислуги, и поставляли честь свою въ томъ, чтобы имѣть около себя множество слугъ подъ разными наименованіями. (Большой бояринъ къ своему вотчинномъ хозяйствѣ XVII вѣка. Забѣлина Вѣст. Евр. январь 1871 г., стр. 13. — Побѣдоносцевъ, замѣт. для ист. крѣп. права. Русс. Вѣст. 1868 г. іюнь кн. 2. стр. 473. 474; августъ кн. 2, стр. 548).
189. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 131, примѣч. 399.
190. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 263. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 264; т. 12, стр. 335.
191. Полевой, истор. Петра Великаго, ч. 1, стр. 350.
192. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, примѣч. 171 и 186. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 200.
193. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, примѣч. 331. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 200.
194. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 28. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 204.
195. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 62. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 200. 201.
196. Карамзинъ, Родословная роспись VI степень 17; т. 5, стр. 103. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 200. 201.
197. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 229, примѣч. 47. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 201; т. 5, стр. 445. 446; т. 6, стр. 32; т. 7, стр. 6; т. 13, стр. 64. 68. — Костомаровъ, Смутн. вр. моск. госуд. Вѣстн. Евр. Іюнь 1866 г. стр. 16. — Миллеръ, Изв. о двор. росс. стр. 74. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 327.
198. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 171; т. 9, стр. 67. 263. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 6; т. 13, стр. 77.
199. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 28; т. 10, стр. 142. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 5. 17. 395; т. 13, стр. 89. 96. — Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 74. — Устряловъ, И. Р. ч. 2, стр. 327.
200. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 12, примѣч. 115. — Соловьевъ, И. Р. т. 12, стр. 336; т. 13, стр. 68.
201. Въ числѣ этихъ 15 фамилій состояли: Куракины, Долгорукіе, Бу-

турины, Ромодановскіе, Пожарскіе, Волковскіе, Лобановы, Стрѣшневы, Барятинскіе, Милославскіе, Суклинны, Пушкинны, Измайловы, Плещеевы, Львовы (Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 71. 72).

202. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 214.—Соловьевъ, И. Р. т. 8, стр. 51.

203. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 355; т. 10, стр. 142. 143; т. 12, стр. 336. т. 13, стр. 30. 60. 64—69. 89. 96. 320. 321; т. 15, стр. 86. 87.

204. Полевой, Ист. Петра Вел. ч. 3, стр. 256.

205. — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3, стр. 123. — Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 248; т. 4, стр. 20. — Миллеръ, Изв. о двор. росс. стр. 49. 50. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 4, стр. 219 — 222. — Лакіеръ, Русск. Герольд. стр. 69.

206. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 263. — Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 31; т. 7, стр. 5; т. 13, стр. 68. — Соловьевъ, Ист. письма. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 221. — Миллеръ, Извѣс. о двор. росс. стр. 67. — Обь учрежденіи Іоанномъ IV дворянъ—большихъ, первой статьи, второй статьи, свертныхъ и младшихъ, см. Исторію госуд. Росс. Карамзина т. 6, стр. 214. 215; т. 9, стр. 67. 212, примѣч. 623. — Исторію Россіи Соловьева, т. 7, стр. 5—8; т. 8, стр. 68. 164. 165; т. 9, стр. 371.

207. Соловьевъ, И. Р. т. 8, стр. 431; т. 13, стр. 68.

208. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 77.

209. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 6; т. 13, стр. 60. 61. 64.

210. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 12, стр. 24. — Соловьевъ, И. Р. т. 8, стр. 431; т. 9, стр. 372; т. 12, стр. 335; т. 13, стр. 89. 96. — Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 2, стр. 8.

211. Соловьевъ, И. Р. т. 15, стр. 86. 87. 135. 136.

212. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, стр. 190. 191, примѣч. 425. — Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 223. — Побѣдоносцевъ. Зап. для истор. кр. права. Русскій Вѣс. июнь 1858 г. кн. 2, стр. 473.

213. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 202, примѣч. 350 и 351.

214. Къ этимъ промышленнымъ людямъ относились: ситники, конюхи, кречетники, соболевники, охотники, бортники, садовники, исари и др. (Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 202; т. 8, стр. 55; т. 9, стр. 369).

215. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 202. 204. 225.

216. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 226.

217. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 214, примѣч. 609.—Кавелинъ, Мысли и зам. о рус. ист. Вѣстн. Евр. июнь 1866 г. кн. 2, стр. 366.—Градовскій, Реценз. на соч. мов. прик. Рус. Вѣс. августъ 1868 г. стр. 622,

218. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 139. — Лешковъ, Разд. Рос. на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. стр. 327.

219. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 167; т. 12, стр. 25. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 7.

220. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 396. — Миллеръ, Изв. о двор. росс. стр. 138. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 290.

221. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3, стр. 122.

222. Слово «гривна» имѣло разное значеніе. Гривна означала: а) украшеніе золотое, носимое князьми и вельможами на шеѣ; и б) вѣсъ и монету числительную. Въ послѣднемъ значеніи гривна серебра имѣла въ себѣ

- 16 лотовъ, а гривна золота 56 червонцевъ (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 1, стр. 76, примѣч. 298.
223. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, стр. 162; т. 3, стр. 18; т. 4, стр. 169.
224. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 46. 265, примѣч. 137. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 449; т. 7, стр. 7; т. 8, стр. 55.
225. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, примѣч. 98; т. 9, примѣч. 137. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 290.
226. Побѣдоносцевъ, Запѣт. для ист. крѣп. права. Рус. Вѣс. июль 1858 г. стр. 473.
227. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, стр. 151; т. 6, стр. 119. 214; т. 9, стр. 46. 47. 67. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 5. 6; т. 8, стр. 386. 388; т. 9, стр. 355.
228. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 218. — Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 89. — Миллеръ, Изв. о двор. росс. стр. 170. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 290.
229. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 79. — Шебальскій, О Рос. законоу остав. ее Петръ I. Рус. Вѣс. январь 1858 г. кн. 1, стр. 20. 21.
230. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 267. 268.
231. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 118. 119. 188. 189.
232. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 110, примѣч. 353. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 446.
233. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 250. — Миллеръ, Изв. о двор. росс. стр. 166. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 290.
234. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 69, примѣч. 231; т. 11, стр. 9. 10 примѣч. 11.
235. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, примѣч. 412; т. 11, примѣч. 11. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 290.
236. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, примѣч. 170 и 182; т. 10, стр. 128. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 290.
237. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, стр. 25, 27, примѣч. 70. — Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 248.
238. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3, стр. 122.
239. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 204.
240. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, примѣч. 67. — Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 93. 94. — Миллеръ, Извѣс. о двор. росс. стр. 157. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 290.
241. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 50. 66, примѣч. 190; т. 9, примѣчавіе 614.
242. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 13, примѣч. 24 и 155. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 273.
243. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 11, стр. 15.
244. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 12, стр. 5. — Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 93.
245. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 214. 218. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 225. 446. — Миллеръ, Извѣс. о двор. росс. стр. 176. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 290.
246. Миллеръ, Извѣс. о двор. росс. стр. 176. — Шебальскій, о Рос. законоу остав. ее Петръ I. Рус. Вѣс. январь 1858 г. кн. 1, стр. 21.
247. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, примѣч. 231; т. 11, примѣч. 11. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 446.

248. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 93.
249. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 275; т. 3, стр. 12. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 3, стр. 122.
250. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 279, 280; т. 3, стр. 17. — Костомаровъ, Предан. первонач. рус. лѣтоп. Вѣстн. Евр. февраль 1873 г. стр. 608.
251. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, стр. 97. — Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 12.
252. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 402.
253. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, стр. 104, примѣч. 206; т. 5, стр. 93.
254. Сокольниками назывались такіе люди, для которыхъ ловля дьякъх птицъ была охотничимъ промысломъ. Приэтомъ надобно замѣтить, что въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ идетъ рѣчь, вмѣсто слова «сокольники», употреблялось слово «ловцы», и потому встрѣчаются названія: ловцы гагачья, ловцы залчья и т. п. (Отеч. Зап. январь 1859 г. современ. обзорѣн. стр. 29).
255. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 187.
256. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, стр. 84 85, примѣч. 167. — Соловьевъ И. Р. т. 3, стр. 263.
257. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 225. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 289, 290.
258. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 99, 100, 110, примѣч. 321 и 353. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 446, 467.
259. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 52, примѣч. 162. — Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 393; т. 7, стр. 184.
260. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 63, 64. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 289, 290.
261. Вѣстн. Евр. августъ 1871 г. стр. 693.
262. Полевой, Истор. Петра Вел. ч. 1, стр. 115. — Путеводитель по Москвѣ и ея окрестностямъ. Москва, 1872 г. стр. 84, 88.
263. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 94. — Потѣшный дворъ. Рус. Вѣс, декабрь 1867 г. стр. 478.
264. Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 290.
265. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, стр. 15, примѣч. 20. — Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 211; т. 4, стр. 205, 206.
266. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 30, 31. — Соловьевъ, И. Р. т. стр. 280
267. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 218, примѣч. 607.
268. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 67. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 5, 7.
269. Сѣверія, Сѣверщина или Сѣверская земля находилась на рѣкахъ Деснѣ, Сеймѣ и Окѣ (Костомаровъ, Вѣче. Дѣло п. Отдыхъ, январь 1865 г. стр. 12). Ее составляли въ началѣ XVII вѣка слѣдующіе сѣверскіе города: Путнвль, Моравскъ, Новгородъ — Сѣверскій, Стародубъ, Ливны, Кромы, Бѣлгородъ, Осколь, Елецъ, (Костомаровъ, Смут. вр. моск. госуд. Вѣстн. Евр. сентябрь 1866 г. стр. 32).
270. Андрусовскій трактатъ 30 января 1667 г. въ Пол. Соб. Зак. № 398. — Устряловъ, Истор. царст. Петра Вел. т. 1, стр. 104. — Соловьевъ, И. Р. т. 11, стр. 260, 261. — Последніе годы рѣчи посольской. Костомарова, Вѣстн. Евр. февраль 1869 г. стр. 704.
271. Соловьевъ, И. Р. т. 15, стр. 87. — Никита Монсевиичъ Зотовъ, учитель Петра Великаго, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ подъячимъ приказа большаго прихода; а при Петрѣ — является сперва думнымъ дьякомъ, потомъ

дуннымъ дворянномъ и печатникомъ; въ послѣдствіи графомъ, тайнымъ совѣтникомъ и генералъ-прокуроромъ ближней канцеляріи (Рус. Вѣс. апрѣль 1866 г. стр. 744).

272. Лакиеръ, Русск. Гереальдика, кн. 1, стр. 253.

273. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 66; т. 18, стр. 139. — Лакиеръ, Русск. Гереальд. кн. 1, стр. 253. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 289.

274. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4, стр. 15. примѣч. 20; т. 6. примѣч. 607. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 5. 7.

275. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6. примѣч. 609. — Лакиеръ, Русск. Гереальд. кн. 1, стр. 252. 233.

276. Лакиеръ, Русск. Гереальд. исторія русск. гербовъ, стр. 78.

277. Такія печати имѣли, какъ видно изъ «Исторіи государства Россійскаго», Карамзина, князя: *Кіевскій* Мстиславъ Владиміровичъ (т. 2 примѣч. 256. По родословной владѣтельныхъ князей, составленной г. Строевымъ, см. Роспись VI степень 8); *Смоленскій* — Мстиславъ Давыдовичъ (т. 3 примѣч. 248. По той же родословной см. Роспись IX степень 11); *Тверскій* — Митяилъ Александровичъ (т. 4 примѣч. 187. По той родосл. см. Роспись XIII степень 14). *Московскіе*: Александръ Михайловичъ, князь въ 1327 году (т. 4 примѣч. 260. По той Родосл. см. Роспись XIII степ. 15); Симеонъ Іоанновичъ (т. 4 примѣч. 365. По той же Родосл. см. Роспись XI степ. 14); Іоаннъ Іоанновичъ (т. 4 примѣч. 386. По той же Родосл. см. Роспись XI степ. 14); Дмитрій Іоанновичъ (т. 5 примѣч. 116. По той же Родосл. см. Роспись XI степ. 15); Василій Дмитріевичъ (т. 5, стр. 129. По той же Родосл. см. Роспись XV степ. 16).

278. Арсеньевъ, Начер. Стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 21.

279. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 43. 46. примѣч. 98. — Арсеньевъ. Начер. Стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 21. — Римъ и Византія. Русск. Вѣст. ноябрь 1870 г., стр. 279.

280. Свѣдѣніе это заявлено Кеммереромъ на археологическомъ сѣздѣ въ засѣданіи 17 декабря 1871 года (С.-Петербург. Вѣдом. 21 декабря 1871 г. № 351).

281. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 354. 355.

282. Арсеньевъ, Начер. Стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 22.

283. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 207; т. 7, стр. 110, примѣч. 353; т. 10 примѣч. 460. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 446.

284. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 22. примѣч. 44. — Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 1; т. 7, стр. 7.

285. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8 примѣч. 184; т. 9, стр. 9; т. 10, стр. 156. примѣч. 460.

286. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 156. — Миллеръ, Изв. о двор. рос., стр. 161. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291.

287. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 9. — Миллеръ, Изв. о двор. рос., стр. 16. — Вѣст. Евр. май 1870 г., стр. 433. 434.

288. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 22. примѣч. 231; т. 9, стр. 263; т. 10, стр. 42. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 201. 204.

289. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 56. примѣч. 359; т. 11, стр. 10. — Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 355. 364; т. 13, стр. 61—64. 78. 318.

290. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 66. — Миллеръ, Изв. о двор. росс., стр. 56.
291. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 156. — Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 64. 66. — Костомаровъ, Смут. вр. моск. госуд. Вѣс. Евр. июнь 1866 г., стр. 69. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291.
292. Миллеръ, Изв. о двор. росс., стр. 56. — Костомаровъ, Смут. вр. моск. госуд. Вѣс. Евр. июнь 1866 г., стр. 69.
293. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 4 примѣч. 20; т. 10 примѣч. 359. — Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 66. — Миллеръ, Изв. о двор. росс., стр. 56. — Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, стр. 174. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291. 328.
294. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 66. 249.
295. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 201.
296. Миллеръ, Изв. о двор. росс., стр. 163. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291. — Вѣст. Евр. май 1870 г., стр. 433. 434.
297. Миллеръ, Извѣс. о двор. росс. стр. 163. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291.
298. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 3, стр. 122.
299. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, стр. 183, примѣч. 411; т. 3, стр. 18. 19, примѣч. 23.
300. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 167. 214; т. 8, стр. 136; т. 10, стр. 123. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 225; т. 13, стр. 60. 62. 249.
301. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 249. 250. — Миллеръ, Извѣс. о двор. росс. стр. 173.
302. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, примѣч. 4; т. 10, стр. 123. — Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 60, 63.
303. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, примѣч. 359. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291.
304. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 136. — Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 2, стр. 97.
305. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 72. — Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, стр. 7. 168.
306. Соловьевъ, И. Р. т. 12, стр. 349; т. 13, стр. 71. 72.
307. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 35. 69, примѣч. 98 и 231.
308. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 45, примѣч. 137.
309. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 108.
310. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 11, стр. 10; т. 12, стр. 52.
311. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 385.
312. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 61 — 65.
313. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 318 — 322.
314. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, примѣч. 231. — Миллеръ, Извѣс. о двор. росс. стр. 54. — Устряловъ, Ист. цар. Петра Вел. Т. 1, стр. 268, примѣч. 31. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291. 328.
315. Миллеръ, Извѣс. о двор. росс. стр. 53. 54. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291. 328. — Костомаровъ, Смут. время моск. госуд. Вѣстн. Евр. июнь 1866 г. стр. 69; сентябрь 1867 г. стр. 43.
316. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 370. 371.

317. Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 53. 54. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291. 328. 329.
318. Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291.
319. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 39. 41, примѣч. 76. — Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 353; т. 4, стр. 204.
320. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 110, примѣч. 355; т. 10, стр. 21. 156, примѣч. 58. — Костомаровъ, Смутн. вр. моск. госуд. Вѣстн. Евр. июнь 1866 г. стр. 66 — 87.
321. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 110, примѣч. 231. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 446.
322. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 110, примѣч. 231. — Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 370. 371.
323. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 225; т. 13, стр. 66. — Устряловъ, Ист. царс. Петра Вел. т. 1, стр. 176. — Лакіеръ, Русск. Геральд. ист. русск. двор. стр. 70.
324. Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 347.
325. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 355. 372; т. 13, стр. 61 — 67. — Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 49. 50. — Устряловъ, Ист. царст. Петра Вел. т. 1, стр. 178. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 328. — Лакіеръ, Русск. Геральд. ист. рус. двор. стр. 70. 71.
326. Устряловъ, Ист. царст. Петра Вел. т. 1. стр. 187. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 329. 347.
327. Соловьевъ, И. Р. т. 14, стр. 86. — Миллеръ, Извѣс. о двор. росс. стр. 49. 50. — Устряловъ, Ист. царст. Петра Вел. т. 1, стр. 176. — Лакіеръ, Русск. Геральд. ист. русск. двор. стр. 70. 71.
328. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 66. 67. 79.
329. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 229; т. 6, стр. 88. 213; т. 7, стр. 121; т. 8, стр. 161; т. 10, стр. 137. — Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 360. 381. — Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 32. — Побѣдоносцевъ, Зап. для ист. крѣп. права. Русск. Вѣс. августъ 1858 г. кн. 2, стр. 578.
330. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, примѣч. 490. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 225; т. 7, стр. 17. — Лакіеръ, Русск. геральд. ист. русск. двор. стр. 70. — Въ древней Россіи единицей поземельной мѣры была четверть составлявшая половину вытѣшней десятины, такъ, что 200 четвертей равнялись 100 десятинамъ, 150 четв. 75 десятинамъ и т. д. (Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 347).
331. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 373. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 325. — Костомаровъ, Начал. единод. въ др. Руси. Вѣс. Евр. ноябрь 1870 г. стр. 47.
332. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 38. 111. — Соловьевъ И. Р. т. 13, стр. 78. 318.
333. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 39; примѣч. 110; т. 8, стр. 91. примѣч. 272.
334. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 91. примѣч. 272; т. 10, стр. 137. — Соловьевъ, И. Р. т. 8, стр. 51. 55. — Устряловъ, Ист. царст. Петра Вел. т. 1, стр. 176. — Миллеръ, Извѣс. о двор. росс. стр. 44.
335. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 123. — Соловьевъ, И. Р. т. 8, примѣч. 272. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291. — Миллеръ, Изв. о двор. росс. стр. 44.

386. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 123. 137. 156. — Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 63. 67. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 291.
387. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 91; т. 10, стр. 137. — Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 78. 318.
388. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 137. — Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, стр. 176.
339. Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 44. — Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, стр. 257.
340. Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 44. 49. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 329.
341. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 263. — Соловьевъ, И. Р. т. 8, стр. 51; т. 13, стр. 318. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 324—329.
342. Кавелинъ, Мысли и замѣтки о русск. ист. Вѣстн. Евр. июнь 1866. г. т. 2, стр. 349. 362—364. — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 112—114; т. 12, «О древ. и нов. Россіи», стр. ХLI.—Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 279. — Побѣдосецевъ, Замѣт. для ист. крѣп. права. Рус. Вѣс. июнь 1859 г. кн. 1, стр. 241. — Въ старину «дѣдичъ» означалъ владѣльца, собственника; а «отчичежъ» именовался наследникъ отцовскаго достоинства (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 2, примѣч. 417).
343. Полевой, Ист. Петра Вел. ч. 1, стр. 34.—Лакиеръ, Русск. геральд. ист. рус. двор. стр. 66. 71.
344. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, примѣч. 582. — Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 383. 384; т. 13, стр. 70. 163; т. 18, стр. 254. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 330. — Кавелинъ, Мысли и замѣт. о рус. ист. Вѣстн. Евр. июнь 1866 г. кн. 2, стр. 366. — Главный интересъ русскаго боярина былъ родовой: это выражается въ его имени. Для нагляднаго указанія возьмемъ въ соображеніе, напримѣръ, родословную бояръ Романовыхъ. Изъ нея между прочимъ видно, что бояринъ Ѳеодоръ (въ монастырѣ Филаретъ) былъ сынъ Никиты, внука Романа, правнукъ Юрія, праправнукъ Захарія, которые особенныхъ прозваній не имѣли. Какое жъ фамиліальное имя употреблялъ онъ въ частномъ и служебномъ быту? Единственно родовое: къ собственному имени присоединялъ онъ собственныя же имена отца, дѣда, прадѣда и прапрадѣда и именовался такъ: Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ — Юрьевъ — Захаринъ (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, примѣч. 484; т. 8, примѣч. 164).
345. Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, стр. 255, примѣчаніе 9. — Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 296. 298.
346. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 159. 160. — Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 70. — Соловьевъ, Историч. письма. Русск. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 17.
347. Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, введеніе, стр. ХХI.
348. Соловьевъ, Ист. письма, Русск. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 219 п мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 16. — Устряловъ, Истор. царств. Петра Вел. т. 1, введеніе стр. ХХI. — Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 355. 356. — Полевой, Ист. Петра Вел. ч. 1, стр. 34.
349. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 160. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 407—411; т. 13, стр. 71. — Атласъ географическій, историческій и хро-

нологическій Россійскаго государства. Ахматова. Изд. Эймерлинга. 1845 г. стр. 18.

350. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 160. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 11. 12. 15; т. 9, стр. 362. 369; т. 13, стр. 74.

351. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 156. 156. — Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 369. — Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 296. 298. — Лакіеръ, Русск. Гербальд. ист. русск. дворян. стр. 72.

352. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 9, стр. 160. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 407 — 411. Миллеръ, Извѣс. о дворян. росс. стр. 296. 298.

353. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 5, стр. 219. — Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 384; т. 7, стр. 8; т. 9, стр. 357, — Соловьевъ, Ист. письма. Рус. Вѣс. май. 1858 г. кн. 2, стр. 220. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 330. — Лакіеръ, Русск. Гербальд. истор. русск. дворян. стр. 71.

354. Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 320. — Отеч. Зав. «литер. лѣтопись» февраль 1871 г. стр. 165.

355. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 185. 213; т. 8, стр. 40.

356. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 446.

357. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 68; т. 9, стр. 160; т. 10, примѣчаніе 276. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 446; т. 6, стр. 383; т. 7, стр. 11 — 15.

358. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 407 — 411.

359. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 53. 356 — 359. 378. 379. — Соловьевъ, Ист. письма. Русс. Вѣстн. май 1858 г. кн. 2, стр. 220. 222. — 1618 года 11 іюля, въ день вѣнчанія на царство Михаила Феодоровича князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій пожалованъ былъ бояриномъ; а Козьма Мининъ Сухорукой получилъ званіе думнаго дворянина (Вѣстн. Европы июль 1837 г. стр. 47).

360. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 156. — Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 362 — 364. 368.

361. Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 384; т. 7, стр. 8; т. 10, стр. 370; т. 11, стр. 59, 256; т. 12, стр. 63. 75. 335. 351 — 354; т. 13, стр. 70 — 76. 119. — Соловьевъ, Ист. письма. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 222. — Полевой, Ист. Петра Вел. ч. 1, стр. 32.

362. Соловьевъ, И. Р. т. 10, стр. 183; т. 13, стр. 74.

363. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 323. — Полевой, Ист. Петра Вел. ч. 1, стр. 32. — Полн. Собран. Зап. № 906.

364. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 317.

365. Въ смутную эпоху московскаго государства, встрѣчается названіе людей *великочинными* и *мелкочинными*. *Великочинными* почитались, по тогдашнему понятію, лица разумныя, богатія и вельможныя, такіа лица, которыя сами, или отцы ихъ и дѣды, постоянно находились у правительственнаго дѣла, или, какъ онѣ сами выражались, всякую думу вѣдали: то были такіе бояре, которые, по отъезду знаменитаго князя Д. М. Пожарскаго, слыли «столпами» государства. Подъ именемъ же людей *мелкочинными*, составлявшихъ большинство, къ которымъ причислялъ и себя самаго тотъ же князь Пожарскій, разумѣлись служилые люди прочіихъ чиновъ, мелкіе землевладѣльцы, которые, какъ лица, не могли участвовать въ боярской Думѣ, не могли имѣть и значенія, подобнаго вышесказанному, (Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 356 — 358, т. 12, стр. 354).

366. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 250. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣст. май 1858 г. кн. 2, стр. 220.
367. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 319.
368. Кавелинъ, Мысли и зам. о русск. истор. Вѣстн. Евр. июнь 1866 г. стр. 397. — Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 355; т. 13, стр. 320. 321 — Пола. Собр. Зак. № 905.
369. Соловьевъ, Истор. письма. Русск. Вѣст. май 1858 г. кн. 2, стр. 223. 326.
370. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 323. 324; т. 18, стр. 139.
371. Устряловъ, Истор. царст. Петра Вел. т. 1, введ. стр. XXI. — Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 320. 355; т. 13, стр. 322. — Соловьевъ, Истор. письма. Вѣстн. Евр. май 1858 г. кн. 2, стр. 219. — Отеч. Зап. «литер. глгопись» февраль 1871 г. кн. 1, стр. 185.
372. Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, примѣч. 65, стр. 290.
373. Соловьевъ, И. Р. т. 3, стр. 184. — Чичеринъ, Дух. и догов. граматн. Русск. Вѣст. февраль 1857 г. стр. 686. 687. 690. 693. — Кавелинъ, Мысли и зам. о русск. ист. Вѣстн. Евр. июнь 1866 г. стр. 364. — Лакиеръ, Русск. Геральд. ист. русск. двор. стр. 66. — Взглядъ на историческое развитие русскаго порядка законнаго наслѣдованія и проч. Рѣчь, произнесенная на Актѣ слб. университета, 8 февр. 1860 г. профессоромъ Кавелиннмъ, стр. 9. 24.
374. Соловьевъ, И. Р. т. 2, стр. 226. — Соловьевъ, Истор. письма. Русск. Вѣст. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 17. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣст. февраль 1857 г. стр. 655. 692.
375. Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣст. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 17. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣст. февраль 1857 г. стр. 692. — Кавелинъ, Истор. разв. русск. лоряд. закон. наслѣд. стр. 9.
376. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 240.
377. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 241. — Кавелинъ, Истор. разв. русск. лоряд. закон. наслѣд. стр. 9. 24.
378. Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Русск. Вѣст. мартъ 1857 г. стр. 64. — Костомаровъ, Смут. вр. моск. госуд. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. стр. 21. — Кавелинъ, Ист. разв. русск. лоряд. закон. наслѣд. стр. 10. 27. 40.
379. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 238. 240. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣстн. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 18. 20.
380. Устряловъ, Ист. царст. Петра Вел. т. 1, стр. 170; т. 2, стр. 303. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣст. мартъ 1857 г. стр. 53. — Кавелинъ, Ист. разв. рус. лоряд. закон. наслѣдов. стр. 27. 35. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 3, стр. 120.
381. Кавелинъ, Ист. разв. русск. лоряд. закон. наслѣдов. стр. 10. 27.
382. Кавелинъ, Истор. разв. русск. лоряд. закон. наслѣдов. стр. 27.
383. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 170. 171. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣст. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 20.
384. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 16. — Соловьевъ, Истор. письма. Русск. Вѣст. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 20. — Забѣляинъ, Древности Москвы. Вѣстн. Евр. мартъ 1867 г. стр. 391.
385. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 161.
386. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 171. — Кавелинъ, Истор. разв. русск. лоряд. закон. наслѣдов. стр. 28.

387. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 386: — Кавелинъ, Истор. разв. русск. поряд. закон. наслѣдов. стр. 28.

388. Калачовъ. Очеркъ истор. быта великор. крест. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. стр. 50.

389. Соловьевъ. И. Р. т. 7, стр. 412.

390. Главными промыслами были тогда (во время появленія помѣстной системы) у нашихъ предковъ: земледѣліе, составлявшее преимущественное занятіе большей части населенія; рыболовство на Бѣломъ Морѣ, въ рѣкахъ и озерахъ; пчеловодство въ дремучихъ лѣсахъ на восточной сторонѣ государства; и солонны варницы въ Бѣлозерскомъ округѣ, въ богатыхъ влажныхъ Строгановыхъ и въ разныхъ монастырскихъ вотчинахъ. (Чтеніе члена географ. общ. Н. В. Калачова 4 декабря 1868 г., объ изданіи писцовыхъ книгъ. Русск. Вѣс. апрѣль 1869 г. стр. 833).

391. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 161. — Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 360; т. 13, стр. 80 — 84; т. 20, стр. 226. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 18. 19. — Калачовъ, Очеркъ истор. быта великор. крест. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. стр. 50. — Щебальскій, О Россіи, какою остав. ея Петръ I. Рус. Вѣс. январь 1858 г. кн. 1, стр. 20. — Лакиеръ, Русск. Гербальд. ист. русск. дворян. стр. 69. — Градовскій, Речев. на соч. «монаст. прик.» Русск. Вѣс. августъ 1868 г. стр. 618.

392. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 213. — Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 42. — Соловьевъ, Истор. письма. Русск. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 18.

393. Кавелинъ, Истор. разв. русск. поряд. закон. наслѣдов. стр. 27. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Русск. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 64.

394. Карамзинъ. И. Г. Р. т. 6, стр. 213. — Костомаровъ, Смут. вр. москов. госуд. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. стр. 42. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для истор. крѣп. права. Русск. Вѣс. августъ 1858 г. стр. 579. — Градовскій, Речев. на соч. «монаст. приказъ». Русск. Вѣс. августъ 1868 г. стр. 610. — Ивановъ, Россія и проч. ч. 3, стр. 120.

395. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 17. 412. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. февраль 1858 г. стр. 688. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 1, стр. 218, кн. 2, стр. 477. 578. — Кавелинъ, Истор. разв. русск. поряд. закон. наслѣд. стр. 35. — Лакиеръ, Русск. Гербальд. — ист. русск. двор. стр. 69. 70.

396. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 17. — Устряловъ, Истор. царств. Петра Вел. т. 1, стр. 177. — Кавелинъ, Истор. разв. русск. поряд. закон. наслѣд. стр. 35.

397. Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, стр. 177; примѣч. 74, стр. 295 — 297. — Кавелинъ, Ист. разв. рус. поряд. закон. наслѣдов. стр. 35. 36. — Лакиеръ, Русск. Гербальд. ист. русск. двор. стр. 69.

398. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 17.

399. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 161. примѣч. 490. — Лешковъ, Раздѣл. Росс. на губери. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 329. — Костомаровъ, Нач. едипод. въ древ. Руси. Вѣстн. Евр. декабрь 1870 г. стр. 557. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. іюнь 1858 г. кн. 2, стр. 467.

400. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 161. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 16. 17. 412. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 19. — Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, введ. стр. XX. — Ешев-

сий, Русск. колониз. сѣвер-вост. края. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. стр. 255. — Побѣдоносцевъ, Запѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. июнь 1858 г. кн. 1, стр. 218, кн. 2, стр. 477; августъ 1858 г. кн. 2, стр. 578. — Устряловъ, Р. И. ч. 3, стр. 20.

401. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 19. — Соловьевъ, Истор. письма. Русск. Вѣст. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 18. — Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, введ. стр. XX. XXI. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 326. — Побѣдоносцевъ, Запѣт. для ист. крѣп. права. Рус. Вѣс. августъ 1858 г. 2, стр. 578.

402. Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, стр. 176.

403. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 18. — Лазіеръ, Русск. Геральд. ист. русск. двор. стр. 69. — Градовскій, Реценз. на соч. «монаст. прик.» Русс. Вѣс. августъ 1868 г. стр. 618.

404. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 238; т. 22, стр. 112. — Побѣдоносцевъ, Запѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. июнь 1858 г. кн. 2, стр. 486, августъ кн. 2, стр. 578. — Градовскій, Реценз. на соч. «монаст. прик.» Рус. Вѣс. августъ 1868 г. стр. 618.

405. Побѣдоносцевъ, Запѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. июнь 1858 г. кн. 2, стр. 486.

406. Кавелинъ, Мысли и запѣт. о русск. истор. Вѣстн. Евр. январь 1866 г. стр. 366.

407. Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 238. 238. — Побѣдоносцевъ, Запѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. июнь 1858 г. кн. 2, стр. 486.

408. Побѣдоносцевъ, Запѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. июнь 1858 г. кн. 2, стр. 477.—Указъ 23 марта 1714 г. 6 г. въ Полн. Собр. Зак. № 2789.

409. Устряловъ, Истор. царств. Петра Вел. т. 1, стр. 176. — Побѣдоносцевъ, Запѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. августъ 1858 г. кн. 2, стр. 578. 579. — Кавелинъ, Ист. разв. русск. поряд. закон. наслѣдов. стр. 10.

410. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, 161. — Устряловъ, Истор. царств. Петра Вел. т. 1, стр. 176. — Безобразовъ, Аристокр. и матер. дворянства. Русск. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 112.—Кавелинъ, Ист. разв. русск. поряд. закон. наслѣдов. стр. 40. — Побѣдоносцевъ, Запѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. августъ 1858 г. кн. 2, стр. 578. 579. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 64.

411. Кавелинъ, Ист. разв. русск. поряд. закон. наслѣдов. стр. 10. 27. 39. 41.

412. Тамъ же, стр. 36 — 38.

413. Тамъ же, стр. 9. 10. 23. 35. 38. 39.

414. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 366.

415. Кавелинъ, Ист. разв. русск. поряд. закон. наслѣдов. стр. 38. 39.

416. Тамъ же, стр. 39.

417. Кавелинъ, Мысли и запѣт. о русск. исторіи. Вѣстн. Евр. июль 1866 г. стр. 397.—Кавелинъ, Истор. разв. русск. поряд. закон. наслѣдов. стр. 39.

418. О нѣкоторыхъ условіяхъ, способствующихъ умноженію народнаго капитала, Бабста. Москва, 1857 г. стр. 18. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 241. — Побѣдоносцевъ, Запѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. июнь 1858 г. кн. 2, стр. 477.

419. Татары, въ длинный періодъ господства своего надъ сѣверо-восточною частію древней Россіи, называли русскихъ земледѣльцевъ, лично свободныхъ тогда, но постоянно бѣдныхъ, крестьянами, т. е. «христіавами»

но въ худомъ, варварскомъ смыслѣ: татары поносили русскихъ сямъ немъ. (Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 129).

420. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 221; т. 10, стр. 120. — Арсеньевъ. Начерт. стат. Росс. государ. ч. 2, стр. 87. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 53.

421. Побѣдоносцевъ, Замят. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. июнь 1858 г. кн. 2, стр. 479,

422. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 412. 418. — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10, стр. 120.—Костомаровъ, Начало единов. въ др. Руся. Вѣстн. Евр. декабрь 1870 г. стр. 558. — Калачовъ, Очеркъ истор. быта великорус. крестьянъ. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. стр. 49—52. — Ешевскій, Русск. колониз. сѣверо-вост. края. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. стр. 245.

423. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 412. 413; т. 13, стр. 129; т. 20, стр. 226.— Побѣдоносцевъ, Замят. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. июнь 1858 г. кн. 1 стр. 218. 237; кн. 2, стр. 477.

424. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 413; т. 13, стр. 131. — Побѣдоносцевъ Замят. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. июнь 1858 г. кн. 1, стр. 211. 218. 236.— Ешевскій, Рус. колониз. сѣверо-вост. края. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. стр. 246. — Калачовъ, Очеркъ историч. быта велико-русск. крест. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. стр. 52.

425. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 413. — Побѣдоносцевъ. Замят. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. июнь 1858 г. кн. 2, стр. 477. — Калачовъ, Очеркъ ист. быта велико-русск. крест. Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. кн. 1, стр. 52.

426. Соловьевъ, И. Р. т. 8, стр. 54.

427. Тамъ же, стр. 332.

428. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 10. стр. 120.—Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 335.— Безобразовъ, Аристокр. и интер. дворянс. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 112. — Побѣдоносцевъ, Замят. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. июнь 1858 г. кн. 1, стр. 213, кн. 2, стр. 477; августъ—кн. 2, стр. 579.

429. Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 413; т. 13, стр. 80. 88. — Безобразовъ, Аристокр. и интер. дворянс. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 112. 113. 116. — Побѣдоносцевъ, Замят. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. июнь 1858 г. кн. 1, стр. 211, кн. 2, стр. 485.

430. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 7, стр. 129; т. 10, стр. 120. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 335. — Побѣдоносцевъ, Замят. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. июнь 1858 г. кн. 1, стр. 235, кн. 2, стр. 478.

431. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 213; т. 9, стр. 262.—Лешковъ, Разд. Росс. на губери. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 326. — Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 66. 94. 95. — Костомаровъ, Смутн. врем. москов. госуд. Вѣстн. Евр. июнь 1867 г. кн. 2, стр. 39. — Градовскій, Реценз. на соч. «монаст. приказъ». Рус. Вѣс. августъ 1868 г. стр. 615.

432. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 66. 79. 323; т. 14, стр. 104. — Лавиеръ. Русск. Геральд. ист. русск. двор. стр. 50.

433. Соловьевъ, И. Р. т. 6, стр. 384; т. 9, стр. 355. 356. — Соловьевъ, Историч. письма. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 218. 219. 228. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 56.

434. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 12, «О древней и новой Россіи», стр. XLV.— Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 329. — Безобразовъ, Аристокр. в интер. дво-

ряис. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 112.—Слово «шляхетство», какъ наименование цѣлаго сословія, и «дворянствъ», какъ наименование отдѣльнаго его члена, встрѣчаются въ первый разъ въ одномъ указѣ 1712 года, которымъ повелѣно: сказать всему *шляхетству*, чтобъ каждый *дворянинъ* (какой бы фамиліи ни былъ) почестъ и первое мѣсто давалъ каждому офицеру. (Полн. Собр. Зак. № 2,467).

435. Соловьевъ, И. Р. т. 16, стр. 285; т. 18, стр. 140. — Лакіеръ, Русск. Геральд. ист. русск. двор. стр. 76.

436. Словарь русскаго языка, составленный Академіею Наукъ. 1847 г.; въ немъ объяснено слово «чинъ». — Щебальскій, О Россіи, какою остав. ее Петръ I. Рус. Вѣс. январь 1858 г. кн. 1, стр. 14.

437. Лешковъ, Раздѣл. Россіи на губерны. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 358. 359.—Паденіе Сперанскаго. Богдановича. Вѣстн. Евр. декабрь 1868 г. стр. 496.

438. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 179. — Арсеньевъ, Начертан. статист. Росс. госуд. ч. 2, стр. 27.

439. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 12. «О древней и новой Россіи», стр. XLVII.—Арсеньевъ, Начерт. статист. Росс. госуд. ч. 2, стр. 28. 29.

440. Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 218.—Арсеньевъ, Начерт. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 28. 29.

441. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 6, стр. 214. — Полевой, Истор. Петра Вел. ч. 1, стр. 34.

442. Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 329.

443. Арсеньевъ, Начерт. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 29.

444. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 324; т. 18, стр. 139. 140, примѣч. 59.—Соловьевъ, Историч. письма. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 227.—Полн. Собран. Зак. № 3,890. — Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи, Грота, 1872 г. стр. 24. 25.

445. Кавелинъ, Мысли и замѣт. о русск. истор. Вѣстн. Евр. іюнь 1866 г. стр. 388. — Гротъ, Петръ Вел., какъ просвѣтитель, стр. 42. — Лекція профес. Градовскаго, о славянофильствѣ. Сиб. Вѣдом. 15 марта 1873 г. № 81. — Отечество. Зап. сентябрь 1867 г. кн. 2, стр. 274.

446. Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 254. 255.—Соловьевъ, Историч. письма. Рус. Вѣс. мартъ 1859 г. кн. 1, стр. 27. — Арсеньевъ, Начерт. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 29.

447. Лешковъ, Разд. Россіи на губерны. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 358. 359. — Арсеньевъ, Начерт. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 29. 30.

448. Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 232.—Арсеньевъ, Начерт. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 30.

449. Чиназъ бригадира уничтоженъ въ 1799 году (Пол. Собр. Зак. № 19,968).

450. Въ образованныхъ въ 1731 году, при Дняѣ Іоанновѣ, кирасирскихъ полкахъ капитаны переименованы въ ротмистры.

451. Въмѣсто капитанъ-поручиковъ по пѣхотѣ и артиллеріи и секундъ-ротмистровъ по кавалеріи, учреждены въ 1797 и 1798 годахъ: по пѣхотѣ, артиллеріи и въ драгунахъ штабъ-капитаны, а въ гусарскихъ и кирасирскихъ полкахъ — штабъ-ротмистры (Полн. Собр. Зак. №№ 17,716 и 18,746).

452. Корнетъ былъ первый оберъ-офицерскій чинъ въ гусарскихъ полкахъ, получившій названіе это при Павлѣ I, въ 1796 году (Полн. Собран.

Зак. № 17,542); въ слѣдующемъ же 1797 году повелѣно было — первые оберъ-офицерскіе чины провіантскаго вѣдомства именовать прапорщиками (Полн. Собр. Зак. № 18,031).

453. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмины крѣпостнаго права. Романовичъ — Славатинскаго. 1870 г. стр. 220.

454. Соловьевъ, И. Р. т. 15, стр. 380.

455. Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 188 — 140; т. 20, стр. 258. — Богдановичъ, Паденіе Сперанскаго. Вѣстн. Евр. декабрь 1868 г. стр. 495. — Романовичъ-Славатинскій, Дворянст. въ Россіи, стр. 223.

456. Богдановичъ, Паденіе Сперанскаго. Вѣстн. Евр. декабрь 1868 г. стр. 495.

457. Полн. Собр. Зак. №№ 3,264 и 3,978.

458. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 258. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 15. 223—225. — Въ послѣднее время, чины потеряли прежнее отношеніе къ должностямъ, существовавшее при Петрѣ Великомъ, и къ разиѣрамъ сопряженнаго съ должностями содержанія. Теперь не вслкій, возводимый въ высшій чинъ, получаетъ чрезъ то болѣе широкія служебныя права, болѣе обширный кругъ дѣятельности и болѣе значительное содержаніе. Слѣдовательно, названія чиновъ не только не выражаютъ уже должностей, но и самыя должности эти относятся обыкновенно по росписаніямъ къ одному изъ XIV классовъ, значащихся въ таблицѣ о рангахъ 24 января 1722 года. Притомъ же должности даются чинамъ часто независимо отъ чина того, кто ихъ получаетъ, и лица съ сравнительно высшими чинами занимають низшія должности, и обратно. Еще военные офицеры получаютъ жадованье по чинамъ; но въ гражданской службѣ оклады вознагражденія опредѣляются не чиномъ, а занимаемою должностію. При такомъ установившемся порядкѣ, самое производство въ чины имѣеть извѣстные предѣлы: служащее лицо, по чинамъ существующимъ правиламъ, можетъ быть опредѣлено къ должности, по классу высшей противъ настоящаго носимаго имъ чина, и въ такомъ случаѣ, лицо это повышается въ чинахъ по расчету времени его службы въ занимаемой должності, но лишь до того класса, къ которому по росписанію отнесена его должность. (Примѣчаніе это составлено на основаніи свѣдѣній, напечатанныхъ, относительно чиновъ, въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: въ Правительственномъ Вѣстникѣ, 14 октября 1869 года № 222; въ Русскомъ Инвалидѣ, 3 апрѣля 1869; и въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, 25 августа 1872 г. № 233).

459. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 273. 274.

460. Побѣдоносцевъ, Запѣт. для ист. кр. права. Рус. Вѣс. августъ 1858 г. стр. 548. — Гротъ, Петръ Великій какъ просвѣт. Россіи, стр. 10. 25. — Полевой, Истор. Петра Великаго. ч. 1, стр. 343. 344, 350. — Щербальскій, о Россіи какою оставилъ ее Петръ I. Рус. Вѣс. январь 1858 г. кн. 1, стр. 22. — Петръ Великій, послѣдній царь московскій и первый императоръ всероссійскій. Петрова. С.-Петербургъ, 1872 г. стр. 50. — Русская Старина, мартъ 1873 г. стр. 409. 410.

461. Исключеніе. составляютъ только два случая: пожалованіе въ 1709 Петра Апраксина честию боярства, и возведеніе Юшкова въ окольничіе въ 1711 году (Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 9). — Установленные чины древнихъ бояръ — старшихъ, большихъ и просто бояръ, а

также окольныхчихъ, соответствовали классамъ таблицъ о рангахъ 1722 года: бояре старшіе II, большіе и окольныхчіе III, а бояре безъ прилагательнаго IV. (Арсеньевъ, Начер. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 29).

462. Соловьевъ, И. Р. т. 9, 365; т. 15, стр. 87. — Полевой, Истор. Петра Вел. ч. 1, стр. 350.

463. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 7—10.

464. Полн. Собр. Зак. № 5.058.

465. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 223. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 6—8.

466. Полн. Собр. Зак. № 8,510. — Романовичъ-Славатинскій. Двор. въ Россіи, стр. 227.

467. Полн. Собр. Зак. № 23,559.

468. Табелъ о рангахъ 24 января 1722 г. пункт. 11, въ Полн. Собр. Зак. № 3,890. — Полн. Собр. Зак. № 3,705. — Соловьевъ, И. Р. т. 16, стр. 201; т. 18, стр. 140. — Жалованная дворянству грамота 21 апрѣля 1785 г. § 3, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187. — Арсеньевъ, Начер. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 42, 45.

469. Табелъ о рангахъ пункт. 15, въ Полн. Собр. Зак. № 3,890. — Жалован. дворянс. грам. 21 апрѣля 1785 г. § 19, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187. — Арсеньевъ, Начер. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 45.

470. Указъ 31 января 1724 г. — Жалован. дворянс. грам. 21 апрѣля 1785 г. § 21, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187. — Арсеньевъ, Начер. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 45.

471. Россійская родословная книга, князя Долгорукаго. С.-Петербургъ, 1854 г. ч. 2, стр. 234.

472. Табелъ о рангахъ, пункт. 16, въ Полн. Собр. Зак. № 3,890. — Дѣявія Петра Великаго Голицына, дополн. т. 3, стр. 241.

473. Романовичъ-Славатинскій, Дворян. въ Россіи, стр. 28, 29.

474. Лакіеръ, Русск. Геральд. ист. русск. гербовъ, кн. 2, стр. 77, 199, 326.

475. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 32.

476. Табелъ о рангахъ, въ Полн. Собр. Зак. № 3,890. — Лакіеръ, Русск. Геральд. ист. русск. герб. кн. 2, стр. 326.

477. Табелъ о рангахъ, въ Полн. Собр. Зак. № 3,890. — Лакіеръ, Русск. Геральд. — ист. русск. герб. кн. 2, 77, 343.

478. Табелъ о рангахъ, въ Полн. Собр. Зак. № 3,890. — Лакіеръ, Русск. Геральд. — ист. русск. герб. кн. 1, стр. 203.

479. Огеч. Зал. ноябрь 1865 г. стр. 57, 58. — Романовичъ-Славатинскій. Дворянс. въ Россіи, стр. 36—38.

480. Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, прилож. XII на стр. 393,

481. Романовичъ-Славатинскій, Дворян. въ Россіи, стр. 38, 40 — Лакіеръ, Русск. Геральд. кн. 2, стр. 551, 552, 560.

482. Романовичъ-Славатинскій, Дворян. въ Россіи, стр. 36, 39.

483. Тамъ же, стр. 40.

484. Соловьевъ, И. Р. т. 16, стр. 201. — Полн. Собр. Зак. № 2,467.

485. Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 140. — Устряловъ, Р. И. ч. 3, стр. 160. — Табелъ о рангахъ, пункт. 3, 4, въ Полн. Собр. Зак. № 3,890

486. Лешкова, Раздѣл. Россіи на губерв. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн.

2, стр. 335. 336. — Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 140. — Устряловъ, Р. И. ч. 3, стр. 160.

487. Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 139. 140. примѣч. 59.

488. Гротъ, Петръ Вел. какъ просвѣт. стр. 24. — Лакіеръ, Русск. Геральд. ист. русск. дворян. стр. 77. — Вооруженныя силы Россіи, Фадѣева. Рус. Вѣс. апрѣль 1867 г. стр. 433.

489. Романовичъ-Славатинскій, Дворянс. въ Россіи, стр. 17.

490. Тамъ же, стр. 26. 68.

491. Лешковъ, Раздѣл. Россіи на губери. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 329. 368. — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 12, «о древн. и новой Россіи», стр. XLV. — Соловьевъ, И. Р. т. 4, стр. 224. 237. 238; т. 9, стр. 355. — Безобразовъ, Арист. и интер. дворянс. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 115. — Костомаровъ, Начало единов. въ др. Руси, Вѣстн. Евр. ноябрь 1870 г. стр. 45.

492. Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 227. — Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 3, стр. 350. — Безобразовъ, Арист. и интер. двор. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 115.

493. Соловьевъ, Ист. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 219. — Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, введеніе, стр. XXI. — Побѣдоносцевъ, Запѣт. для ист. кр. права, Рус. Вѣс. августъ 1858 г. кн. 2, стр. 581. — Безобразовъ, Арист. и интер. двор. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 115.

494. Соловьевъ, Ист. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 229. — Безобразовъ, Арист. и интер. двор. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 115. — Петровъ, Петръ Великій и проч. стр. 71. — Указъ 1712 года въ Полн. Собр. Зак. № 2,467.

495. Указъ 23 марта 1714 г. въ Полн. Собр. Зак. № 2,789. — Докладъ 31 декабря 1730 г. въ Полн. Собр. Зак. № 5,653. — Соловьевъ, И. Р. т. 16, стр. 200; т. 19, стр. 273. 274.

496. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 233. 234. — Соловьевъ, Истор. письма. Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 232.

497. Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 234.

498. Лакіеръ, Русск. Геральд. ист. русск. двор. стр. 76.

499. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 224.

500. Безобразовъ, Арист. и интер. двор. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 115. — Романовичъ-Славинскій, Дворянс. въ Россіи, стр. 66. 68. 70. 492.

501. Вѣстн. Евр. 1866 г. т. 3, стр. 30. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 27. 44. 45. — Соловьевъ, И. Р. т. 7, стр. 10. 11.

502. Соловьевъ, И. Р. т. 13, стр. 321. 322.

503. Полн. Собр. Зак. №№ 120 и 1,219.

504. Полн. Собр. Зак. № 11,340.

505. Полн. Собр. Зак. №№ 12,029 и 14,033.

506. Жалован. дворянс. грам. 21 апрѣля 1785 г. §§ 3. 76 — 92. въ Пол. Собр. Зак. № 16,187. — По § 92 жалов. двор. грам., 15 неоспоримыхъ доказательствъ дворянскаго состоянія признаваемъ были: 1) пожалованныя грамоты на дворянство; 2) дворянскія родословныя книги и списки, содержимыя Герольдіею; 3) пожалованныя отъ государей гербы; 4) патенты на чины, приносящіе дворянское достоинство; 5) доказательства, что кавалер-

скій російскій орденъ особу украшалъ; 6) доказательства чрезъ жалованныя и похвальныя грамоты; 7) указы на пожалованіе земель и деревень; 8) верстаніе въ прежнее время по дворянской службѣ помѣстьями; 9) указы или грамоты на пожалованіе помѣстьевъ въ вотчинны; 10) указы или грамоты на пожалованныя деревни и вотчинны, хотя бы оныя были изъ рода; 11) указы, наказы или грамоты, данныя дворянину, на посольство, посланничество или иную посылку; 12) доказательство о дворянской службѣ предковъ и написаніи въ прежнихъ десятняхъ *) пѣть дворянъ и дѣтей боярскихъ; 13) доказательство, что отецъ и дѣдъ вели благородную жизнь, или состояніе, или службу, сходственную съ дворянскимъ званіемъ; 14) купчія, закладныя, радныя и духовныя о дворянскомъ имѣніи; 15) доказательство, что отецъ и дѣдъ владѣли деревнями.

507. Миллеръ, Извѣс. о дворян. російскихъ, стр. 47. — Отеч. Записки ноябрь 1865 г. стр. 57. 59.

508. Соловьевъ, И. Р. т. 1, стр. 248.

509. Археологическій съѣздъ въ Петербургѣ 14 декабря 1871 г. С.-Петербург. Вѣдом. 17 декабря 1871 г. № 347.

510. Миллеръ, Изв. о дворян. російск. стр. 2. — Устряловъ, Р. И. ч. 2, стр. 323.

511. Манифестъ 18 февраля 1762 г. въ Полн. Собр. Зак. № 11,444. — Безобразовъ, Аристокр. и интер двор. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 115.

512. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 4. 27. 44. 234.

513. Жалован. дворянс. грамота 21 апрѣля 1785 г. §§ 1. 91, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи стр. 72. 73.

514. Соловьевъ, И. Р. т. 5, стр. 437; т. стр. 10. 11.

515. Полн. Собр. Зак. № 3,869. — Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 243. 244.

516. Полн. Собр. Зак. № 10,558. — Побѣдоносцевъ, Замѣт. для ист. кр. права, Рус. Вѣс. августъ 1858 г. кн. 1, стр. 581.

517. Полн. Собр. Зак. № 11,444.

518. Жалов. двор. грам. 21 апрѣля 1785 г. §§ 1. 91, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.

519. Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 133. — Полн. Собр. Зак. №№ 3,810. 3,874. 3,877. 3,896.

*) Въ засѣданіи археологическаго съѣзда въ Петербургѣ, 14 декабря 1871 года, Н. В. Кадичовъ читалъ, о десятняхъ записку, въ которой, между прочимъ, говорятъ, что *десятьями* назывались записныя книги раздачамъ денежнаго жалованья, соответственно денежнымъ окладамъ дворянъ и боярскихъ дѣтей каждаго города, съ обозначеніемъ итоговъ суммъ, которыя при этомъ раздавались. Сверхъ этого основнаго содержанія, въ нѣкоторыхъ десятняхъ вносились еще разнообразныя свѣдѣнія. Такъ, напр., отиѣчалось въ нихъ: по сколько у служилыхъ помѣстной или вотчинной земли; по сколько крестьянъ; каковъ служилый собою — добръ или худъ, хорошъ ли въ службѣ и какую можетъ нести — конную или пѣшую, дальнюю или ближнюю; а если ни какой не можетъ, то почему; есть ли у него дѣти и какихъ лѣтъ; какіе онъ совершилъ подвиги въ сраженіяхъ, или во время городского сидѣнья, и т. п. Очевидно, что десятни составляли собою письменныя памятники, посвященныя древній бытѣ дворянства. Они хранились въ Разрядномъ приказѣ, управляемъ прежними служилыми людьми. (Сиб. Вѣдом. 17 декабря 1871 г. № 347).

520. Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2 стр. 223. 230. — Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, стр. 176. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 116, 117. 120. 132. — Полн. Собр. Зак. № 3,980, книга штатовъ, ч 1, стр. 80.

521. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 12, «О древ. и нов. Россіи», стр. XLV. — Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 3, стр. 348. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 128.

522. Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 4, стр. 481. 493.

523. Соловьевъ, И. Р. т. 16, стр. 201. — Указъ 1714 г. въ Полн. Собр. Зак. № 2,775 и указъ 1719 г. въ Полн. Собр. Зак. № 3,265.

524. Указъ о гражд. службѣ 1714 г. въ Полн. Собр. Зак. № 2,796. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 116. 133.

525. Полн. Собр. Зак. № 12,949, гл. XV. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 133. 140.

526. Полн. Собр. Зак. № 3,987.

527. Полн. Собр. Зак. №№ 4,449. 4,457. 8,534, гл. XXXVI. — Генеральный регламентъ 1720 г.

528. Полн. Собр. Зак. № 7,201. — Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 176. 177.

529. Полн. Собр. Зак. № 8,043. — Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 226. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 134. 139.

530. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 140.

531. Указъ 23 марта 1714 г. о майоратѣ въ Полн. Собр. Зак. № 2,789. — Устряловъ, Ист. царств. Петра Вел. т. 1, прилож. XII. — Побѣдоносцевъ, Запѣт. для ист. кр. права, Рус. Вѣс. августъ 1858 г. кн. 2, стр. 579.

532. Безобразовъ, Аристокр. и интер. двор. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 117. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 117. 152. — Крестьянскій вопросъ, Елизьева, Отеч. Зап. мартъ 1869 г. стр. 161.

533. Полн. Собр. Зак. № 2,879. — Щебальскій, о Россіи, какою оставилъ ее Петръ I, Рус. Вѣс. январь 1858 г. кн. 1, стр. 31.

534. Полн. Собр. Зак. № 2,879.

535. Полн. Собр. Зак. № 4,659.

536. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 153.

537. Побѣдоносцевъ, Запѣт. для ист. кр. права, Рус. Вѣс. августъ 1858 г. кн. 2, стр. 579.

538. Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 223. 232.

539. Гротъ, Петръ Вел. какъ просвѣт. Россіи, стр. 31.

540. Отеч. Зап. декабрь 1869 г. стр. 451.

541. Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 139. 191. — Безобразовъ, Аристокр. и интер. двор. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 116.

542. Соловьевъ, И. Р. т. 16, стр. 201; т. 20, стр. 276. — Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 223. 224. 233. — Щебальскій, О Россіи, какою остав. ее Петръ I, Рус. Вѣс. январь 1858 г. кн. 1, стр. 31. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 117.

543. Костомаровъ, Нач. единод. въ др. Руси, Вѣстн. Евр. декабрь 1870 г. стр. 557. — Первая эпоха преобраз. Александра I. Богдановича, Вѣстн. Евр. мартъ 1866 г. кн. 1, стр. 156

544. Безобразовъ, Аристокр. и интер. двор. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 115.
545. Устряловъ, Ист. царств. Петра Велик. т. 2, стр. 315.
546. Соловьевъ, И. Р. т. 16, стр. 204. 205.
547. Полн. Собр. Зак. № 2,968. — Романовичъ-Славатинскій. Двор. въ Россіи, стр. 128. 171.
548. Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 138. 191.
549. Тамъ же, стр. 191, примѣч. 127.
550. Тамъ же, стр. 246; т. 20, стр. 229; т. 22, стр. 264. 277. — Очеркъ царствованія Елисаветы Петровны. Ешевскаго, Отеч. Зап. май 1868 г. стр. 17 и июль стр. 10.
551. Полн. Собр. Зак. №№ 4,863, 6,949. 7,170.
552. Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 313, примѣч. 283.
553. Соловьевъ, И. Р. т. 19, стр. 276; т. 22, стр. 324—326, примѣч. 260.
554. Тамъ же, стр. 275. 276, примѣч. 250; т. 22, стр. 331. — Соловьевъ, Ист. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 232.
555. Соловьевъ, И. Р. т. 19, стр. 276; т. 22, стр. 331. 332.
556. Тамъ же, стр. 272. 276. 277; т. 23, стр. 336. — Ешевскій, Очеркъ царств. Елисаветы Петровны. Отеч. Зап. июль 1868 г. стр. 61.
557. Романовичъ-Славатинскій. Двор. въ Россіи, стр. 173.
558. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 233. 234. 453, примѣч. 204.—Соловьевъ, Историч. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 232
559. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 176. 177, примѣч. 85. — Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 233.
560. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 253, примѣч. 218.
561. Соловьевъ, И. Р. т. 22, стр. 285; т. 23, стр. 338.—Ешевскій, Очеркъ царств. Елисаветы Петровны. Отеч. Зап. июль 1868 г. стр. 9.
562. Соловьевъ, И. Р. т. 22, стр. 333. 334.
563. Ешевскій, Очерк. царств. Елисаветы Петровны, От. Зап. июль 1868 г. стр. 61.
564. Соловьевъ, И. Р. т. 23, стр. 336—341, примѣч. 197. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 81. 83.
565. Полн. Собр. Зак. № 10,553. — Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 233.
566. Манифестъ 18 февраля 1762 г. пунктъ 7, въ Полн. Собр. Зак. № 11,444. — Очеркъ царствованія Петра III. М. Семеновскаго, Отеч. Зап. августъ 1867 г. стр. 675. — Устряловъ, Р. И. ч. 3, стр. 287.
567. Полн. Собр. Зак. № 11,696.
568. Тамъ же, № 12,471.
569. Тамъ же, № 21,691.
570. Соловьевъ, И. Р. т. 22, стр. 320. — Эйлеръ, замѣчательный ученый нѣмецъ, пріѣхалъ по приглашенію въ Россію, для занятій въ академіи наукъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны, онъ былъ профессоромъ высшей математики. Въ академіи, съ основанія ея, смѣнились уже четыре президента; но у всѣхъ ихъ самымъ довѣреннымъ и несмѣляемымъ лицомъ былъ бібліотекаръ и совѣтникъ канцеляріи, Шумахеръ. Онъ забралъ власть въ свои руки, и всѣ академич. должны были находиться въ его распоряженіи. Лучшіе изъ нихъ не скрывали неудовольствія на такой порядокъ вещей, жаловались на враждебнаго имъ человека; но какъ послѣдній, не смотря на то, оставался на своемъ мѣстѣ, то эти ученые иностранцы, въ

числѣ которыхъ былъ и Эйлеръ, найдя для себя оскорбительнымъ быть подъ управленіемъ такого лица, котораго не могли они уважать ни за ученые его заслуги, ни за нравственныя достоинства, при первой представившейся возможности, оставили академію и уѣхали изъ Россіи (Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 285. 239; т. 22, стр. 324).

571. Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. ян 2, стр. 223.

572. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 182—184.

573. Соловьевъ, И. Р. т. 9, стр. 256; т. 20, стр. 174. 274.— Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 187. 189.

574. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 175. 176, примѣч. 84.— Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. стр. 229. 230.

575. Соловьевъ, И. Р. т. 20, стр. 274.

576. Семевскій, Очеркъ царств. Петра III, Отеч. Зап. августъ 1867 г. стр. 767. 768.— Ешевскій, Очеркъ царств. Елисаветы Петровны, Отеч. Зап. май 1868 г. стр. 53. 56.

577. Петръ III вступилъ на престолъ 25 декабря 1761 года, лишивъ престола 28 июня 1762 года; слѣдовательно царствовалъ 6 мѣсяцевъ и 3 дня.

578. Манифестъ 18 февраля 1762 г. § 8, въ Полн. Собр. Зак. № 11.444.

579. Это постановленіе манифеста 18 февраля 1762 г. имѣетъ довольно частое примѣненіе и въ теперешнее время. Не рѣдко встрѣчаемъ мы въ приказахъ по военному вѣдомству, что такой-то производится со старшинствомъ на основаніи манифеста 18 февраля 1762 года.

580. Полн. Собр. Зак. № 11.444.— Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 193.

581. Безобразовъ, Арист. и интер. двор. Рус. Вѣс. январь 1859 г. стр. 115. 116.— Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 192. 267.

582. Комиссію эту составляли: графъ Бестужевъ, гетманъ Разумовскій, дядька графъ Воронцовъ, дѣйстви. тайн. сов. князь Шаховской, обер-гофмаршалъ Панинъ, генералъ-аншефъ графъ Чернышевъ, князь Волковской и генералъ-адмиралъ графъ Орловъ; а для содержанія протокола назначенъ былъ дѣйстви. стат. совѣтъ. Телловъ. (Наказъ импер. Екатерины II о сочиненіи проекта новаго уложенія, Елисева, Отеч. Зап. январь 1868 г. стр. 85. 89.— Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 197).— Полн. Собр. Зак. № 11,751.

583. Жалованная дворянству грамота, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.— День пожалованія дворянству грамоты (21 апрѣля 1785 г.) былъ днемъ годовщины рожденія импер. Екатерины II. Она родилась 21 апрѣля 1729 г., въ Штеттинѣ.— Елисеевъ, Наказ. импер. Екатерины II, Отеч. Зап. январь 1868 г. стр. 85.— Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи стр. 198. 199.

584. Чичеринъ, Духов. и дог. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1867 г. стр. 64.— Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 212, примѣч. 70.

585. Жалов. дворянст. грам. §§ 17. 18. 19. 20, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.

586. Тамъ же, §§ 15. 16.

587. Тамъ же, — 21 — 26. 33. 34.

588. Тамъ же. — 26 — 32.

589. Тамъ же, — 35. 36.

590. Тамъ же, §§ 5. 6. 8 14.
591. Тамъ же, — 17.
592. Тамъ же — 18.
593. Тамъ же, — 19.
594. Полн. Собр. Зак. № 12,289.
295. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 215. 217. 219.
596. Манифестъ 18 февраля 1762 г. § 8, въ Полн. Собр. Зак. № 11,444.
597. Полн. Собр. Зак. № 12,289.
598. Полн. Собр. Зак. № 16,586.
599. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 221.
600. Полн. Собр. Зак. №№ 13,596. 13,760.
601. Тамъ же, № 11,066.
603. Тамъ же, № 12,973.
603. Тамъ же, № 13,857.
604. Тамъ же, № 16,930.
605. Тамъ же, № 11,614 и къ нему штаты военно-сухопутные.
606. Тамъ же, № 16,960.
607. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 229.
608. Соловьевъ, И. Р. т. 22, стр. 277.—Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 229. 230.
609. Генеральный регламентъ, гл. 13. — Табелъ о рангахъ нумк. 18, въ Полн. Собр. Зак. № 3,890. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 269.
610. Ешевскій, Очеркъ царств. Елисавети Петровны, Отеч. Зап. июль 1868 г. стр. 9. 10.
611. Полн. Собр. Зак. № 10,650, § 1.
612. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 234.
613. Жалов. двор. грам. §§ 15. 16, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.
614. Полн. Собр. Зак. № 2,789. — Соловьевъ, И. Р. т. 16, стр. 199. 200. примѣч. 187. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 239.
615. Побѣдоносцевъ, Запѣт. для ист. вр. права, Рус. Вѣс. августъ 1858 г. кн. 2, стр. 579. — Кавелинъ, Мысли и замѣт. о рус. ист. Вѣстн. Евр. июль 1866 г. стр. 397.
616. Устряловъ, Р. И. ч. 2. стр. 279; ч. 5, стр. 193. 194. — Кавелинъ Историч. разв. рус. порядк. закон. наследованія, стр. 10. 27. 40. — Чичеринъ, Дух. и дог. грам. Рус. Вѣс. мартъ 1857 г. стр. 64.
617. Копорье — городъ съ крѣпостью былъ на берегу финляндскаго залива между Ораніенбаумомъ и Нарвой. — Ямбургъ, городъ при р. Наровѣ, противъ города Нарвы.
618. Лешковъ, Раздѣл. Россіи на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 341. — Указъ 18 декабря 1708 г. въ Полн. Собр. Зак. № 2,218.
619. Полн. Собр. Зак. № 3,464. — Романовичъ-Славатинскій, Дворян. въ Россіи, стр. 244.
620. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 245 — 247.
621. Полн. Собр. Зак. № 15,447.
622. Жалов. двор. грам. §§ 33. 34, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.
623. Соловьевъ, И. Р. т. 16, стр. 199. 200. — Соловьевъ, Истор. письма, Рус. Вѣс. май 1858 г. кн. 2, стр. 227.

624. Соловьевъ, И. Р. т. 16, стр. 199. 200, примѣч. 187. — Полн. Собр. Зак. № 2,789.
625. Полн. Собр. Зак. № 5,653. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 251. 252.
626. Жалов. двор. грам. § 22, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.
627. Соловьевъ, И. Р. т. 18, стр. 265 — 267. — Безобразовъ, Аристокр. и интер. двор. Рус. Вѣс. январь 1859 г. кн. 1, стр. 115.
628. Табель о рангахъ пунк. 11. 15, въ Полн. Собр. Зак. № 3,890. — Жалов. двор. грам. § 19, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.
629. Межевма инструкція 1754 и 1776 года. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 240.
630. Жалов. двор. грам. § 21, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187. — Побѣдоносцевъ, Запѣт. для вст. кр. права, Рус. Вѣс. августъ 1858 г. кн. 2, стр. 580.
631. Кавелинъ, Истор. развит. рус. поряд. закон. наследованія, стр. 40—Побѣдоносцевъ, Запѣт. для вст. кр. права, Рус. Вѣс. августъ 1858 г. кн. 2, стр. 578. 579.
632. Жалов. двор. грам. § 23, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.
633. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 257.
634. Полн. Собр. Зак. № 5,342.
635. Тамъ же, №№ 10,261. 19,918.
636. Объ аристократіи, дворянствѣ и мѣщанствѣ, Отеч. Зап. февраль 1866 г. кн. 1, стр. 502.
637. Жалов. двор. грам. §§ 27. 32, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.
638. Полн. Собр. Зак. № 16,328.
639. Тамъ же, № 16,914.
640. Тамъ же, № 3,245.
641. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 266.
642. Жалов. двор. грам. §§ 35. 36, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187. — Лешковъ, Разд. Россіи на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 368.
643. Жалов. двор. грам. § 65, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.
644. См. выше примѣч. подъ № 434. — Карамзинъ, И. Г. Р. т. 8, стр. 69.
645. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 402. 490.
646. Арсеньевъ, Начер. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 159.
647. Губерніи эти были: 1) Московская, 2) Новгородская, 3) Архангельская, 4) Нижегородская, 5) Воронежская, 6) Кіевская, 7) Бѣлогородская. 8) Смоленская, 9) Каванская, 10) Оренбургская, 11) Астраханская, 12) Сибирская, 13) С.-Петербургская, 14) Выборгская, 15) Ревельская, 16) Рижская, (Арсеньевъ, Начер. стат. Росс. госуд., ч. 2, стр. 160).
648. Указъ 18 декабря 1708 г., въ Полн. Собр. Зак. № 2,218. — Указъ 16 іюня 1719 г., въ Полн. Собр. Зак. № 3,390. — Лешковъ, Раздѣл. Росс. на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 339 — 340. — Арсеньевъ, Начер. стат. Рос. госуд. ч. 2, стр. 159.
649. Слово «губернаторъ» впервые встрѣчается въ указѣ 16 апрѣля 1702 г. (П. С. З. № 1,910), устанавливающимъ правила для вызова иностранцевъ въ Россію и для поселенія ихъ массами, съ обѣщаніемъ безопасности, простора, привилегій; а слово «губернія» впервые примѣняется къ Ингерманландіи (петерб. губер.) по указу 17 ноября 1707 г. (П. С. З.

№ 2,168), вычисляющему дворы въ городахъ и уѣздахъ на пространствахъ петербургской губерніи. (Лешковъ, Раздѣл. Росс. на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 340).

650. Указы: января 1719 г. (П. С. З. №№ 3,294. 3,296); 16 июня 1719 г. (П. С. З. № 3,390); 9 сентября 1719 г. (П. С. З. № 3,421).—Лешковъ, Разд. Росс. на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 345. 346.

651. Полн. Собр. Зак. № 14,392. — Лешковъ, Разд. Россіи на губерніи, Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 356. 358. 361.

652. Указъ 15 июня 1781 г., въ Полн. Собр. Зак. № 15,171.—Арсеньевъ. Начерт. стат. Рос. госуд. ч. 2, стр. 161. 162. 163. 167.

653. Росписаніе, по указу 15 июня 1781 г., всѣхъ губерній, съ присоединеніемъ къ нимъ вновь образованныхъ — шести губерній изъ Курляндіи, Литвы и Польской украины, и, сверхъ того, двухъ областей, — представляется въ слѣдующемъ порядкѣ: *Губерніи*: 1) Московская, 2) Петербургская, 3) Выборгская, 4) Тверская, 5) Новгородская, 6) Псковская, 7) Смоленская, 8) Могилевская, 9) Полоцкая, 10) Орловская, 11) Курская, 12) Харьковская, 13) Воронежская, 14) Тамбовская, 15) Рязанская, 16) Тульская, 17) Калужская, 18) Ярославская, 19) Вологодская, 20) Владимирская, 21) Костромская, 22) Нижегородская, 23) Вятская, 24) Пермская, 25) Тобольская, 26) Колыванская, 27) Иркутская, 28) Уфимская, 29) Симбирская, 30) Казанская, 31) Пензенская, 32) Саратовская, 33) Астраханская, 34) Азовская, 35) Новороссійская, 36) Кіевская, 37) Черниговская, 38) Полтавская, 39) Рижская, 40) Ревельская, 41) Вознесенская, 42) Брацлавская, 43) Изяславская, 44) Мнѣнская, 45) Литовская, 46) Курляндская. *Области*: 47) Таврическая, 48) Земля донскихъ казаковъ. (Арсеньевъ, Начерт. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 161 — 163).

654. Лешковъ, Раздѣл. Россіи на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 358. 359. — Арсеньевъ, Начерт. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 168 — 173.

655. Устряловъ, Р. И. ч. 4, стр. 150. — Лешковъ, Раздѣл. Россіи на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 348. 356.

656. Устряловъ, Р. И. ч. 4, стр. 151. 152. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 491, 492.

657. Орденъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія основанъ императрицею Екатериною II въ 1769 году, единственно для мужей, отличившихся знаменитыми подвигами и заслугами на поприщѣ воинскомъ; онъ раздѣленъ на четыре класса и состоитъ изъ золотого креста съ бѣлой финифтью, носимаго на лентѣ о трехъ черныхъ и двухъ желтыхъ полосахъ. Затѣмъ, въ 1782 году, въ память совершившагося двадцатилѣтія своего коронованія, Екатерина II учредила орденъ св. равноапостольнаго князя Владимира для отличнѣйшихъ особъ по части гражданской и военной; онъ раздѣляется также на четыре класса, или степени, состоитъ изъ золотого креста съ темной финифтью и носится на лентѣ красной съ черными по сторонамъ краями. (Арсеньевъ, Начерт. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 35. 36).

658. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 12, «О древн. и нов. Россіи», стр. XLVII.

659. Устряловъ, Р. И. ч. 4, стр. 151.—Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 426.

660. Жалов. двор. грам. § 38, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.

661. Арсеньевъ, Начерт. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 42.—Романовичъ-Славатинскій. Двор, въ Россіи, стр. 432.
662. Жалов. двор. грам. §§ 39—48. 54. 66, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.
636. Тамъ же, §§ 56. 57. 65.—Арсеньевъ, Начерт. стат. Росс. госуд. ч. 2, стр. 42.
664. Полн. Собр. Зак. № 14,816.
665. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 411. 415.
666. Жалов. двор. грам. §§ 67. 85, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.
667. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи; стр. 457.
668. Жалов. двор. грам. § 67, въ Полн. Собр. Зак. № 16,187.
669. Тамъ же. § 85.
670. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 464.
671. Лешковъ, Раздѣл. Россіи на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 356. 365. — Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 420.
672. Лешковъ, Раздѣл. Россіи на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 363.
673. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 465 — 470. 490.
674. Лешковъ, Раздѣл. Россіи на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 360. — Книга штатовъ гражд., таблица 1 — 14.
675. Романовичъ-Славатинскій, Двор. въ Россіи, стр. 492. 493.
676. Лешковъ, Раздѣл. Россіи на губер. Рус. Вѣс. ноябрь 1859 г. кн. 2, стр. 365.
677. Полн. Собр. Зак. № 16,025.
678. Карамзинъ, И. Г. Р. т. 12, «О древней и новой Россіи» стр. XLVII.

ОПЕЧАТКИ.

<i>На страницъ:</i>	<i>въ строкъ:</i>	<i>напечатано:</i>	<i>слѣдуетъ читать:</i>
iv	ii	5	25
10	8	кнззз	кнззз
10	19	творзз	творззз
13	31	34	43
18	13	кнзззскзз	кнзззскзз
23	12	скончавшаго	скончавшагося
66	3	Юанновчѣ	Юанновчѣ
108	1	10	108
131	12	по пользовался	не пользовался
158	10	зазрудневіе	затрудневіе
208	13	Геральд.	Геральд.
208	45	кнззз	кнззз

—————

Цѣна 1 руб. 50 коп.
Съ пересылкою 1 руб. 75 коп.